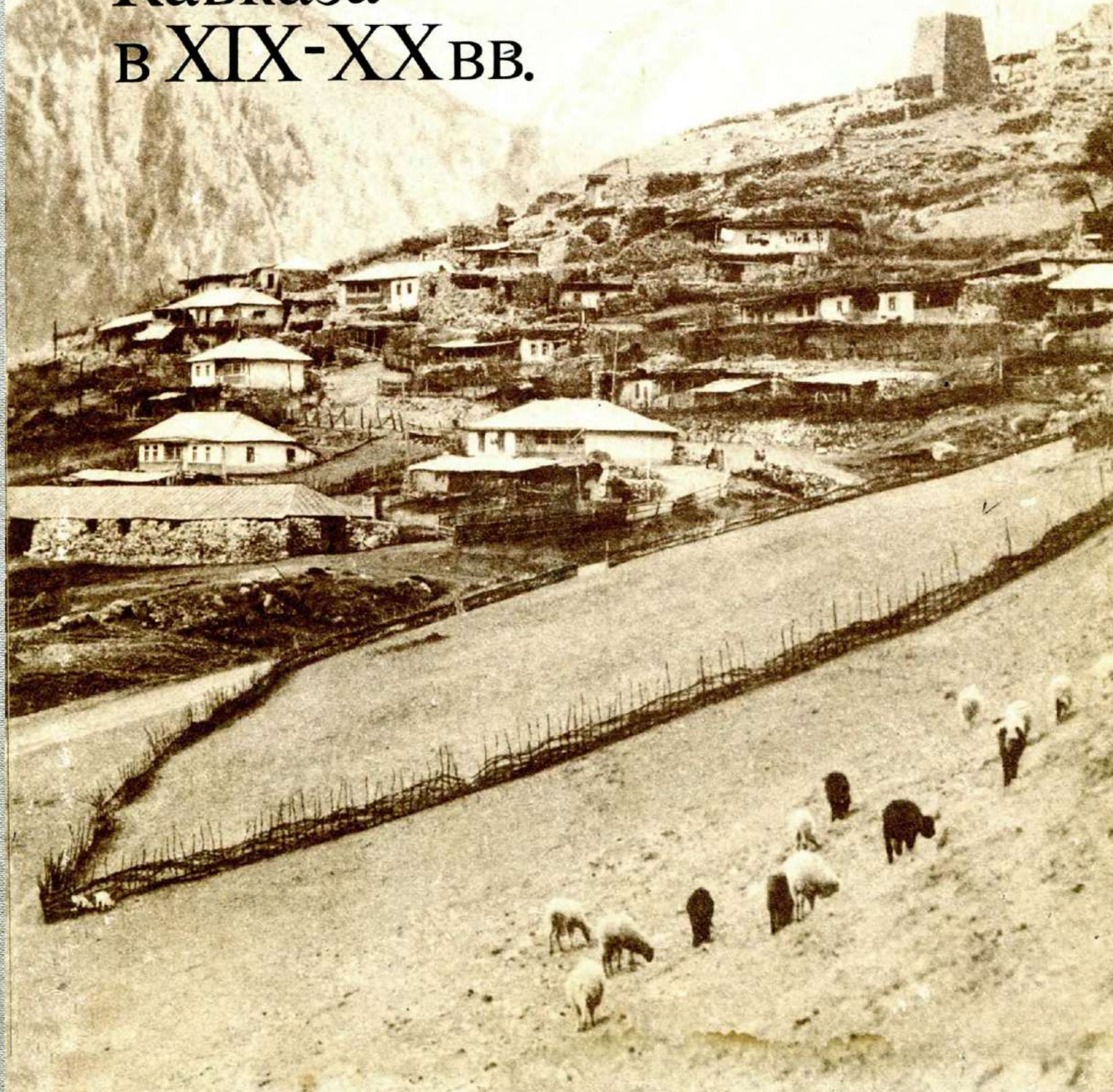
Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв.

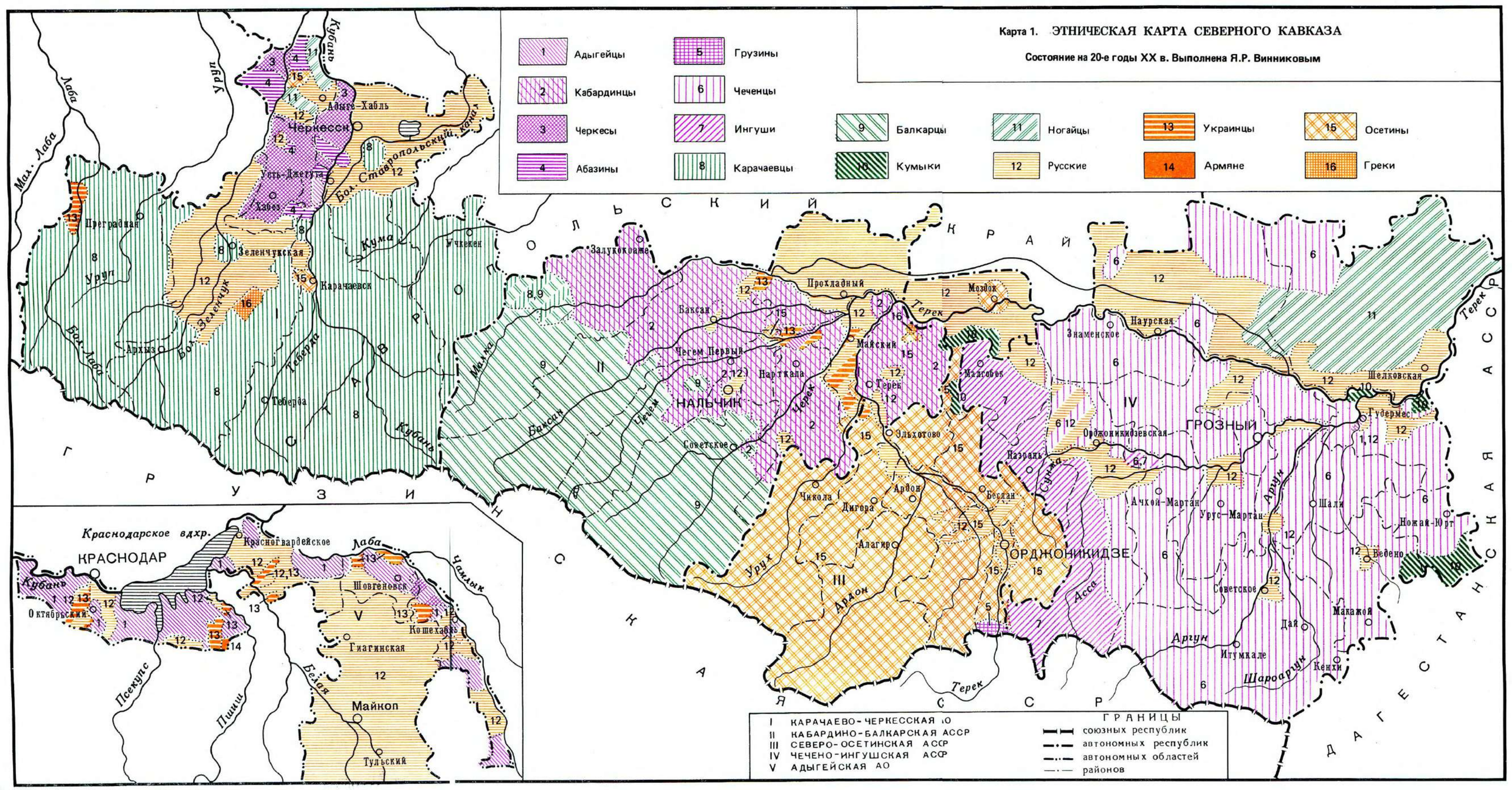
В.П.Кобычев

Отсканировано
в октябре 2014 года
специально для
эл. библиотеки паблика
«Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

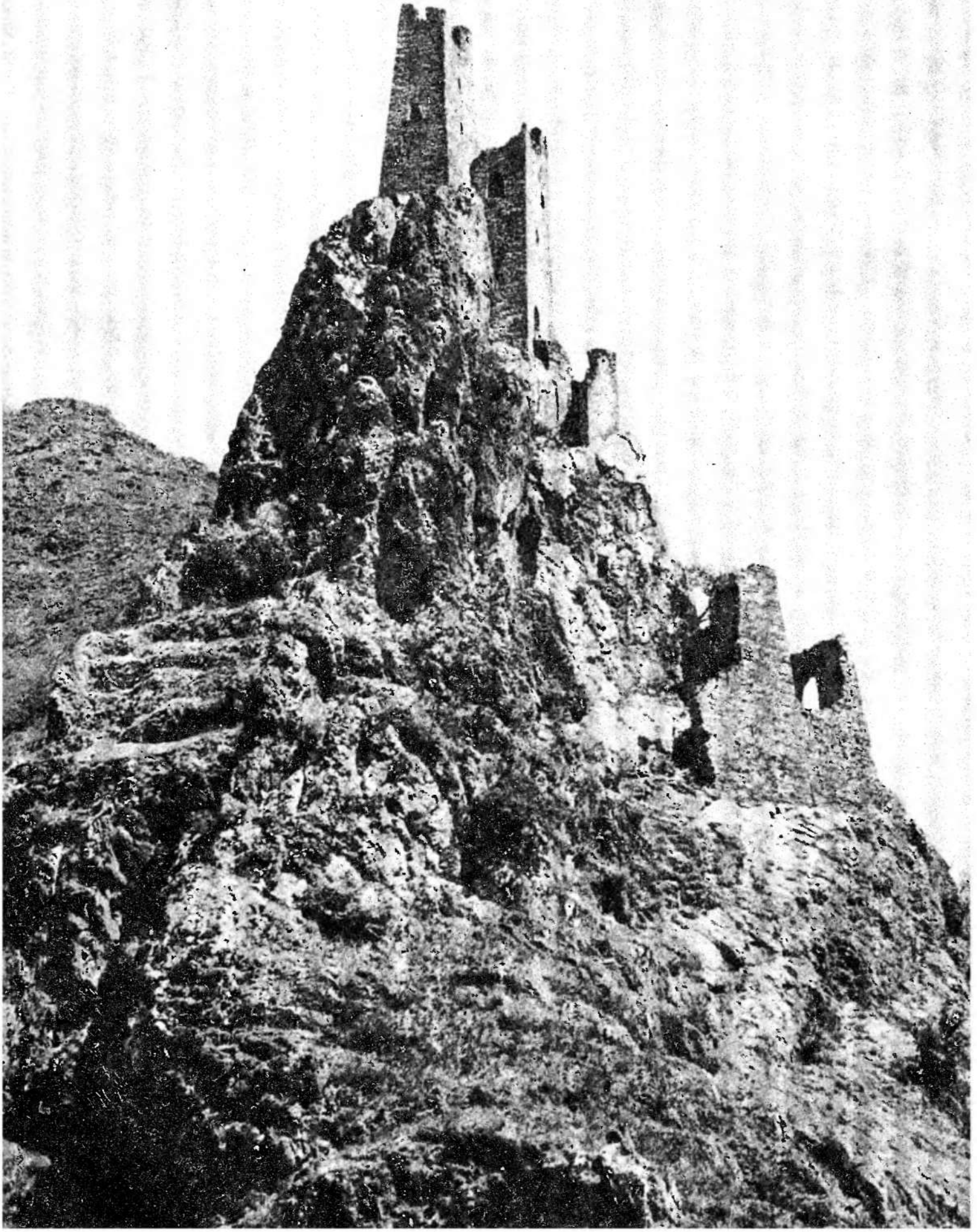
Скангонд æрцыд
2014 азы октябры
сæрмагондæй паблик
«Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

Карта 1. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
Состояние на 20-е годы XX в. Выполнена Я.Р. Винниковым
1 Адыгейцы
2 Кабардинцы
3 Черкесы
4 Абазины
5 Грузины
6 Чеченцы
7 Ингуши
8 Карачаевцы
9 Балкарцы
10 Кумыки
11 Ногайцы
12 Русские
13 Украинцы
14 Армяне
15 Осетины
16 Греки
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Майкоп
НАЛЬЧИК
ГРОЗНЫЙ
ОРДЖОНИКИДЗЕ
Черкесск
Карачаевск
Теберда
Архыз
Прохладный
Малгобек
Эльхотово
Беслан
Ардон
Дигора
Чикола
Алагир
Знаменское
Наурская
Шелковская
Гудермес
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шали
Ножай-Юрт
Веденo
Итумкале
Кенхи
Дай
Макажой
Советское
Казрань
Ордженикидзевская
Майский
Нарткала
Чегем Первый
Залукокоаже
Баксан
Прохладный
Моздок
Учкекен
Зеленчукская
Усть-Джегута
Адыге Хабль
Хабез
Преградная
Красногвардейское
Шовгеновск
Гиагинская
Кошехабль
Тульский
Октябрьский
I КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ АО
II КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ АССР
III СЕВЕРО-ОСЕТИНСКАЯ АССР
IV ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКАЯ АССР
V АДЫГЕЙСКАЯ АО
ГРАНИЦЫ
союзных республик
автономных республик
автономных областей
районов
Кубань
Урупа
Лаба
Мал. Лаба
Бол. Лаба
Бол. Зеленчук
Теберда
Кума
Малка
Баксан
Чегем
Черек
Урух
Ардон
Гизель
Асса
Сунжа
Аргун
Шароаргун
Терек
Белая
Пшиш
Псекупс
Чамлык
Кубанский
Бол. Ставропольский канал
ГРУЗИИ
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ
ДАГЕСТАНСКАЯ АССР
ЧЕЧЕНСКАЯ АССР
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКАЯ АССР
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ АССР
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

Академия
наук
СССР

Институт
этнографии
имени
Н.Н.Миклухо-Маклая

Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв.

В.П.Кобычев

Издательство «Наука»
Москва 1982

Художники книги,
авторы
иллюстраций

Г.Д. Коняхина
В.И. Филиппов

Фотосъемка
для данного издания

Г.А. Аргиропуло
С.Н. Иванов
В.П. Кобычев

Ответственный
редактор

В.К. Гарданов

К $\frac{0508000000-250}{042(02)-82}$ 167–82

© Издательство "Наука", 1982 г.

От автора

Предлагаемая работа представляет собой итог многолетних исследований автора, проводимых в рамках подготовки регионального Кавказского историко-этнографического атласа. В основе монографии лежит полевой этнографический материал, собранный в 1960–1978 гг. в республиках и областях Северного Кавказа. Привлечены также имеющиеся по теме литературные материалы и архивные источники.

В соответствии с характером издания в монографии представлено картографирование материала, позволяющее наглядно отобразить пространственное распространение тех или иных исследуемых объектов и их элементов.

Для того чтобы выявить изменения в поселениях и жилищах в хронологическом плане, карты даются по трем важнейшим историческим периодам. Первый период – это середина XIX в. В это время материальная культура горцев в основном сохраняла свою самобытность, отражающую особенности общественных отношений так называемого "горского феодализма".

Вторая серия карт охватывает конец XIX – начало XX в. и фиксирует изменения в характере поселений и жилищ, происшедшие в пореформенное время в результате развития на Северном Кавказе капиталистических отношений и усилившегося проникновения в среду горцев русской культуры.

Третья серия карт дает представление о переменах, которые претерпели поселения и жилища народов региона за годы Советской власти.

В качестве основы картографирования для дореволюционного периода взято административное деление на округа и отделы на начало XX в., а для советского периода – районы в границах 1950-х – начала 1960-х годов, соответственно конечному периоду исследования. Для середины XIX в. в качестве основы картографирования принята та же административная сетка, что и для пореформенного периода. Это вызвано тем, что административное деление Кавказа в первой половине XIX в. было значительно менее дробным, что практически исключает возможность сопоставления картируемых материалов с более поздними.

Необходимо, однако, оговориться, что общепринятое для историко-этнографических атласов административное деление в качестве основы для картографирования (которому следуем и мы в настоящей монографии) сопряжено с некоторыми издержками, поскольку не отражает специфику рельефа. На Кавказе, например, значительная часть современных районов (так же как и дореволюционных отделов и округов) объединяет в своих границах как горную, так и равнинную зоны. Поэтому, несмотря на детальную градацию исследуемых объектов по количеству (преобладающие, бытующие, единичные), нанесенные на карты значки представляют собой усредненные показатели, не учитывающие различий в характере поселений и жилищ, связанных с влиянием природных условий. Этот недочет общепринятой методики картографирования этнографических атласов по административным единицам выправлен в текстовой части монографии, где описание ведется применительно к конкретным народам и среде обитания.

Многие вопросы, касающиеся особенностей поселений и жилищ региона на разных этапах их развития, в этнографической литературе еще недостаточно выяснены, и в ходе исследования зачастую приходилось собирать материал в буквальном смысле по крупицам, прежде чем иметь возможность с уверенностью выставить на карте тот или иной значок.

Существенным дополнением к описанию служит иллюстративный материал. Преобладающая часть фотографий выполнена в разные годы с натуры автором и фотографами Института этнографии Ю.А. Аргиропуло и С.Н. Ивановым. Штриховые рисунки сделаны художником Г.Д. Коняхиной частью с натуры, частью перерисованы со старых фотографий и изданий. Макет издания составлен художником В.И. Филипповым.

Итогом исследования явилась разработка сводной типологии жилища региона, в основу которой положен комплекс наиболее показательных признаков, дающий возможность в известной мере систематизировать многообразие форм народного зодчества Северного Кавказа. В числе этих признаков – планировка в горизонтальном и вертикальном разрезе, форма крыши и материал стен, имеющий важное значение в условиях разнообразного рельефа края.

Автор выражает надежду, что проделанная им работа сможет послужить отправной точкой для дальнейших более углубленных изысканий в данной области, конечным результатом которых будет создание обобщающего историко-этнографического атласа всего Кавказа.

Введение

Северный Кавказ в природно-климатическом и историко-этнографическом отношениях представляет собой особую область, во многом отличную от двух других сопредельных частей Кавказа – Закавказья и Дагестана.

Территория региона имеет форму почти правильного прямоугольника, вытянутого в широтном направлении более чем на 800 км, а в поперечном – в среднем на 150 км. Южную границу Северного Кавказа составляет Главный Кавказский хребет, западную – побережье Черного моря. На востоке р. Аксай отделяет Северный Кавказ от Дагестана. На севере географическая граница несколько размыта. Чаще всего ее проводят от Ростова и далее по Кума-Манычской впадине, но такое разграничение сугубо условно и связано с существующим административно-территориальным делением. Более определенна этнографическая граница, в большей своей части совпадающая с бассейнами рек Кубани и Терека в их средней и нижней части. Именно эту границу принято брать во внимание в этнографической науке при определении широтной протяженности края.

С орографической точки зрения Северный Кавказ резко делится на две различные зоны – горную и равнинную, или плоскостную. Последняя представляет собой всхолмленную, слегка покатую к северу равнину, пересекаемую невысокими хребтами и отрогами Центрального горного массива.

Горную зону образуют несколько последовательно возвышающихся хребтов – Пастбищный, Лесистый, Скалистый и Боковой, которые тянутся параллельно Главному хребту. С юга на север эти хребты пересекают глубокие ущелья, по дну которых текут быстрые горные реки, питаемые снегами Главного и Бокового хребтов и подпочвенными водами. Длина ущелий от нескольких десятков километров в западной части края до ста и более километров в средней и восточной частях края (Кубанское, Баксанское, Аргунское ущелья). В сетке хребтов и ущелий имеется множество высокогорных долин и распадков, освоенных человеком с глубочайшей древности, примерно со среднего палеолита[1]. Хребты укрывают высокогорные долины от проникновения северных ветров, и поэтому в большинстве их, несмотря на значительную высоту (от 1000 до 2500 м), вполне возможно занятие земледелием. Но особенно ценны высокогорные луга, позволяющие содержать многотысячные стада скота[2].

Равнинные земли края славятся плодородием своих прекрасных черноземных почв. К тому же сравнительно мягкая зима, непродолжительный и неглубокий снеговой покров позволяют и в зимнее время выпасать здесь скот почти без подкормки. Таким образом, горы и примыкающая к ним предгорная равнина в хозяйственном отношении как бы дополняют друг друга, поэтому между горцами и степняками издавна существовали самые тесные экономические связи.

Особенности рельефа и местоположение края на перепутье между Европой и Азией, на границе степей, служивших в течение тысячелетий торной дорогой кочевников, двигавшихся с востока на запад и с севера на юг, оказали решающее воздействие на формирование этнического состава края. Замкнутый характер горных долин способствовал изоляции осевшего здесь в глубокой древности аборигенного населения и обособлению его в отдельные, территориально мало связанные друг с другом коллективы и общины. С другой стороны, в периоды бурных исторических потрясений в степях, в горах искали и обретали спасение остатки разбитых и изгнанных с равнины племен и народов, что еще больше увеличивало пестроту этнического состава.

В настоящее время на Северном Кавказе насчитывается 10 коренных народов, которые говорят на языках, относящихся к трем различным языковым семьям: собственно кавказской, индоевропейской и тюркской (урало-алтайской). Народы, говорящие на кавказских языках, в свою очередь подразделяются на две самостоятельные группы: адыгскую (сюда условно можно отнести и абазин, родственных абхазам, язык которых входит вместе с адыгским в одну абхазо-адыгскую группу) и вайнахскую. В первую группу входят абазины, адыгейцы, черкесы и кабардинцы, во вторую – чеченцы и ингуши. Носителями индоевропейской речи являются осетины, говорящие на языке иранской группы. На тюркских языках говорят ногайцы и два близкородственных между собой народа – карачаевцы и балкарцы.

Народы, говорящие на кавказских языках, относятся к числу наиболее ранних насельников края. Их происхождение можно проследить с периода неолита и ранней бронзы. В эту пору на Северном Кавказе существовала так называемая майкопская раннеметаллическая культура, сходная с синхронной куро-аракской культурой Закавказья, что позволяет говорить об определенном этнокультурном единстве всего Кавказа на заре бронзового века[3]. В последующие периоды развитой бронзы и раннего железа происходит дальнейшее обособление отдельных групп местного населения на ряд локальных подразделений, в составе которых и складываются окончательно существующие в настоящее время северокавказские этноязыковые общности. Процесс этот в известной мере отразился и на материальной культуре

Рис. 1. Тип поселения в горах Северо-Западного Кавказа. XIX в. Сел. Джазлык. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.

края, которая со временем становится все более сложной и дробной по своей структуре[4].

Появление ираноязычного населения принято связывать с вторжением на Северный Кавказ скифских, главным образом сарматских племен, среди которых важнейшую роль играли аланы, известные здесь с первых веков нашей эры. Аланы заняли почти всю предкавказскую равнину, оттеснив прежнее кавказоязычное население в глубь гор. В начале позднего средневековья у алан возникло свое государство, которое просуществовало вплоть до монгольского нашествия.

Судя по дошедшим до нас памятникам архитектуры той поры и отзывам современников, Алания была страной "возделанной и населенной"[5]. Масуди, арабский географ X в., писал об аланском царстве, что оно представляет собой беспрерывный ряд поселений, настолько смежных, "что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов"[6]. В то же время в политическом отношении Алания была типичным феодальным раздробленным государством, в котором, по словам доминиканского монаха Юлиана, посетившего страну в канун монгольского нашествия, шла "постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле, вместе косят на смежных участках и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой-либо другой работы, всегда идут вместе и вооруженными..."[7]

В первой половине XIII в. разрозненная, раздираемая междуусобиями Алания подверглась нашествию татаро-монголов. Все ее поселения на плоскости были ими разрушены, а население перебито. Спаслись только те, кто успел укрыться в горах. Аланское государство и аланская народность фактически прекратили свое существование, несмотря на то что отдельные укрепленные пункты и бежавшие в горы жители еще долгое время продолжали сопротивление и часто совершали дерзкие вылазки[8].

Археологические материалы, в частности распространение катакомбных захоронений, показывают, что аланы и прежде проживали в горах в тесном соседстве с древним аборигенным населением, по-видимому, вайнахоязычного происхождения. В результате новой волны ираноязычных пришельцев местное кавказоязычное население постепенно было ими полностью ассимилировано, в результате чего в горной полосе центральной части Северного Кавказа образовалась новая осетинская народность, в которой органически слились оба указанных компонента с преобладанием в языке элементов индоевропейской речи.

Вместе с аланами в горы бежала и часть половцев, до прихода татаро-монголов кочевавших в северокавказских степях. Арабский историк Ибн ал-Асир, современник описываемых событий, сообщает, что из числа разбитых половцев "одни укрылись в болотах, другие – в горах"[9]. Под "болотами здесь, – пишет Л.И. Лавров, – видимо, следует подразумевать плавни и низины устьев Кубани и Терека, а под "горами" – ущелья Центрального Кавказа, где в настоящее время проживают тюркоязычные карачевцы и балкарцы"[10]. До прихода половцев в этих местах обитали аланы и какие-то местные кавказоязычные племена, а возможно, также остатки гунно-болгарских племен, о чем свидетельствует сванское наименование балкарцев "савьяр" и грузинское "басиане"[11] (савиры – ветвь гуннов[12], басиане, басилы, барсилы – одно из болгарских племен[13]). У всех этих племен возобладал половецкий язык.

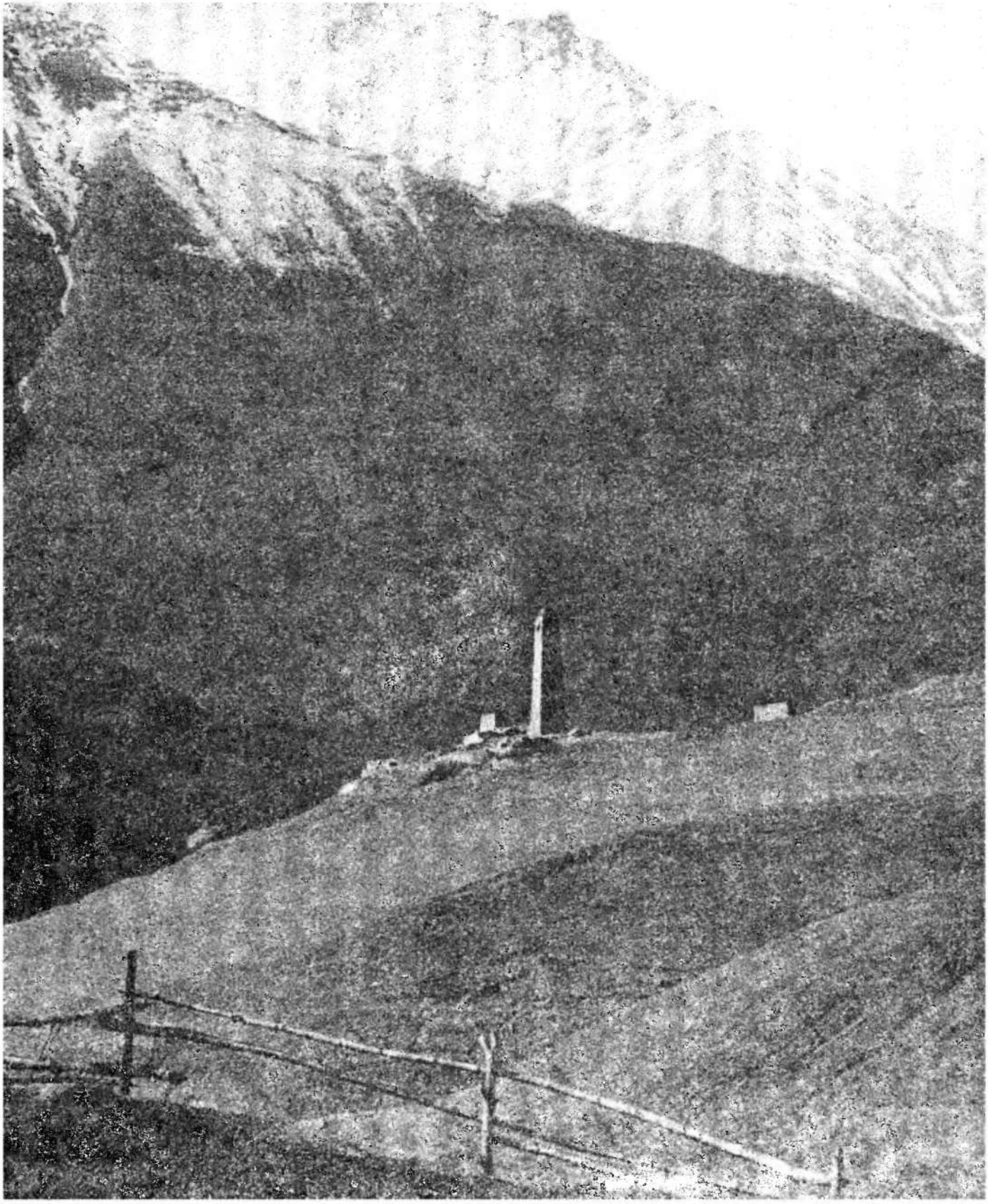
Крушение Аланского государства и начавшиеся вскоре феодальные распри среди золотоордынских ханов позволили адыгским племенам продвинуться из Закубанья на восток и занять освободившиеся земли в междуречье Кубани и Терека. Обосновавшиеся здесь адыги получили впоследствии наименование кабардинцев, или пятигорских черкес. Произошло это, судя по археологическим материалам, в течение XIV–XV вв. Грузинский историк Вахушти Багратиони, писавший во второй половине XVIII в., следующим образом охарактеризовал сложившуюся этническую и политическую ситуацию в центральной части Северного Кавказа: "Во время же походов Чингизовых хаканов, особенно же Батыя и Орхана, разорились и опустошились города и строения их (речь идет об аланах, по-грузински – овсов. – *В.К.*), и царство овсов превратилось в мтаврство – княжество, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть страны их превратилась в пустыню... и с тех пор Овсетия стала называться Черкесией или Кабардой"[14].

В 1395 г. Северный Кавказ подвергся новому опустошительному нашествию со стороны полчищ среднеазиатского эмира Тимура. Одним из важнейших последствий этого погрома было дальнейшее ослабление Золотой Орды (незадолго до того уже потерпевшей тяжелое поражение от русских князей на Куликовом поле) и отделение от нее ряда племен во главе с темником Ногаем. В Ногайскую орду вошли наряду с монгольскими племенами также ряд кипчакских (половецких) племен, кочевавших на огромном пространстве от Иртыша до Северного Кавказа. Преобладание в составе ногайцев тюркских элементов обусловило языковую и культурную ассимиляцию монголов, которые с течением времени окончательно растворились в тюркской среде. Один автор первой половины XIV в. в связи с этим писал: "Они (монголы. – *В.К.*) смешались и породнились с ними [кипчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали, точно кипчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого что монголы поселились в земле кипчаков, вступили в брак с ними и остались жить в земле их"[15].

Другим значительным следствием нашествия Тимура было движение с Черноморского побережья (из района между р. Бзыбь и г. Туапсе) на северные склоны Кавказского хребта абазинских племен, занявших опустевшие земли по течению рек Лабы, Урупа, обоих Зеленчуков и Кубани. Переселение абазин вынудило, в свою очередь, карачаевцев уйти из района Теберды, где они до того проживали (согласно их преданиям), далее на восток, в ущелье р. Баксана, а затем уже оттуда – к истокам Кубани, в места их современного расселения[16]. Таким образом, к исходу XVII в. завершилось формирование этнического состава населения Северного Кавказа в его современном виде.

С XVI в. и вплоть до конца XVIII в. Северный Кавказ становится объектом постоянной экспансии со стороны султанской Турции и ее вассала – Крымского ханства. От набегов последнего больше всего страдали адыгские (черкесские) племена и кабардинцы, которые занимали равнинные земли и были вынуждены покупать свободу

Рис. 2. Северный Кавказ. Типичный горный пейзаж в пределах обитаемой зоны. Окрестности сел. Салги ЧИАССР. Фото автора 1970 г.

и независимость тяжелой данью, нередко "живым товаром" – своими женами, сестрами и дочерьми. В поисках опоры в борьбе с Крымским ханством адыгские князья в середине XVI в. обратились к Московскому государству, границы которого к этому времени придвинулись вплотную к Северному Предкавказью. В течение 1554–1557 гг. русское подданство приняли большинство черкесских и кабардинских князей, а вместе с ними и находившиеся под их властью абазины, балкарцы, карачаевцы.

Одновременно с народами Северного Кавказа в состав Русского государства вошли и некоторые ногайские племена, в том числе в 1574 г. так называемые Большие и Малые Ногаи.

Наметившиеся в конце XVI в. связи народов Северного Кавказа с Россией в последующем столетии, вследствие ослабления Московского государства в период смутного времени, оказались нарушенными и вновь возобновились лишь во второй половине XVIII в. К этому времени границы Русского государства подошли вплотную к предгорьям Северного Кавказа. В результате русско-турецкой войны по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Северный Кавказ официально был включен в состав Российской империи.

Присоединение к России было важным прогрессивным актом, оказавшим всестороннее воздействие на всю последующую политическую, социальную и экономическую жизнь горцев. Оно способствовало втягиванию Северного Кавказа во всероссийский рынок, послуживший основой развития в крае во второй половине XIX в. капиталистических отношений. Великая Октябрьская революция открыла перед народами Северного Кавказа новые перспективы, дав возможность в кратчайший срок преодолеть вековую отсталость и совершить скачок к социалистическому обществу.

* * *

Источники и литература по вопросу о формировании и развитии поселений и жилищ народов Северного Кавказа весьма ограничены. Для ранних этапов истории – это почти исключительно археологические материалы, которые на сегодня оставляют желать много лучшего. Особенно скудны наши сведения о поселениях и жилище населения горной полосы. Фактически здесь приходится более оперировать аналогиями и догадками, чем точными данными[17]. Причина этого заключена в недостаточной археологической изученности горных районов и почти в полном отсутствии письменных известий. Так, например, от периода античности мы располагаем всего лишь одним кратким известием Страбона (I в. н.э.) о том, что некоторые из жителей северной покатости Кавказских гор "вследствие холодов" проживают в пещерах[18]. Следующее по времени сообщение относится уже к раннему средневековью и принадлежит сирийскому церковному писателю Захарии Ритору (VI в. н.э.), который утверждает, что в его время на Северном Кавказе имелась развитая городская жизнь, несмотря на то что большая часть земель на равнине принадлежала кочевым скотоводческим племенам[19]. К сожалению, ни опровергнуть, ни тем более подтвердить оба эти сообщения мы в настоящее время не в состоянии. Можно лишь предполагать, что под "городами" в последнем сообщении следует видеть скорее всего укрепленные пункты – убежища, в которых местное население укрывалось в случае вражеского нападения.

Столь же отрывочны и невыразительны письменные известия о поселениях и жилище народов края, восходящие к позднему средневековью. Среди них заслуживают внимания сведения арабского географа ал-Муккадаси (X в.) о характере жилища в хазарском городе Семендере[20], который предположительно локализуется в нижнем течении Терека, на территории современной Чечено-Ингушской АССР[21].

В канун монгольского нашествия Северный Кавказ посетил проездом венгерский миссионер Юлиан, который оставил интересное свидетельство о необычайно плотном заселении основной территории средневековой Алании[22], подтверждаемое также археологическими материалами[23].

В связи с походом на Северный Кавказ среднеазиатского завоевателя Тимура до нас дошло несколько скупых сообщений об особенностях расположения поселений местного населения в горной полосе центральной части Северного Кавказа. Некоторые из поселений находились на столь недоступной высоте, что у смотревших на них, по словам Шереф-ад-дина Йезди, "мутился глаз и шапка валилась с головы"[24].

В XV–XVII вв. Северный Кавказ посещают ряд европейских путешественников и русских посольств, в описаниях и отчетах которых содержатся порой весьма любопытные подробности относительно устройства поселений и жилища различных народов края.

Монгольское нашествие и последующие походы Тимура привели фактически к полному разорению прежней земледельческой культуры и к уничтожению проживавшего на равнине аланского населения. Новые насельники северокавказской равнины – кабардинцы и другие адыгские племена, опасаясь постоянных набегов Крымского ханства, перешли к скотоводческому по преимуществу хозяйству и полукочевому образу жизни. По свидетельству Тавернье, проезжавшего через степи Северного Кавказа в середине XVII в., кумыки и соседние с ними черкесы устраивали свои поселения в безлесной местности в виде табора, или круга, сооружая жилище из пучков камыша и других облегченных материалов[25]. По словам другого путешественника конца XV – начала XVI в. итальянца Г. Интериано, у адыгов существовало даже своего рода предубеждение против постройки прочных жилищ, характерное для кочевников-скотоводов[26].

В противоположность этому те же адыги, обитавшие в Причерноморье, по описанию турецкого путешественника Эвлии Челяби (середина XVII в.), возводили прочные поселения в густых лесах, обнося их крепким тыном с башнями по углам или же окружая их завалом из деревьев[27]. В горных районах в это время развивается каменное зодчество, как об этом можно судить на основании статейных списков русских послов[28].

Со второй половины XVIII в. можно говорить о качественно новом этапе в изучении Северного Кавказа, связанном с деятельностью русской Академии наук, по инициативе которой организуется несколько научных экспедиций с целью систематического исследования природы и жизни народов края. Одновременно резко возрастает поток разнообразной информации, исходящей от кавказской администрации и других официальных учреждений. Наиболее ценными являются разного рода военно-топографические и статистико-экономические обзоры и обследования, рапорты о военных действиях, в которых содержатся нередко и данные по поселениям и жилищу коренного населения. Часть этих материалов в дореволюционные и советские годы была опублико-

вана[29], другая хранится в центральных и местных республиканских и областных архивах[30].

Примерно с середины XIX в. появляются первые обобщающие труды, посвященные суммарному описанию отдельных народов края, среди которых можно отметить исследования А.П. Берже[31], Н.Ф. Грабовского[32], Г. Вертепова[33], Е. Максимова[34], А.Н. Дьячкова-Тарасова[35], С.В. Фарфоровского[36], Н.С. Иваненкова[37] и др. Особую ценность представляют работы исследователей и бытописателей из среды горской интеллигенции, как правило, хорошо знавшей быт своего народа; их произведения отличаются точностью и подробностью описаний[38]. Близки к ним произведения мемуарной литературы, особенно авторов, которым довелось какое-то время жить среди горцев[39].

В годы первой мировой войны выходит в свет первое и единственное в дореволюционной кавказоведческой литературе исследование А. Миллера, посвященное изучению поселений и жилища одного из народов Северного Кавказа – черкесов[40]. Со второй половины 1940-х годов интерес к изучению материальной культуры коренного населения края возрождается вновь[41]. Однако до настоящего времени мы не имеем ни одной сводной работы, в которой бы народное зодчество рассматривалось в рамках всего северокавказского региона[42].

Это обстоятельство обусловило широкое обращение при написании настоящей работы к полевым материалам, которые автор собирал в различных районах края с 1960 по 1978 г.[43]

Отмеченное выше отсутствие сводных работ по искомой теме обязывает нас предпослать основному изложению краткий вводный очерк по истории развития поселения и жилища края, начиная от первых следов появления человека на территории Северного Кавказа и вплоть до конца XVIII в., т.е. до того состояния, которое фактически смыкается с отправной точкой исследования.

[1] *Любин В.П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.

[2] *Кобычев В.П.* Особенности расселения в горных районах Северного Кавказа. – В кн.: Социологические проблемы сельского расселения. М.: Наука, 1971, с. 87.

[3] *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). – СА, 1964, № 1, с. 26–43. В последнее время, впрочем, наметилась тенденция относить существование общекавказской общности к несколько более раннему времени. См.: *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века (неолит, энеолит, ранняя бронза). М.: Наука, 1975, с. 412.

[4] См.: *Марковин В.И.* О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. – УЗКБНИИ, 1965, т. 16, с. 182; *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. – МИА, 1962, № 100; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972.

[5] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. – Исторический архив, 1940, вып. 3, с. 78.

[6] *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Адербейджане. – СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 55.

[7] Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну Приволжских венгров, совершенном им в 1235 г., и письма Папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 г. – ОГРИП, с. 12.

[8] Вильгельм Рубрук, проезжавший через степи Северного Кавказа десять лет спустя после похода Батыя, писал, что аланы в горах все еще не покорены и завоевателям приходилось из каждого десятка воинов выделять двоих для охраны выходов из ущелий, так как аланы время от времени совершали внезапные нападения на татар и отгоняли у них скот (*Рубрук Вильгельм*. Путешествие в Восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957, с. 186).

[9] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. 1, с. 3, 26.

[10] *Лавров Л.И.* Происхождение балкарцев и карачаевцев. – КСИЭ, 1959, вып. 32, с. 6; *Он же.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. – СЭ, 1956, № 1, с. 25; *Он же.* Нашествие монголов на Северный Кавказ. – История СССР, 1965, № 5, с. 12–15.

[11] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973, с. 94, 95.

[12] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 72.

[13] *Волкова Н.Г.* Этнонимы..., с. 94. Наименование "басиане", по-видимому, восходит к древним племенным этнонимам "басилы", "барсилы", "берсулы", упоминаемые источниками в составе восточноболгарских племен. См.: *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 22.

[14] *Вахушти Багратиони.* География Грузии/Пер. с грузинского М.Г. Джанашвили. – ЗКОРГО, Тифлис, 1904, кн. XXIV, вып. 5, с. 153.

[15] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов..., т. 1, с. 235.

[16] *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. – КЭС, 1969, вып. IV, с. 80–82; *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974, с. 94–96.

[17] Так, например, археолог Е.И. Крупнов для горной зоны Северного Кавказа в I тысячелетии до н.э. за неимением точных данных, исключительно по аналогии с постройками более поздней поры, допускал бытование, с одной стороны, "грубо сложенных из дикого камня хижин", а с другой – "турлучных, т.е. плетеных, обмазанных глиной саклей" (*Крупнов Е.И.* Кавказ в первом тысячелетии до нашей эры. – Советский музей, 1936, № 5, с. 42); ср. также у Л.И. Лаврова: "В эпоху палеолита на Северо-Западном Кавказе человек использовал для жилья естественные пещеры, временные шалаши из веток, постоянные (видимо, круглые в плане) шалашевидные постройки и, может быть, землянки. В неолите предположительно уже существовали в основных чертах дожившие до наших дней турлучные дома, имеющие плетеные из веток стены, которые потом обмазывались глиной..." (*Лавров Л.И.* Форма жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. – СЭ, 1951, № 4, с. 54, 55).

[18] *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 147.

[19] *Ритор Захария.* Хроника. – В кн.: *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 165.

[20] *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов..., с. 4.

[21] *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966, с. 166.

[22] ОГРИП, с. 12.

[23] *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969, с. 113, 114.

[24] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. 2, с. 181–183.

[25] *Tavernier T.B.* Les six Voyages en Turque, en Perse et aux Inde. Paris, 1681, v. 2, p. 68, 69.

[26] *Interiano G. de* La vita e sito de Zichi, chiamati Circassi, historia notabile. Venezia, 1502. Страницы не нумерованы.

[27] *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. – ЗООИД, 1875, т. IX, с. 179, 182.

[28] *Полиевктов М.А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640. Тбилиси, 1937, с. 251.

[29] Из наиболее важных дореволюционных публикаций архивных документов можно выделить 12 томов "Актов, собранных Кавказской археографической комиссией" (1866–1886, 1904), в которых собраны переписка и материалы стола Главного управления наместника на Кавказе, хронологически охватывающие XVIII–XIX вв. В советские годы архивные материалы публиковались главным образом по отдельным народам и регионам края: *Кокиев Г.А.* Материалы по истории Осетии (XVIII в.). – ИСОНИИК, Орджоникидзе, 1934, т. 6; *Скитский Б.В.* Хрестоматия по истории Осетии, ч. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1956; *Кушева Е.Н., Букалова В.М., Персов А.М.* Кабардино-русские отношения в XVI–

XVIII вв. М., 1957, т. 1, 2; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та, 1940, т. 3; *Гамрекели В.Н.* Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968, и др.

[30] В настоящей работе использованы материалы, хранящиеся в ЦГАДА, ЦГВИА, АОА, ЦГА КБАССР, ЦГА СОАССР, ЦГА ЧИАССР.

[31] *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. – КК на 1860 г. Тифлис, 1859.

[32] *Грабовский Н.Ф.* Ингуши (их жизнь и обычаи). – ССКГ, Тифлис, 1876, вып. IX; *Он же.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. – ССКГ, Тифлис, 1870, вып. III.

[33] *Вертепов Г.* Ингуши. Историко-статистический очерк. – ТС, Владикавказ, 1892, вып. II, кн. 2.

[34] *Максимов Евг.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк. – ТС, Владикавказ, 1893, вып. III, кн. 2.

[35] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. – ЗКОРГО, Тифлис, 1902, кн. XXII, вып. 4; *Он же.* Мамхеги. – ИКОРГО, Тифлис, 1901, т. XIV, кн. 1.

[36] *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. – ЗКОРГО, Тифлис, 1909, вып. XXVI, кн. 7.

[37] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. – ТС, Владикавказ, 1910, вып. VII.

[38] *Х.Г.* [*Хан-Гирей*]. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. – РВ, 1842, т. V, № 1/2; *Каламбий.* На холме. – РВ, 1861, т. 36, № 11; *Лаудаев У.* Чеченское племя. – ССКГ, Тифлис, 1872, вып. VI; *Кануков И.* В осетинском ауле. – ССКГ, Тифлис, 1875, вып. VIII; *Хетагуров К.* Особа. – Собр. соч. в 5 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961, т. 4; *Кокиев С.* Записки о быте осетин. – Сб. материалов по этнографии, изд. при Дашковском музее, 1885, вып. I; *В.Н.Л.* [*Ардасенов А.Г.*]. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Новое обозрение, 1896, № 4169–4216; *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни. – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 1.

[39] *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адиге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними. – ЗКОРГО, Тифлис, 1857, кн. IV; *Зиссерман А.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867), ч. 1. СПб., 1879; *Т.* [*Торнау Ф.Ф.*]. Воспоминания кавказского офицера. – РВ, 1864, т. 53, № 9/12.

[40] *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР. Пг., 1914, т. II.

[41] *Студенецкая Е.Н.* Современное кабардинское жилище. – СЭ, 1948, № 4; *Бинкевич Е.Р.* К истории черкесского жилища. – КСИЭ, 1949, № 6; *Робакидзе А.И.* Формы поселения в Балкарии. – МЭГ, Тбилиси, 1960, вып. 11; *Он же.* Поселения как источник изучения общественного быта. – VII МКАЭН. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1964; *Кобычев В.П.* Типология жилища народов Кавказа. – Там же; Очерки этнографии горной Ингушетии. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, вып. 2; *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирыстон, 1970; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1971; *Текеев К.М.* Жилище карачаевцев в XIX в. – Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972, вып. 5; *Асанов Ю.Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976.

[42] Исключение составляет небольшая глава "Города, селения, жилище" в коллективной монографии "Культура и быт народов Северного Кавказа" (М.:Наука, 1968), написанная автором этих строк.

[43] Собранный материал хранится в Научном архиве Института этнографии АН СССР под соответствующими годами.

История развития поселения и жилища до начала XIX в.

На ранних этапах освоения края, соответствующих периоду мустье и времени существования неандертальца, жилищем человеку служили главным образом естественные пещеры и скальные навесы, часто встречающиеся в горных районах. К мустьерскому периоду, например, относятся нижние слои Ахтырской пещеры в ущелье р. Мзымта неподалеку от Адлера; находки мустьерских орудий известны также в Навалишинской и Хостинской пещерах, расположенных в ущельях рек Кудепсты и Хосты, на Лысой горе в окрестностях г. Орджоникидзе. Временные стоянки полупещерного типа этого времени обнаружены у селений Гамурзиево, Экажево, Кезеной в Чечено-Ингушетии[1].

Наряду с пещерами человек в мустьерскую эпоху использовал и какие-то другие виды укрытия (навес, шалаш), о чем можно догадываться по наличию стоянки под открытым небом у станицы Ильской на Кубани (между Краснодаром и Новороссийском). Ильская стоянка существовала длительное время. Об этом свидетельствует остеологический материал – около 2400 костей зубров, кроме того, остатки мамонта, пещерного медведя, большерогого и благородного оленя, волка и многих других животных и зверей, живших в тот период.

Временные стойбища, пещеры и легкие наземные шалаши и навесы были характерны также для верхнего палеолита (40–12 тыс. лет до н.э.), памятники которого представлены на Северном Кавказе довольно скромно: несколько разрозненных находок на северо-востоке края, в районе высокогорных чеченских селений Хой, Макажа, Кезеной, у сел. Балан-су (в долине р. Яман-су) и в предгорной зоне. Вместе с тем в эпоху верхнего палеолита намечаются первые отличия в хозяйственной деятельности и культурном облике населения различных частей края. Можно предполагать, что главную роль в этой дифференциации сыграли природные условия, способствовавшие изоляции отдельных групп древних охотников и собирателей. В верхнем палеолите происходит становление человека современного вида и идет процесс интенсивного заселения территории Северного Кавказа.

В эпоху неолита в связи с возникновением земледелия и ранних форм скотоводства появляются первые постоянные поселения. На Северном Кавказе неолитические поселения известны в ногайских степях, возле озера Кезеной-ам, на Терском хребте (у станицы Вознесенской), в окрестностях Нальчика (Агубековское поселение и Нальчикский могильник). Правда, население, жившее в этих местах, еще не было знакомо с земледелием, которое развивается на Северном Кавказе только в эпоху металла.

Раннеметаллические поселения раскопаны полнее всего в Долинске (ныне пригород Нальчика), у селений Серженьюрт и Луговое (оба в Чечено-Ингушетии). На всех указанных поселениях открыты остатки наземных построек прямоугольной формы, сооруженных из жердей и прутьев, обмазанных снаружи глиной (турлучная техника). При этом в Долинске стены выстроены из двух рядов плетня, засыпанных внутри землей вперемешку с рубленой соломой. В Серженьюртовском поселении одно из жилищ было сложено из "обожженных глиняных блоков" ("пахсовая техника"). В каждом из жилищ обнаружены очажные ямы (в некоторых случаях имеющие форму, близкую к распространенному в Закавказье очагу тондыру) и ямы для хранения зерна. Пол в жилище был земляной (в Серженьюрте – обмазанный глиной). Жилища были расположены на некотором расстоянии одно от другого без какого-либо заметного порядка. Установлено, что земля между постройками была взрыхлена в древности, что дает основание полагать наличие вокруг жилищ обработанных полей[2].

К периоду энеолита относятся во многом еще представляющие загадку своеобразные каменные погребальные домики-дольмены, встречающиеся в большом числе на Черноморском побережье и в прилегающих районах северо-западной части края. Подавляющее большинство дольменов сложено из огромных тщательно отесанных плит таким образом, что одна плита составляет целиком стену, другая – пол, третья – перекрытие и т.д. Попадаются дольмены, сложенные не из целиковых плит, а из крупных каменных блоков (так называемые составные дольмены), и дольмены, часть камеры которых выбита в скальном основании (ладьеобразные дольмены)[3].

По своему назначению дольмены – это специфические культовые погребальные сооружения, но в некоторых своих чертах они отражают форму жилища оставившего их населения. Особенностями жилой архитектуры подсказаны, по-видимому, двухкамерная планировка некоторых дольменов и устройство подчеркнутых порталов перед их входом, образованных выступами боковых стен и нависающей сверху наподобие козырька плитой перекрытия, которые как бы имитируют устройство навесов-галерей перед входом в жилище, столь характерных для архитектуры южных широт (рис. 3).

Действительно, жилой дом, сходный по планировке с двухкамерными дольменами, раскопан на поселении бронзового века, относящемся к северокавказской культуре II тыс. до н.э., у сел. Асламбек-Шерипово в Чечено-Ингушетии. Жилище общей площадью около 25–30 кв. м имело прямоугольную планировку и стены, сплетенные из хвороста, обмазанного с обеих сторон глиной. Внутренняя стена, разделявшая жилище на две неравные половины, была выложена из камня. В одной из половин находился открытый очаг, обложенный кам-

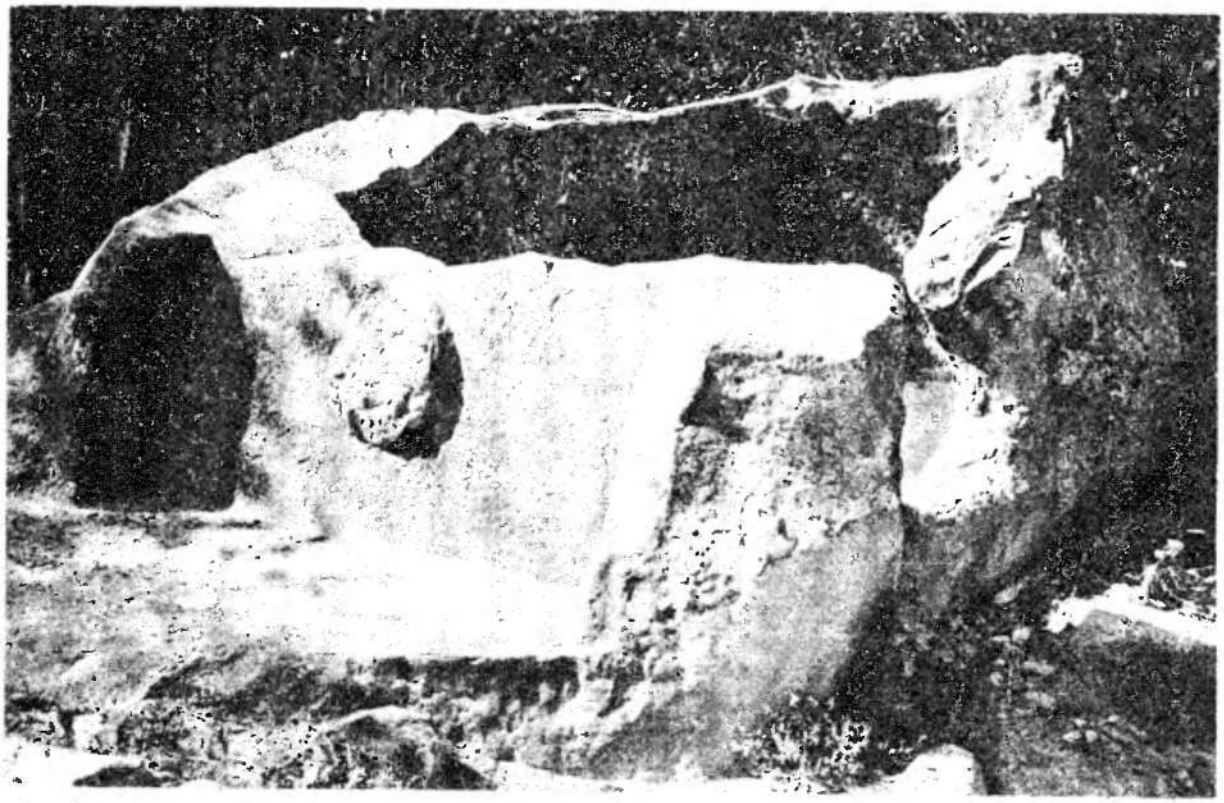

Рис. 3. Дольмен с ложным порталом, имитирующий форму древнего жилища с галереей перед фасадом
Аул Красноалександровский. Краснодарский край. Фото С.Н. Иванова 1977 г.

нями, вдоль стен тянулись невысокие возвышения — вероятно, лежанки. Пол в жилище был покрыт каменными плитками. С фасада к жилищу примыкал навес длиной около 3 м и шириной 1,5 м [4].

Распад патриархально-родовых устоев и вторжения кочевых скифских и сарматских племен вызвали появление укрепленных поселений, обнесенных высокими земляными валами и рвами. Поверх валов на некоторых городищах обнаружены дополнительные укрепления, которые состояли из двух рядов плетня, засыпанного внутри землей. В других случаях вокруг поселений возводили стены из камня. На одном из городищ, расположенном на р. Адагум близ хут. Батарейного, каменная стена имела протяженность до 4 км [5]. Некоторые поселения имеют определенные элементы благоустройства. На Серженьюртовском поселении в слоях кобанской культуры периода поздней бронзы — начала железного века вскрыты три улицы, расходящиеся веером и вымощенные галькой, производственные помещения отделены от жилых построек. Все постройки выстроены в турлучной технике с основой из плетня и дерева. На других городищах обнаружены остатки горелой глины со следами камыша[6].

Городища сарматского времени, обследованные А.П. Кругловым в долине Терека и Сунжи (у селения Алханюрт), были связаны между собой визуальной связью, что позволяет говорить о гнездовом типе расселения и сохранении у населения патриархально-родовых устоев[7].

Укрепленные городища и турлучные дома с основой из двух или одного ряда плетня либо из связок камыша бытовали и в других районах предгорной равнины. В частности, в Прикубанье на Елизаветинском городище были вскрыты остатки нескольких домов площадью в среднем 7 × 5,5 м с глинобитными полами и следами очагов и печей неясной формы, находившихся как внутри жилища, так и вне его. Многие из домов на этом и других городищах и селищах Таманского полуострова были покрыты обожженной черепицей, в чем отразилось влияние греческих городов-колоний Боспорского царства и существование оживленных торгово-экономических связей между греческими поселенцами и местным населением. Греческим влиянием объясняется, по мнению Л.И. Лаврова, также использование в качестве строительного материала сырцового (саманного) кирпича, встречающегося на некоторых городищах скифо-сарматского времени на Тамани и в нижнем Прикубанье[8]. Помимо узкой локализации его применения в пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что до этой поры и позднее, после падения Боспорского царства, сырцовый кирпич в жилищном строительстве края не встречается вплоть до новейшего времени.

Подражая грекам, адыгская родо-племенная знать строила свои дворцы и замки из тесаного и колотого камня, складываемого насухо или на глиняном растворе (как, например, в одном из раскопанных дворцов на Семибратнем городище у станицы Варениковской) в два ряда с забутовкой щебнем. В упомянутом дворце площадью более 458 кв. м были полы, выложенные каменными плитами, внутренний дворик с колодцем; в одной из комнат сохранился цоколь от колонны и т.д.[9] Все это позволяет утверждать, что местное население в лице своей военно-племенной верхушки использовало при строительстве домов достижения греческой архитектуры. Даже много позднее, в период средневековья, у местных племен в Прикубанье еще встречались каменные укрепле-

ния и замки, где предки адыгов с успехом отстаивали свою независимость от алан.

Жилище из камня в раннем средневековье бытовало и в предгорьях центральной части края. Один такой дом был раскопан Б.Е. Деген-Ковалевским на городище VI–VIII вв. у современного селения Заюково в Кабарде. Жилище имело площадь около 60 кв. м, стены его, сложенные насухо из булыжника, снаружи были обмазаны известью, смешанной с глиной, пол выложен галькой и щебнем. Жилище состояло из двух или трех жилых помещений, в большем из которых у задней стены находился углубленный очаг, обложенный керамической плиткой. Другой очаг находился в меньшей комнате. Кроме того, во дворе неподалеку от жилища обнаружена яма-печь в форме усеченного конуса, обращенного широким основанием вниз. Глубина ямы 1,5 м, Б.Е. Деген-Ковалевский сравнивает ее с закавказским тондыром[10]. Ближайшее жилище от раскопанного дома находилось на расстоянии 100 м, что свидетельствует о свободной разбросанной планировке всего поселения.

Некоторые исследователи гипотетически допускают существование каменных домов во всей горной полосе края, как, например, это делает Е.И. Крупнов для эпохи поздней бронзы[11]. Его поддерживает Л.И. Лавров, замечая, что "против этого нельзя возражать"; более того, Л.И. Лавров считает, что и в последующую скифо-сарматскую эпоху "в горах Центрального Кавказа существовали каменные дома типа сакли"[12]. Однако, если следовать строго имеющимся в нашем распоряжении фактам, такое заключение выглядит мало обоснованным. Страбон, автор I в. н.э., сообщает, что в его время в горах Северного Кавказа обитали "некоторые троглодиты, жившие вследствие холодов в пещерах"[13]. Л.И. Лавров категорически возражает против того, чтобы понимать эти слова буквально. "Во время Страбона жилищное строительство на Кавказе, пройдя до этого длинный путь, успело накопить большой опыт, который позволил местному населению не только давно отказаться от пользования естественными пещерами, но в ряде случаев сооружать большие и сложные постройки вроде замка фатейского царя Арифарна. Страбон мог называть троглодитами (т.е. "пещерниками". – *В.К.*) обитателей катакомб ... Под троглодитами Страбон мог разуметь также горцев Центрального и Восточного Кавказа, которые до наших дней сохранили традицию жить в сложенных из камней домах, издали напоминающих катакомбы"[14].

Не отрицая в принципе возможность знакомства с каменным зодчеством горцев Северного Кавказа в рассматриваемое время (в пользу этого свидетельствуют, в частности, гораздо более ранние циклопические сооружения), трудно согласиться с приведенной трактовкой сообщения Страбона, который достаточно хорошо знал Кавказ и, надо полагать, был способен отличить пещеру от наземного жилища или землянки (катакомбы). Во-первых (ниже об этом будет сказано более подробно), пещеры в качестве жилья на Кавказе и в сопредельных странах, например в Малой Азии, использовали и в более позднее время, в Зангезуре в них жили даже в первые годы Советской власти. Во-вторых, имеются веские основания утверждать, что на Северном Кавказе жилищу из камня предшествовало во многих районах деревянное зодчество, поскольку лесов в горах в древности было гораздо больше, а главное, деревянное жилище гигиеничнее и теплее жилища из камня. Такое положение было характерно даже для высокогорного, ныне совершенно безлесного Дагестана, как это убедительно доказал Г.Я. Мовчан[15]. В-третьих, историческое развитие далеко не всегда представляет собой прямолинейный поступательный процесс, в нем имеют место и регресс и другие более сложные явления. На Кавказе с его разнообразными природно-климатическими условиями и сложной социально-политической расстановкой сил в отдельные периоды истории рядом уживались порой совершенно различные культурно-бытовые уклады: оседлый земледельческий, кочевой с преобладанием охоты в хозяйстве и др., и то, что во время существования греческих городов-колоний на Черноморском побережье ближайшие к ним племенные группы могли быть знакомы с достижениями греческой архитектурной мысли, отнюдь не означало, что это было известно и их сородичам и соседям, жившим в замкнутых и труднодоступных горных ущельях.

В самом деле, выше шла речь о наличии постоянных поселений и жилища у местного населения равнин и предгорий Северного Кавказа в античное время. Но в эту же пору бок о бок с коренными народами в степных районах края обитали бесчисленные орды кочевников – скифов, сарматов (в том числе алан), болгар, барсилов, савиров, хазар и множество других племен, у которых бытовали совершенно отличные формы передвижного жилища, пока они не осели на землю и не смешались с местными племенами.

Согласно сообщениям античных и раннесредневековых писателей, у индоевропейских народов – скифов и сармато-алан была распространена в качестве жилища передвижная кибитка на колесах.

Лукиан Самосатский пишет о скифах, что беднейшие из них именовались "восьминогими", так как владели только одной парой быков и одной повозкой[16]. Не иметь повозку у скифов считалось бесчестием. Как отголосок этой далекой эпохи в жизни народа у осетин до настоящего времени сохранилась поговорка: "беден, но с арбой" ("мæуыр лæг уæрдонджын")[17].

В хронике Захария Ритора перечисляются кочевые народы, обитавшие в середине VI в. н.э. "за Каспийскими воротами", т.е. на Северном Кавказе, и в их числе: "авнагур народ... авгар, бургар, аланкуртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургар, баграсик, кулас, абдель, ефталит. Эти тринадцать народов, – пишет автор, – живут в палатках, существуют мясом скота и рыб"[18]. Наиболее видную роль среди этих племен, как мы знаем, играли аланы – непосредственные предки осетин по языку, в описываемое время еще не осевшие на землю. Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в.) говорит об аланах, что "у них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломою хижин", но они "живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям ... Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки, а истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках"[19].

Круговое расположение кибиток и повозок было характерно не только для алан, но и для других племен и народов, в том числе для аваров[20], а позднее – кабардинцев и ногайцев (рис. 4). Одинаковой была также антипатия кочевников к укрепленным поселениям и прочному жилищу. Тот же Аммиан Марцеллин сообщает о гуннах, что "они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как к гробни-

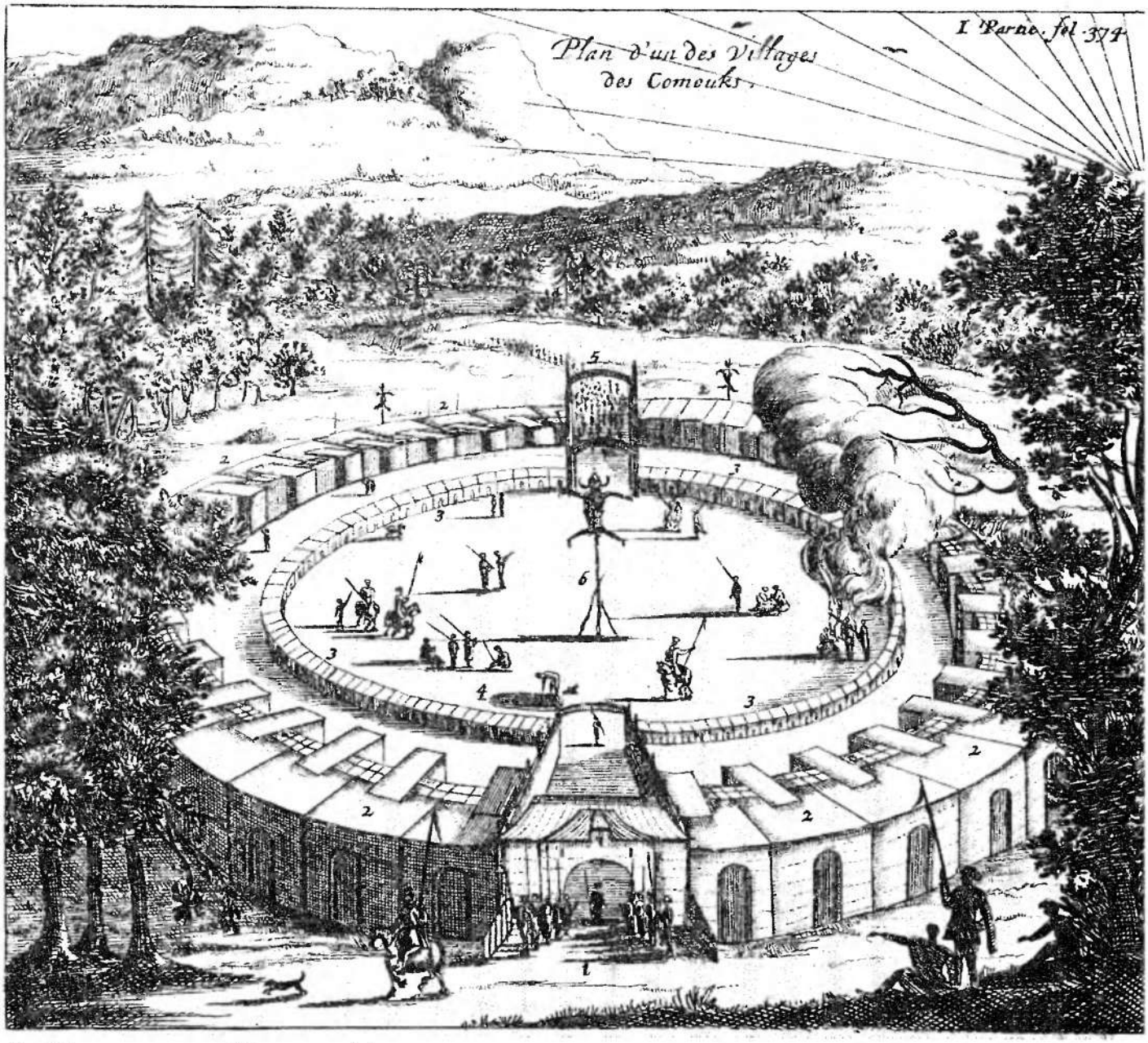

Рис. 4. Черкесское селение XV в. круговой формы
По: *Tavernier.* Les six vajages... en Turque, en Perse et aux Indes. Paris, 1679

цам... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша... и на чужбине они не входят в жилища, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей"[21].

Формы жилища у индоевропейских племен существенно отличались от формы жилища тюрко-монгольских кочевников. Так, например, если у скифов и сармато-алан бытовала прямоугольная в плане кибитка с ко́робовым покрытием, то у тюркских народов мы находим круглую в плане юрту, истоки которой можно видеть в коническом шалаше, сцентрированном вокруг живого дерева, подобно тому как это описывает Геродот. Рассказывая о странах, лежащих "у подножия высоких гор" (по мнению одних – Южный Урал, по мнению других – Алтай), Геродот упоминает о "лысых" от рождения людях, в которых все исследователи согласно видят какие-то тюркские или монгольские древние племена. "Каждый (из этих людей. – *В.К.*) живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрышки"[22]. В приведенном описании нетрудно распознать истоки будущего конического шалаша и его более развитой разновидности позднейшей поры – разборной передвижной юрты. В связи с указанным небезынтересно отметить, что в старинных домах аварцев Дагестана опорный столб, находившийся ближе всего к очагу, носил выразительное наименование "столб корня"[23].

В раннем средневековье различные тюркские племена в своем многовековом движении на запад постепенно полностью вытеснили или ассимилировали проживавшее до них в евразийских степях древнее ираноязычное население, восприняв при этом отдельные элементы и передвижного жилища. Судя по миниатюрам Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи, половцы южнорусских степей жили в четырехугольных шатрах, стоявших на двухколесных повозках, которые можно сопоста

вить с четырехгранными склепами, сохранившимися в селениях Фаснал и Дзинага в Дигорском ущелье Северной Осетии и воспроизводившими, по-видимому, соответствующие формы передвижного жилища кочевников[24]. Потомки половцев и татаро-монголов – ногайцы в XVI–XVII вв., по свидетельству А. Олеария, жили также в передвижных кибитках со стенами, сплетенными из камыша или тростника, с полусферическим войлочным верхом, с отверстием в центре. Через это отверстие пропускали палку с куском кошмы, которую поворачивали для улучшения тяги в зависимости от направления ветра в ту или иную сторону, а когда очаг прогорал, палку убирали и кошмой прикрывали отверстие, сохраняя в кибитке тепло. При больших холодах кибитку снаружи дополнительно окутывали войлочными полстями[25]. Ферран, посетивший ногайские стойбища в самом начале XVIII в., пишет, что "кибитки ногайцев, похожие на ветряные мельницы, делаются полукругом (т.е. имеют полусферическое перекрытие. – *В.К.*) и покрываются полстями"[26]. По словам Н. Харузина, детально исследовавшего историю развития жилища у кочевых и полукочевых народностей России в XIX в. и в более раннее время, такое полусферическое завершение (или, по выражению автора, "шарообразный контур") составляет главное отличие тюркской кибитки (позднее – юрты) от передвижного жилища монгольских племен[27].

Передвижное жилище ногайцев было разборным и неразборным. Неразборные кибитки, по описанию источников, предшествовали позднее возникшим разборным юртам, которые были заимствованы ногайцами у калмыков[28]. "Свои жилища, очень красиво сделанные из войлока и хлопчатобумажной ткани разных цветов и похожие на небольшие палатки (только что верхушки их совершенно круглые), они возят за собою на повозках о двух колесах, куда впрягаются верблюды", – писали в начале XVII в. Какаш и Тектандер о приволжских и астраханских татарах[29].

По словам доминиканца Д'Асколи, префекта г. Каффы в Крыму, писавшего в 30-х годах XVII в., ногайцы в отличие от крымских татар не имеют постоянных жилищ, "а живут в степи на повозках, на коих устраивают как бы комнаты, прикрепляя к повозкам крыши из тонких прутьев, формой напоминающие церковные купола, покрытые войлоком"[30]. И еще одно описание, относящееся к более позднему времени, к концу XVIII в. "Юрты их (речь идет о кундровских ногайцах. – *В.К.*) похожи на кубанские: при переноске не могут ни разбираться, ни раскрываться. И на арбах или телегах лежат они некоторым образом на подпорках или на перевесе, так что одна пара волов может очень легко перевезти целую юрту со всею семьею. Поелику юрты их с телег не снимаются, то и в летнее время спят под оными"[31].

Таким образом, из приведенных описаний выясняется, что неразборные кибитки у ногайцев не только предшествовали разборным решетчатым юртам (о них подробнее будет сказано ниже), но и в свою очередь по форме подразделялись на круглые и прямоугольные. Круглые кибитки накрывали арбу вместе с колесами, а прямоугольные возводились на основании телеги или арбы. Круглые кибитки, по-видимому, могли сниматься с повозки, прямоугольные крепились на ней наглухо[32]. Были, впрочем, и такие круглые кибитки, остов которых при перекочевках оставляли на месте из-за его величины и тяжести. Это как раз были те кибитки со стенами, сплетенными из камыша и прутьев, о которых упоминает А. Олеарий и которые возводили обычно на зиму в местах, богатых соответствующим материалом. Наряду с этим у зажиточных ногайцев имелись дополнительные юрты для взрослых дочерей, женатых сыновей, прислуги и даже для кухни[33].

В какой-то степени формы передвижного жилища в позднем средневековье были известны и некоторым другим народам Северного Кавказа, как о том позволяют судить отдельные сохранившиеся памятники материальной культуры и современные этнографические данные. В этом отношении весьма примечательны бытовавшие у адыгов круглые в плане хижины с плетеными цилиндрическими стенами, обмазанными глиной, с конусообразной соломенной крышей. "Внутри такая постройка, – пишет Е.Р. Бинкевич, – имеет центральную жердь, врытую в глиняный пол, с насаженным на ее верхний конец колесом от обыкновенной арбы, поддерживавшим жерди крыши"[34]. Жилище аналогичного типа известно широкому кругу тюркских народов под названием "алачук", "алачик", "аласик" и т.п. В одних случаях оно представляло собой легкое передвижное разборное строение, как, например, у азербайджанцев[35], у других, давно перешедших к оседлости народов, подобно кумыкам Северного Кавказа, – "большое, довольно массивное, цилиндрической формы сооружение, плотно сплетенное из прутьев, с конической крышей, сделанной из жердей или прутьев и покрытой соломой. В верхней части конуса укреплялось колесо, надетое на высокую жердь, укрепленную посередине помещения. Сверху на колесо опирались жерди конуса..."[36]

Круглые плетеные шалаши "мусонг" были известны до недавнего времени осетинам, у которых они служили жилищем для беднейших слоев населения и в качестве времянок – при полевых работах вдали от селений. "В основании мусонг имел правильный круг, – пишет А.Х. Магометов. – Очаг устраивался в центре. Стены делались плетеными из жердей (кольев) и хвороста. Стены поднимались ввысь на высоту 3–4 м, и тут их переплетали в узкое кольцо, оставляя наверху дымоход в виде опрокинутой воронки"[37].

У чеченцев и ингушей, издавна ведших оседлый образ жизни, передвижное круглоплановое жилище не встречалось в быту, но в горах возле некоторых селений можно видеть отдельные склеповые сооружения, имеющие круглое основание и полусферическую каменную кровлю, с которой иногда спускаются вниз пять–семь профилированных ребер (дуг). Можно полагать, что круглые склепы отражают форму жилища, характерную для кочевого населения, в частности для ногайцев и астраханских татар, кочевавших в непосредственной близости от предгорий Северо-Восточного Кавказа. Косвенным подтверждением может служить наличие круглых склепов у балкарцев, предки которых – кипчаки, как известно, вели подвижный образ жизни[38].

В то же время в жилище многих народов края, и прежде всего западных адыгов и кабардинцев, проявляются рудименты круглого плетеного жилища, которое своими корнями уходит в местную строительную традицию и отнюдь не связано с кочевым бытом. В этом отношении большой интерес представляет, как пишет Е.Н. Студенецкая, кабардинское жилище, известное под названием "пшаа хурей" (круглый шалаш) – особого рода круглые постройки, сохранившиеся вплоть до Великой Октябрьской революции и имевшие назначение кухонь[39]. О древ-

Рис. 5. Типы передвижного жилища ногайцев XVII в.
По: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 523

ности подобных построек можно судить по тому, что у адыгейцев и черкесов круглое плетеное необмазанное жилище называется "пшыпIэ", что означает "место хозяина"[40]. Сравнивая это с соседней Абхазией, где круглые в плане дома бытовали еще в годы Советской власти и обстоятельно описаны в этнографической литературе, можно полагать, что на Северо-Западном Кавказе круглоплановое турлучное жилище уходит своими корнями в глубочайшую древность.

Различные виды плетеного обмазанного и необмазанного жилища круглого и прямоугольного плана были повсеместно распространены в равнинных районах Северного Кавказа в позднем средневековье и начале нового времени. "Дома семендерцев, – пишет арабский географ X в. ал-Муккадаси, – выстроены из дерева, переплетенного камышом, и имеют островерхие крыши"[41]. Турлучная и пахсовая (?) техника возобладала даже в тех местностях, где в более раннее время бытовало каменное зодчество, как, например, на Северо-Западном Кавказе. Жилые постройки X–XII вв., открытые на территории городища у станицы Таманской, замечает Л.И. Лавров, "построены... на каменном фундаменте, но стены у них из глины. Глинобитные стены были не только у жилых домов. В предполагаемом древнем поселке Патрей открыты глинобитные стены крепости, которые датируются тмутараканским временем"[42].

Такие же стены, сложенные из сырцового кирпича, были у крепости, находящейся у станицы Шолкозаводской, которую Л.Н. Гумилев поспешил объявить Семендером, одной из столиц Хазарского каганата[43]. Г. Интериано, автор конца XV – начала XVI в., писал о жилище адыгов, что его возводили "из соломы, камыша и дерева и большим стыдом для князя или дворянина было бы построить себе крепость или дом с каменными стенами, потому что это показало бы боязнь и неспособность уберечь и защитить себя [от неприятеля]"[44]. При этом сохранялась традиционная на Северном Кавказе техника возведения стен из двух рядов плетня с забутовкой внутри, вместо возобладавших в дальнейшем однорядного плетения и наружной обмазки. Дома черкесов, писал в начале XVII в. Жан де Люк, "состоят из двух рядов кольев, воткнутых в землю, между коими вплетают ветви; наполняют промежуток глиной и кроют их соломой"[45]. В качестве основы стен использовались также дерево (жерди, бревна) и связки камыша[46].

Поселения на равнине были небольшими и по возможности располагались в лесах. Вокруг селений устраивали завалы из деревьев и ограды из плетня со сторожевыми башнями по углам. "Группа, состоящая из десяти домов, называется кабак, который окружен стеною, подобно замку. Собаки сторожат эти кабаки подобно львам, по необходимости, так как все их жилища находятся в лесах и каждая деревня опасается другой", – пишет о черноморских черкесах (адыгах) Эвлия Челяби, турецкий путешественник первой половины XVII в.[47] Жан де Люк, подтверждая характер расселения адыгов по лесам, добавляет при этом, что "страны черкесов", простирающиеся на 26 дней пути, в целом были чрезвычайно слабо заселены, "так как места, в которых лес редок, не населены"[48]. Только самые восточные из адыгских племен – кабардинцы осмеливались поселяться в открытой местности, выстраивая свои поселения для защиты от внезапных нападений в виде круга или четырехугольника.

Источники XVII–XVIII вв. и более позднего времени единодушно свидетельствуют о том, что поселения адыгов, кабардинцев и других народов Северного Кавказа, которые в рассматриваемую пору появлялись на равнине, были непостоянными и часто переносились с одного места

на другое, главным образом ввиду неспокойной политической обстановки, а также вследствие преобладания скотоводства над земледелием. Жан де Люк в этом отношении не отличает черкесов от перекопских татар и противопоставляет тех и других абхазам, которые, по его словам, "выбрав... себе пребывание на одном месте... не покидают его"[49]. Французский консул в Крыму М. Пейссонель (середина XVIII в.), хорошо знакомый с положением дел на Северо-Западном Кавказе, полностью разделяет точку зрения Жана де Люка: "Черкесы, – пишет он, – живут приблизительно так же, как и ногайцы: у них нет ни городов, ни постоянных жилищ"[50]. "Когда они, – по словам И. Гюльденштедта, – находят более подходящую для себя местность в отношении почвы, пастбищ, воды, леса и соседей, то они легко переселяются на новое место"[51]. Касаясь поселений осетин, которые с разрешения кабардинских князей в XVIII в. стали поселяться на равнине, И. Гюльденштедт отмечает ту же их особенность: "Они (поселения. – *В.К.*) большие и маленькие, построены аналогично черкесским и также часто переносятся на новые места"[52]. Наконец, П.С. Паллас, посетивший ряд районов Северного Кавказа во второй половине XVIII в., сообщает о кабардинцах, что "они кочуют при своих постоянных набегах, [проживая при этом] в маленьких хижинах из войлока, служащих им палатками: они устроены на четырех шестах и прикрыты легкой крышей из планок"[53]. И в самом деле: археологи знают множество кабардинских и черкесских могильников, относящихся к XVI–XVII вв., но не могут указать ни на одно синхронное им селение.

Были и другие, сугубо внутренние причины непрочной оседлости адыгских племен, заключавшиеся в обострении у них социальных противоречий, которые в конце концов привели к расколу на так называемые "демократические" и "аристократические" племена[54]. Подробнее других об этом сообщает на основании преданий адыгов Н. Каменев, автор середины XIX в. "Со времени появления абадзехов адыге начали строить легкие турлучные сакли, селиться большими аулами... стали на походную вооруженную ногу и двигались за князьями от гор к равнинам Лабы и Кубани"[55]. И в другом месте: "По примеру адыгских племен, очутившихся соседями вооруженных земледельцев, именовавшихся абадзехами, и бжедуги не смели мечтать о прочной оседлости. Вот почему, по-видимому, цивилизованные адыгские племена (т.е. оставшиеся под властью князей. – *В.К.*) низошли на степень кочующих племен"[56].

Замечание Н. Каменева подтверждают и другие авторы первой половины – середины прошлого столетия. "Не только одиночки, – говорится в одном документе указанной поры, – но целые фамилии и селения часто покидают место по причине нападений и внутренних раздоров"[57].

Другая причина – слабое развитие земледелия, носившего экстенсивный характер. "Черкесы обрабатывают поле не более чем в течение 2–3 лет подряд, а затем поднимают новь. При этом если новый участок находится поодаль, то они переселяются туда вместе со своим имуществом"[58], – пишет Ю. Клапрот. По словам С.И. Месяца, изучавшего вопрос о землепользовании и земледелии в Кабарде в дореволюционные годы, современные кабардинские селения, прежде чем обосноваться на своих нынешних местах, многократно меняли свое местоположение, передвигаясь от подножия Эльбруса до Прикумска. Так, например, сел. Заюково, по рассказам старожилов, до 30 раз меняло свое местоположение, причем средний период "кочевания" колебался от 7 до 20 лет[59].

Значительную подвижность многих адыгских селений подтверждают и эпиграфические памятники, опираясь на которые Л.И. Лавров, например, установил, что адыгское племя бжедухов, жившее вначале в Причерноморье в районе р. Шахе, в XVI–XVII вв. переселилось в окрестности нынешнего поселка Горячий Ключ, а затем в середине XVIII в. – на берега Кубани. Племя жанэ из-под Туапсе за XV–XIX вв. передвинулось к Анапе; абазины-кячевцы, занимавшие в прошлом земли поблизости от Карачаевска, в середине XVIII в. перебрались на берега двух Зеленчуков и т.д.[60].

Историческая этнография рисует аналогичную картину. "Сами места поселений не были постоянными, – пишет А. Миллер о черкесских селениях, – жилище при нужде разбиралось и главные части увозили на арбе. Поэтому плетеные стены хижин не соединялись наглухо в углах и места стыка лишь обмазывались снаружи и внутри глиной"[61]. В нартских сказаниях (о Бадиноко, Маличипх и др.) упоминаются дома из глины и камыша, которые перевозят волы и которые можно собрать в течение дня. Об этом же косвенно свидетельствует и современная ироническая кабардинская поговорка: "Кто не знает, что делать, [тот] разбирает и вновь собирает дом"[62].

Указанное положение, по свидетельству источников, сохранялось вплоть до начала XIX в. "До сих пор, – замечает И.П. Дальпоцо, писавший на исходе первого десятилетия XIX в., – они (кабардинцы. – *В.К.*) имеют привычку или обыкновение переменять свое жилище по своему произволу с одного места на другое верст за 20, 30, 100 далее прежнего. Сия перемена ему (так в источнике. – *В.К.*) ничего не значит по созданию сакли из плетня, покрытой соломой, и с которой взявши только одну дверь, укладывает свое имение и постель на арбы, запрягает быков и угоняет скотоводство на новое жилище"[63].

Ю. Клапрот, путешествовавший по Северному Кавказу в те же примерно годы, указывает на одно кабардинское селение, которое вначале находилось на р. Арредоне (современный Ардон), а в его время переселилось на Урсдон[64].

Тезис о подвижности адыгских и кабардинских селений на равнине до недавнего времени не подвергался сомнению в советской этнографической литературе. "Селения (адыгов. – *В.К.*) довольно часто передвигались, – пишет Е.С. Зевакин в "Очерках истории Адыгеи". – Этому способствовал ряд причин: во-первых, переложно-залежная система земледелия требовала распахивания целины и, в частности, смены пахотных участков. Во-вторых, значительное количество скота загрязняло место поселения"[65]. Но главное, как мы видели, о чем согласно сообщают все источники, заключалось в характере социально-политических отношений, следствием которых были непрекращавшиеся распри и набеги феодальных владетелей и князей один на другого, а также внешняя опасность в виде нашествий крымских ханов, калмыкских князей и других завоевателей.

Тем не менее в последние годы В.К. Гарданов выступил с категорическим возражением против этого мнения, ссылаясь на один документ середины XVIII в., в котором утверждается прямо противоположное. "В нашем распоряжении, – пишет В.К. Гарданов, – имеется источник, который бесспорно устанавливает, что в XVIII в. большинство кабардинских селений подолгу

оставалось на одном и том же месте. В 1753 г. приезжавшие в Петербург кабардинцы, находившиеся на русской службе в Кизляре, ротмистр Александр Киреев и уздени Умар Минкишев и Мамбет Аджакаев, дали в Коллегии иностранных дел пояснение к карте Большой и Малой Кабарды, составленной в 1744 г. русским геодезистом Степаном Чичаговым ... По объяснениям, данным к карте в ноябре 1753 г. А. Киреевым и его товарищами, из 129 кабардинских поселений за 10 лет (с момента составления карты в 1744 г.) лишь четыре деревни переселялись с места на место. Причина переселения этих деревень была одна – княжеские междоусобицы... Однако и при неблагоприятных условиях кабардинцы стремились по возможности оставаться на своих местах. Так, одна из деревень, менявших в указанное десятилетие свое местожительство, – деревня Бабуково (обозначена на карте № 6), переселявшаяся из-за междоусобиц с реки Малки на реку Куму, затем "паки на Малк возвратилась", а три другие (обозначены на карте № 13) до переселения на реку Нальчик "издавна были при устье реки Конделен (Гунделен)". По-видимому, также издавна жило на одних и тех же местах и большинство других кабардинских деревень. В объяснениях А. Киреева и его товарищей в отношении некоторых из них имеются даже соответствующие указания. Так, например, в отношении 21 деревни, расположенной на реке Нальчик (на карте № 32), в объяснении сказано, что "они издавна и ныне живут на сем месте"... Следовательно, – заключает резонно В.К. Гарданов, – представление о том, что кабардинцы и другие адыгские племена, жившие на равнине, в XVIII в. часто меняли свое местожительство в связи с необходимостью перехода к обработке земельных участков, не соответствует действительности"[66].

Мы привели эту длинную выдержку, ввиду того что в ней содержится изложение весьма важного свидетельства очевидцев из среды коренного населения, которые несомненно лучше иностранцев были знакомы с истинным положением местных дел. Кроме того, здесь обосновывается точка зрения, идущая вразрез с установившимся представлением о характере средневековых поселений на Северном Кавказе, которую поддерживали все без исключения путешественники и исследователи, начиная со второй половины XVIII в. и вплоть до настоящего времени. Как же примирить эти два диаметрально противоположных мнения, в основе которых свидетельства очевидцев и достоверные факты?

Очевидно, истина здесь лежит посередине. Ни кабардинцы, ни адыгейцы (черкесы), ни тем более осетины, чеченцы и ингуши не были кочевыми народами. Все они имели свои четко очерченные, закрепленные обычным правом и исторической традицией пахотные и юртовые (пастбищные) земли, в пределах которых и передвигались, когда к тому их вынуждали те или иные обстоятельства (главным образом внешняя опасность). Об этом прямо пишет М. Пейссонель: "Черкесы кочуют, не выходя, однако, за пределы своего племени"[67].

Внешняя опасность и феодальные междоусобия явились также одной из основных причин исчезновения в позднем средневековье городской жизни на Северном Кавказе. Выше уже упоминалось о существовании в более раннюю эпоху каких-то пяти безымянных городов, находившихся в V в. в подчинении у болгарских племен, а также о "столице" алан городе Магас (Макас). По утверждению Масуди, где-то в горах Северного Кавказа находился еще один загадочный "Медный город", о котором говорит и Фирдоуси в своей поэме "Шахнаме"[68]. Вероятно, речь идет о каком-то крупном центре медеобработки, которой славились средневековые аланы. Города и укрепленные пункты имелись также у предков адыгов – кашеков (касогов) и зихов. О последних венгерский миссионер Юлиан писал, что вождь этого племени живет в "городе Матрика", т.е. в Тмутаракани на Таманском полуострове[69]. Отголоском этого является, по-видимому, позднейшее черкесское наименование воскресенья (т.е. базарного дня) "Таматкхуа"[70]. О "стольном городе черкесов" говорится также в грузинской позднесредневековой поэме "Алгузиани", в которой отразились события значительно более раннего времени[71].

Археологическими раскопками на территории Кабарды и Черкесии открыто более 120 раннесредневековых городищ, окруженных в свое время мощными земляными и каменными валами и стенами. Некоторые из них расположены группами либо тянутся длинной цепью вдоль рек и оврагов. По особенностям планировки и застройки И.М. Чеченов делит их на четыре типа: детинец, цитадель, посад, сторожевой пост с прилегающим селищем. Крупнейшие из них Гунделеновское, Каменномостское, Рим-гора, Хумаринское, Клин-яр (последние три на территории современной Карачаево-Черкесии). Большая часть раннесредневековых городищ была уничтожена в XIII в. татаро-монгольским нашествием, а на тех, что сохранились, жизнь продолжалась лишь на территории неукрепленных селищ[72]. Последнее полностью совпадает с указанием источников об опустошении "городов овсов" не только на равнине, но и в горах[73]. Впрочем, некоторые города, как, например, Маджары, Татартуп (Верхний Джулат), в XIII–XIV вв. переживают даже короткий период расцвета, но в позднем средневековье жизнь замирает и на них, после того как вместе с падением Золотой Орды в Предкавказье исчезает централизованная власть и воцаряется хаос феодальной анархии.

Совершенно иначе шло в позднем средневековье развитие поселений и жилищ в горной полосе Северного Кавказа. Свободных земель здесь практически не имелось, и поэтому в случае внешней опасности спасение жителям приходилось искать исключительно за стенами своего жилища, которое постепенно приобрело черты укрепления. Поэтому в горной части Чечни, в Ингушетии, Северной Осетии и отчасти в Балкарии (в Черекском и Хулам-Безенгийском ущельях) в описываемое время деревянное зодчество постепенно вытесняется каменным. Русское посольство Ф. Волконского, проходившее через горы Ингушетии, повсеместно зафиксировало каменные дома. Жилые и боевые башни, укрепленные усадьбы замкового типа становятся единственной формой жилища на всем протяжении от восточной границы края вплоть до верховьев Кубани. Правда, в западной части края, в Чегемском и Баксанском ущельях Балкарии и в Карачае подобные памятники встречаются довольно редко, но это объясняется, видимо, тем, что в этих местах на рубеже нового времени произошла почти полная смена населения, а перед этим здесь обитали (судя по сохранившимся могильникам) какие-то кочевнические общества. По крайней мере жилища открытого типа, врезанные в склоны гор, сходные с жилищем новейшей поры, прекращают свое существование где-то в пределах XII–XIV вв.[74], тогда же возникают и первые укрепленные комплексы. Все это свидетельствует о феодализации местного общества со всеми присущими этому процессу атрибутами.

[1] *Замятнин С.Н.* Навалишинская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. – Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6/7, с. 101; Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. – КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 29; *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. – КСИА, 1965, № 100, с. 40.

[2] *Лавров Л.И.* Форма жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. – СЭ, 1951, № 4, с. 44. Подробнее см.: *Круглов А.Н., Подгаецкий Г.В.* Долинские поселения у г. Нальчика. – МИА, 1941, № 3, с. 170–174; *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. – Там же, с. 17; *Крупнов Е.И.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик: Кабардинское изд-во, 1946, с. 19, 20; *Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. – КСИА, 1963, т. 94, с. 42–54; *Козенкова В.И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. – Там же, 1965, т. 103, с. 69.

[3] *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. – Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории, 1960, т. 31, с. 101–178; *Марковин В.И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974. Почти все исследователи дольменов считают их привносной культурой на Кавказе, хотя и без особых на то доказательств.

[4] *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Археология Чечено-Ингушетии..., с. 44.

[5] *Лавров Л.И.* Форма жилища..., с. 47–50.

[6] *Крупнов Е.И., Марковин В.И., Козенкова В.И., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б.* Северо-Кавказская экспедиция. – В кн.: Археологические открытия 1966 г. М.: Наука, 1967, с. 59.

[7] *Круглов А.П.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. – Зап. Чечено-Ингушского НИИ языка и истории. Грозный, 1938, № 1, с. 27.

[8] *Лавров Л.И.* Форма жилища..., с. 48, 49.

[9] *Амфимов Н.В.* Новые данные к истории азиатского Боспора. – СА, 1941, VII, с. 258–263; *Он же.* Меотские поселения Восточного Приазовья. – КСИИМК, 1950, вып. 34, с. 94. В.Ф. Гайдукевич считает, что описанный дворец принадлежал скорее какому-либо знатному греку, а не представителю местной аристократии, и указывает на сходное жилище, раскопанное в Крыму у города Пантикапеи (*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 148). Л.И. Лавров справедливо указывает, что адыгская племенная знать была сильно эллинизирована. Примером тому может служить греческая колония Горгиппия (Синдская гавань), которую Страбон именует "столицей синдов". "Синдское" городище у хутора Раевского вблизи Анапы исследователи обычно сопоставляют с античным городом Аборакой, название которого звучит совершенно не по-гречески. Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н.э.) упоминает о замке Арифарна, царя племени фатеев, который был защищен "башнями и наружными укреплениями", внутри имел колонны (Л.И. Лавров видит в них сваи), а жилые помещения его "находились над водою" (*Лавров Л.И.* Форма жилища..., с. 49).

[10] *Деген-Ковалевский Б.Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. – ИГАИМК, 1935, вып. 110, с. 17–26.

[11] *Крупнов Е.* Кавказ в первом тысячелетии до нашей эры. – Советский музей, 1936, № 5, с. 42.

[12] *Лавров Л.И.* Форма жилища..., с. 46.

[13] *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, т. 1, с. 475.

[14] *Лавров Л.И.* Форма жилища.., с. 46, 55.

[15] *Мовчан Г.Я.* Камень и дерево в старинном жилище Аварии. – СЭ, 1969, № 4, с. 51.

[16] ВДИ, 1947, № 2, с. 300; 1948, № 1, с. 302.

[17] *Гаглойти Ю.С.* Этногенез осетин по данным письменных источников. – В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967, с. 93.

[18] *Ритор Захария.* Хроника. – В кн.: *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 165.

[19] *Аммиан Марцеллин.* История, XXX, 2, 18. – ВДИ, 1949, № 3.

[20] См. об этом подробнее: *Голубовский П.В.* С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором? – Труды XI Археологического съезда. М., 1902, т. II, с. 73, 74; *Плетнева С.А.* Построение кочевнического лагеря-вежи. – СА, 1964, № 3, с. 133–140.

[21] ВДИ, 1949, № 3.

[22] *Геродот.* История в 9-ти книгах, кн. IV, § 23/Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972, с. 193.

[23] *Исламмагомедов А.И.* Из истории материальной культуры аварцев. (Поселения и жилища). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966, с. 12.

[24] Изображение этих склепов см.: *Кобычев В.П.* Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища. – ПИИЭ, 1975. М.: Наука, 1977, с. 80, рис. 6, *2*.

[25] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/Пер. А.М. Ловягина. СПб., 1906, с. 403.

[26] *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкессию через земли ногайских татар в 1709 г. – РВ, 1842, № 4, с. 44.

[27] *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, с. 24.

[28] *Бонч-Осмоловский Г.А.* Свадебные жилища турецких народностей. – МЭР, т. 3, вып. 1. Л.: Изд. Гос. Русского музея, 1926, с. 107–108.

[29] *Какаш и Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию в 1602–1603 гг. – ЧОИДР, 1896, кн. 2, с. 26.

[30] Описание Черного моря и Татарии. Составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и пр., в 1634 г. – ЗООИД, 1902, т. XXIV, с. 121.

[31] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ... Ч. II. СПб., 1799, с. 44.

[32] *Харузин Н.* История развития жилища..., с. 40–45.

[33] *Георги И.Г.* Описание..., с. 41.

[34] *Бинкевич Е.Р.* История черкесского жилища. Канд. дис. М., 1946, с. 170. Рукопись хранится в АИЭ.

[35] *Варавин П.С.* Летние и зимние пастбища Закавказского края. – Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1888, т. V, с. 124; *Кулиева М.В.* Кибитка на яйлагах полукочевых тюрок Казахского уезда. – Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927, № 5, с. 172, 173; *Авдеев М.* Мильско-Карабахская степь. Баку: Красный Восток, 1929, с. 36; *Кобычев В.П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. – КЭС, 1962, вып. III, с. 33, 34.

[36] *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 204.

[37] *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968, с. 263.

[38] *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик: Эльбрус, 1970, с. 57–60. Указанные круглые склепы с полусферическим куполом автор относит к XIV–XVIII вв. Один из этих склепов был, по преданию, построен неким Базза Атабиевым, принадлежавшим к княжеской балкарской фамилии. В склепе похоронены его дочь Зирьят и сын Омар (АИЭ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1963 г., тетр. 1, л. 11).

[39] *Студенецкая Е.Н.* Культура и быт кабардинского народа XVIII–XIX вв. – Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское изд-во, 1954, вып. 3, с. 157.

[40] *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 213, прим.

[41] *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов..., с. 5, 9.

[42] *Лавров Л.И.* Форма жилища..., с. 52.

[43] *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966, с. 166–172.

[44] *Interiano G. de.* La vita e sito de Zichi, chiamati Circassi, historia notabile. Venezia, 1502. Страницы не пронумерованы.

[45] *Жан де Люк.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. – ЗООИД, 1879, т. XI, с. 490.

[46] *Шарден.* Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902, с. 20; *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. – ЗООИД, 1875, т. IX, с. 182.

[47] *Брун Ф.* Путешествие..., с. 179.

[48] *Жан де Люк.* Описание..., с. 489.

[49] Там же, с. 492.

[50] *Peyssonel M.* Traite sur le commerce de la mer Noiar. Paris, 1787, v. 2, p. 3.

[51] *Guldenschtädt I.* Reise durch Russland und im Kaukasischen Gebirge in den Jahren 1768–1773. SPb., 1787, Bd. 1, S. 469.

[52] Там же.

[53] *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803, Bd. 1, S. 341.

[54] О социальных отношениях у адыгов подробнее см.: *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967.

[55] *Каменев Н.* Бассейн Псекупса. – КВВ, 1867, № 5, с. 20.
[56] Там же.
[57] АКАК, 1878, т. VII, с. 905.
[58] *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1812, Bd. 1, S. 468.
[59] *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды. (Хозяйство на плоскости). – Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж: Изд. обл. испол. комитета Кабардино-Балкарской автономной области, 1928, вып. 1, с. 37.
[60] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М.: Наука, 1968, ч. 2, с. 136, 137, 142.
[61] *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР. Пг., 1914, т. II, с. 63.
[62] *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Кабардино-Балкарское изд-во, 1963, с. 90.
[63] *Дельпоцо И.П.* Описание кабардинцев. – В кн.: *Косвен М.О.* Архивные материалы по географии и этнографии Кабарды (1808–1834). – УЗКБНИИ, Нальчик, 1957, т. 13, с. 382.
[64] *Klaproth J.* Reise..., S. 471.
[65] *Зевакин Е.С.* Материальная культура. – В кн.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1957, с. 228. См. также: *Бинкевич Е.Р.* История..., с. 72, 73.
[66] *Гарданов В.К.* Общественный строй..., с. 82, 83.
[67] *Peyssonel M.* Traite..., p. 3.
[68] *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней. – Цит. по: *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов..., с. 44.
[69] *Аннинский А.* Известия венгерских миссионеров..., с. 78.
[70] Les peuples de la Russie. Paris, 1812, v. 2, p. 6.
[71] *Джанашвили М.* Алгузиани. – СМОМПК, 1897, вып. XXII, с. 181.
[72] Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 204–206.
[73] По словам А. Головина, в преданиях осетин сохранилось известие о том, что современное селение Цымити в Куртатинском ущелье в древности было богатым торговым городом, куда в базарный день съезжались жители со всего ущелья (*Головин А.* Топографические и статистические заметки об Осетии. – КК на 1854 г. Тифлис, 1855, с. 442).
[74] *Мизиев И.М.* Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая (XII–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии, 1967, с. 9–10.

Поселения

Типы, размер и форма *

Поселение наряду с жилищем представляет собой один из элементов материальной культуры, развитие которого находится в непосредственной зависимости от уровня социальной, хозяйственной и идеологической жизни народа. Все сколько-либо существенные изменения в экономике, социальной организации и идеологических представлениях общества так или иначе накладывают свой отпечаток на облик поселения. Ввиду этого изучение поселений должно всегда производиться в тесной связи с историей народа[1].

Существенное воздействие на формирование поселений, особенно в условиях горного рельефа, оказывает географическая среда, а для ранних этапов развития – также политическая обстановка, вынуждавшая зачастую население поселяться в совершенно непригодных с точки зрения хозяйства и жизнедеятельности местах – на крутых склонах гор, вершинах холмов-останцев, в недоступных ущельях и т.п.

Вплоть до середины XIX в. Северный Кавказ, за исключением Кабарды, Северной Осетии, Балкарии, района Пятигорья и верховьев Кубани, входил в состав Российской империи по существу лишь номинально. Вся остальная горная полоса, в которой проживала основная масса населения, находилась вне пределов досягаемости русской администрации[2]. Поэтому до окончания Кавказской войны не могло быть и речи о получении сколько-либо систематической и исчерпывающей информации о поселениях коренного населения. Самое большее, что содержат источники тех лет по вопросу о социальных категориях поселений аборигенов, – это указание на местоположение, размер и личную зависимость жителей того или иного из них, а также беглые замечания о характере расселения отдельных народов края, из которых иногда можно бывает извлечь и некоторые сведения о преобладающих типах поселений в данной местности. Вследствие этого для восполнения неизбежных пробелов в информации нам придется в отдельных случаях прибегать к интерполяции материала несколько более раннего времени – начала XIX в. и даже еще более отдаленных периодов. Такая интерполяция не приведет, однако, к большой ошибке, учитывая довольно замедленный характер социального и экономического развития народов края до присоединения к России.

Наиболее распространенным типом поселений на Северо-Западном Кавказе в середине XIX в. у большинства адыгских народов, как это видно на карте 2, было небольшое моногенное (однофамильное) поселение, состоявшее из нескольких, обычно не более 1–1,5 десятков дворов, все члены которого находились между собой в прямом кровном родстве.

"Каждый черкес стремится жить уединенно, – писал Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Северо-Западный Кавказ в 30-х годах прошлого столетия, – и в своем владении выбирает подальше от соседа место для жилья, стараясь расположить его среди нескольких прекрасных деревьев, так часто встречаемых в этой стране, и вместе с тем вблизи от леса, где его семья могла бы укрыться в случае нападения врага". По этой причине в Черкесии не имеется "ни городов, ни местечек, ни настоящих селений"[3]. Аналогичные описания дают и другие авторы. "Широкое пространство между левым берегом Кубани и горами густо заселено небольшими группами черкесских аулов. На каждой версте можно встретить два–три двора, обнесенных оградою", – замечает один бытописатель середины XIX в.[4]

Сказанное в той или иной мере было справедливо для поселений почти всех адыгских народов как в горах, так и на равнине, начиная от Черноморского побережья на западе и вплоть до границ Большой и Малой Кабарды на востоке включительно. "Черкесы и убыхи прибрежного края, – пишет Вревский, – живут рассеянно в одиночных домах, нигде не имеют селений"[5]. То же самое сообщает про Кабарду И.Г. Гербер. "Верхняя (т.е. Большая. – *В.К.*) Кабарда наполнена горами, между которыми находятся узкие дороги. Там нет ни городов, ни деревень. Всякий, живучи в долинах между горами, делает себе, где ему угодно, небольшой шалаш из тростника или дом из сушеных глиняных глыб. Напротив того, в Нижней (Малой. – *В.К.*) Кабарде по большей части земля ровная, следовательно, довольно пашней, лугов и лесу. Однако и там мало деревень"[6]. О последнем свидетельстве необходимо оговориться, что оно относится к 30-м годам XVIII в.

Указание на "хуторской" тип поселений как наиболее характерный для адыгских народов до вхождения их в состав России приводится и многими позднейшими исследователями[7].

Существование у адыгов поселений подобного рода объясняется различно. По мнению Ф. Дюбуа де Монпере, это произошло вследствие того, что "тысячи интересов разделяют этот народ на множество племен и независимых родов... ревниво оберегающих свою свободу"[8].

Однако большинство исследователей преобладания у адыгов данного типа поселений объясняли особенностями географической среды. В горах Закубанья суровая природа, пишет Е.Д. Фелицын, давала мало средств для существования, и поэтому население "жило мелкими поселками или рассеянно по отдельным саклям"[9]. Такое же объяснение мы находим у Е.Р. Бинкевич[10] и Е.С. Зевакина: "Хутор (т.е. моногенное поселение. – *В.К.*) – тип адыгейского поселения, являющийся переходным к аулу. У адыгов, живших в высокогорьях, было меньше удобных земель для полей, чем у живущих в предгорьях. Приходилось максимально использовать небольшие

плато, расположенные среди лесов. Чаще же адыги были вынуждены расчищать поляны в лесистых горах. Маленькими хуторами было легче жить и обороняться при наличии густых лесов. Природные условия не давали возможности разрастаться здесь селениям"[11].

Приведенное утверждение, равно как и точка зрения Ф. Дюбуа де Монпере, представляется мало убедительным. В соседнем Карачае, сходном с горной частью Адыгеи в природно-климатическом отношении, тип поселения был совершенно иным. Еще менее оправданной является ссылка на то, что "мелкими селениями" было якобы легче обороняться. История свидетельствует совершенно об обратном.

Что касается "тысячи разных интересов" Ф. Дюбуа де Монпере, то это следствие, а не первопричина "разобщенной" жизни черкесов в первой половине – середине XIX в. Основным фактором здесь следует признать социально-экономический строй, который в рассматриваемое время у адыгов характеризовался сравнительно низким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, господством натурального хозяйства и наличием патриархальных пережитков в общественном и семейном быту. Влияние этих архаических отношений и обусловило преобладание у адыгских племен горной зоны Закубанья небольших поселений моногенного типа, образовавшихся, по мнению М.О. Косвена, в результате распада и сегментации больших патриархальных семейных общин. "Уровень развития производительных сил, – пишет он, – ставил предел естественному расширению одной семьи, которая поэтому с течением времени распалась на две и несколько семей. Коллективно-потребительские условия, вызвавшие данное явление, хорошо характеризуются относящимся сюда осетинским выражением: "арт ныл нал аххасы" – "огня (очага) не хватает на всех". Такие разделившиеся семьи, которые зачастую сохраняли территориальное и хозяйственное единство, М.О. Косвен предложил называть патронимией[12].

Свое заключение М.О. Косвен сделал на югоосетинском материале, но оно целиком применимо и к народам Северо-Западного Кавказа. Об этом можно судить хотя бы по следующему замечанию К.Ф. Сталя о том, что у черкесов "каждый род живет не вместе, но по семействам и там, где захочет"[13]. Из приведенных слов также следует, что сравнивать моногенное поселение с хутором или хуторским поселением в современном его понимании можно лишь условно, несмотря на то что по размерам это зачастую было типичное однодворное поселение, что отразилось и в наименовании его у адыгов "уна", т.е. "дом". "Я старался узнать, имеют ли натухаджи другое слово для понятия "поселок" или "селение", – пишет Ф. Дюбуа де Монпере и заключает: "Кажется, что не имеют и употребляют в этом значении то же слово *ун* (ouneh)"[14].

Отголосок этого термина в форме "пше-уна-хабль" (дословно "поселок княжеского дома") мы обнаруживаем в названии другой категории поселений, связанной по своему происхождению с феодальным бытом. Позднее за поселениями моногенного типа закрепился термин "хабль" (адыг. *хьабл*, кабард. *хьэбла*, современное значение "квартал", по мнению Л.Я. Люлье, производный от адыгского корня *благъэ* – "близко", "близкий"[15], с добавлением префикса *хэ*, обозначающего "пространство, обжитое место"[16]. Следовательно, в целом "хабль" можно перевести как "поселение близких родственников"[17].

Другой социальной категорией поселений у адыгов в середине XIX в. были многодворные полигенные селения, обязанные своим возникновением развитию феодальных отношений. Ф. Дюбуа де Монпере характеризует их следующим образом: "Если несколько жилищ, рассеянных вдоль и поперек, зависят от одного князя или объединены местными условиями и общими интересами, им дают одно название, обыкновенно общее с рекою, протекающей по соседству"[18].

Феодально-владельческие и соседско-общинные многодворные поселения преобладали в первой половине XIX в. в Кабарде и у так называемых "аристократических" адыгских племен. "Кабардинское селение в описываемый период, – указывает Е.Н. Студенецкая, – состояло из усадьбы феодала – владельца селения (пши или тлекотлеш) и беспорядочно группирующихся возле него усадеб его подвластных – уорков, азатов, тлхокотлов и шпитлей. В кабардинском селении феодального периода сохранилось отчасти и расселение по родам, но определяющим было все же феодальное устройство. Селения назывались по фамилии его феодального владельца"[19]. И далее: "Усадьба князя – в частности его двор и кунацкая (помещение для гостей, где бóльшую часть времени проводил и сам глава дома)... представляла одновременно собой и общественный центр селения, где... происходили суд и расправа, совещания феодалов, общественные сборища и увеселения"[20]. Такую же характеристику полигенного поселения у адыгов дает и Е.С. Зевакин. "Аул, в котором жил князь с зависимыми от него группами населения и рабами, считался его собственностью. Он управлял подвластной общиной и владел ее территорией. Княжеская усадьба была обнесена забором. Вблизи усадьбы жили зависимые от князя крестьяне"[21].

Сохранились документы 1830–1860-х годов, относящиеся к Кабарде, из которых следует, что в указанное время, в противоположность более раннему свидетельству И.Г. Гербера, у кабардинцев преобладали полигенные селения, принадлежавшие различным княжеским фамилиям. Так, по данным русских военных властей, в 1830-х годах в Кабарде насчитывалось 93 населенных пункта с общим числом дворов 4602, что дает в среднем 49,5 двора на одно поселение. Из этого числа 40 селений находились во владении княжеских фамилий Атажукиных и Мисоставых, 36 признавали власть князей из рода Кайтукиных и Бекмурзиных[22]. 17 малокабардинских селений состояли под властью потомков княжеской фамилии Бековичей-Черкасских.

Тип владельческого поселения был не чужд и адыгским племенам, жившим в условиях "народовластия". В этом нет никакого противоречия, учитывая, что все различие между "аристократическими" и "демократическими" племенами сводилось по существу к различиям в политическом устройстве и "не затрагивало, – пишет В.К. Гарданов, – самих основ способа производства, социальной структуры общества", которая была как у тех, так и у других одинаково феодальной[23].

Упоминание об одном из таких селений-поместий, находившемся в горах Закубанья между реками Пшадом и Курджипсом и принадлежавшем абадзехскому старшине Даур-Амиш-Гирею, содержится в воспоминаниях барона Торнау[24]. Феодально-княжеская основа абадзехских поселений одного из наиболее крупных демократических племен проступает также в названии их по фамилиям бывших у них некогда дворянских родов – Берзек-

хабль, Джангет-хабль, Нежуко-хабль, Гатюко-хабль и т.п.[25] Правда, в отличие от кабардинских и западно-адыгских аристократических племен владельческие поселения у демократических племен шапсугов, абадзехов и натухайцев были, по-видимому, несколько меньшими по размерам уже в силу отсутствия у них князей с челядью – самого высшего и наиболее могущественного феодального сословия.

Впрочем, и поселения аристократических племен, включая и кабардинцев, в рассматриваемый период были не столь уж большими. Основываясь на одном документе той поры, Т.Х. Кумыков установил, что подавляющее большинство кабардинских селений насчитывало 20–30 дворов и только два селения – майора Докшукина и Пшемахи Коголкина – состояли более чем из ста дворов[26].

Наиболее крупные селения были в Малой Кабарде, на Черноморском побережье Кавказа и близ Кубани, где постоянная военная опасность заставляла население селиться большими многодворными селами. Так, по свидетельству Де ля Мотре, виденное им в Причерноморье сел. Хеллейпс состояло из 300–400 дворов[27]. Это же подтверждает и Хан-Гирей, первый адыгский этнограф, который сообщает, что старые черкесские аулы в Прикубанье "насчитывали по 100 и более дворов"[28].

На давность и прочность соседско-территориальных связей и поселений адыгов указывает и фольклор этих народов, в частности такие выразительные поговорки, как, например: "Близкий сосед лучше дальней родни", "Что сосед, что штаны – одинаково близки".

Крупные полигенные соседско-территориальные и владельческие поселения назывались у адыгов "куадж" и "чылэ" (адыг. *къуадж, чIылэ*; кабард. *къуаже, жылэ*). Первое из этих наименований Ф. Дюбуа де Монпере связывал с особенностями планировки поселений: "На равнинах Кубани, в Большой и Малой Кабарде некоторая часть горных (?) черкесов употребляет слово *кудж* или *квадже*, по-татарски "кабак", для обозначения селения из 40–50 жилищ, расположенных кольцом"[29]. Но такое объяснение не оправдывается языковым материалом. Э.Л. Коджесау вкладывает в термин *куадж* социальное содержание. "*Къуадж* появляется лишь с расслоением адыгского общества на классы и выделением господствующей верхушки – князей, именем которых часто стали называться адыгские аулы"[30]. Что касается названия *чылэ*, то по данным полевых исследований Э.Л. Коджесау, оно как будто предшествовало термину *куадж* ("термин *чылэ*, согласно полевым материалам, появился раньше, чем *къуадж*")[31].

Близкой точки зрения придерживается и черкесский этнограф И.Х. Калмыков, который опирается в своих выводах также на этимологию данных терминов. "Из двух приведенных терминов раньше возник, вероятно, термин "жылэ". На такое предположение наводит другое его смысловое значение: "семя". Этот термин, по всей вероятности, первоначально относился лишь к растительному миру, но с течением времени стал применяться по аналогии и к общественному явлению, определяя понятие материнского рода". И далее относительно названия *къуаже*: "В термине "къуаже" основным компонентом является "къуэ", что означает "сын". Второй компонент слова "жэ" означает "беги", "побег"... У черкесов имеющий свою семью княжеский сын был вправе уйти со своими подвластными из отцовского селения и основать собственный аул. Как правило, такой аул получал название по имени или фамилии его основателя. Но иногда основатель аула сохранял имя своего отца и название населенного пункта. Например, Бересланов-ский аул (ныне Инжичишхо) назывался "Беслэн и къуэм и къуаже" (аул сына Беслана)"[32].

Образование укрупненных селений в районах, соседствующих с Черным морем и Кубанью, все исследователи объясняют потребностями военно-стратегического характера – необходимостью более тесного объединения с целью обороны, с чем, по-видимому, можно согласиться. "В малозащищенной местности, прилегающей к степной полосе, – пишет Е.С. Зевакин, – постоянная опасность внезапных нападений заставляла адыгов селиться в настоящих аулах с одной общей оградой"[33].

Крупные полигенные поселения в еще большей степени, чем для адыгов и кабардинцев, были характерны для карачаевцев и балкарцев. Об этом можно судить прежде всего по статистическим данным, которые, например, для Балкарии 1830-х годов дают цифру в 140–150 дворов в среднем на одно селение, а в 1850-х годах – 52,8 двора[34]. Это подтверждают и народные предания, согласно которым основателями большинства, в том числе наиболее древних, селений выступают всегда несколько фамилий. Так, например, основателями сел. Эски Безенги (Старое Безенги) считаются четыре фамилии: Холамхановы (две семьи), Чечаевы, Рохаевы, Боттаевы (последние три по одной семье)[35]. Первопоселенцами в сел. Булунгу в Чегемском ущелье были фамилии Акаевых и Таппасхановых, в сел. Эльтюбю в том же ущелье – Эдоковы, Аккаевы, Калабековы, Беккиевы, Газаевы, Гемишовы[36]. О полигенном характере балкарских поселений косвенно свидетельствуют также грузинские источники. "В басианских селах имеются крепости и башни, местное население называет их городами (!), но поскольку они не имеют городского управления и строя, мы считаем их поселками"[37], – пишет Вахушти, грузинский историк первой половины XVIII в.

Относительно Карачая источники и авторы прошлого столетия, правда, оговариваются, что первоначально там существовали небольшие моногенные поселения хуторского типа[38], которые в дальнейшем образовали три больших аула: Карт-Джюрт, Хурзук и Учкулан, позднее получившие название "Большой Карачай". Карачаевцы, придя в верховья Кубани, пишет А.Н. Дьячков-Тарасов, застали дремучие леса, поселялись хуторами. Позднее они слились в аулы: хутор Боташа (один из легендарных родоначальников карачаевцев) был на реке Хурзук. Когда эти хутора превратились в аулы Хурзук и Учкулан, Эль-Тюбе обратилось в аул Карт-Джюрт (старое селение)[39].

Ведущей отраслью хозяйства карачаевцев в первой половине прошлого столетия было скотоводство. Летом на горные пастбища карачаевцы нередко уходили целыми семьями, а мужчины-пастухи иногда оставались там и круглый год. Случалось, что некоторые из них по 5–7 лет не появлялись в родном ауле, жили постоянно со скотом на кошах, которые постепенно все более обрастали жилыми и хозяйственными постройками. Так со временем возникли новые селения Джазлык (дословно "летовка"), Дуут и др. В середине XIX в. в Карачае числилось уже семь селений. А в Хурзуке, например, в эту пору насчитывалось ориентировочно около 1200 дворов – случай уникальный для горной полосы Северного Кавказа, если не брать в расчет Дагестан[40].

Главная причина преобладания у балкарцев и карачаевцев многодворных полигенных поселений состояла, по-видимому, в особенностях их этнической истории, в частности в том, что заселение горных ущелий этими народами происходило не путем постепенного освоения местности, но под давлением извне и в сравнительно сжатый промежуток времени. Об этом согласно свидетельствуют письменные источники и предания самого народа[41]. По словам одного из наших информаторов Гулиева Габо, 91 год, из сел. Уллуэль, в первые годы обоснования балкарцев в Баксане там "повсюду росли густые леса, а народу было мало, поэтому их предки охотно принимали в свою среду беглецов из других земель, давали им невесту и землю"[42]. Нечто подобное рассказывают старожилы и в Верхнем Чегеме[43].

С другой стороны, по рассказам стариков, балкарцы и карачаевцы с незапамятных времен имели сословие феодалов-таубиев, т.е. горских князей. В предании о заселении Баксанского ущелья говорится, что первые поселенцы в Уллу-Эль (Верхнем Баксане) Гекки и Джаппо специально ездили в Безенги, с тем чтобы выкрасть у тамошних таубиев мальчика княжеской крови, поскольку "жить без князя считалось позором"[44]. Вахушти пишет также, что в Басиани "имеются помещики с крепостными крестьянами"[45]. Но, как уже отмечалось выше, для владельческих поселений характерны многодворность и полигенность, что, впрочем, не отрицает наличия в отдельных случаях и однодворного "хуторского" поселения[46].

Значительно более разнообразными по своей социально-экономической структуре предстают перед нами в рассматриваемый период селения осетин. Источники, которыми мы располагаем, зачастую дают противоречивые показания в отношении величины селений и числа проживающих в них фамилий. Наиболее ранние описания характеризуют осетинское селение как многодворное и полигенное. "Их селения, входящие в каждый район, в количестве от 5 до 50, полностью похожи на черкесские; они большие или маленькие, построены аналогично черкесским и также часто переносятся на новые места. В каждом из них живет от 20 до 100 фамилий", – указывает И. Гюльденштедт, посетивший ряд осетинских ущелий в начале 70-х годов XVIII в.[47]

Судя по тому что в качестве характерной черты здесь отмечается "подвижность" осетинских селений, можно полагать, что И. Гюльденштедт имел в виду плоскостную часть Осетии, поскольку в горах дома были каменными, а селения веками стояли на одних и тех же местах.

Вместе с тем в наших руках еще одно современное И. Гюльденштедту свидетельство, из которого следует, что чуть ли не все осетинские селения, в том числе и горные, насчитывали по нескольку десятков дворов, т.е. были полигенными. Речь идет об описи осетинских селений, составленной протопопом Иоанном Болгарским в 1780 г. В описи поименно упомянуты 34 селения, в большинстве своем существующие в горах и поныне, из которых наименьшее Цагат Ламардон насчитывает 13 дворов. Шесть селений, согласно описи, имеют от 120 до 150 дворов, а одно (Тиб) – даже 210 дворов. Средний же размер селения колеблется в пределах 30–60 дворов[48].

Сохранившиеся руины каменных зданий в указанных в описи селениях во многих случаях подтверждают сведения приведенного источника, особенно если учесть, что наряду с каменными домами осетины строили в прошлом и деревянные жилища, которые, естественно, могли и не уцелеть[49].

О больших селениях осетин сообщает и Вахушти в своей "Географии": "Цимити, селение большое башенное... Кобани, селение большое и башенное... Джибгизи (Дзивгис), село большое башенное с... крепостью... крепкою, недоступною для врагов... Какадури, село большое, прекрасное, башенное и крепость на подошве горы... весьма крепкая; селение Квара, прекрасное, с башнею и крепостью великою и сильною" и т.д.[50]

Между тем другие авторы говорят о селениях осетин прямо противоположное. "Осетины, – пишет Ю. Клапрот, – живут либо в селениях, либо в отдельных домах, разбросанных в горах. Селения называются у них *кау* и *гау*". И далее в примечании пояснение: "Селения в большинстве случаев очень маленькие и многие стоят так близко друг от друга, что их можно принять за одно. Селение обычно получает название по имени проживающей в нем фамилии. Отсюда многочисленные названия селений у Гюльденштедта"[51].

С приведенным высказываем Ю. Клапрота перекликается сообщение К. Коха, путешествовавшего по Кавказу в 30-х годах XIX в., который отмечает, что жилища осетин "редко стоят в долине, но разбросаны по возвышенностям и даже склонам гор. Несколько таких домов образуют выше названный кау, жители которого, как правило, принадлежат к одной семье"[52]. В другом месте своего труда К. Кох подробно поясняет, каким образом происходит образование фамильных поселений у осетин и как они соотносятся одно с другим. "Когда умирает отец, сыновья с детьми остаются вблизи отцовского жилища, которое достается старшему из них и образует со всей семьей так называемое кау (селение), члены которого благодаря родству по крови тесно связаны и взаимно защищают друг друга. Такое кау, как правило, получает имя семьи (читай фамилии. – *В.К.*), которая его образует. В большинстве случаев оно состоит из небольшого количества домов, расположенных иногда не слишком близко друг от друга... поэтому слово *кау* может быть только в переносном смысле переведено как селение. По мере того как количество домов возрастает и семьи увеличиваются, связи отдельных ее членов ослабевают. Прежнее единство нарушается всякими раздорами, и иногда часть членов основывает, наконец, новое кау, по возможности в самом близком расстоянии от основного (т.е. родительского. – *В.К.*). Так возникли постепенно многочисленные кау в осетинских долинах"[53]. И еще: "Новые кау не отделяются от старых, так как во всех случаях они оказываются снова связанными с ними. Отдельные члены встают на защиту друг друга, как только внешние обстоятельства призывают их к тесному союзу. Так создались братства, состоящие только из членов одной большой семьи... Братство, как правило, занимает определенную долину и не допускает в нее никакого постороннего, даже своих земляков, с которыми оно не имеет никакой связи, но живет даже в постоянной вражде"[54].

"Братства", о которых говорит К. Кох в приведенном отрывке, – это не что иное, как разросшаяся патронимия, для которой характерен моногенный тип поселения.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что какая-то часть осетин в первой половине XIX в. жила в небольших фамильно-патронимических поселениях. Такие поселения были наиболее распространены в глухих высокогорных долинах, вдали от больших рек и торных

дорог. Тот же К. Кох называет ряд таких ущельных обществ, или братств, по терминологии автора, в верховьях главной осетинской реки Ардон: "Ардон, или безумная река, бесспорно самая большая река Осетии... образуется пятью речками (Сгеле, Срого, Гинат, Сака и Нар). На каждой из речек осело особое братство, получившее от нее свое название. После соединения всех этих речек в Ардон, но до выхода этой последней из среднекавказских гор, на ее берегах живет пятое братство, называемое Срамаги (Зарамаг)"[55].

После этого общего вступления автор перечисляет число дворов, селений и жителей в каждом из поименованных им братств (обществ). Из приводимых сведений явствует, что в обществе Сака, расположенном в одноименной долине, во времена К. Коха числилось 12 селений и 97 дворов, что дает в среднем 8 дворов на одно селение. В Нарском обществе, занимавшем две узкие долины, насчитывалось 35 селений и 195 дворов, т.е. в среднем по 5–6 домов на селение. В обществе Срого имелось всего 8 селений и 51 дом, что дает 6–7 домов на селение. Общество Сгеле, или Мамисонское, отличалось от соседних ущелий более плотной застройкой и тем, что в одном из восьми его селений, а именно в сел. Тиб, насчитывалось 92 двора. На долю остальных семи селений приходилось 136 дворов, или по 19 дворов на одно селение. Столь большая сравнительно величина селений была обусловлена, вероятно, тем, что Мамисонское общество лежало на перевальной дороге из Северной Осетии в Рачу (Грузия) и жители в целях безопасности были вынуждены селиться более крупными селениями. И, наконец, в "районе Срамага" (Зарамагское общество) К. Кох указывает 14 селений при 132 дворах, что дает в среднем 9 домов на селение[56].

Разнообразные хозяйственные интересы, потребности обороны, религиозная близость вынуждали основателей патронимических поселений не порывать связей с отчим гнездом и селиться поблизости друг от друга. Отсюда чрезвычайная скученность поселений, особенно характерная для высокогорных ущелий, где, по словам К. Хетагурова, "на квадратной версте таких поселений можно насчитать с десяток"[57].

Впрочем, следует иметь в виду, что для первой половины XIX в. моногенные поселения представляли собой в известной степени анахронизм, рудимент давно отжившего у осетин патриархально-родового строя. Недаром многие исследователи прошлого столетия отмечают, что большинство моногенных башенных поселений в их время лежало уже в развалинах или пережило период глубокой деградации. "Все решительно горы и холмы (по течению Сонгутидона. – *В.К.*) увенчаны развалинами маленьких крепостей", – пишет К.Ф. Ган о Дигорском ущелье. То же самое сообщает Штедер в 1880-х годах о Куртатинском ущелье: "Этот округ – один из наиболее обширных, многолюдных и плодородных. Многочисленные развалины башен и стен на самых высоких возвышенностях говорят о древности места и о многих происшедших здесь изменениях"[58].

С другой стороны, те небольшие поселения, которые были еще обитаемы в рассматриваемый период и о которых можно было бы предполагать, что они представляют собой упомянутые выше моногенные поселения патриархально-патронимического типа, в некоторых случаях были типично феодальными усадьбами. Это видно, например, из слов того же Штедера, что дигорские бадиляты (феодалы) живут в "крепких замках"[59]. Показательно также свидетельство Вахушти о том, что "если овс или двалец приобретает силу или разбогатеет, то он или женится на двух–трех женах или строит себе башню..."[60]

Сильный и богатый осетин, строящий башню, – это типичный представитель классового феодального общества, но отнюдь не патриархального родового, как о том иногда писали исследователи[61].

Феодализм давно пустил корни в осетинском обществе. Уже в раннесредневековой Алании имелся многочисленный класс феодалов разных ступеней, живших в обособленных замках и поселениях. По словам доминиканского монаха Юлиана (XIII в.), в северокавказской Алании было "столько местечек, сколько и князей"[62]. Правда, позднее, после отхода алан в горы в результате монгольского нашествия, у осетин произошел частичный сдвиг в сторону архаизации общественных отношений, наблюдаемый в позднем средневековье почти повсеместно на Северном Кавказе[63].

К рубежу XVIII–XIX вв. власть феодалов сохранялась лишь у осетин Дигорского и Тагаурского обществ, куртатинцы же и алагирцы и жители смежных с последними высокогорных ущелий в верховьях Ардона пребывали в "народоправстве" и управлялись выборными старшинами-алдарами. Поэтому вряд ли оправдано встречающееся в дореволюционной (а иногда и в советской) литературе представление о том, что большие полигенные селения у осетин образовались лишь в позднейшую пору вследствие простого "увеличения населения"[64] или в результате "перемещения народонаселения и кровомщения"[65].

"Главным фактором этого явления (т.е. образования укрупненных полигенных селений. – *В.К.*), – читаем у А.Х. Магометова, – следует считать поиски новых мест обитания ввиду безземелия и перенаселенности разных мест и ожесточенной борьбы в условиях родо-племенной анархии и междоусобицы". И еще: "Тысячи людей, ввергнутые в водоворот кровной мести, переходили из одного ущелья в другое, укрываясь от преследования. Священный обычай гостеприимства горцев и долг предоставлять приют выходцам из других сел и ущелий сберегли немало человеческих жизней. Это, кроме того, меняло родо-племенной состав жителей обособленных природой осетинских обществ"[66].

В приведенном высказывании следствие спутано с причиной. Разумеется, "в каждом из горных ущелий Осетии, – говоря словами А.Х. Магометова, – можно встретить жителей, предки которых жили раньше в другом ущелье", однако следует помнить, что такое подселение было возможно лишь в условиях общества, разделенного на классы, но отнюдь не "патриархального" и тем более "родового" с его замкнутыми узами кровного родства, характером производственных отношений и быта. В этом отношении весьма примечательно сообщение Штедера: "Все, что не находилось с ними в союзе, все, что не относилось к их селению, к их округу – считалось ими чуждым, и они относились ко всему этому враждебно"[67]. Можно также сослаться на пример Дагестана, где в ряде горных обществ, еще сохраняющих в целостности патриархальные отношения, чужим ни под каким видом не разрешалось поселяться в селениях. Например, в адатах Келебских аулов указывается, "если пришел в селение человек из другого общества... то молодежь селения имеет право избить его". В селениях Ураде и Ланубе на того, кто оказал помощь жителю чужого аула, по адату должен быть наложен штраф. Ограничение прав чужепоселенцев содержат отдельные статьи также фео-

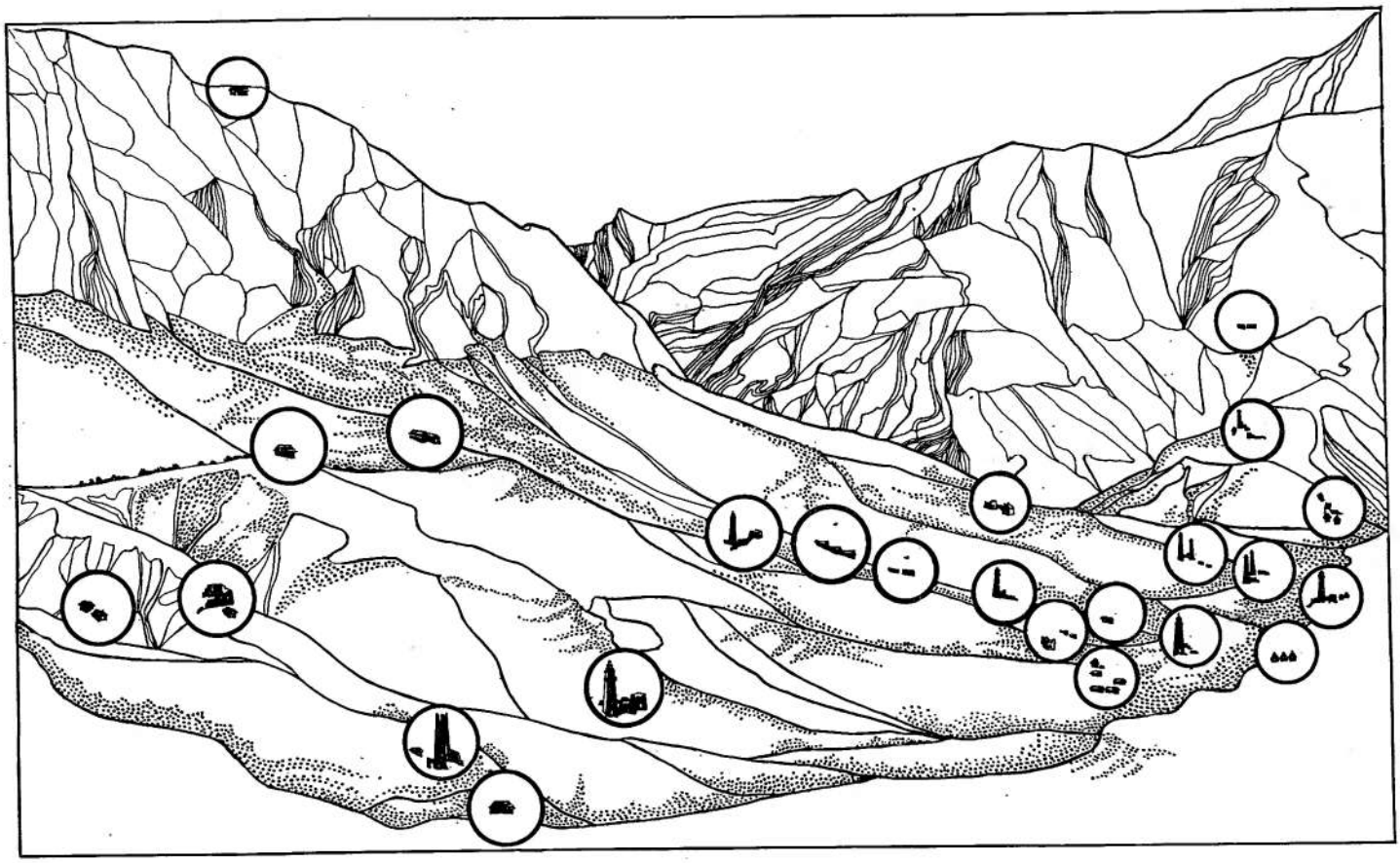

Рис. 6. Типы расселения в горах
Характер расположения поселений на местности. Долина Галгачуэ ЧИАССР

дального по своей сущности кодекса Уммухана Справедливого[68].

Полигенные поселения осетин в горах в первой половине XIX в., как и у других северокавказских народов, по своей сути были не чем иным, как типично владельческими поселениями феодального типа. Об этом свидетельствуют самые разнообразные источники. "Селение Даргафс, защищенное башнями, принадлежит трем тагаурским фамилиям: Мамцирре-фирт, Соха и Ханкуате или Эристофи-фирт, селение нижняя Саниба принадлежит фамилии Кундухате... Улаг Шаниба или Верхняя Шаниба... принадлежит фамилии Санате", – замечает Ю. Клапрот о тагаурских селениях[69]. Аналогичные сведения находим у Штедера о дигорских поселениях: "Во втором, южном селении (Кубати) среди каменных строений виден замок бадилятов с одной высокой башней"; или в другом месте: "Селение Дур-Дур в полутора версте от предгорий считается за бадилятской семьей Тагавер... селения Ватшило, Вассилово и Тума принадлежат незаконнорожденным детям бадилятов"[70].

Но и в "демократическом" Куртатинском обществе одно из крупнейших селений Даллакау, судя по некоторым данным, было в прошлом частным владением полулегендарных братьев Тага и Куртата, которые, по преданию, будто бы и погребены в местных склепах. О другом крупном куртатинском селении Дзивгис говорилось, что существующие там укрепления были воздвигнуты в древности "царями", следовательно, и это селение первоначально было скорее всего также владельческим в своей основе.

Но, пожалуй, самым интересным в указанном плане представляется сел. Цымыти, о котором сохранилось предание, что в отдаленном прошлом оно было богатым городом, служившим "единственным сборищем для сбыта и покупки разных произведений природы и искусства" чуть ли не для всей горной Осетии[71].

В первой половине XIX в. значительная часть осетин выселилась с гор на прилегающую равнину. Острое малоземелие, скудность почвы в горах, перенаселенность издавна вынуждали горцев стремиться к переселению на плодородные пустопорожние земли на плоскости. Первые известные осетинские поселения здесь возникли во второй половине XVIII в. Источники упоминают Караджево или Маскуава и Ахчиншета на р. Урухе, поселения дигорских бадилят Кубати и Фадау на р. Урсдон (Белой), Кобантекау на р. Лескен, а также селения Дур-Дур, Саликардан (Салугардан) и Бириг-сан (Бирагзанг) на одноименных речках[72]. В те же примерно годы осетины стали селиться и в окрестностях Моздока[73] и Владикавказа[74].

Однако массовое переселение осетин на равнину началось лишь в 20–30-х годах XIX в. в результате создания русской администрацией осетинских поселений вдоль Военно-Грузинской дороги. За короткий сравнительно срок на пространстве между правым берегом Терека и его левыми притоками Гизельдоном, Фиагдоном, Ардоном и Урухом в их нижнем течении возникло около двух десятков осетинских селений, основанных выходцами из четырех главных обществ: Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского[75].

Преобладающее большинство возникших селений с самого начала имело смешанный состав и лишь незначительная часть представляла собой однофамильные поселения, которые, впрочем, вследствие продолжавшихся под-

селений с гор и сложных зигзагов переселенческой политики царских властей в скором времени также стали полигенными многодворными селениями станичного типа.

О традиционных поселениях чеченцев и ингушей в литературе прочно держится мнение, что на равнине и особенно в горах они исстари были небольшими поселениями кровных родственников, преимущественно однофамильцев.

"Места древнейших поселений их [чеченцев], – пишет Е. Максимов, – переполнены небольшими поселениями, отселками и хуторами"[76]. Переселяясь с гор на равнину в конце XVIII в., они, по словам первого чеченского этнографа У.У. Лаудаева, писавшего в начале 70-х годов прошлого столетия, "вначале также селились хуторами... в недоступных местах"[77]. И еще: "Прежде чеченцы жили в маленьких хуторах, но в интересах безопасности и удобства управления их поселили в аулах", – замечает К.Ф. Ган. Автор добавляет, что и теперь еще сплошь и рядом "жители одного аула носят одну фамилию и отличаются только именами"[78] (см. рис. 7, слева).

Идентичные указания находим и об ингушах. "Назрановское общество в прошлом было разбросано по хуторам и малым аулам", которым "давали названия фамилий"[79]. Или у Н.Ф. Грабовского, современника описываемых событий, к тому же по роду службы непосредственно знакомого с положением дел в Ингушетии: до 1858 г. ингуши "жили хуторами по нескольку дворов одной какой-либо фамилии... две-три каменные постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляли горский аул"[80].

Основой для такого рода представлений послужили многочисленные небольшие (иногда действительно однофамильные, моногенные) поселения в горах и предгорьях, сохранявшиеся во второй половине прошлого столетия, а подчас дожившие в руинах и до наших дней. Письменные документы первой половины XIX в. не дают, вроде бы, повода сомневаться в этом. Чеченцы на р. Мичик обитают "в разбросанных небольших частых деревнях", – сообщает Р.Ф. Розен, повторяя в другом месте почти дословно то же самое об ичкеринцах ("ичкеринцы составляют особенное общество, имеющее около 5 тысяч душ м.п. жителей, живущих разбросанными во множестве маленькими деревушками")[81].

Но, во-первых, далеко не всегда "маленькая" или "небольшая деревня" еще равнозначна моногенному однофамильному поселению. Как показывают источники, и такое селение могло иметь многофамильное и даже разноэтническое население. "Небольшая деревня Даут-Мартан населена частью карабулаками (одно из этнографических подразделений вайнахов. – *В.К.*) и частью чеченцами", – свидетельствует один из участников Кавказской войны Г.В. Розен[82]. Во-вторых, в чеченском фольклоре "хутор" выступает обыкновенно в качестве временного поселения земледельца и скотовода[83], очень скоро перерастающего в крупное полигенное поселение. Так, в предании об образовании известного в Чечне сел. Дарго говорится, что сначала на месте селения были пахотные и сенокосные участки соседнего поселения Белгатой. Со временем белгатойцы сочли более удобным не ходить за несколько верст на свои участки, а поселиться здесь постоянно. Первым переселенцем предание называет некоего Хози из "рода" Альбахат, обосновавшегося в нижней части современного селения, известной ныне под названием "Хвост Дарго"[84]. Примеру Хози вскоре последовали другие белгатойцы, а вслед за тем переселенцы из других мест, в том числе и из Дагестана (патронимическая группа Оргlаной)[85]. В XIX в. сел. Дарго было крупным полигенным поселением, в котором насчитывалось пять мечетей и три кладбища, несколько кустарных мастерских, почти два десятка водяных мельниц и т.д.[86]

История образования сел. Дарго в известной мере может считаться типичной для большинства горных чеченских и ингушских селений. Вместе с тем в первой половине XIX в. некоторые поселения в результате военных действий и многократных переселений и выселений на плоскость не только не увеличились в размерах, но, наоборот, зачастую "растеряли" значительную часть своих жителей, создав у позднейших исследователей иллюзию "извечно" небольших поселений-"хуторов".

Документы, предшествующие времени окончательного присоединения Северо-Восточного Кавказа к России, говорят о том, что поселения горцев имели сравнительно крупные размеры и весьма неоднородный состав жителей.

В этом отношении весьма показательна "Ведомость ингушских селений Кистинского округа", составленная в 1810–1811 гг. по показаниям представителей ингушей в связи с вступлением последних в русское подданство. В ведомости перечислены 13 деревень горной Ингушетии и среди них: Арзи (Эрзи) – 50 дворов, Тарш (Терши) – 29, Большой Улай (?) – 29, Малый Улай – 20, Холи (Хули) – 18, Кашкул (Кошк) – 15, Мороши (Морч) – 10, Горокай (Горак) – 28, Марцхлеми (Мецхаль) – 10, Фитхаль (Фалхан) – 30, Беин (Бейни) – 20, Лазукин (Лежги?) – 30, Аратай (?) – 10 дворов. Итого 299 дворов, что дает в среднем 23 двора на селение – это соответствует характеру полигенного поселения[87].

Мы далеки от того, чтобы воспринимать приведенные показания на веру в качестве адекватного отражения существовавшего положения. Во-первых, по той причине, что в ведомости названы не все ингушские поселения, а лишь селения Джерахского (Кистинского) ущелья, возможно ведущие в социально-политическом отношении в то время, а следовательно, наиболее крупные. Во-вторых, в число дворов отдельных селений могли быть включены и тяготеющие к этим селениям отселки и подобные им однодворные моногенные поселения.

Однако сохранившиеся руины горных ингушских селений, за самым незначительным исключением (Белган, Заурнекье, Багир и еще двух-трех), подтверждают показания приведенного документа об их многодворном, полигенном характере. К примеру, в Эрзи по сведениям, собранным А.И. Робакидзе, уже на заре основания селения насчитывалось девять тайпов, фамильно-патронимических групп, каждый из которых группировался вокруг своей тайповой боевой башни. У хевсур сел. Эрзи так и именовалось "девятибашенным" селением (Цхрацихе). Позднее, в XVIII – начале XIX в., в Эрзи проживало 14 тайпов[88] и насчитывалось 16 боевых башен[89].

В других горных ущельях Ингушетии положение было примерно таким же. В этом нас убеждают руины таких старинных селений, как Эгикал, Хамхи, Таргим, Цори, Пялинг, Хени, Лейлах, Някист и др., состоящие из остовов множества жилых и боевых башен, расположенных в окружении обширных склеповых некрополей. Поэтому вряд ли следует безоговорочно доверять показаниям разного рода военных обзоров первой половины XIX в., в которых приводятся обобщающие данные, выраженные в "точных" цифрах[90].

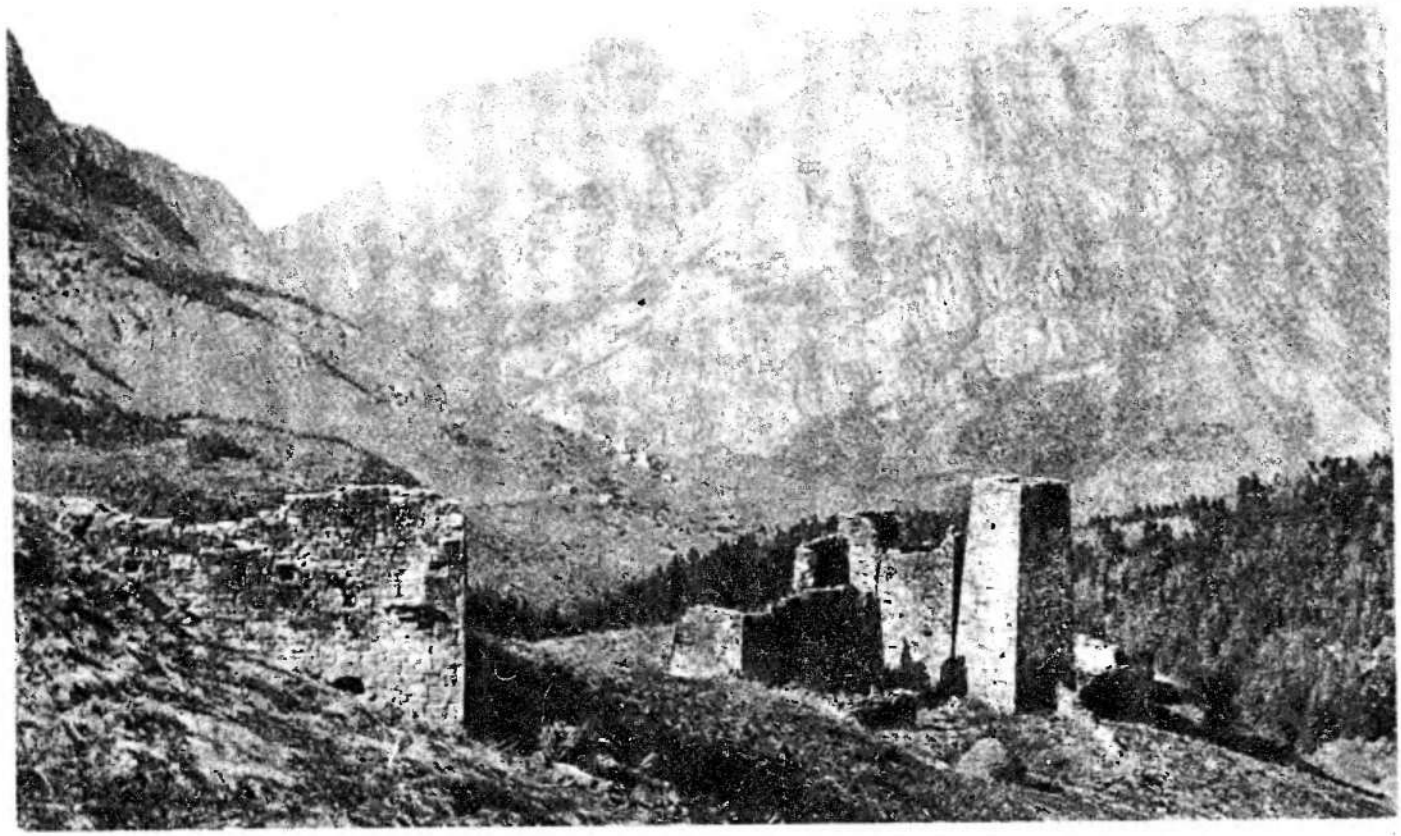

Рис. 7. Типы поселений в горах

Сел. Дагаборшкенти (сыновья Дагаборш) ЧИАССР. Фото автора 1971 г. (*слева*); тип полигенного поселения в горах Центрального Кавказа. Сел. Куссу СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г. (*справа вверху*); патронимический квартал в горном полигенном селении. Сел. Джерах ЧИАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*справа внизу*)

Это же подтверждают и народные предания, связанные с основанием многих селений. Так, например, в предании об основании сел. Цори говорится, что первоначально здесь обосновался "род" Дзейтовых. Однако уже в незапамятные времена к ним стали подселяться чужеродные беглецы из других обществ, искавшие спасения от кровной мести. Они покупали пашни, сенокосы, выгоны и становились равноправными членами общества. В предреволюционное время лишь четверть дворов в сел. Цори принадлежала фамилии Дзейтовых, остальные были подселенцами[91]. В свою очередь 15 поколений назад из Цори вышел "род" Салгиевых, который поселился в нижней части ущелья Чулхой-хи (один из боковых притоков Армхи), в одноименном селении. Не имея достаточно сил, чтобы возвести боевую башню, салгинцы на новых местах допустили на свои земли "род" Гу, от которого пошла фамилия Гухоевых. Гухоевы выстроили свое селение на соседнем (через овраг) холме, и несмотря на то что они выкупили у Салгиевых свои земли, последние продолжали смотреть на них как на своих подвластных, точнее "рабов" (лей), и не разрешали им строить боевую башню[92]. Таким образом, с формальной стороны Салги и Гу представляли собой два независимых моногенных поселения, но по существу это был единый хозяйственно-территориальный комплекс, не слившийся в одно селение[93].

Аналогичным образом жители сел. Лейлах в той же Чулхойской долине, для того чтобы удержать свои земельные владения, допустили в свое время на свою территорию "род" Хени (селение этого имени находилось по соседству с сел. Лейлах), сообща они пригласили "евреев-каменщиков", с тем чтобы те выстроили боевую башню, за которую они заплатили мастерам скотом (те и другие поровну)[94].

Полигенный характер селений Салги и Лейлах виден из того, что в каждом из них было по нескольку боевых башен (в Салги – две, а в Лейлах – три) и некрополи, состоявшие из нескольких склепов, между тем как однофамильцы хоронили умерших обычно в одном склепе и имели одну общую боевую башню. Примеры подобного рода, доказывающие, что ингуши давно уже жили в условиях соседской общины, можно было бы без труда умножить[95] (рис. 7, справа внизу).

Полигенный тип поселений в еще большей степени был характерен для горных чеченцев. "Мы видели в Ичкеринских горах большие хорошие деревни, по устройству своему нисколько не уступающие деревням на плоскости", – сообщает И.И. Нарденстамм, участник одного из походов в глубь Чечни в 1832 г.[96] И в другом месте о районе лесистого хребта: "... в Черных горах, по крайней мере, где наши бывали, селения реже, но многолюдны"[97].

А.П. Берже приводит цифровые данные по некоторым горным чеченским обществам (Ако: 10 аулов – 270 дворов; дальние кистины: 21 аул – 402 двора), из которых следует, что средний состав селений был 19–27 дворов[98].

Есть известные основания считать, что как и в других районах Северного Кавказа, полигенные селения в Чечне и Ингушетии во многих случаях образовались как типично владельческие поселения, несмотря на то что в XIX в. ни у тех, ни у других не имелось четко выраженных сословий и классов. "Сословных каст здесь (в Чечне. – *В.К.*) нет вовсе, хотя некоторые фамилии и считаются происхождением выше, нежели другие", – писал А. Ипполитов в 1860-х годах[99]. То же самое подтверждает У. Лаудаев: "Чеченцы не имели князей и были все равны между собой"[100]. Такого же мнения придерживаются и позднейшие авторы, например Е. Максимов: "Население Чечни... совсем не имеет сословных групп"[101].

Между тем целый ряд самых разнообразных данных наталкивает нас на мысль, что в более отдаленном прошлом дело, по-видимому, обстояло несколько иначе.

Русские документы второй половины XVI – первой половины XVII в. сохранили нам имена нескольких чеченских ("окоцких") и ингушских феодальных владений: Ших-мурзы Ишеримова, его сына Батай-мурзы Шихмурзина и внука Айбирь-мурзы Батаева. В начале XVII в. на русской службе в Терском городке находился окоцкий мурза Кохостров Байтемир, а впоследствии его сын Албир-мурза Кохостров (Костров) с подвластными ему "узденами и с татарами". Одновременно упоминаются и более мелкие "своих кабаков владельцы": Казан да Бекан Ардашовы дети Щановы, Моздрюк и ряд других[102].

Несколько позднее чеченцы и ингуши, выселившиеся в предгорья и на плоскость, попали в зависимость от кабардинских, аварских и кумыкских князей, которым платили различного рода подати[103]. О князьях рода Турлоевых предание гласит, что они якобы были приглашены чеченцами добровольно, но впоследствии свергнуты восставшим народом. Потомки их жили в дальнейшем среди чеченцев на положении рядовых общинников[104].

Если верить преданиям, князья и владельцы отдельных укрепленных замков и селений имелись некогда также в вайнахских обществах Акко (некто Яго), Малхисте (Сепе), Галгае (Оуш или Ауш), в Джерахском ущелье (Чирак) и ряде других мест[105] (рис. 8).

О глубоко зашедшем социальном расслоении у вайнахов в прошлом свидетельствует также нартский эпос, в котором упоминаются "княжеские аулы"[106], топонимы (например, сел. Эльпхьа, дословно "княжеское село"[107]), и данные фольклора (ср. выражение: Неха карт йиха беха нах – "живущие у плетня сильных" или старинную пословицу, записанную А.П. Ипполитовым: "Дай бог, чтобы все княжьи дети не поднялись из своих люлек и нор")[108]. В старинных свадебных песнях ингушей невестка величала своего отца "князем", а о родительском доме пела, что в нем были "медные полы"[109].

Можно сказать, что за всем этим проглядывает совершенно иная ступень социальной организации, чем та,

Рис. 8. Форма поселений в горах

1 – старый квартал в сел. Стур-Дигора СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *2* – ныхас (место собраний) в сел. Ахсау СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *3* – улица в сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г.; *4* – сел. Терти. Малхиста. Горная Чечня. Фото автора 1971 г.; *5* – заброшенное ингушское сел. Цори ЧИАССР. Фото С.Н. Иванова 1978 г.

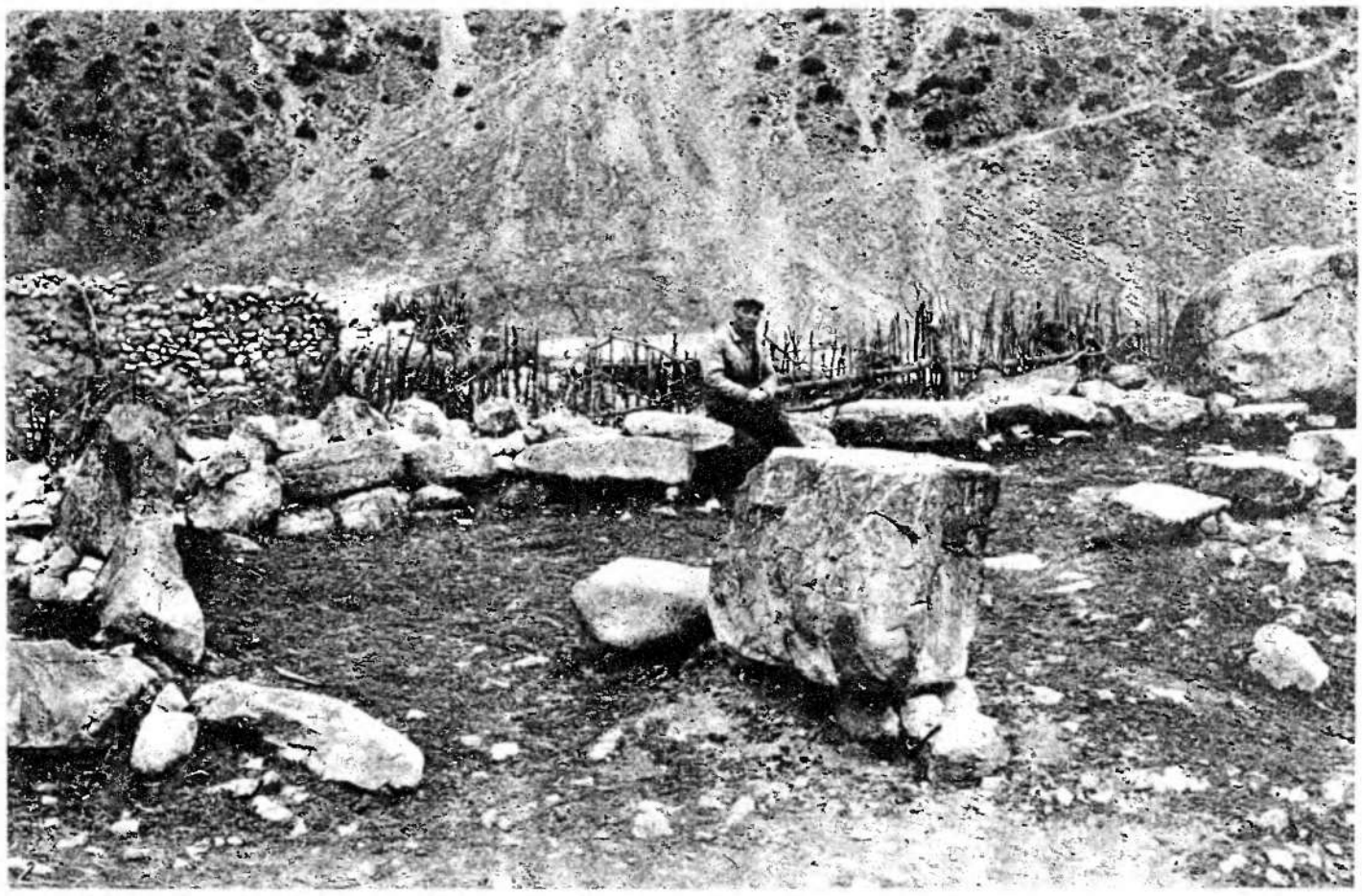
которая может быть выведена из сохранявшихся в рассматриваемую эпоху у вайнахов общественных институтов типа тухума – территориально-племенное подразделение, тайпа – патронимическая группа, гарьваьр и наькье (некъе) – патронимические подразделения. И прав М. Мамакаев, когда указывает, что "уже в XVI–XVII вв., судя по историческим, фольклорным и археологическим источникам, чеченский тайп перестал быть той "чудесной организацией", где все были равны, где всякие споры и недоразумения разрешались тем коллективом, которого они касались, – всем тайпом или же избранным им советом старейшин. И общинное землевладение являлось лишь юридической фикцией, маскировавшей фактически существовавшую частную (и зачастую феодальную) собственность"[110].

К такому же выводу приходят и Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, анализируя памятники ингушей, в частности их поселения, которые относят к числу раннефеодальных. "Такая классификация горноингушских поселений предполагает наличие классового общества, складывающегося на почве раннефеодальных отношений, при наличии стойких пережитков дофеодального общества в виде различных форм общинной собственности, семейной общины и других институтов"[111]. И далее: "Очевидно, наличие оборонительной башни уже отражает зачатки социальной дифференциации, а формирование укреплений замкового типа является свидетельством выделения из общей массы общинников, с одной стороны, привилегированного сословия в лице эзди, а с другой – зависимого в лице лей (лай)"[112].

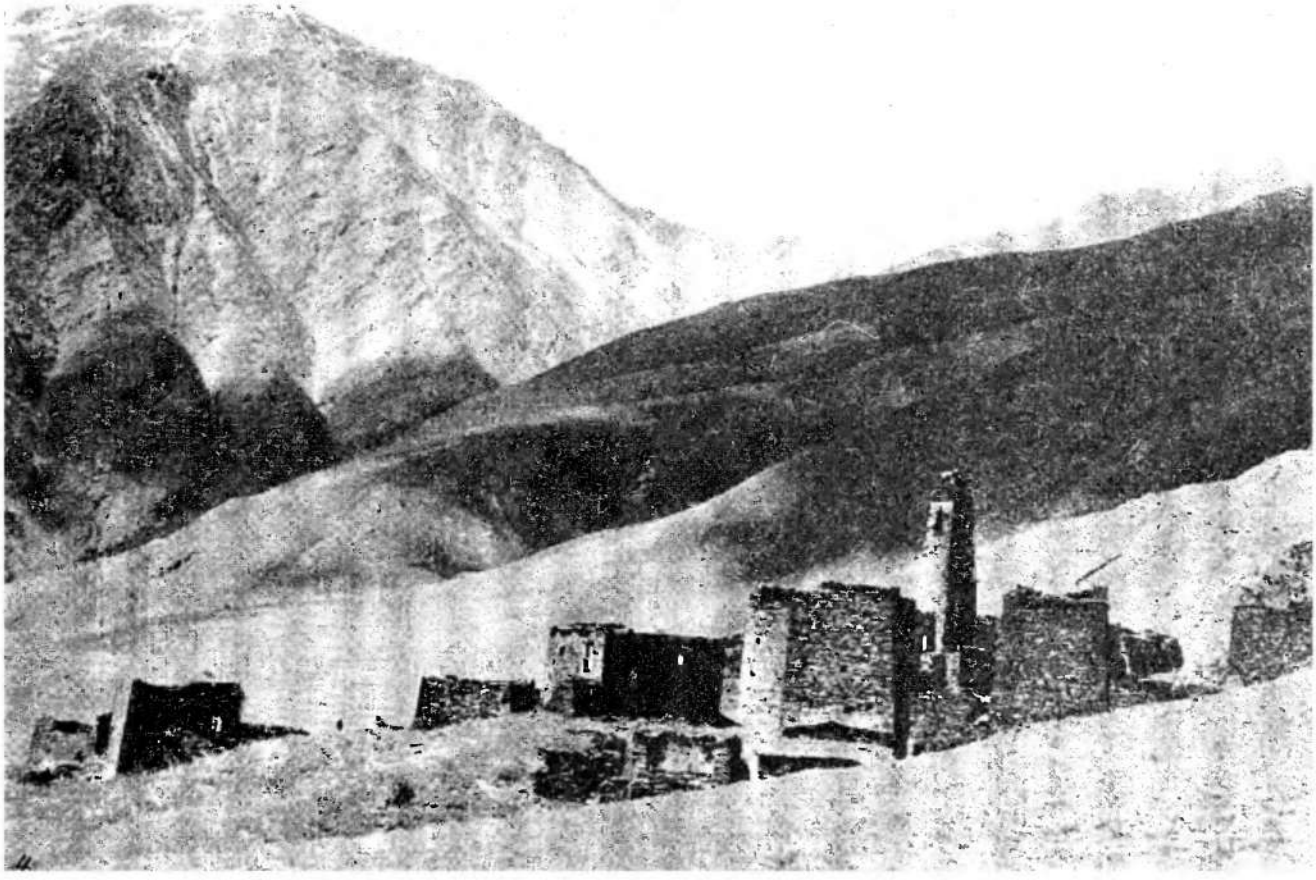
Упомянутые архитектурные памятники датируются в пределах XIV–XVIII вв., в этих рамках, по мнению указанных исследователей, следует искать и "хронологические вехи процесса возникновения и развития феодальных взаимоотношений в Ингушетии"[113]. И если феодализм у вайнахов не сложился в развитую социальную организацию, то лишь вследствие отсутствия у них "государственности в полном смысле этого слова"[114], отмечают исследователи.

Наличие в той или иной мере феодальных отношений у чеченцев и ингушей в прошлом сегодня признают большинство исследователей. При этом в некоторых работах отмечается и местное своеобразие этой формы общественных отношений, состоящей в том, что в качестве феодала у вайнахов выступала обычно не отдельная личность, но целая семья, тайп, аул или общество[115]..

Таким образом, можно считать, что полигенные соседские поселения были наиболее распространенным типом поселений у горных чеченцев и ингушей в середине XIX в. Наряду с этим у них существовали также мелкие моногенные поселения-хутора, возникшие на вновь освоенных заимках в лесистых горах и предгорьях. "Из больших деревень делают выселки, и в лесах везде видно недавно очищенные для хлебопашества места", – сообщает И.И. Норденстамм об Ичкерии[116]. И в другом месте, касаясь долины р. Сунжи, развивает эту мысль более подробно: "Долина сия прежде, как и теперь многие помнят, была покрыта сплошными лесами; ныне же (речь идет о 1830-х годах. – *В.К.*) во многих местах встречаются большие поляны, которые год от году делаются пространнее, главная причина тому, конечно, та, что по мере умножения числа жителей нужно увеличить и поля; также заметно, что год от года увеличивается число выселок из больших деревень, и там, где 10 лет тому назад были густые леса, теперь поля и много деревень"[117].

В последнем отрывке речь идет о предгорной и равнинной части Чечни, которая в рассматриваемый период интенсивно продолжала осваиваться чеченцами и ингушами. Здесь издревле преобладали крупные многофамильные поселения. "Чеченцы, обитающие на долине, живут большими аулами", – сообщает А.П. Берже[118]. Прославленный Чечен-аул, один из древнейших и наиболее выдвинутых в направлении равнины, от которого идет современное наименование чеченцев, был, по преданию, столь велик, что якобы некий всадник, задумавший объехать его, заморил своего коня[119]. Подобным же образом характеризует одно из первых поселений ингушей на равнине Вахушти Багратиони. "В ущелье реки Борагнис-цхали [река Сунжа] ... находится Ангусти, селение большое; и ущелье это с строениями и селениями"[120].

О чеченских и ингушских селениях на равнине и в предгорьях размером до 100 и более дворов согласно говорят все авторы конца XVIII – первой половины XIX в. Так, по сообщению Штедера, ингуши, проживавшие в долине р. Камбилеевки и в окрестностях Назрани, обитали в селениях в 80–100–200 дворов в количестве около 300 фамилий[121]. Их соседи с востока, западные карабулаки, в 1830-х годах жили в 6 селениях, в которых насчитывалось до 868 дворов, что в среднем составляет 144 двора на селение[122]. Были и селения-гиганты, как, например, Большие Атаги, Истису, Герменчук, достигавшие 500, 600 и 700 дворов[123].

Столь крупный размер чеченских селений на равнине был обусловлен рядом причин. Прежде всего к укрупнению поселений жителей толкала внешняя опасность, а с другой – более глубоко зашедший процесс классового расслоения по сравнению с населением горных обществ. Большинство селений на равнине с основания находилось в подчинении своих или соседних феодалов – кумыкских и кабардинских князей. Чеченские поселения на Тереке, отмечает Г.Ф. Розен, "управляются князьями, коим довольно послушны"[124]. По показанию чеченца – офицера на русской службе Сулеймана Чуликова, его родное селение на равнине было основано отцом в 1808 г., когда отец вывел с гор несколько зависимых от него семей[125]. Другой пример – история создания аула Ногай-мирза-юрт, основанного прадедом У. Лаудаева, в котором, по словам последнего, его дед и отец пользовались правами владельцев и считались старшинами всего селения. "Истинность этого, – добавляет автор, – могут подтвердить все жители надтеречных аулов"[126].

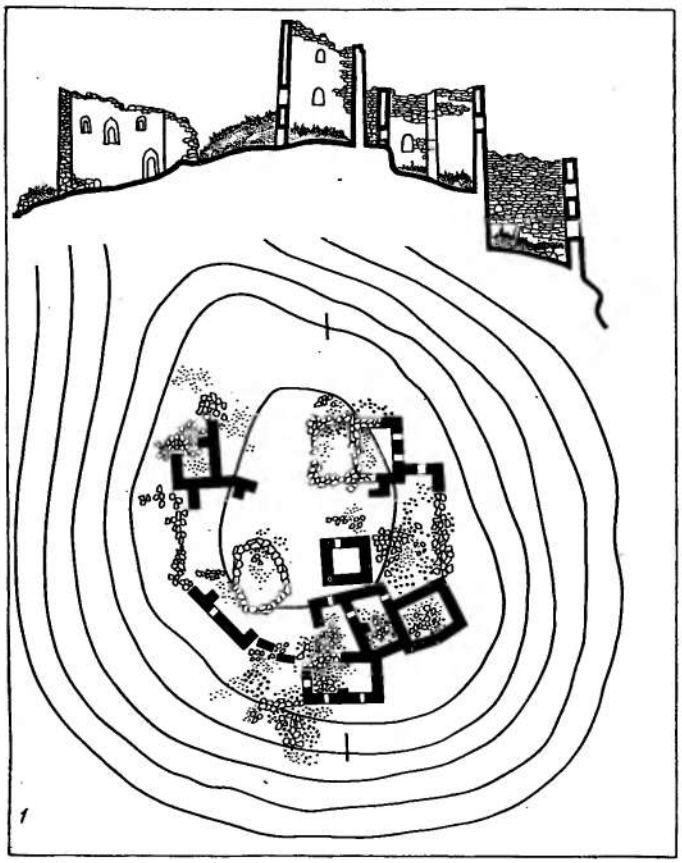
Часть селений на притеречной равнине имела не только полигенный, но даже смешанный этнический состав, происшедший вследствие постоянных переселений безземельных горцев из высокогорных районов Чечни. В этом смысле весьма любопытно свидетельство П.Г. Буткова о том, что владельческие поселения кабардинских и кумыкских князей на равнине состояли "меньше из их природных холопов, как из присоединившихся к ним добровольно чеченцев"[127].

Образованию крупных полигенных поселений на равнине в немалой степени содействовала и деятельность царской администрации, для которой наличие большого числа мелких поселений было невыгодно с точки зрения управления и осуществления надзора за состоянием умонастроения коренного населения. Поэтому командование Кавказской линии в течение всей первой половины XIX в. предпринимало меры по укрупнению мелких поселений. Так, в 1840-х годах было сведено в одно гигантское поселение Урус-Мартан (численностью в 1600 дворов) население, жившее по рекам Мартану, Рошни-чу, Теньге[128]. Жители селений, находившихся в верховьях рек Гойты и Энгелика, были слиты в сел. Геген-Гойта числом в 450 дворов; жители мелких поселений в долине р. Валерик были объединены в сел. Валерик в 172 двора; население ущелья р. Гехи (Чермхой-юрт, Мозгорой, Магома-ирзау, Мачи-юрт, Сунтой, Дахни-ирзау, Зандак и др.) поселено в одно селение Гехи, насчитывавшее около 600 дворов, и т.п.[129]

Эту же цель преследовало и переселение горцев на равнину, которое начали осуществлять царские власти сразу же по окончании военных действий в Чечне и в других районах Северного Кавказа (подробнее см. ниже). Наконец, развитие капиталистических отношений в пореформенный период окончательно подорвало и экономическую основу существования патриархально-феодальных поселений моногенного типа. По словам известного дореволюционного исследователя общественного быта на Кавказе М.М. Ковалевского, "родовые", патриархальные поселения уже в 1880-х годах представляли собой не более как исключение даже в самых отдаленных горных уголках[130]. В конце XIX в. эта социальная категория сельских поселений окончательно прекращает свое существование.

По форме поселения народов Северного Кавказа довольно четко подразделяются на два основных вида: горные и равнинные (карта 3; рис. 8–12). Горные селения в силу ряда исторических обстоятельств и особенностей рельефа отличались скученной застройкой, развернутой в вертикальном плане, и характерным местоположением где-нибудь на крутом склоне горы, на вершине хребта или холма-останца и т.п. "Деревни издали похожи на орлинные гнезда, – писал один исследователь местного быта в 1880-х годах – ... не удивительно, что 20 дворов помещаются иногда на участке в 100 квадратных саженей, но жителю долины нельзя не подивиться тому, что такой участок... на котором взгромождаются дома из каменных плит почти без цемента, занимает часто обрывистую вершину высокой скалы, откуда нервному человеку даже страшно взглянуть вниз"[131].

Такая форма поселений возникла еще в период позднего средневековья, в период постоянных междоусобных распрей и внешних опасностей. Поэтому можно даже сказать, что чем древнее было селение, тем, как правило, неудобнее оно было расположено, тем плотнее была его застройка. Примером тому может служить поселение Хакуна, или Сакуна, в Куртатинском ущелье Северной Осетии, возвышающееся на вершине безлесой горы, в котором, по преданию, жили братья Куртат и Тага, легендарные родоначальники местных осетин. Со временем, однако, братья якобы спустились ниже и основали новое большое поселение Даллакау на берегу р. Фиагдон, где и сегодня еще стоят приписываемые им склепы[132]. Другой аналогичный пример – ингушское селение Ольгете в долине р. Армхи, основанное в конце XVIII – начале XIX в. выходцами из заброшенного ныне селения Эрзи, руины которого находятся на склоне прилегающей горы. В памяти ольгетинцев, однако, сохранилось воспоминание, что жители Эрзи (селение существовало уже в XVII в.) в свою очередь переселились некогда из еще более высокогорного поселения Кербите, расположенного на гребне того же горного хребта, но значительно выше и неудобнее Эрзи[133]. Точно так же жители другого горного ингушского селения Салги, покинутого уже в советские годы, помнят о том, что предки их в незапамят-

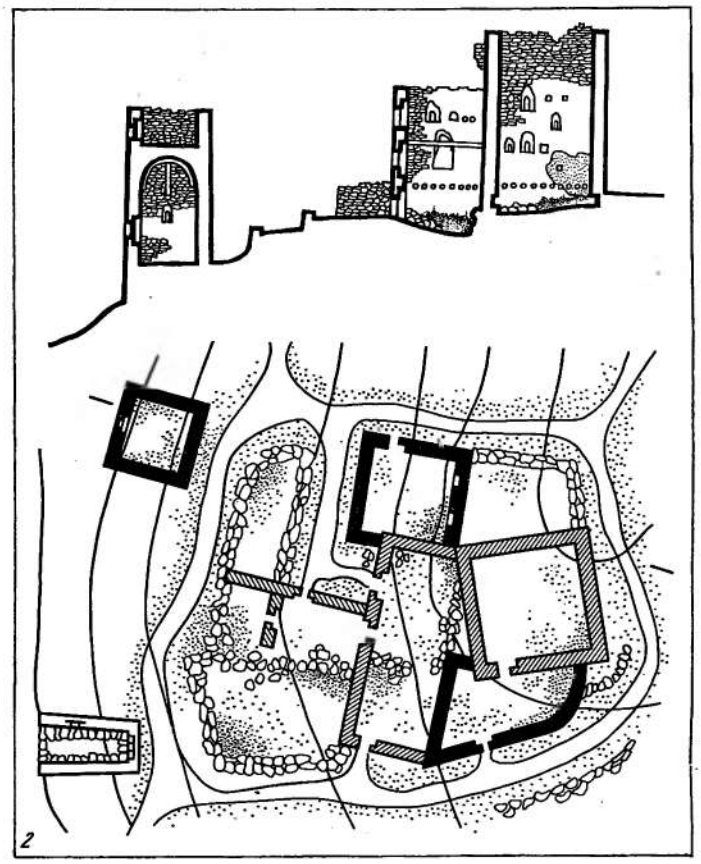

Рис. 9. Форма поселений
1 – поселение круглой формы в горах. Сел. Цизды ЧИАССР;
2 – поселение замкового типа. Сел. Хени ЧИАССР

ные времена проживали в овеянном легендарным туманом селении Магат, лежащем в развалинах на заросшей вековым лесом горе Заглдук[134].

Еще выше и неудобнее с точки зрения жизнедеятельности были расположены селения замкового типа, принадлежавшие племенной и феодализирующейся знати. Многие из таких поселений-усадеб занимали вершины отвесных скал, холмов-останцев, представлявшие собой естественные укрепления. К числу их относятся давно заброшенные селения: Басхой в Чечне в долине р. Чанты-Аргуна, расположенное на оконечности острого как нож хребта; Вовнушки в Ингушетии, седлающее вершины двух обрывистых холмов; замок Сидановых в Дигорском ущелье Северной Осетии, высящийся на вершине отвесной скалы; заброшенный в заоблачную высь замок Жабоевых в Балкарии и многие другие.

Селения замкового типа чаще всего встречались в западных районах Чечни, в Ингушетии и высокогорной зоне Северной Осетии вследствие более замедленного социально-экономического развития этой части края по сравнению с другими его регионами, где феодализм пустил более прочные корни[135]. Красочное описание поселения-усадьбы этого типа мы находим у Я. Рейнеггса в разделе, посвященном осетинам. "Вожди и знатные люди этого народа обносят, кроме того, свои жилища высокой крепкой каменной стеной, в каждом углу которой находятся маленькие сторожевые помещения. На верхней части стены находятся длинные, выдающиеся наружу острые колья или частокол, на которых висят лошадиные головы и другие кости (это были магические обереги жилища. – *В.К.*); за этим частоколом и между кольями наложены в аршин вышины камни, чтобы можно было незамедлительно воспользоваться ими при внезапном нападении; однако они [камни] часто проламывают голову самому хозяину, его детям и коровам. Снаружи кругом стены лежат от 10 до 12 локтей в ширину низкие груды камней, остовы лошадей и другие кости, которые закрывают доступ как пешему, так и конному и оставляют только узкую тропинку, ведущую к двери дома"[136].

Соображения обороны оказывались решающими при расположении поселений на местности (см. рис. 6). Отдельные селения в ущельях строились так, чтобы между ними сохранялась визуальная связь, позволявшая в случае опасности быстро передать весть о ней всему ущелью. В качестве сигнала при этом использовали огонь, который разводили на верхней площадке боевых башен. Там, где конфигурация ущелья или перепад высот мешали визуальному наблюдению, на возвышенных местах возводили специальные сторожевые башни, с которых сигнал передавали в близлежащие селения. Дежурство на таких башнях осуществляли по очереди все семьи сельской общины.

Другим важнейшим условием выбора места для поселения являлось наличие источников воды – ручья, ключа и т.п., ввиду того, что каменный грунт практически исключал возможность рытья колодцев. Источники тщательно оберегали, каптировали, подводя иногда воду издалека с помощью специальных канав и водостоков. В поселениях замкового типа, расположенных на вершинах гор и безводных скалах, за водой приходилось порой ходить за многие сотни метров вниз к реке, поэтому в таких поселениях рыли специальные водосборники и хранилища для воды. Доставка воды в этих случаях

Рис. 10. Форма поселений

поселение скученной террасообразной планировки. Сел. Ногкау СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г. (*слева*); поселение свободной разбросанной планировки. Сел. Джазлык. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*справа вверху*); поселение подворно-гнездовой формы (усадебный тип). Сел. Харачой ЧИАССР. Фото автора 1969 г. (*справа внизу*)

ложилась тяжелым бременем на плечи женщин, которые носили воду в больших медных кувшинах.

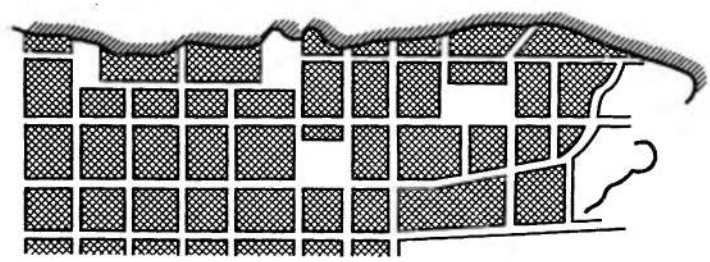
Стратегические соображения были не единственной причиной неудобного местоположения и скученной застройки поселений в горах. Не меньшую роль играли общая высокая плотность населения в горной полосе Северного Кавказа и, как следствие ее, крайнее малоземелье. "Учитывая незначительное количество мест, пригодных для использования, горы действительно очень заселены", – пишет Ю. Клапрот[137], добавляя в другом месте, что иногда цена земли настолько высока, что "за несколько квадратных саженей уплачивают одним рабом или 100–160 овцами"[138]. Существовала даже поговорка, что земля стоит того животного, которое может на ней уместиться[139]. По этой причине всякий мало-мальски пригодный для обработки участок стремились использовать под пашню, сенокос или выгон и никогда не занимали под поселение. "Карнизы утесов, крутизны и гребни скал, безопасные от снежных, земляных и каменных завалов и сползания почвы, непригодные для обработки и менее доступные для нападения, были наиболее предпочитаемы для поселений", – замечает Коста Хетагуров, осетинский поэт, писатель и общественный деятель, сам выросший в одном из таких затерянных горных уголков[140].

Лишь после присоединения края к России, особенно с середины XIX в., когда политическая обстановка стабилизовалась и горцы получили возможность спуститься на равнину, наиболее неудобно расположенные поселения стали быстро пустеть, а жители их переселяться в долины рек, на более ровные участки. И хотя, как отмечалось выше, малоземелье в горах продолжало оставаться бичом коренного населения вплоть до Великой Октябрьской революции, характер расположения селений существенно изменился, а вместе с этим и форма их планировки. Теперь при выборе места под поселение в первую очередь стали учитывать удобство его с точки зрения ведения хозяйства. "Аулы дигорцев обыкновенно расположены на таких местах, – пишет К.Ф. Ган, автор второй половины XIX в., – где долина немного расширяется и допускает обработку земли, или же поблизости легко доступных пастбищных и сенокосных мест"[141].

В качестве примера поселения нового типа, основанного с учетом исключительно лишь хозяйственной целесообразности, укажем на уже упомянутое выше ингушское селение Ольгете, возникновение которого относится к первой половине XIX в.[142] В Дигории, о которой только что шла речь в приведенном отрывке, таким селе-

Рис. 11. Планировка поселений

1 – поселение улично-квартальной планировки. Сел. Куба КБАССР (по: *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971 г., с. 86); *2* – поселение улично-радиальной планировки. Аул Шовгеновский. Адыгейская АО

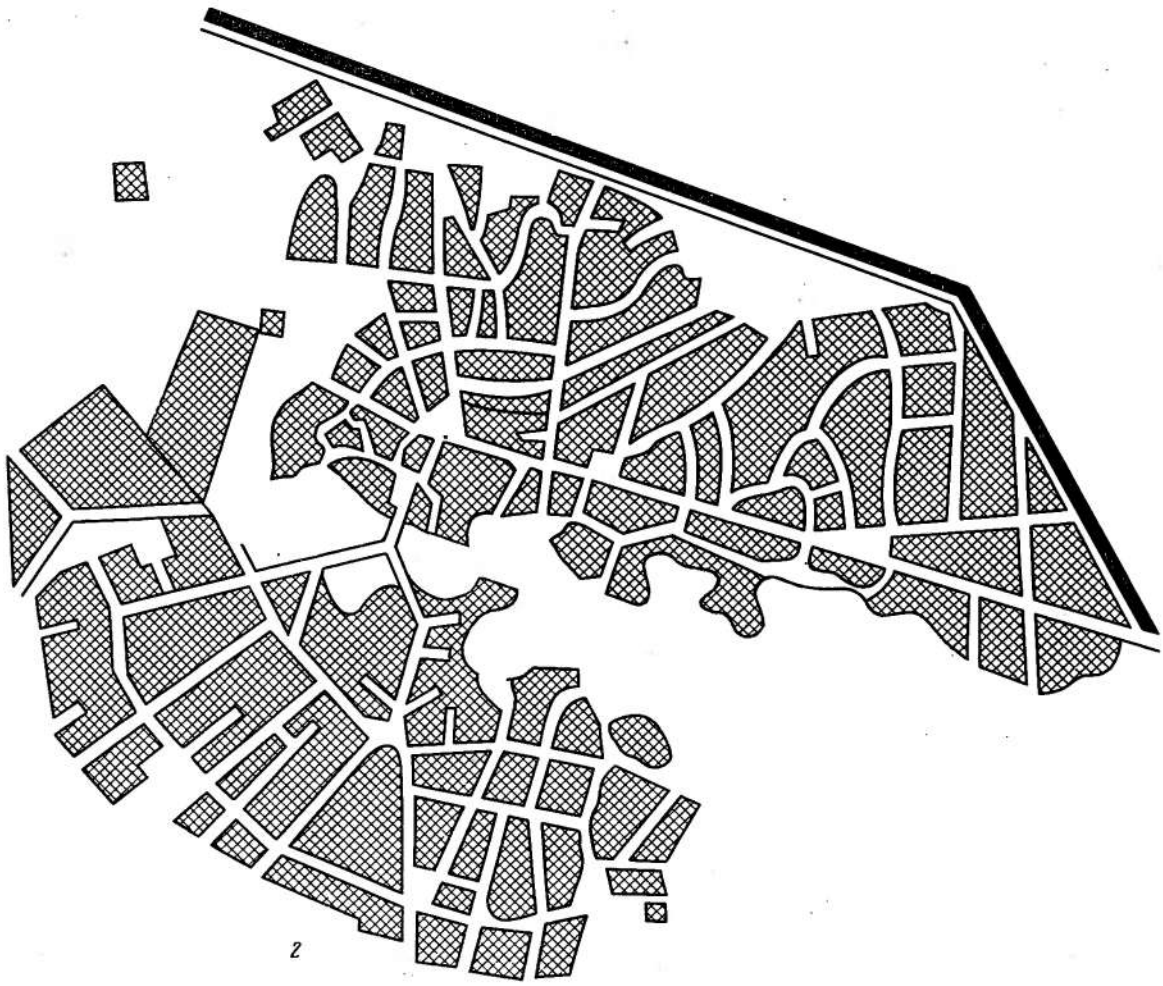
1

нием, расположенным на открытых землях в пойме р. Уруха, было сел. Дзинага (в материалах начала XIX в. – Хинагикау)[143]. "Сползание" поселений с горных круч зафиксировано также в многочисленных дублях названий селений, распространенных повсеместно в горной полосе, как-то: Верхний и Нижний Кий, Верхний и Нижний Кокадой (оба в Чечне), Верхний и Нижний Хули (Ингушетия), Верхний и Нижний Кобан (Северная Осетия), Верхний и Нижний Чегем (Балкария) и т.п. В других случаях такого рода повторы наименований отразили особенности расселения в горах в связи с ростом народонаселения и процесс переселения горцев на свободные земли в предгорьях и на равнине, о чем говорилось в предшествующем разделе.

Новые (в том числе "нижние") селения отличались, как правило, значительно менее плотной застройкой, однако по-прежнему имели неупорядоченную планировку, развернутую в вертикальном направлении. Такие селения были характерны для высокогорных районов Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и большей части Балкарии. Только в верховьях Баксанского ущелья и далее на запад в Карачае, где речные долины были шире, или, как в горной полосе Черкесии и Адыгеи, рельеф был более сглажен, селения имели свободную разбросанную планировку. Отдельные жилища в них стояли в окружении дворов и приусадебных участков, а сами усадьбы группировались по фамильно-патронимической принадлежности. В целом подобного рода селения по форме представляли собой сумму моногенных кварталов-поселков, территориально ничем не связанных друг с другом. Объединяющим признаком здесь выступала исключительно общность экономических интересов (совместное владение земельными и лесными угодьями, пастбищами и выгонами) и как отражение этого – общность идеологических представлений, выражавшаяся в устройстве общеаульных собраний, отправлении религиозных праздников и т.п. действиях и преданиях.

Селения со свободной разбросанной планировкой тянулись зачастую на многие километры вдоль по ущелью и были особенно характерны для западноадыгских "демократических" племен Причерноморья и нижнего Прикубанья. Так, например, сел. Фагуа, начинаясь в трех верстах от моря, было растянуто по долине одноименной реки почти на 18 км[144]. Сел. Лохотх, расположенное в долине р. Аше, занимало территорию в несколько десятков километров и состояло из 9 самостоятельных патронимических поселений (хаблей), в каждом из которых проживало около 20 больших семей численностью от 30 до 60 человек; сел. Шахачей, совр. Кичмай, также подразделялось на 9 хаблей и имело протяженность до 70 км[145].

Один из первых адыгских этнографов Султан Крым-Гирей, писавший в 60-х годах прошлого столетия, так характеризовал селения современных ему горцев-адыгов: аулы "натухайцев, как и прочих вообще горцев, не отличались такой скученностью саклей, как аулы на плоскости, например бжедугов. То были нескончаемые цепи дворов, разбросанных по вкусу их хозяев всюду по ущельям, горным террасам, долинам... Очень естественно, что человек, незнакомый еще с детства с топографией

2

натухайских поселений, мог чрезвычайно затрудняться в точном разграничивании непрерывной цепи хуторов по аулам; но аулы эти имели каждый свое предание, свои основания называться так, а не иначе"[146].

Селения со сравнительно свободной разбросанной планировкой, правда, выраженной значительно менее аморфно, были распространены в лесистых предгорьях и на прилегающей к ним равнине также и у других народов края, как о том можно заключить по описаниям. "Сакли располагаются без всякого порядка, – замечает один современник о чеченцах, – каждый строится там, где захочет; оттого чеченские аулы представляют собой не более как неправильную кучу домов, с кривыми и узкими переулками между ними, по которым едва может проехать одна арба; оставляется только небольшая площадь посреди аула, около мечети"[147].

Более плотную застройку и упорядоченную планировку имели традиционные поселения адыгов, живших в Прикубанье, темиргоевцев, бжедугов, хатукайцев и других более мелких племен, а также кабардинцев, обитавших в сравнительно обезлесенной местности. Внешняя опасность вынуждала здесь жителей прятать свои поселения за прочную ограду или возводить жилища по кругу или квадрату. Такой тип поселений фиксируется источниками здесь на протяжении нескольких столетий вплоть до начала XIX в. "Их селения находятся в густых лесах и окружены переплетенными деревьями, чтобы затруднить доступ татарской коннице", – пишет Жан де Люк, автор середины XVII в., об адыгских племенах шапсугов и натухайцев[148]. В конце XVIII в. П.С. Паллас почти слово в слово повторяет это описание: "Все их селения (речь идет о тех же темиргоевцах и ряде других западноадыгских племенах. – *В.К.*) укреплены... против их врагов Туби и Убыхов"[149]. И наконец, о тех же темиргоевцах в описании начала XIX в. вновь читаем: "Каждое их селение укреплено по углам плетневыми оборонительными башнями"[150].

Укрепленные поселения имели сравнительно упорядоченную планировку, при которой жилые и подсобные сооружения возводились по окружности или по периметру квадрата со входами, обращенными внутрь. В середину такого замкнутого поселения на ночь загоняли скот. "Жилища черкесов просты: дома строятся более из плетня и бывают обмазаны глиною внутри и снаружи. Деревню составляют 40 или 50 подобных домиков, крытых камышом или соломою и расположенных кругообразно"[151].

Замкнутый укрепленный тип поселений круговой и кареобразной планировки, кроме адыгов, источники отмечают еще у ингушей Тарковской долины и чеченцев, живших на равнине и в лесистых предгорьях. В единичном числе подобные поселения встречались и в горной полосе. Иллюстрацией последнего может служить сел. Цизды в горной Ингушетии, расположенное на оконечности небольшого хребта и представляющее собой группу мощных трех- и четырехэтажных жилых башен, поставленных полукругом вплотную одна к другой (рис. 9, *1*). Однако значительно чаще в горах, как уже говорилось, встречались поселения замкового типа.

Говоря о форме и планировке поселений, необходимо оговориться, что приведенная их классификация является в известной мере условной, ввиду того, что границы между выведенными типами были крайне нечеткими. Так, селения свободной разбросанной планировки в зависимости от местности могли иметь террасное расположение, когда отдельные усадьбы или группы усадеб располагались на разном уровне. С другой стороны, эти селения чрезвычайно трудно отделимы от подворно-гнездовых поселений, представляющих собой как бы переходную ступень между моногенными однодворными отселками хуторского типа и большими полигенными селениями со свободной планировкой.

Приведенные выше некоторые западноадыгские поселения, разбросанные на много километров, имели настолько аморфную планировку, что в равной степени могут быть отнесены как к первому, так и ко второму из указанных типов. Имеющиеся источники далеко не всегда дают возможность четко их разграничить. Тем не менее, учитывая широкое бытование в рассматриваемую пору селений моногенного типа, имеются веские основания выделить последние с точки зрения планировки в особую категорию поселений подворно-гнездовой формы, состоящих из отдельных усадеб с прилегающими к ним пашнями, садами, огородами и другими сельскохозяйственными угодьями (рис. 10, справа). Для ряда районов, в частности для горной Адыгеи, данный социальный тип и соответствующая ему подворно-гнездовая форма планировки были преобладающими на протяжении всей первой половины XIX в. У "живущих между верхней Кубанью и рекою Белою... селения... состоят из отдельных разбросанных дворов", – читаем в одном документе того времени[152]. В другом сообщении, датируемом 1834 г., об абадзехах, одном из самых значительных по величине адыгских племен, говорится, что они "живут не селениями, но рассеянно по речкам и местам по одному, по два и редко по три двора вместе"[153].

Необходимо учитывать, что даже в первой половине XIX в. форма поселений на равнине у ряда народов края неоднократно изменялась под влиянием внешнеполитической ситуации, переселений на равнину и некоторых других факторов. Так, в 1840 г. чеченцы, по словам М.Я. Ольшевского, под давлением Шамиля "оставили свои большие аулы в Большой Чечне и расселились хуторами по горам и лесным трущобам"[154]. В 1846 г. при учреждении Сунженской линии ушли с равнины ингуши, а их "хутора" подверглись уничтожению. По окончании военных действий, когда эти народы смогли вновь вернуться на свои места, их поселили уже в укрупненных селениях полигенного типа[155]. Кабардинские поселения в источниках начала XIX в. характеризуются как укрепленные с замкнутой периметральной застройкой. Однако с упрочнением власти русской администрации надобность в подобной форме планировки отпала, и они превратились в обычные поселения со свободной квартальной застройкой. Естественно, что на приводимой карте № 3 форм поселений середины XIX в. отразить указанную эволюцию не было никакой возможности. На карте зафиксированы традиционные виды планировки поселений, которые существовали на Северном Кавказе в период присоединения края к России.

Окончание войны на Северо-Восточном (1859 г.) и Северо-Западном Кавказе (1864 г.) и последовавшее затем переселение значительной части горцев в Турцию, а также проведение ряда земельных и переселенческих реформ во второй половине XIX в. привели к существенным переменам в расселении коренного населения и дальнейшему изменению формы и типа поселений в крае, особенно на равнине.

Так, в ходе Кавказской войны были выселены со своих прежних мест обитания западные адыги, большая

часть которых переселилась в Турцию, а те, которые остались, были сведены с гор на равнину и расселены в крупных поселениях чересполосно с казачьими станицами[156]. В 1859–1864 гг. из района Бештау и междуречья Кумы, Калауса и Сабли ушли в Турцию ногайцы, а оставшиеся были сведены в одно селение Канглы, в котором обосновалось около 300 семейств[157]. Царская администрация приступила к планомерному сселению горцев в крупные поселения с учреждением в них должностей аульных старшин и квартальных помощников[158–159].

В 1865 г. была осуществлена переселенческая реформа в Большой Кабарде, в результате которой вместо 93 прежних небольших поселений было образовано 35 крупных селений размером в среднем по 100 и более дворов в каждом[160]. В 1868 г. аналогичное укрупнение селений было проведено в Малой Кабарде: здесь из 32 селений было образовано 9 новых селений[161]. В те же годы по распоряжению наместника на Кавказе карачаевцам взамен арендуемой у кабардинцев земли было выделено два участка на равнине: первый – между реками Кумой и Кубанью размером в 26 тыс. дес.; второй – в долине р. Теберды – 14 тыс. дес. На новых землях в 1868–1883 гг. было основано шесть селений, заселенных в большинстве получившими освобождение крепостными и рабами[162]. В 1909 г. к ним прибавилось еще селение Воронцово-Карачаевское (по-местному Ак-къала). Вновь образованные поселения вкупе получили наименование Малого Карачая, в отличие от первоначальной территории расселения карачаевцев, которая с этих пор стала называться Большим или Старым Карачаем[163].

В 1870-х годах в связи с размежеванием земель в Кабарде несколько тысяч десятин на равнине были переданы балкарцам, поселившимся в селениях Хасаут, Хабез, Гунделен, Чижок-кабак, Кашкатау[164].

В пореформенный период продолжалось интенсивное переселение на равнину осетин. В течение 1850–1870-х годов здесь возникает целый ряд новых переселенческих и укрупненных селений, как-то: Гизель, образованное в 1858 г. из слияния нескольких прежних однофамильных поселений тагиатов, Ногкау, или Пысылмонкау (Мусульманское село), составленное также из жителей нескольких мелких моногенных поселков куртатинцев, Брут, Дарг-кох, Хумалаг, Карджин и др. Среди них выделялись своими размерами селения Вольно-Магометановское (совр. Чикола) и Вольно-Христиановское (Дигора), в которых жители были сведены по их религиозному признаку[165].

Переселенческое движение в Северной Осетии в эту пору отличалось той особенностью, что большая часть земель на равнине к этому времен была уже поделена между переселенцами предшествующего периода и казаками Первого Владикавказского полка, поселенными на левобережье Терека для охраны Военно-Грузинской дороги. Это порождало постоянные трения между переселенцами и администрацией и более ранними поселенцами. Поэтому значительная часть переселений происходила посредством подселения к уже имевшимся селениям. "Переселение с гор на плоскость совершается следующим образом, – писал один современник в 80-х годах. – Горец отыскивает невесту из семейства плоскостных жителей и временно поселяется у родственников жены; пробыв в селении год-другой и пользуясь гостеприимством, он без всяких предварительных разъяснений на каком-либо незанятом месте устраивает себе жилище будто бы для родственников своей жены, а потом перевозит свою семью во вновь устроенный дом и окончательно здесь поселяется". Разумеется, что обосновавшийся таким путем на равнине горец не получал от сельской общины земельного надела, а юридически оказывался лишенным всяких прав, в том числе не имел "голоса" на сельских сходах. В официальных документах эта категория переселенцев получила наименование "временно проживающих". Вплоть до Великой Октябрьской революции "временно проживающие" составляли наиболее обездоленную часть населения, подобно "иногородним" в казачьих станицах Кубани и Терека.

По окончании военных действий на Северо-Восточном Кавказе началось массовое переселение на равнину чеченцев, которым специальной прокламацией главнокомандующего кн. Барятинского было обещано возвращение их прежних земельных владений. В короткий срок на территории так называемой Большой Чечни (к востоку от р. Гойты) возникло 29 крупных селений общим числом 8390 дворов и 15 селений в Малой Чечне (к западу от р. Гойты) общим числом около 5900 дворов, что в среднем составляло несколько менее 300 дворов на селение в первом случае и почти 400 дворов во втором. В те же годы вернулись на свои старые поселения ичкеринцы, расселившиеся в 29 селениях и ауховцы, поселенные в 8 селениях. Между 1856–1859 гг. были выселены из ущелий Черных гор жившие там ингуши, галашевцы и карабулаки, и расселены в крупных поселениях в Назрановском округе. По завершении этой переселенческой кампании руководящий ею ген. Кундухов писал в своем рапорте: "В ущельях по Фортанге, Ассе, Сунже и Камбилеевке мелких хуторов и жителей никого не осталось, и дело это, к удовольствию своему, я считаю окончательно завершенным"[166].

Осуществляя переселение и укрупнение поселений, царские власти преследовали отнюдь не филантропические, но сугубо свои колониальные интересы. Однако справиться полностью с развязанным им переселенческим процессом царизм оказался не в состоянии. Многие горцы на свой страх и риск, часто вопреки администрации, перебирались на свободные земли на равнине и поселялись в малодворных и однодворных селениях хуторского типа. В результате из основанных в Чечне 438 селений (на равнине) 132 селения, т.е. более трети, насчитывали едва по одному десятку дворов[167].

Расселение на равнине по соседству с русским населением и вблизи городов незамедлило отразиться на форме и планировке поселений коренного населения края. Уже в начале второй половины XIX в. многие селения на равнине стали приобретать черты правильной планировки, особенно те, при основании которых удавалось произвести поусадебные размежевания. Так, об осетинском селении Кадгарон А. Головин писал в 1854 г., что оно по виду "совершенно русское селение: такие же срубы, отвесные соломенные кровли; неподалеку от дворов у каждого почти хозяина несколько запасных скирд хлеба"[168]. Также точно охарактеризовал спустя несколько лет это селение и соседнее с ним Гизель В.Б. Пфаф: "Обе эти деревни, хотя и населены осетинами, совершенно новые и ничем не отличаются от обыкновенных русских деревень с длинными улицами и деревянными хатами"[169]. А в конце 1880-х годов процесс переустройства селений на равнине охватил и более отдаленные от Владикавказа чеченские селения. "Мне как участнику прошлой Кавказской войны было приятно видеть вместо старых плетеных хуторов благоустроенные обширные аулы с

правильными улицами, чистенькими, нередко каменными постройками, садами и даже виноградниками и табачными плантациями", – писал один современник[170].

Наряду с упорядочением планировки в пореформенный период наблюдается также значительное уплотнение застройки в селениях на равнине. Известную роль в этом сыграл распад больших семей, вызванный развитием капиталистических отношений и существовавшей практикой подымного наделения землей. В горах этот процесс сдерживало острое малоземелье и невозможность дробления и без того мизерных земельных наделов. Так, если на равнине Чечено-Ингушетии в конце XIX в. большие семьи составляли едва 3,5%, а в Адыгее – 8,5% от общего числа дворов, то в горах, например в Дигомском приходе Северной Осетии, по данным А. Скачкова, даже в начале XX в. на одну разделившуюся семью приходилось 20 неразделившихся семей[171]. Впрочем, и здесь исследователи отмечают постепенное уменьшение размеров семей. Так, например, по данным В.П. Христиановича, с 1889 по 1916 г. средний размер семьи у ингушей снизился с 6,9 до 5,7 человека[172].

Рост торговой и промышленной деятельности населения имел своим следствием появление в селениях (особенно на равнине) многочисленных лавок и различного рода кустарных промышленных заведений. "Лет двадцать назад в аулах совсем не было лавок, – писал в 1890-х годах публицист А.Г. Ардасенов. – Если и случалось, то ее исключительно держал горский еврей. Ныне же не найдете ни одного [сельского] общества без нескольких лавок, содержимых туземцами, вытеснившими евреев. Нередкость, когда на 300 дворов населения насчитывается 4–5 лавок. Особенно это относится к Осетии, менее к Чечне, где хотя и есть лавки, но все же в меньшем числе.

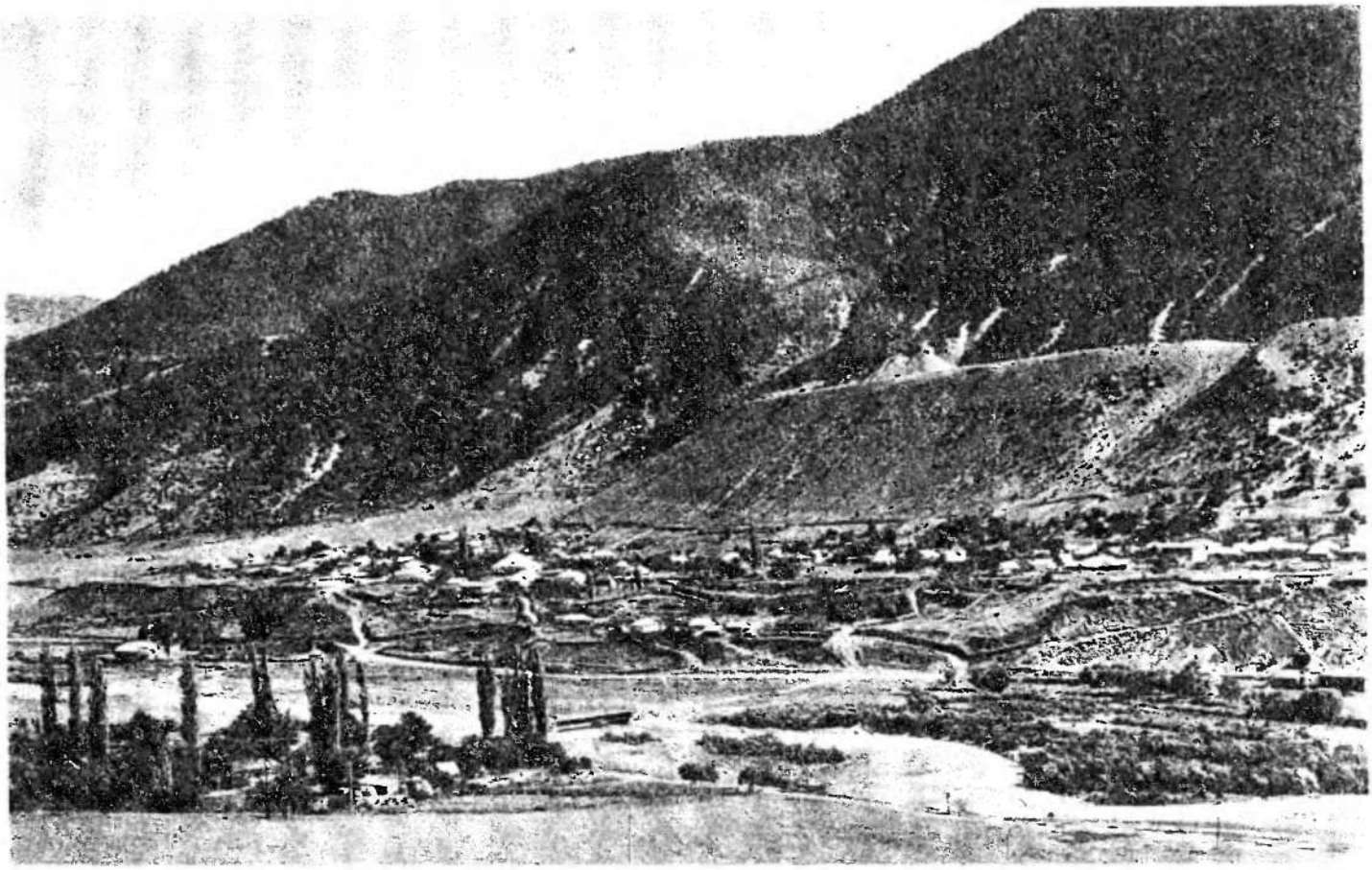
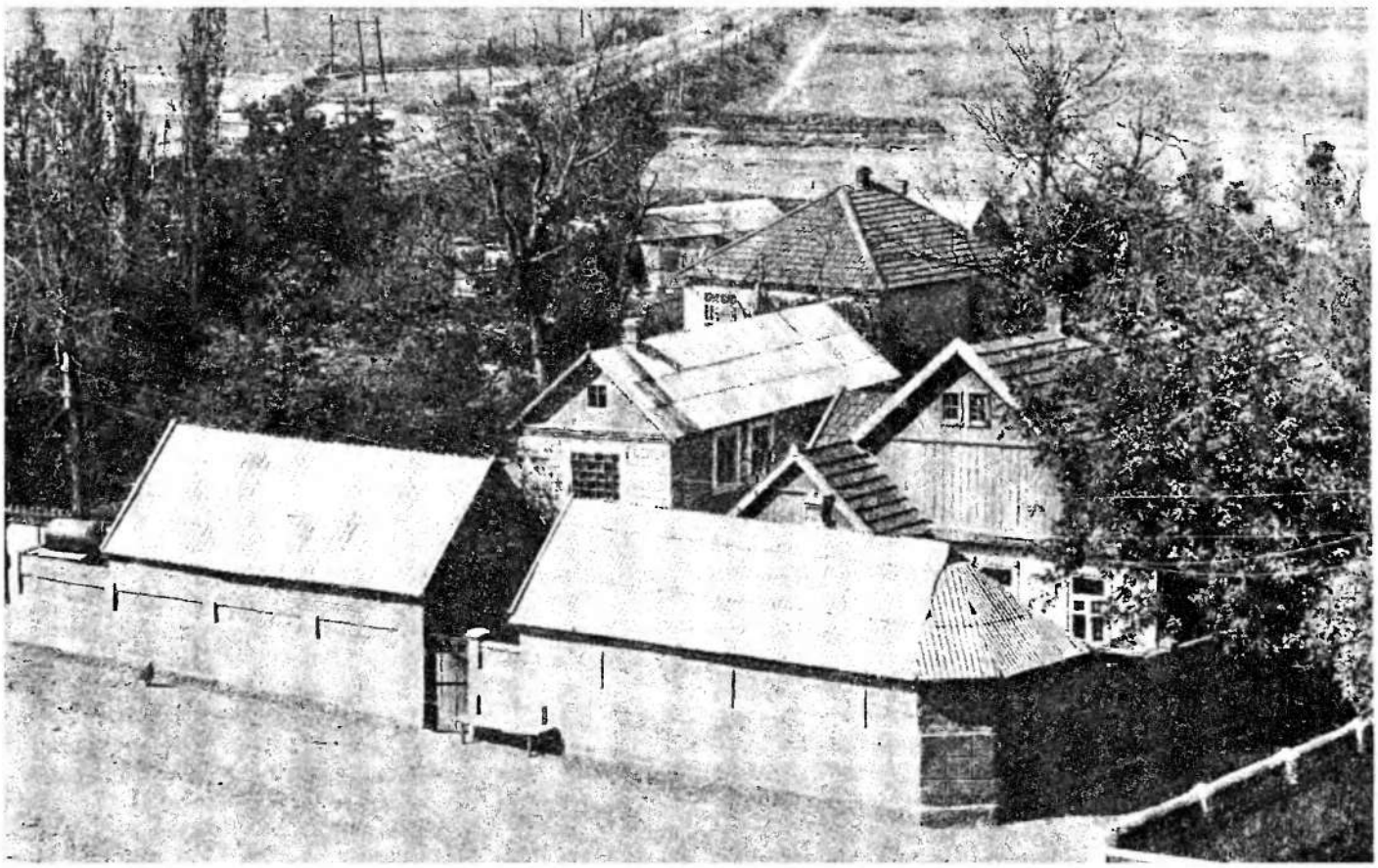

Рис. 12. Типы и форма современных поселений

сел. Верхний Чегем КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*слева вверху*); сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*слева внизу*); сел. Коста Хетагурова. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*справа вверху*); сел. Малка КБССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*справа внизу*)

В Кабарде... число лавок еще очень невелико". И в другом месте: "Он (горец. – *В.К.*) спит и видит во сне лавку: лавка поправит его дела"[173]. Обилие лавчонок, в которых, "кроме нескольких коробок спичек, кусков мыла, гвоздей и керосина, ничего не было", отмечает в адыгейском ауле Хакуринохабль (совр. Шовгеновск) А.Н. Дьячков-Тарасов[174].

Действительно, списки населенных мест Северного Кавказа той поры показывают чуть ли не в каждом селении 3–4 лавки, мельницы, а также заводики и кустарные предприятия по производству кирпича, черепицы, изготовлению свечей, выделке кожи и т.д.[175]

Все это коренным образом меняло внешний облик селений, которые быстро теряли черты прежней феодально-патриархальной замкнутости и национального своеобразия.

Великая Октябрьская революция и последовавшие за ней социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту народов СССР привели к кардинальным изменениям в расселении, форме и внешнем облике поселений народов Северного Кавказа. Советская власть законодательным путем закрепила за местным населением обширные земли на равнине. Так, например, Северная Осетия получила 400 тыс. га земель на плоскости, куда в течение 1920–1921 гг. было переселено около 200 тыс. горцев, основавших 15 новых селений[176]. В числе их Ногир (1920), Коста (1921), Нарт (1921), Красногор (1922), Став-Дурта (1923) и др.[177]

Значительное число переселенцев подселялось к уже существовавшим плоскостным селениям: в станицу Змейскую подселилось 11 дворов, в хутор Ардонский – 29 дворов, в сел. Ново-Христиановское – 40 дворов, Кора-Урсдон – 20 дворов, Магометановское – 15 дворов, Дур-Дур – 87 дворов, Хаталдон – 10 дворов, Лескен – 51 двор, Фиагдон – 8 дворов, всего 363 двора[178]. В результате уже к середине 1920-х годов в горах Северной Осетии осталось немногим более 20 тыс. человек, или около 14% от общего числа коренного населения области[179].

Переселенцам выдавали денежную ссуду, отводили под поселение землю и т.п. К примеру, с 1921 по 1923 г. осетинцы-переселенцы через Кавказский сельский банк получили 200 тыс. руб. денежной ссуды[180]. Одновременно было осуществлено межаульное землеустройство и вновь возникшие селения получили юридическое признание[181]. Наркомзем РСФСР разработал специальные правила застройки новых поселений и организации переселения. Тогда же был поставлен вопрос о присоединении к Северной Осетии Моздокского сельскохозяйственного района, где осетинские селения существовали с XVIII в.[182]

Окончание гражданской войны создало благоприятные предпосылки для переселения на равнину и улучшения материального положения чеченцев и ингушей. Как и в соседней Осетии, процесс переселения здесь начался стихийно. Горцы сами захватывали земли, которые до революции они арендовали у казаков и собственных помещиков, выплачивая ежегодно огромные суммы[183]. Однако резервы свободных земель здесь были сравнительно невелики, среднее Притеречье издавна было плотно заселено. Ввиду этого при образовании Чеченской автономной области к ней были прирезаны дополнительные площади[184]. Таким образом территория области увеличивалась на 110 400 дес.[185] В результате уже в 1925 г. средний надел на равнине в расчете на одно хозяйство возрос до 2,2 га (по сравнению с 1,6 га в 1922 г. – год образования области). В дальнейшем, в связи с проведением в 1927–1930 гг. сплошного уравнительного землеустройства и присоединения к Чеченской области Грозненского и Сунженского округов, этот надел достиг 2,6 га[186].

С целью оказания помощи переселенцам правительство Российской Федерации выделило Чеченскому ревкому 531 тыс. золотых рублей дотации[187]. Из этих средств земельное управление области наделяло каждого переселенца лошадью со сбруей и телегой и выдавало в течение первого лета по пуду кукурузной муки на каждого члена семьи[188]. Общая смета на одну семью в 5–6 человек составила 500 руб.[189] Сюда входили:

Проезд и питание на расстояние до 80 верст	75 руб.
Ссуда на домообзаведение, лесной материал и проч.	300 руб.
Семенная ссуда	100 руб.
Врачебно-ветеринарная помощь	25 руб.

В других случаях переселенцев ждали уже готовые дома и нарезанные участки приусадебной земли размером в 1250 дес. на поселок, состоящий из 15 дворов[190]. Тем не менее переселение шло довольно медленно, несмотря на то что для подъема хозяйства переселенцев в районе образования новых селений был создан тракторный отряд из 12 машин, один из первых в области[191]. По переписи 1926 г. в горах Чечни оставалось еще около 126 тыс. человек, или более 39% общего числа населения области[192]. Основную часть переселенцев составляла молодежь, преимущественно из Итумкалинского района, расположенного в бассейне р. Ченты-Аргуна[193].

В течение 1920–1922 гг. постановлением съезда Советов Ингушетии в области было осуществлено предварительное распределение бывших казенных и частновладельческих земель, главным образом экспроприированных у поселенного здесь казачества, "впредь до проведения уравнительного землеустройства". Территория Ингушетии по сравнению с дореволюционным временем увеличилась к середине 1920-х годов с 184 438,9 дес. до 292 193 дес.[194] Однако из-за отсутствия водоснабжения почти 75% земель не использовались. И тем не менее за 1921–1923 гг. на землях четырех выселенных казачьих станиц по Сунже и Камбилеевке (Сунженской, Тарской, Ахки-юртовской и хутора Тарского) было основано 24 сельскохозяйственных объединения переселенцев с общим клином в 26 642 дес. земли[195]. С гор было выведено 2743 семьи, или 13 715 человек[196].

После выделения Ингушетии из состава Горской республики был разработан перспективный план на пятилетие (1925–1930 гг.), которым намечалось создание сети артезианских колодцев в районах будущих поселений. К 1926 г. на плоскость здесь переселилось до 86% населения[197].

В два раза (с 178 тыс. га до 350 тыс. га) увеличилась в советские годы территория Карачая. Вновь присоединенные земли находились в нескольких верстах от Кисловодска и получили наименование Малого Карачая[198]. В первой половине 1920-х годов здесь возникло 7 новых селений, в которых поселилось около 20 тыс. карачаевцев, или около трети всего коренного населения области[199]. В 1926 г. в Старом Карачае осталось около 64% прежнего населения (29 454 человека против 45 391 человека в 1916 г.[200]). В начале 1930-х годов в Малом Карачае насчитывалось 14 селений, т.е. больше, чем их было до революции в Старом и Новом Карачае, вместе взятых[201].

Процесс переселения с гор наиболее интенсивно шел в середине – второй половине 1920-х годов, но в отдельных случаях он продолжался и после коллективизации и даже в послевоенные годы. В частности, в 1957 г. почти полностью переселились на равнину и в предгорья чеченцы и ингуши, а также большая часть карачаевцев и балкарцев. В эти же годы имело место переселение 200 семей осетин-дигорцев Ирафского района[202].

Переселение горцев на равнину было важнейшим социально-политическим мероприятием Советской власти. Оно коренным образом изменило географию размещения населения Северного Кавказа, а вместе с этим и тип, и форму его поселений и жилищ (карта 4).

Новые селения с самого основания складывались как многодворные полигенные поселения, где поселялись представители различных фамилий и родственных группировок. Инструкции и положения о переселении и устройстве поселений неукоснительно требовали при основании новых поселений соблюдения санитарных норм и правил противопожарной охраны. Так, во временных правилах распланирования и застройки селений, разработанных Наркомземом РСФСР в 1925 г. на случай переселения и устройства новых поселений, подробно указывалось, какой должна быть ширина улиц в селениях (25 м при двусторонней и 13 м при односторонней застройке). Для отвода грунтовых и сточных вод и осадков предлагалось прокладывать кюветы. Сами улицы надлежало проводить таким образом, чтобы они шли поперек направления господствующих ветров. Протяженность кварталов в селениях определялась в 250 м, а отдельных усадеб – 30 м по фасаду и 120 м в глубину. На каждые 25 дворов предлагалось устраивать колодец или водоразборную колонку[203].

На практике, правда, выполнить все перечисленные требования удавалось далеко не всегда, особенно в отношении водоснабжения, ввиду того, что многие плоскостные районы были чрезвычайно бедны грунтовыми водами. Поэтому нередко новые селения (например, в Чечено-Ингушетии в районе рек Назрани и Сунжи) жались к берегам рек и другим естественным источникам воды и были настолько близко расположены одно от другого, что нередко сливались в один огромный аул, растянувшийся на несколько километров. По этой причине, а также вследствие постоянных подселений многие селения на равнине, как новые, так и старые, в советские годы значительно выросли, достигнув огромных размеров в 600–800 и более дворов. Так, по р. Ачалуку на протяжении шести верст осело три крупных селения – Верхние, Средние и Нижние Ачалуки, в районе Пседахского ключа, питавшего водой три других больших селения, на площади в 3 кв. версты оказалось скучено 7 тыс. человек. В этих селениях воду приходилось возить за несколько километров.

Естественно, что в горах размер многих селений сократился до минимума. "Посетив в 1922 г. селение Даллакау (в Северной Осетии. – *В.К.*), – писал В.П. Пожидаев, – я насчитал в нем до 60 дворов, а спустя два года, в 1924 г., при моей вторичной поездке в этот же аул, я нашел только три бедные сакли, остальные выселились на равнину"[204]. Такая же картина наблюдалась в соседней Ингушетии: "Современная Ингушетия (речь идет о горной части. – *В.К.*) – страна почти безлюдная, – писал В.П. Христианович в середине 1920-х годов. – Два-три двора на все селение, иногда даже только один, два человека жителей, чаще стариков, охраняющих древние очаги рода..."[205] Исключение в этом плане составляли лишь Карачай да отчасти Балкария и Чечня, где сохранялись горные селения, насчитывавшие по нескольку десятков и даже сотен дворов[206]. Подавляющее большинство мелких поселений в горах после революции прекратило свое существование: жители их либо выселились на равнину, либо перебрались в соседние более крупные и благоустроенные в культурном и бытовом отношениях селения и рабочие поселки, как, например, Мизур, Садон, Бурон – в Северной Осетии, Тырныауз, Былым (Угольный) – в Балкарии и т.п.

Важную роль в изменении социальной структуры и архитектурного облика северокавказских селений сыграли культурная революция и коллективизация. С первых лет Советской власти в селениях Северного Кавказа основывается целая сеть школ, ликбезов, клубов, библиотек, изб-читален, больниц и т.п. Коллективизация добавила к этому общественные усадьбы, обобществленные скотные и конные дворы, силосные башни, машинно-тракторные станции и ремонтные мастерские и множество других подсобных, хозяйственных и бытовых построек и предприятий. В отдельных селениях наряду с указанным появились и крупные промышленные предприятия, связанные с первичной переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов: мукомольные и маслодельные заводы, элеваторы, кенафо-костралитовые полигоны и пр. Сплошная электрификация и радиофикация совершенно преобразили облик северокавказского села, менее чем за полстолетие проделавшего колоссальный путь от феодализма к социализму.

В настоящее время почти все селения Северного Кавказа имеют правильную улично-квартальную планировку, подчеркнуто выделенный общественный центр, в котором сосредоточены административные, культурно-бытовые и торговые здания. Особенно выделяются своей величиной, отделкой и выразительным обликом многоэтажные здания школ, административные здания и дворцы культуры. Центральная площадь и улицы во многих селениях покрыты асфальтом и украшены газонами и зелеными насаждениями. По вечерам улицы освещаются электрическими фонарями. Производственные и хозяйственные предприятия располагаются на окраине селений или, что еще чаще, вынесены за их пределы.

Во всех селениях на равнине в настоящее время имеется водопровод, организуется баллонное газоснабжение. Все селения на равнине и в горах связаны между собой и с ближайшими городами сетью шоссейных дорог, а наиболее крупные из них – также регулярным автобусным сообщением.

Неузнаваемо изменились форма и облик горных селений. За редким исключением все они в настоящее время располагаются в долинах рек на сравнительно ровной местности. Это обстоятельство позволило значительно расширить и спланировать их уличную сеть, упорядочить застройку. Как и на равнине, новое строительство в горных селениях ведется в строгом соответствии с требованиями санитарной гигиены и архитектурными правилами. Это относится прежде всего к тем селениям, которые по экономическим, топографическим и иным соображениям вошли в число так называемых "перспективных поселений", куда со временем должны быть переселены жители остальных, более мелких и отдаленных населенных пунктов.

*Поселениям народов Северного Кавказа в этнографической литературе посвящено всего лишь несколько частных исследований, из которых в трех рассматриваются поселения балкарцев (*Робакидзе А.И.* Форма поселений в Балкарии. Топография поселения. – МЭГ. Тбилиси, 1960, вып. 9; *Он же.* Морфология поселений. – МЭГ. Тбилиси, 1963, вып. 12/13; *Асанов Ю.Н.* Поселения балкарцев в XIX–XX вв. Нальчик, 1976; *Робакидзе А.И.* Жилище и поселения горных ингушей. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, т. 2; *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик, 1971). Частично материал по поселениям народов края содержится также в работе: *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976; а также в обобщающих трудах: *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968; *Калоев Б.А.* Осетины. М.: Наука, 1971.

[1] *Деген-Ковалевский Б.Е.* Сванское селение как исторический источник. – СЭ, 1936, № 4/5, с. 24; *Витов М.В.* О классификации поселений. – СЭ, 1953, № 3, с. 34, 35; *Робакидзе А.И.* Программа для сбора материала по разделу "Поселение и жилище" Кавказского историко-этнографического атласа. М.: Ин-т этнографии, 1967, с. 2 (ротапринт).

[2] Ср., например, в описании "Закубанского пространства", составленном Генеральным штабом Кавказской линии в 1851 г.: "О залабинских народах, находящихся в ведении нашего правительства... все определено приблизительно. Что касается абадзехов, нам непокорных, то о них мы знаем еще гораздо менее" (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19051, л. 115 об.).

[3] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми, 1937, т. 1, с. 41.

[4] Кавказ, 1851, № 92.

[5] *Вревский.* Военно-статистическое описание Черноморской береговой линии. Племена, населяющие край Черноморской береговой линии (1847). – ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19256, л. 2425.

[6] *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. – Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1760, июль, с. 22, 23.

[7] *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, 1914, вып. 2, с. 60; *Дубровин Н.* Черкесы-адыге. – В кн.: Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927, вып. 1, с. 57; *Бинкевич Е.Р.* История черкесского жилища, с. 33; *Зевакин Е.С.* Культура и быт адыгов XVIII – половины XIX в. – В кн.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, с. 227; *Коджесау Э.Л.* Изменения в материальной культуре адыгейцев в годы социалистического строительства. – УЗАНИИ, Краснодар, 1965, т. 6, с. 81, 82.

[8] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие..., с. 40–41.

[9] *Фелицын Е.Д.* Черкесы-адыге. – КОВ, 1885, № 1.

[10] *Бинкевич Е.Р.* История..., с. 33.

[11] *Зевакин Е.С.* Культура..., с. 227.

[12] *Косвен М.О.* История и этнография Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 6.

[13] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа. – Кавказский сборник, Тифлис, 1910, т. XXI, с. 149.

[14] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие..., с. 42.

[15] Словарь русско-черкесский, или адыгский, составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846, с. 7, 58; *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1963, с. 32.

[16] *Коков Дж.Н.* Связь черкесской ономастики с топонимикой неадыгских народов. – УЗКБНИИ, Нальчик, 1965, т. 23, с. 314.

[17] Словарь..., с. 7.

[18] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие..., с. 41.

[19] *Студенецкая Е.Н.* Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв.). Историко-этнографический очерк. – Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954, вып. 3, с. 157.

[20] Там же.

[21] *Зевакин Е.С.* Общественное устройство Адыгеи в XVIII – начале XIX в. – В кн.: Очерки истории Адыгеи, Майкоп, 1957, с. 185.

[22] *Кумыков Т.Х.* Расселение кабардинцев в 40–60-х годах XIX в. – УЗКБНИИ, Нальчик, 1965, т. 23, с. 149.

[23] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967, с. 328.

[24] *Торнау.* Записки офицера, бывшего в плену у горцев. – Кавказ, 1852, № 2.

[25] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк..., с. 154.

[26] Список аулов Кабардинского округа по участкам с обозначением в каждом ауле числа дворов, представленный при рапорте начальника Кабардинского округа от 9 сентября 1861 г. № 1094 в канцелярию туземцев (*Кумыков Т.Х.* Расселение..., с. 153).

[27] Очерки истории Адыгеи, с. 226.

[28] *Хан-Гирей.* Князь Пшьской Аходягоко. – СМОМПК, Тифлис, 1893, вып. XVII, с. 17.

[29] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие..., с. 42.

[30] *Коджесау Э.Л.* Изменения..., с. 82.

[31] Там же.

[32] *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974, с. 132, 133.

[33] *Зевакин Е.С.* Культура..., с. 228.

[34] *Вревский.* Приблизительные статистические сведения о горских племенах Кавказа, собранные ротмистром бароном Вревским. – ЦГВИА, ф. 4, оп. 4, д. 176, ч. 2, л. 3; Проект управления мирными горцами. Сведения, представленные депутацией от балкарских обществ. – В кн.: Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, с. 45, 46.

[35] Записано в сел. Безенги со слов Холамханова Байчо Чечуновича, 113 лет. АЭИ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 1, с. 114–115.

[36] Записано в сел. Верхний Чегем со слов Эдокова Ибрагима, 93 года. АЭИ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1968 г., тетр. 1, с. 137, 138.

[37] *Вахушти Багратиони.* Описание Грузинского царства. Тбилиси, 1941, с. 150.

[38] В одном документе, датированном 1811 г., говорится, например, о карачаевцах, живущих "небольшими усадьбами в бревенчатых домах" в количестве до 600 человек (ЦГВИА, кол. 414, д. 300, л. 78. Цит по: *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М., 1974, с. 102). Даже в середине XIX в., по словам А.П. Берже, помимо трех названных аулов многие из карачаевцев жили еще в "отдаленных пещерах на вершинах маленьких речек, вытекающих из подошвы Эльбруса" (*Берже А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858, с. 25). Это первоначально рассеянное моногенное поселение отразилось также в позднейшей свободной разбросанной фамильно-квартальной планировке карачаевских аулов (карта № 3).

[39] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Очерки Карачая и карачаевцев. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. 25, с. 65.

[40] *Алиев У.* Кага-Халк ("Карахалк" – черный народ). Ростов-на-Дону, 1927, с. 14.

[41] *Лавров Л.И.* Происхождение балкарцев и карачаевцев. – КСИЭ, 1959, вып. 32, с. 4–7. Н.А. Караулов сообщает: "По преданию, болкары некогда жили на равнине в северокавказских степях, но затем, теснимые сильным и многочисленным племенем кабардинцев, принуждены были уйти в горы, вверх по течению рек Черека, Чегема и Баксана" (*Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе. – СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 132). Аналогичные предания были записаны нами в 1968 г. в сел. Верхний Баксан со слов Гулиева Габо, 91 год (АЭИ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1968 г., тетр. 2, с. 55). Относительно карачаевцев см.: *Дьячков-Тарасов А.М.* Очерки..., с. 65.

[42] АЭИ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 2, с. 57.

[43] Там же, тетр. 1, с. 137–142.

[44] Записано в сел. Былым со слов Узденова Адабека, 88 лет. Там же, тетр. 2, с. 38. Отбрасывая легендарный сюжет "о воровстве князя" со стороны, отметим, что владельческий род Урузбиевых, как установил Л.И. Лавров на основании эпиграфической записи, найденной в сел. Хулам (Безенгийское ущелье), в первой четверти XVIII в. действительно обитал в долине Черека (*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968, с. 124–125). По данным М.А. Иванова, баксанские фамилии Джаппуевых, Гаккиевых наряду с фамилиями Тылаевых и Курдановых некогда также проживали в Безенгийском ущелье (*Иванов М.А.* По ущелью р. Баксана. – ИКОРГО, Тифлис, 1902, т. XVI, с. 17). Все это подтверждает достоверность исторического ядра предания о движении балкарцев с востока на запад и о смешанном, полигенном характере большей части их поселений.

[45] *Вахушти Багратиони.* Описание..., с. 150.

[46] По материалам А.И. Робакидзе, процесс образования полигенных селений "начался в Балкарии задолго до крестьянской реформы", поскольку "моногенный признак оказался в них нарушенным даже внутри кварталов" (*Робакидзе А.И.* Программа..., с. 196).

[47] *Гюльденштедт И.* Описание Кавказских земель. По его бумагам полностью переработано, улучшено и снабжено разъяснениями Ю. Клапротом. Берлин, 1834, с. 89.

[48] ЦГАДА, ф. 22, оп. 1. Цит. по кн.: Материалы по истории Осетии, т. 6. Орджоникидзе, 1934, с. 161, 162.

[49] Ср. у К. Коха: "Башни построены из камня, в то время как дома частично бывают из дерева" (*Кох К.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. – ОГРИП, с. 262).

[50] *Вахушти Багратиони.* География Грузии, с. 144.

[51] *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. – ОГРИП, с. 169 и прим. 99.

[52] *Кох К.* Путешествие..., с. 262.

[53] Там же, с. 254.

[54] Там же, с. 254–255.

[55] Там же, с. 242.

[56] Там же, с. 246.

[57] *Хетагуров К.Л.* Собр. соч. в 5-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961, т. 4, с. 314.

[58] *Штедер.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. – ОГРИП, с. 46.

[59] Там же, с. 60.

[60] *Вахушти Багратиони.* География Грузии, с. 70.

[61] Ср. у А.Г. Ардасенова: осетины жили "в большинстве случаев отдельными родовыми группами и только в редких случаях (?) образовывали крупные аулы... из соединения нескольких родов и фамилий" (*В.Н.Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Новое обозрение, 1896, № 4162). Некритическое восприятие источников о "родовых" поселениях у осетин встречается порой и в современных изданиях (см., например: *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 228, 229; *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, с. 36).

[62] ОГРИП, с. 12.

[63] *Кобычев В.П.* О днях, что в предания ушли. – В кн.: Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г. М.: Наука, 1972, с. 60–69. Ю. Гельденштедт по этому поводу сообщает: "В связи с внутренними неурядицами... они [осетины], за исключением южной части, добились свободы" (*Гюльденштедт Ю.* Описание..., с. 88).

[64] *Максимов Евг.* Осетины. – В кн.: *Максимов Е., Вертепов Г.А.* Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892, вып. 1, с. 22.

[65] *Магометов А.Х.* Культура..., с. 229.

[66] Там же.

[67] *Штедер.* Дневник..., с. 31; ср.: *Кох К.* Путешествие..., с. 255.

[68] См.: *Магомедов Р.М.* Новое время и старые обычаи. Махачкала, 1966, с. 5–7.

[69] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 133, 135.

[70] *Штедер.* Дневник..., с. 50–52.

[71] *Головин А.* Топографические и статистические заметки об Осетии. – КК на 1855 г. Тифлис, 1854, с. 442.

[72] См.: *Штедер.* Дневник..., с. 49, 51, 53; *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 144, 145, 154.

[73] Подробнее о поселениях осетин в районе Моздока см.: *Калоев Б.А.* Из истории Моздока и моздокских осетин. – ИСОНИИК, 1968, т. 25, с. 210.

[74] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869, ч. III, с. 215.

[75] *Калоев Б.А.* Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1967, с. 59–61; *Магометов А.Х.* Культура..., с. 237, 238.

[76] *Максимов Е.* Чеченцы. – ТС, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 32.

[77] *Лаудаев У.* Чеченское племя. – ССКГ, Тифлис, 1872, вып. VI, с. 19.

[78] *Ган К.Ф.* Экспедиция в Нагорную Чечню и Западный Дагестан. – ИРГО, Тифлис, 1902, т. XV, кн. 4, с. 214, 219.

[79] *Вертепов Г.А.* Ингуши. – В кн.: *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Владикавказ, 1892, с. 113, 114; *Христианович В.П.* Горная Ингушетия. Ростов-на-Дону, 1928, с. 76.

[80] *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей горного участка Ингушевского округа. – ССКГ, 1870, вып. 3, с. 2–33.

[81] *Розен Р.Ф.* Описание экономического положения и политического состояния племен Чечни и Дагестана, составленное и.д. начальника левого фланга Кавказской линии бар. Р.Ф. Розеном. – МИЧИД, Махачкала, 1940, т. III, вып. 1, с. 236, 237.

[82] Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса бар. Г.В. Розена из лагеря при сел. Гехи военному министру гр. А.И. Чернышову за № 86. – Там же, с. 280.

[83] *Семенов Н.С.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 129.

[84] Записано в 1969 г. в сел. Дарго со слов Муртазаева Мурди, 79 лет, АЭИ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 1, с. 21.

[85] Записано со слов Эдельханова Мата, 72 года. – Там же, с. 28, 32, 33.

[86] Там же, с. 22.

[87] АКАК, 1870, т. IV, док. 1389, с. 904.

[88] *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, вып. 2, с. 113.

[89] *Вертепов Г.А.* Ингуши, с. 80.

[90] В одном из подобных обзоров конца 1820-х годов, например, говорится, что территория Галгая (восточной части Ингушетии) составляет 321 кв. версту, на которой располагается 55 селений с 213 дворами и 1065 жителями, при этом самое большое селение Хамхи насчитывает всего 10 дворов (см.: *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 157). Приведенные цифры, как видим, находятся в резком противоречии с данными ведомости по западной части той же Ингушетии (Джераховскому ущелью) и не соответствуют числу сохранившихся жилых комплексов в селениях горной полосы, не говоря уже о том, что получить их можно лишь путем точной переписи, что в указанное время было совершенно невозможно, поскольку восточная часть Ингушетии пребывала в ту пору вне пределов досягаемости русской администрации.

[91] *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 74.

[92] Там же. См. также: *Мартиросиан Г.* История Ингушии. – ИИНИИК, 1928, вып. 1, с. 33.

[93] Что касается Салги, то есть основания сомневаться, что жители его были однородными по составу. По преданию, записанному Л.П. Семеновым (в те же годы, когда там собирал свой материал и В.П. Христианович), часть салгинцев считала себя выходцами из соседнего заброшенного уже несколько веков тому назад сел. Магат (разночтения: Магалт, Магт). Поверье это живо в народе и поныне (Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 66; АЭИ. Материалы Северокавказского отряда 1970 г., тетр. 1, с. 75).

[94] *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 34. Существующее мнение о том, что название сел. Лялах (Лейлах) ведет свое начало от ингушск. *лей* – "раб" (*Семенов Л.П.* Археологические..., с. 34), несостоятельно. Этому противоречит как приведенное выше предание об основании селения, так и сам облик последнего (в селении до настоящего времени возвышаются три великолепные боевые башни со ступенчато-пирамидальной кровлей, которые, как известно, рабам и "худородным" фамилиям строить не разрешалось).

[95] В.П. Христианович, Л.П. Семенов и ряд других авторов приводят данные об основании селений Джейрах, Фуртоуг, Кашиете и ряда других, из которых следует, что если не изначально, то с давних пор селения эти были населены представителями различных ингушских, а отчасти и осетинских фамилий. По нашим полевым материалам, разнородный состав имели также селения Хули и Доургишт (АЭИ. Материалы Чечено-Ингушского отряда 1970 г., тетр. 1, с. 16, 17).

[96] Краткое военно-статистическое описание Чечни, составленное Генерального штаба капитаном И.И. Норденстаммом в 1834 г. из собранных им сведений во время экспедиции 1832 г. – МИЧИД, с. 303.

[97] Там же, с. 310.

[98] *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. – КК на 1860 г. Тифлис, 1859, с. 80–83. Ряд фактических данных содержится также в рукописи Д.А. Милютина "Материалы по истории Кавказа. Чечня" (Рукописный фонд ГПБ им. В.И. Ленина, ф. 169, с. 81, 97), но достоверность их весьма относительна, поскольку в рассматриваемое им время (1830-е годы) горная часть Чечни была фактически недоступна для русской администрации. По Д.А. Милютину, в высокогорном Чеберлоевском обществе в сел. Кезеной насчитывалось около 300 дворов, в Сада (Садой) – 80, в Рига (Ригахой) – до 100 дворов. В Аргунском ущелье показано 14 селений шатоевцев общей численностью

в 876 дворов, в среднем по 63 двора на одно селение (Там же, с. 22, 23).

99 *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа. – ССКГ, 1868, вып. 1, с. 4, 5.

100 *Лаудаев У.* Чеченское племя. – ССКГ, 1872, вып. VI, с. 24.

101 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 32, 33.

102 См.: *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889, вып. 1; *Полиевктов М.А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Посольства Веревкина, Харитонова, Феодосия Никифорова, Гегенова, Волконского. Тбилиси, 1937; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

103 *Вертепов Г.* Ингуши, с. 104; *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев. – ТС, Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 50; *Иванов М.А.* Верховья реки Гехи. – ИКОРГО, 1902, кн. XV, № 5, с. 284; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 г. Грозный, 1967, т. 1, с. 57–59.

104 *Вертепов Г.* Ингуши, с. 104.

105 *Ошаев Х.* Малхиста. – РГ, Ростов-на-Дону, 1930, № 8, с. 58; *Умаров Ц.* О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. – АЭС, Грозный, 1969, вып. 3, с. 174–176; *Кобычев В.П.* О днях, что в предания ушли, с. 60–69.

106 *Грен А.Н.* Сказки и легенды чеченцев, записанные в русском пересказе. – СМОМПК, Тифлис, 1897, вып. 22, отд. 3, с. 13.

107 *Ошаев М.Х.* Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлойакх. – ИЧИНИИК, Грозный, 1966, т. VII, с. 155.

108 *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки..., с. 36.

109 *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. – ИЧИНИИК, Владикавказ, 1930, вып. 2/3, с. 330.

110 *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1962, с. 8.

111 *Харадзе Р.Д., Робакидзе А.И.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, вып. 2, с. 117.

112 Там же, с. 162, 163.

113 Там же, с. 163.

114 Там же, с. 164.

115 *Базоркин М.М.* Памятники средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964, с. 18, 29.

116 МИЧИД, с. 303.

117 Там же, с. 310.

118 *Берже А.П.* Чечня и чеченцы, с. 87.

119 *Лаудаев У.* Чеченское племя, с. 19.

120 *Вахушти Багратиони.* География Грузии, с. 151.

121 *Штедер.* Дневник..., с. 32. В противоположность этому И. Гюльденштедт утверждает, что ингуши в Тарковской долине жили в селениях, состоявших в среднем из 20 дворов (*Гюльденштедт И.* Описание..., с. 478), что, впрочем, не отменяет их полигенного характера.

122 МИЧИД, с. 280–282. См. также: *Милютин Д.А.* Материалы..., с. 20.

123 АКАК, т. VI, ч. 2, с. 508; т. VIII, с. 685.

124 МИЧИД, с. 233. Вопрос о том, до какого времени у чеченцев сохранялась княжеская власть, – один из самых темных в их истории. П.Г. Бутков, например, в противоположность Розену утверждает, что они изгнали своих князей между 1760–1770-м годами (*Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869, ч. 2, с. 112).

125 *Гриценко Н.П.* Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961, с. 179.

126 *Лаудаев У.* Чеченское племя, с. 40, 41; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, ч. 1, с. 66.

127 *Бутков П.Г.* Материалы..., ч. 2, с. 112.

128 *Берже А.П.* Чечня и чеченцы, с. 21–25.

129 *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 214.

130 *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. М., 1886, т. 1, с. 70.

131 *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, с. 21, 22.

132 АЭИ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 1; *Штедер.* Дневник..., с. 47; Ю. Клапрот указывает, что Хакуна (у автора – Гакуна) частично была обитаема еще в его время (*Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 140).

133 *Семенов Л.П.* Археологические..., с. 67.

134 Там же, с. 117.

135 Имеется в виду своего рода "крестьянская революция", в течение XVI–XVIII вв. прошедшая фактически по всему Северному Кавказу, отголоски которой сохранились в многочисленных преданиях и ряде письменных источников (см.: *Кобычев В.П.* О днях, что в предания ушли, с. 60–70).

136 *Рейнеггс Я.* Общее историко-топографическое описание Кавказа. – ОГРИП, с. 91, 92.

137 *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 174.

138 Там же.

139 *Блиев М.М.* Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, с. 17, 18; Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962, с. 46.

140 *Хетагуров К.* Указ соч., с. 315.

141 *Ган К.Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. 25, с. 29.

142 По словам Магомета Евкурова, одного из информаторов Л.П. Семенова, Ольгете было основано переселенцами из Эрзи при его деде, т.е. всего три поколения назад, считая от конца 1920-х годов (*Семенов Л.П.* Археологические..., с.67).

143 *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 146.

144 *Фелицын Е.Д.* Черкесы – адыге и западнокавказские горцы. Екатеринодар, 1884, с. 22.

145 Очерки истории Адыгеи, с. 226.

146 *Султан Крым-Гирей.* Путевые заметки. – КВВ, 1866, № 20.

147 *Иванов И.* Чечня. – Москвитянин, 1851, № 19, 20, с. 5.

148 *Жан де Люк.* Описание..., с. 490.

149 *Паллас П.С.* Описание путешествия..., с. 396, 397.

150 ЦГВИА, кол. 414, д. 300, л. 85 об. (Цит. по: *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 36).

151 Живописное обозрение, 1874, кн. 15, с. 238.

152 АКАК, Тифлис, 1878, т. VII, с. 905.

153 АКАК, Тифлис, 1881, т. VIII, с. 740.

154 *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. – РС, 1894, т. 81 июль, с. 96; ср. АКАК, т. X, с. 471.

155 *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 65; *Берже А.П.* Чечня и чеченцы, с. 17–21; *Максимов Е.* Чеченцы, с. 30

156 *Берже А.П.* Переселение горцев. – РС, 1887, № 10; *Лайпанов Х.О.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. Ставрополь, 1966.

157 *Кужелева Л.* Ногайцы. – УЗНИИИЯЛДФ. Махачкала, 1964 т. XIII, с. 208; *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 220

158–159 *Касумов А.Х.* Разные судьбы. Нальчик, 1967, с. 10, 11; *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 220; *Дзагуров Г.А.* О переселении туземцев Терской области в Турцию. Переселение горцев. Ростов-на-Дону, 1925.

160 *Кумыков Т.Х.* Расселение..., с. 151–157.

161 Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869 т. 1, с. 43; *Волкова Н.Г.* Этнический состав..., с. 225–228

162 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. 25, с. 53.

163 *Чурсин Г.Ф.* Поездка в Карачай. – ИКОРГО, Тифлис, 1915 т. XXIII, № 3, с. 156; *Невская В.П.* Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, с. 34.

164 *Месяц С.И.* Население и землепользование Кабарды..., с. 47

165 *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни Историко-статистико-экономический очерк. – ИСОНИИК Владикавказ, 1925, вып. 1, с. 151–153; *Цаллагов А.* Селение Гизель (или Кизилка). – СМОМПК, Тифлис, 1893 вып. XVI, с. 1.

166 АКАК, т. X, с. 471; Материалы по истории осетинского народа, т. 2, с. 313, 314. *Максимов Е.* Чеченцы, с. 32.

167 *Максимов Е.* Чеченцы, с. 32.

168 *Головин А.* Топографические и статистические заметки... с. 448.

169 *Пфаф В.Б.* Путешествие по ущельям Северной Осетии. – ССКГ, 1871, вып. 1, с. 12.

170 *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888, ч. 2, с. 10.

171 *Скачков А.* Опыт статистического исследования горного угол ка (экономический очерк). – Кавказ, 1905, № 221; *Пантюхов И.И.* Ингуши. Этнографо-антропологический очерк. – ИКОРГО, 1900, т. XIII, № 6, с. 128.

172 *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 62.

173 *В.Н.Л.* Переходное состояние..., № 4266.

174 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. – ЗКОРГО, Тифлис, 1902 кн. 22, вып. 4, с. 19.

175 *Аутлев М.Г., Лавров Л.И.* Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. – В кн.: Культура и быт колхозного крестьян

ства Адыгейской автономной области. М., 1964, с. 29, 30; *Кобычев В.П.* Города, селения, жилище, с. 95.

176 К 40-летию автономии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1964, с. 30, 31. Процесс переселения с гор с перерывами длился в течение многих лет, поэтому в разных трудах имеются различные сведения о числе основанных поселений и численности переселенцев. Так, К.Х. Дзакоев называет 10 селений и 21 тыс. человек (Северная Осетия в первые годы нэпа. 1921–1924. Орджоникидзе, 1941, с. 7), в другой работе этот автор называет уже 11 селений и 30 тыс. человек (*Дзакоев К.Х.* Экономическое развитие североосетинского крестьянства. 1860–1925. – Архив Северо-Осетинского НИИ, П–24, № 62). С последними данными согласен Б.А. Цуциев (Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1952, с. 105); А. Баев, ссылаясь на статистические данные, указывает 19 селений (*Баев А.* Устройство горцев-переселенцев Северной Осетии. – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 2, с. 279).

177 ЦГА СОАССР, ф. 42, оп. 1, д. 45, л. 109.

178 *Баев А.* Устройство..., с. 278.

179 *Рклицкий М.В.* Северо-Осетинская автономная область (статистико-экономическая справка). – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 1, с. 2. Здесь, как и выше, в источниках имеются некоторые расхождения относительно числа переселенцев, впрочем весьма незначительные (см.: Бюлл. Северо-Осетинского стат. бюро, Владикавказ, 1925, № 2).

180 *Дзакоев К.Х.* Экономическое развитие...

181 *Баев А.* Устройство..., с. 277.

182 ЦГА ЧИАССР, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 5, л. 167–177.

183 Там же, л. 335–338. В 1912 г. чеченцы выплатили, например, казакам и помещикам до 400 тыс. руб. арендной платы (см.: 10 лет Советской Чечни. Ростов-на-Дону, 1933, с. 130).

184 В число этих земель вошли 1574 дес., отрезанные от ст. Тарской, 1543 дес. – от ст. Вознесенской и свыше 10 тыс. дес., отрезанные в Алханчуртской долине (ЦГА ЧИАССР, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 45, л. 277 об., 278, 299).

185 Там же, ед.хр. 37, л. 249; ед.хр. 92, л. 31.

186 10 лет Советской Чечни, с. 80.

187 Там же, с. 122.

188 ЦГА ЧИАССР, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 92, л. 69.

189 Там же, ед.хр. 120, л. 64, 64 об.

190 Там же, ед.хр. 92, л. 69. Так было, например, в поселках Ленин-юрт и других, образованных на землях казачьих станиц Михайловской, Самашки, Закан-юрт и др.

191 Там же, л. 70.

192 *Знаменский П.И.* Физико-экономический очерк Чеченской автономной области в границах после объединения с Грозненским и Сунженским округами). Грозный, 1929, с. 55.

193 ЦГА ЧИАССР, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 92, л. 69.

194 Там же, ед.хр. 71, л. 61, 62.

195 Там же, л. 64, 71.

196 Там же, л. 188 (34).

197 Там же, л. 61, 62; *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 65.

198 *Батчаев А.* Карачай за 15 лет пролетарской диктатуры. – РГ, 1932, № 10/12, с. 102, 103.

199 *А.Б.* Советский Карачай на путях социалистического строительства. – РГ, 1930, № 12, с. 49, 50.

200 *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 65.

201 *Батчаев А.* Карачай..., с. 103. Перед началом Великой Отечественной войны территория Карачая перевалила за миллион га, а число вновь основанных селений достигло 22 (*Студенецкая Е.Н.* Карачаевцы. – В кн.: Народы Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 1, с. 246).

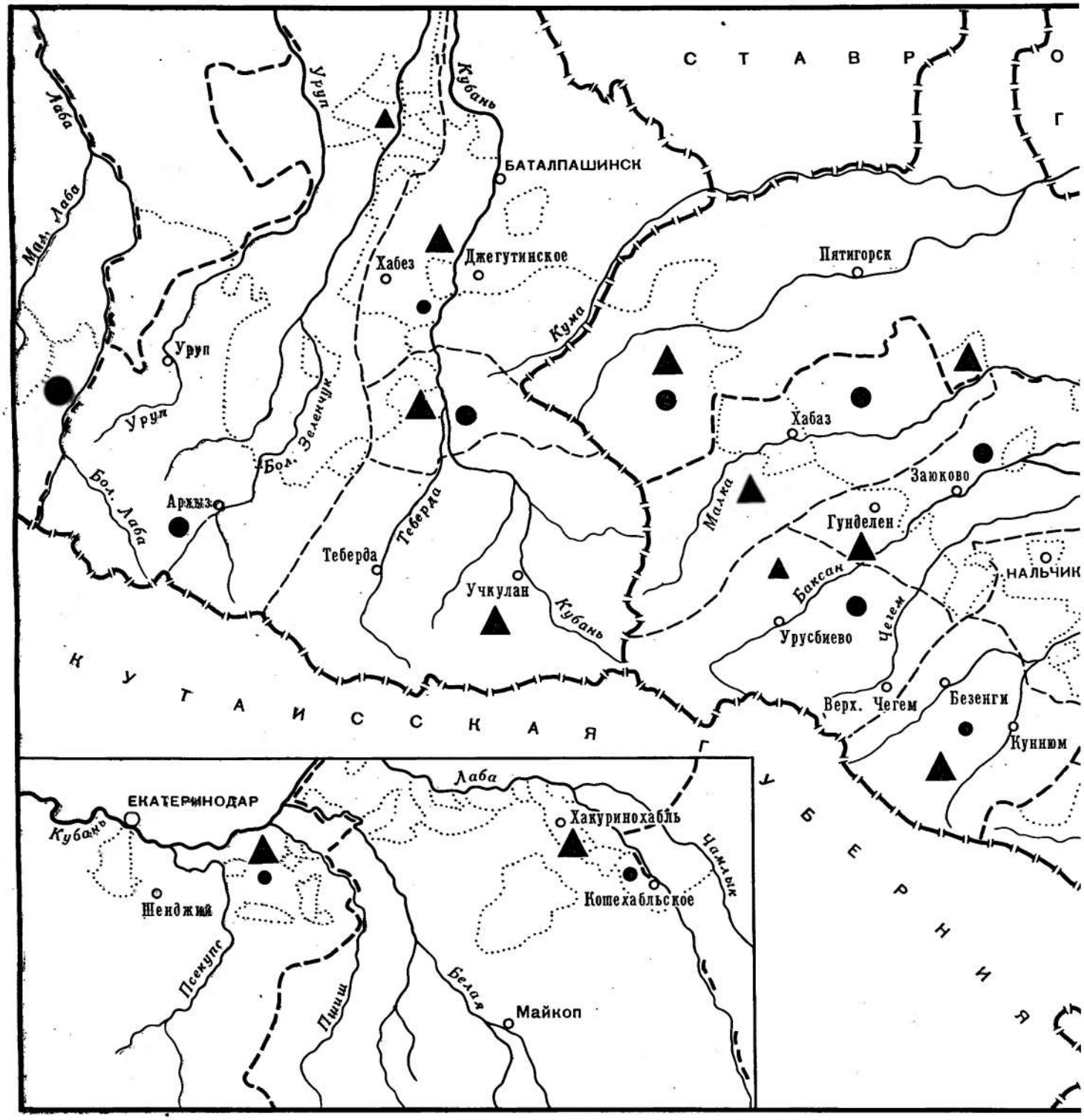
202 ЦГА ЧИАССР, ф. Р707, оп. 1, ед.хр. 35, л. 1, 2.

203 ЦГА ЧИАССР, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 5, л. 167–174.

204 *Пожидаев В.П.* Горцы Северного Кавказа. М.; Л., 1926, с. 110.

205 *Христианович В.П.* Горная Ингушетия, с. 61.

206 В начале 1930-х годов в Хурзуке, например, насчитывалось 1130 дворов, в сел. Учкулан – 11 046 дворов (см.: *Тамбиев И.* О задачах культурного строительства в горной полосе национальных областей. – РГ, 1931, № 10–11, с. 79).

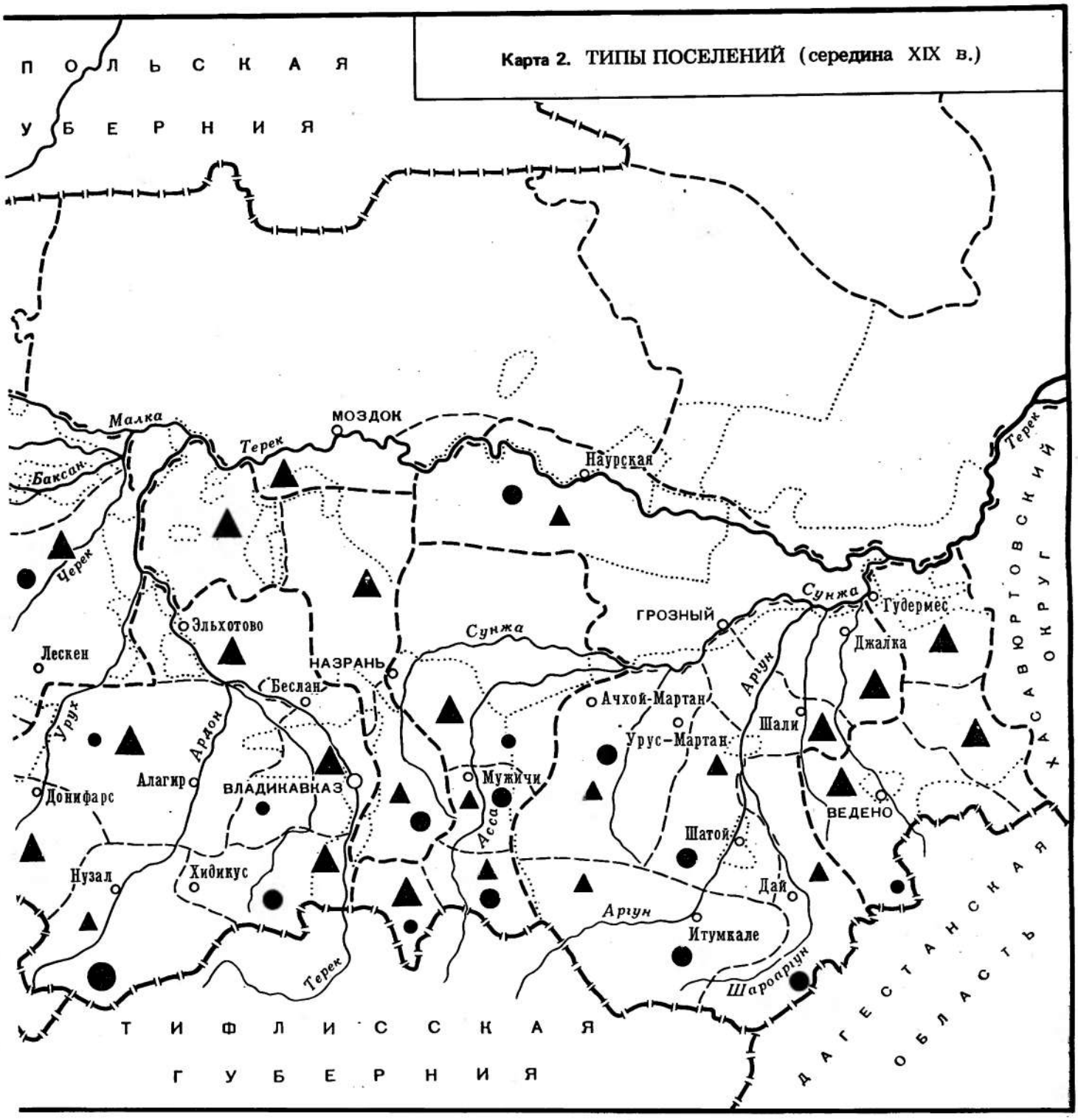
Преобладают

Бытуют

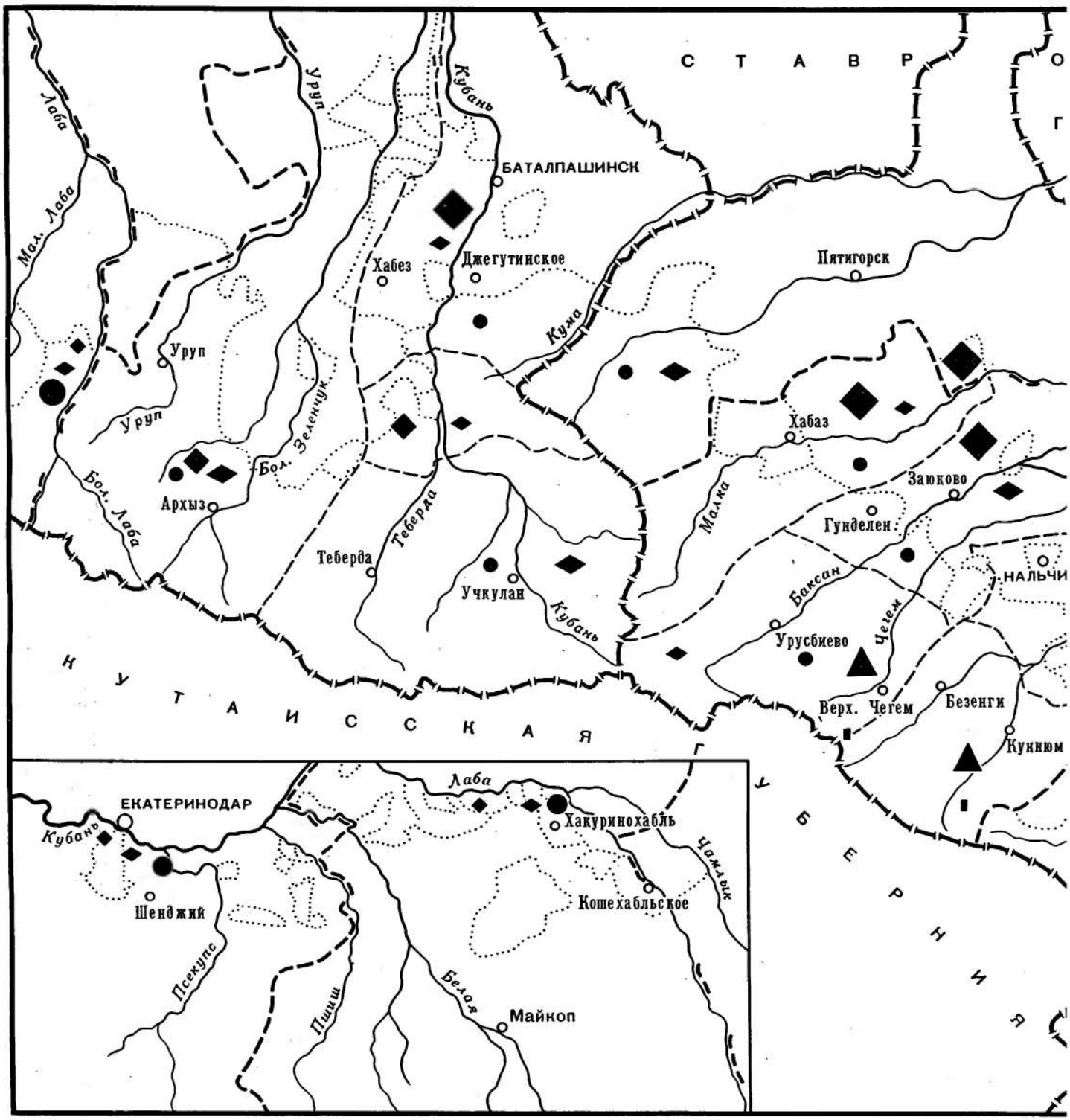
Единичны

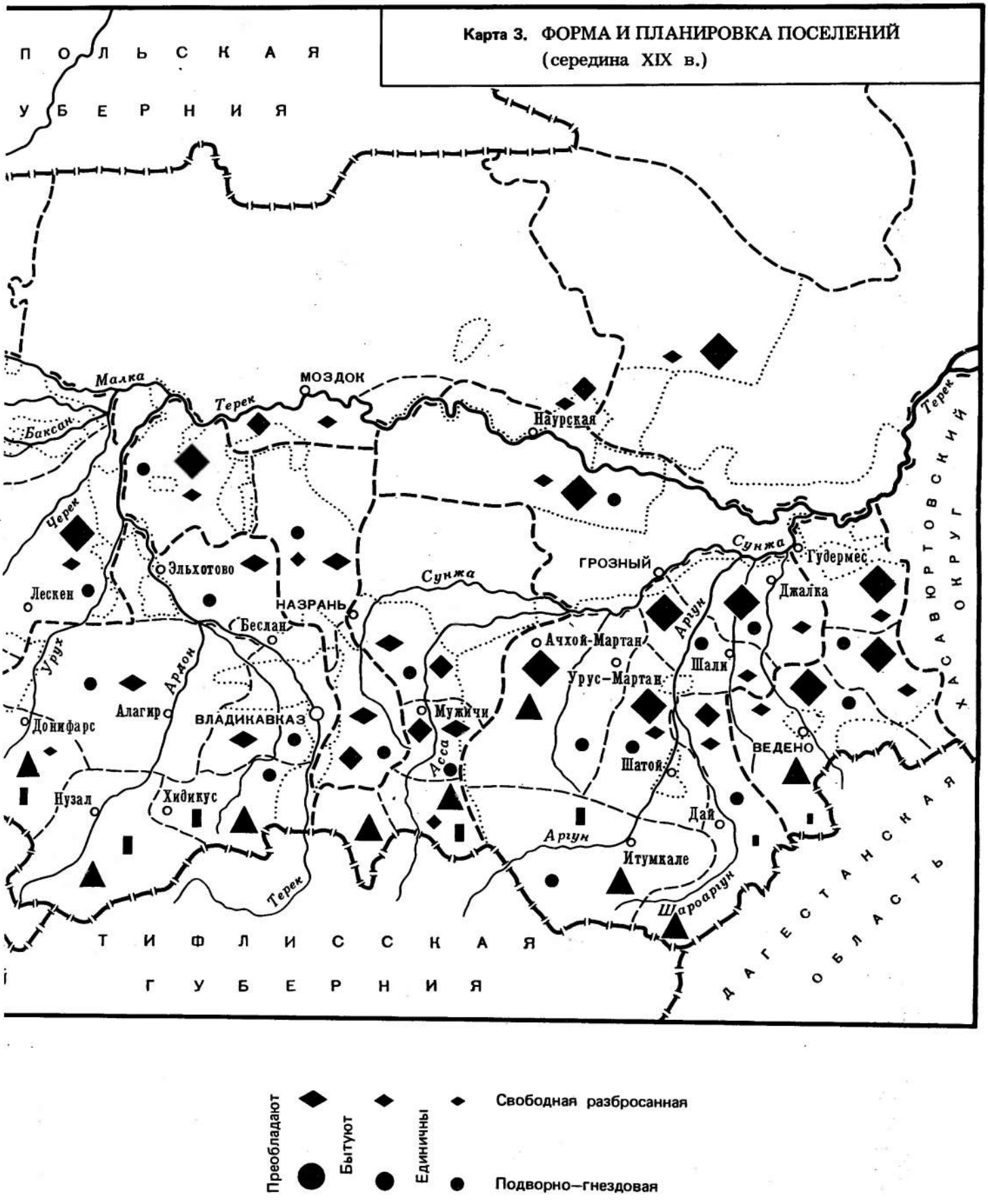
Моногенные (фамильно—патронимические)

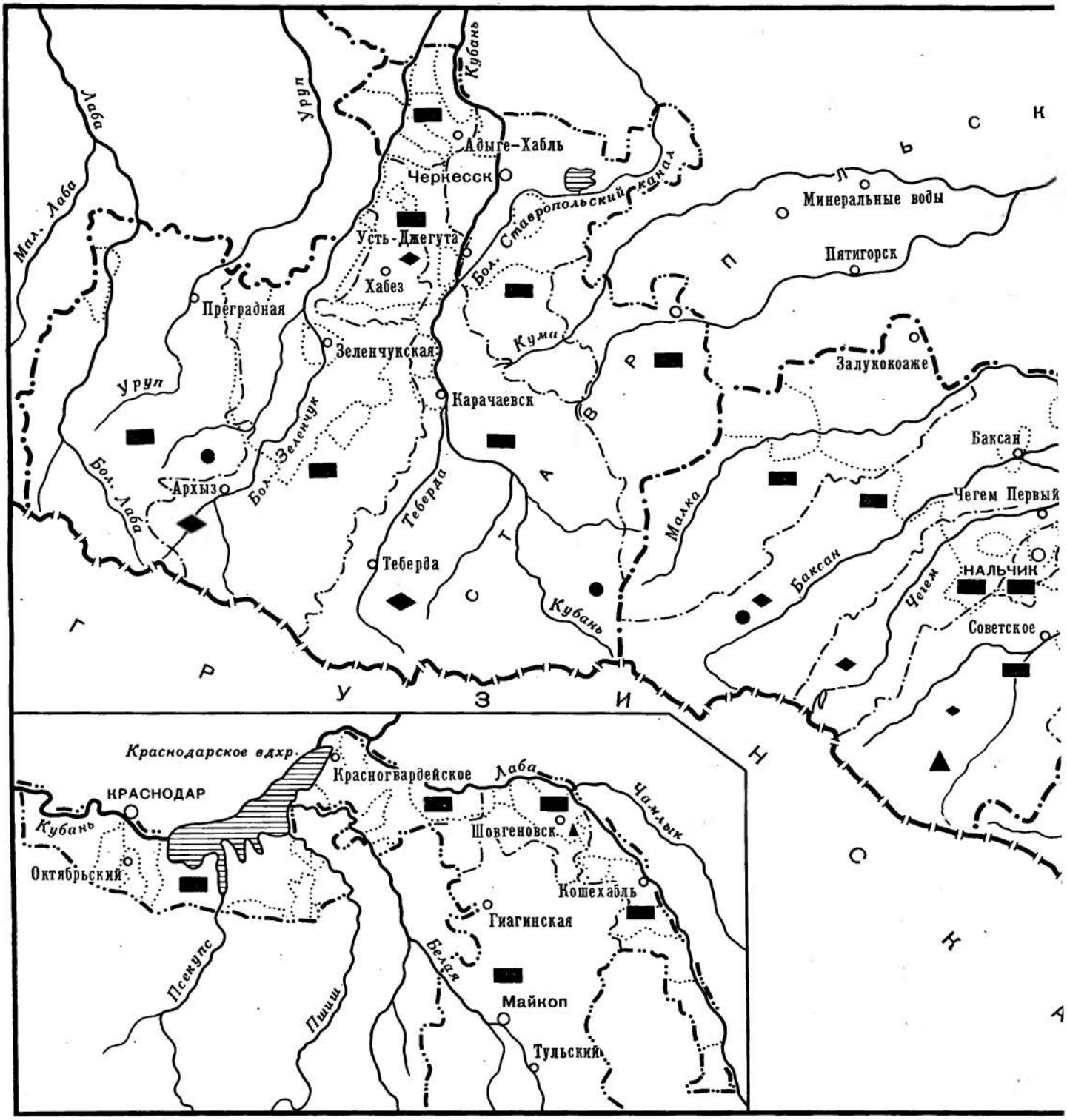
Карта 2. ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ (середина XIX в.)

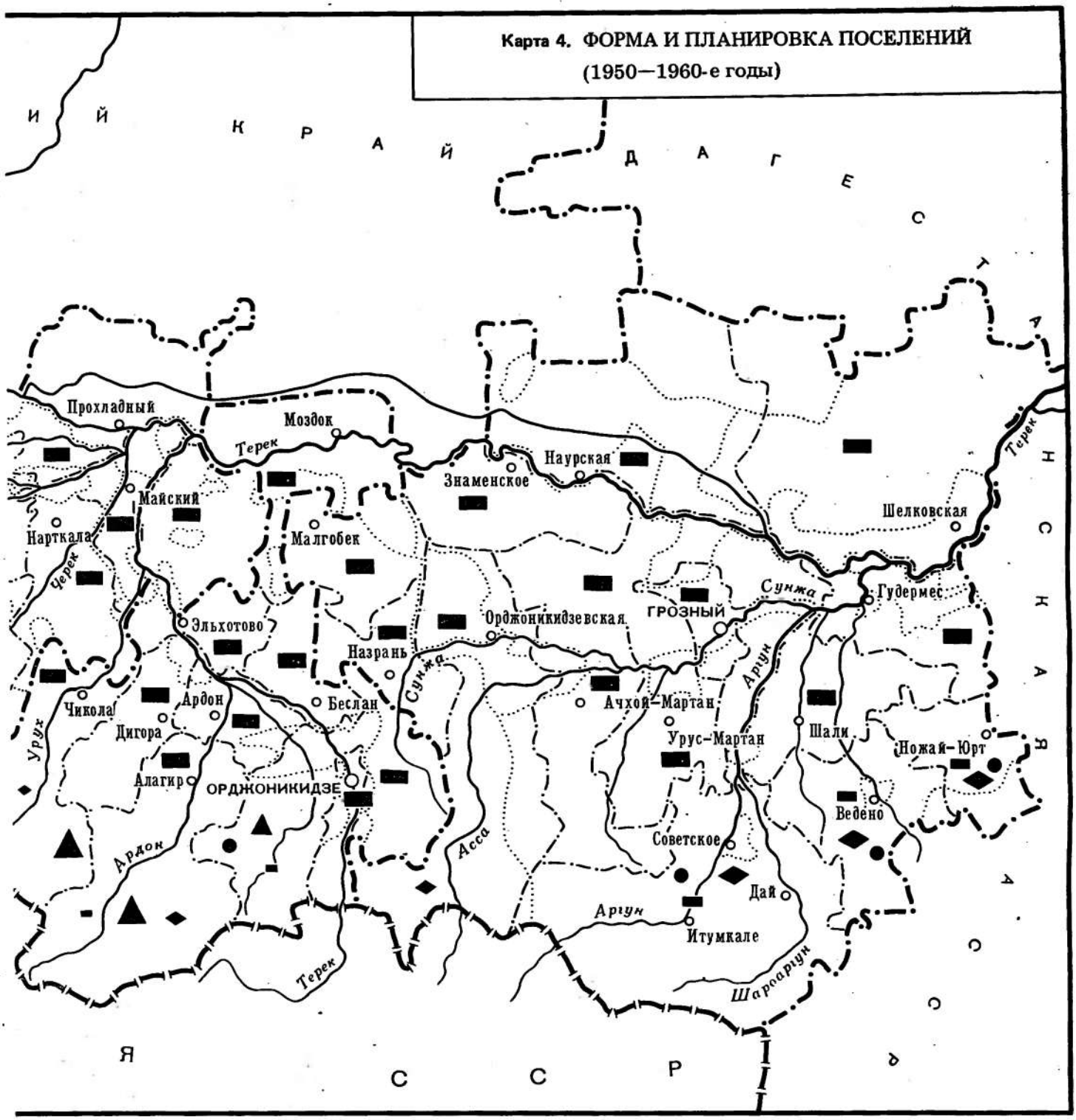

Преобладают ▲ Бытуют ▲ Полигенные (соседско-общинные)

С Т А В Р О
Г
Лаба
Мал. Лаба
Уруп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Уруп
Уруп
Бол. Зеленчук
Архыз
Бол. Лаба
Теберда
Теберда
Учкулан
Кубань
Хабаз
Малка
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИ
Баксан
Чегем
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Кунюм
К У Т А И С С К А Я
Г У Б Е Р Н И Я
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Лаба
Хакуринохабль
Чамлык
Кошехабльское
Белая
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Замкнутая кругового и кареобразного плана
Замкового типа
Скученная террасообразная

Карта 3. ФОРМА И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ
(середина XIX в.)
ПОЛЬСКАЯ
УБЕРНИЯ
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Наурская
Черек
Эльхотово
Сунжа
ГРОЗНЫЙ
Гудермес
Лескен
НАЗРАНЬ
Беслан
Джалка
Урух
Ардон
Ачхой-Мартан
Аргун
Шали
Урус-Мартан
Алагир
ВЛАДИКАВКАЗ
Мужичи
Донифарс
Асса
ВЕДЕНО
Шатой
Нузал
Хидикус
Дай
Итумкале
Шароаргун
ТИФЛИССКАЯ
ГУБЕРНИЯ
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
Преобладают
Бытуют
Единичны
Свободная разбросанная
Подворно–гнездовая

Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Прегрaдная
Зеленчукская
Карачаевск
Теберда
Архыз
Бол. Лаба
Бол. Зеленчук
Бол. Ставропольский канал
Кума
Минеральные воды
Пятигорск
Залукокоаже
Баксан
Чегем Первый
Малка
Чегем
НАЛЬЧИК
Советское
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Красногвардейское
Шовгеновск
Чамлык
Октябрьский
Кошехабль
Гиагинская
Белая
Майкоп
Тульский
Псекупс
Пшиш
Преобладают
Бытуют
Единичны
Улично–квартальная
Подворно–гнездовая
Скученная террасообразная

Карта 4. ФОРМА И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ
(1950—1960-е годы)
Прохладный
Моздок
Терек
Наурская
Знаменское
Майский
Нарткала
Малгобек
Черек
Шелковская
Сунжа
Гудермес
Эльхотово
Орджоникидзевская
ГРОЗНЫЙ
Назрань
Урух
Чикола
Ардон
Беслан
Ачхой-Мартан
Аргун
Дигора
Урус-Мартан
Шали
Ножай-Юрт
Алагир
ОРДЖОНИКИДЗЕ
Ведено
Ардон
Асса
Советское
Дай
Итумкале
Шаройаргун
Преобладают
Бытуют
Единичны
Свободная разбросанная
Улично-радиальная

Усадьба и двор

Подобно форме поселений, тип и характер усадьбы на Северном Кавказе в прошлом находились в большой зависимости от местоположения. В горных селениях усадьбы были крайне незначительными и к тому же располагались на разных уровнях, если селение находилось на крутом склоне или вершине горы. "Дворы в горах очень невелики, у редких домохозяев, исключительно у привилегированного сословия, имеются такие, которые занимают не более 1/4 десятины, а у большинства же они – всего несколько сажень", – пишет один исследователь горского быта прошлого столетия[1]. В некоторых селениях, имевших особенно плотную застройку, дворы были настолько малы, что в них негде было разместить хозяйственные постройки и жители были вынуждены держать скот круглый год под открытым небом за пределами селения. Так было, например, по свидетельству Н.С. Иваненкова, в высокогорном Чеберлоевском обществе Чечни в селениях Ихарой, Харкъарой, Хой, Кезеной и многих других[2]. Немало было селений с бездворными усадьбами, подобно сел. Вовнушки в Ингушетии с башенной застройкой (рис. 13, слева).

Крохотные дворы-площадки были характерны также для селений замкового типа с периметральной застройкой (рис. 13, справа вверху) и для типологически близких к ним своеобразных карачаевских "башы джабылгъан арбаз" – дословно "крытый двор". Усадьба этого типа представляла собой метрический ряд срубов, расположенных по периметру квадрата таким образом, что в середине образовывался замкнутый двор, который перекрывался плоской земляной крышей, опиравшейся в центре на деревянную клеть. Крытые дворы были известны также соседям карачаевцев балкарцам, жившим в Баксанском ущелье.

Другой отличительной чертой большинства усадеб в горах было почти полное отсутствие обособленных хозяйственных построек, которые обычно строились в едином комплексе с жилищем. Причиной этого было, с одной стороны, малоземелье, а с другой – отсутствие достаточного количества строительного леса. "Их жилища и хлевы построены вместе, вероятно, из-за недостатка леса", – пишет Штедер об осетинском селении Ларс в Дарьяльском ущелье[3].

Различались два вида усадьбы: с горизонтальной и вертикальной застройкой. В усадьбах с горизонтальной планировкой хозяйственные постройки возводились в один ряд или под углом к жилищу на одном с ним уровне; во втором случае занимали в жилище первый этаж, выступая за плоскость фасада. Плоская крыша хозяйственной постройки использовалась для разного рода домашних работ. Оба вида усадьбы были распространены по всей горной полосе, и бытование их зависело от формы планировки и плотности поселения. Горизонтальная планировка усадеб встречалась более часто в верховьях Кубани и Баксана, а также в некоторых ущельях Северной Осетии. "Татарский двор, – пишут о балкарской усадьбе И.И. Иваненков и М.М. Ковалевский, – подобно осетинскому, представляет собой ряд построек, плотно соприкасавшихся одна с другой"[4].

Число хозяйственных и надворных построек в горных усадьбах было весьма ограничено и редко превышало одно-два помещения. По материалам Г.Х. Мамбетова, в Балкарии в конце XIX в. четверть хозяйств совершенно не имела хозяйственных построек, около половины дворов имели по одной и только наиболее зажиточные – две и более[5]. "Нередко в горах, – писал Е. Баранов о балкарцах, – можно встретить и такие сакли, в которых под одной крышей вместе с жилым помещением людей находится помещение и для домашнего скота – ишаков и лошадей, и только у таубиев (горских князей. – *В.К.*) дворы более просторные и в них кроме конюшни имеется

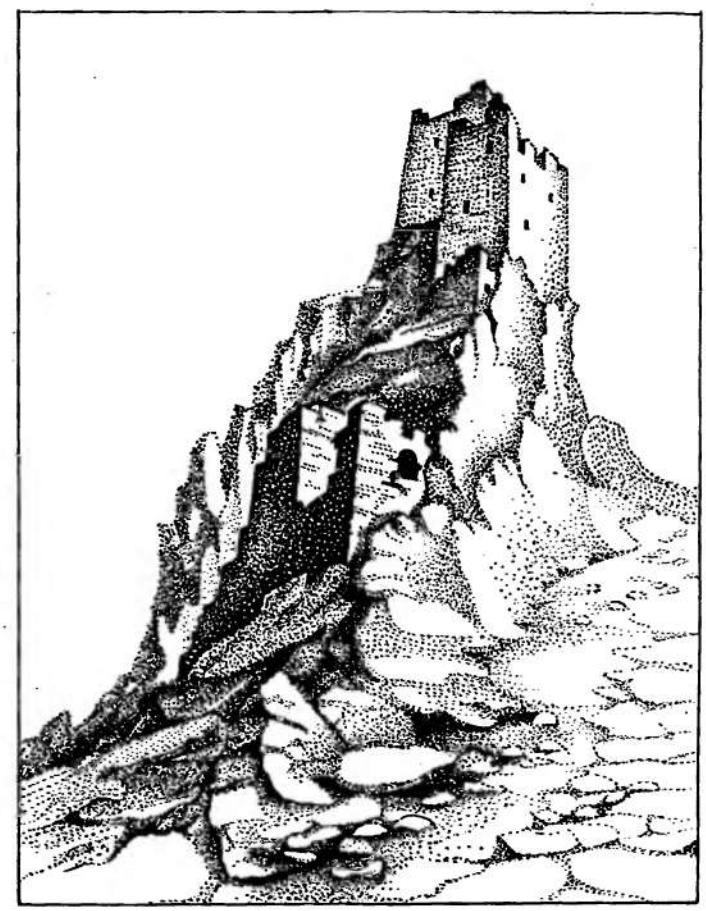
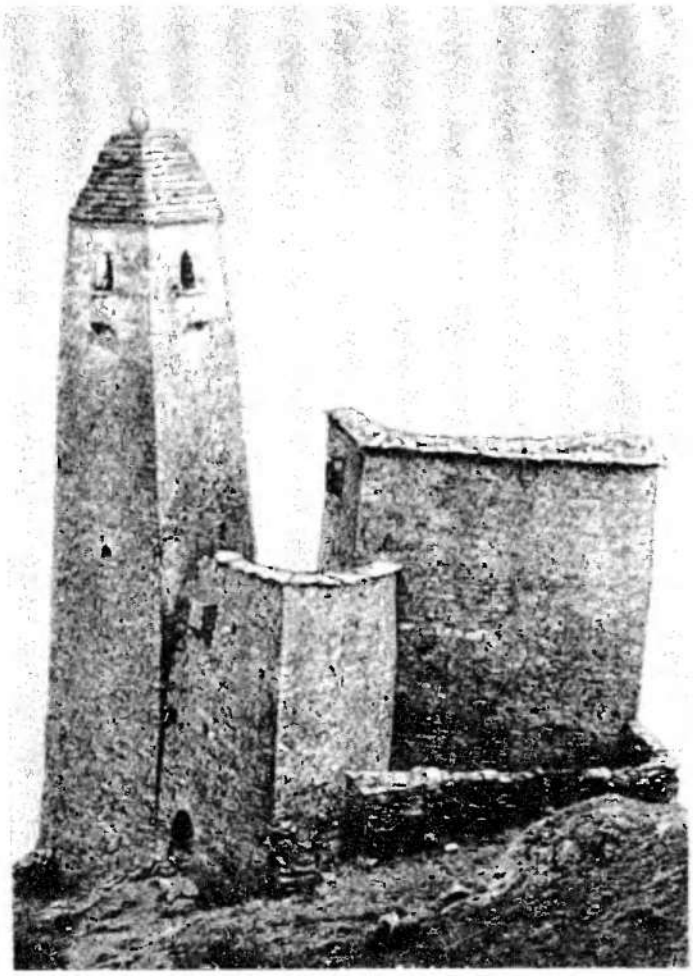

Рис. 13. Типы усадеб и характер застройки двора

бездворная усадьба. Сел. Вовнушки ЧИАССР (*слева*); с замкнутым двором и периметральной застройкой (замковый комплекс). Сел. Икальче ЧИАССР. Фото автора 1971 г. (*справа вверху*); с двором и хозяйственными постройками в комплексе с жилищем. Сел. Касантикау СОАССР (*справа внизу*)

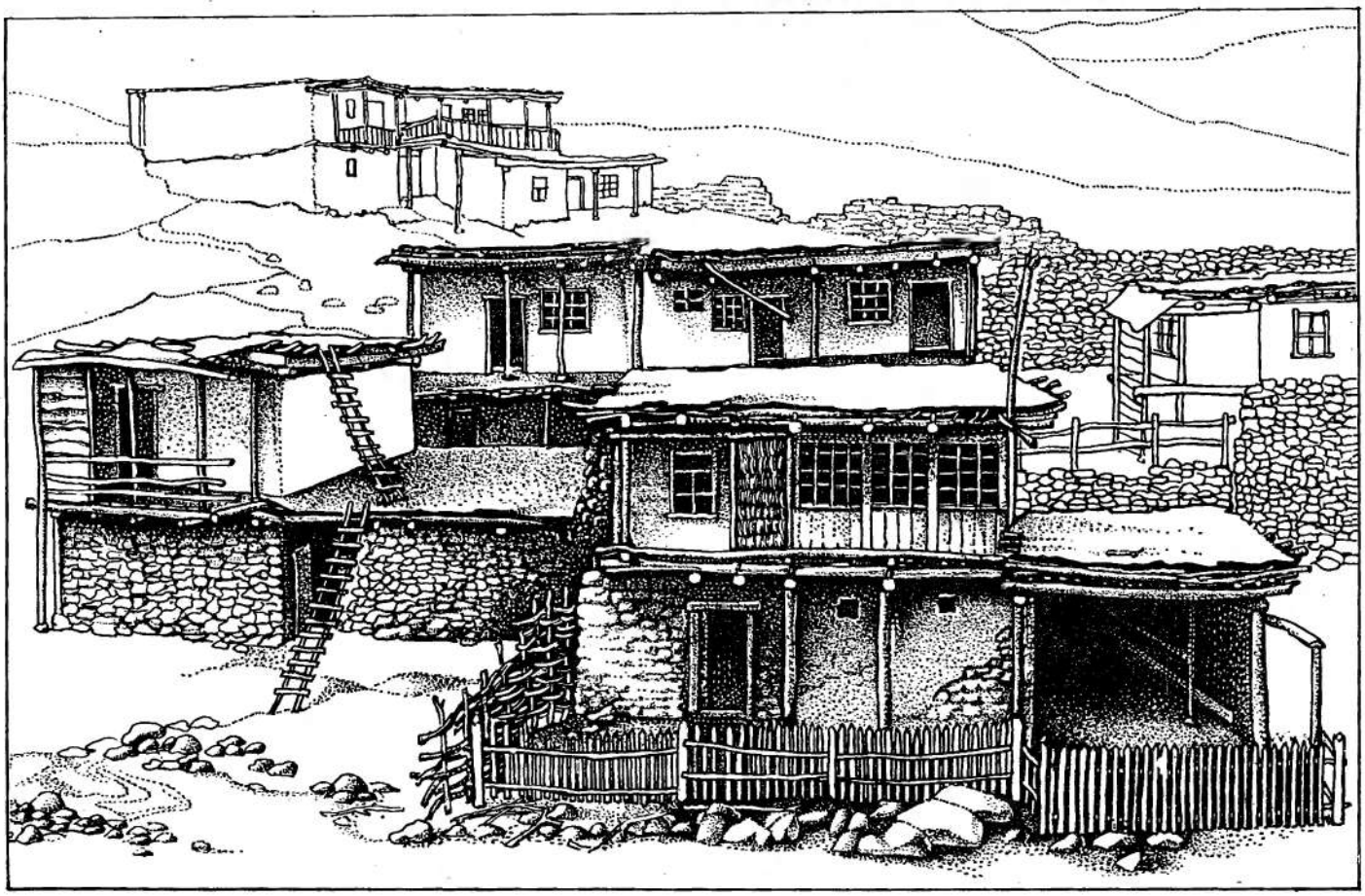

и кунацкая – небольшая сакля, стоящая отдельно от остальных построек и служащая помещением для приезжих гостей"[6].

Наконец, встречались в небольшом числе усадьбы, в которых жилые дворы и помещения для скота находились в разных местах за самостоятельной оградой, за пределами селений или же на зимниках – кошах. Такого рода усадьбы были распространены более всего у карачаевцев, имеющих много скота, и отчасти у чеченцев и балкарцев.

Совершенно иными по форме и размеру были усадьбы на равнине и в предгорьях, где имелось больше ровных площадей, а малоземелье ощущалось не столь остро. К тому же климатические условия равнин позволяли выращивать на усадьбах различные огородные и бахчевые культуры. "Прежде не стеснялись в заимке под усадьбу", – пишет Е. Максимов о кабардинцах дореформенного времени[7]. Штедер, упоминая об одном из ранних поселений осетин в предгорьях, в качестве отличия их усадеб от поселений в горах отмечает "огороженные дворы", в которых жители по примеру кабардинцев выращивали бобы, маис (кукуруза), редьку, огурцы и большое количество зеленого табака; "всем этим, – добавляет он дальше, – они торгуют в Моздоке"[8].

Усадьбы на равнине имели несколько дворов в зависимости от хозяйственного назначения. Пример такой

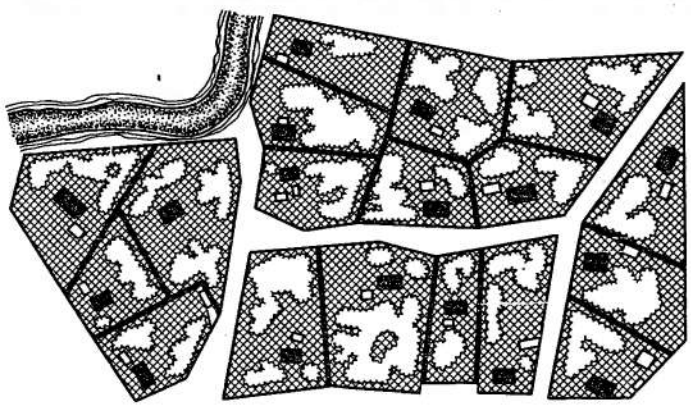
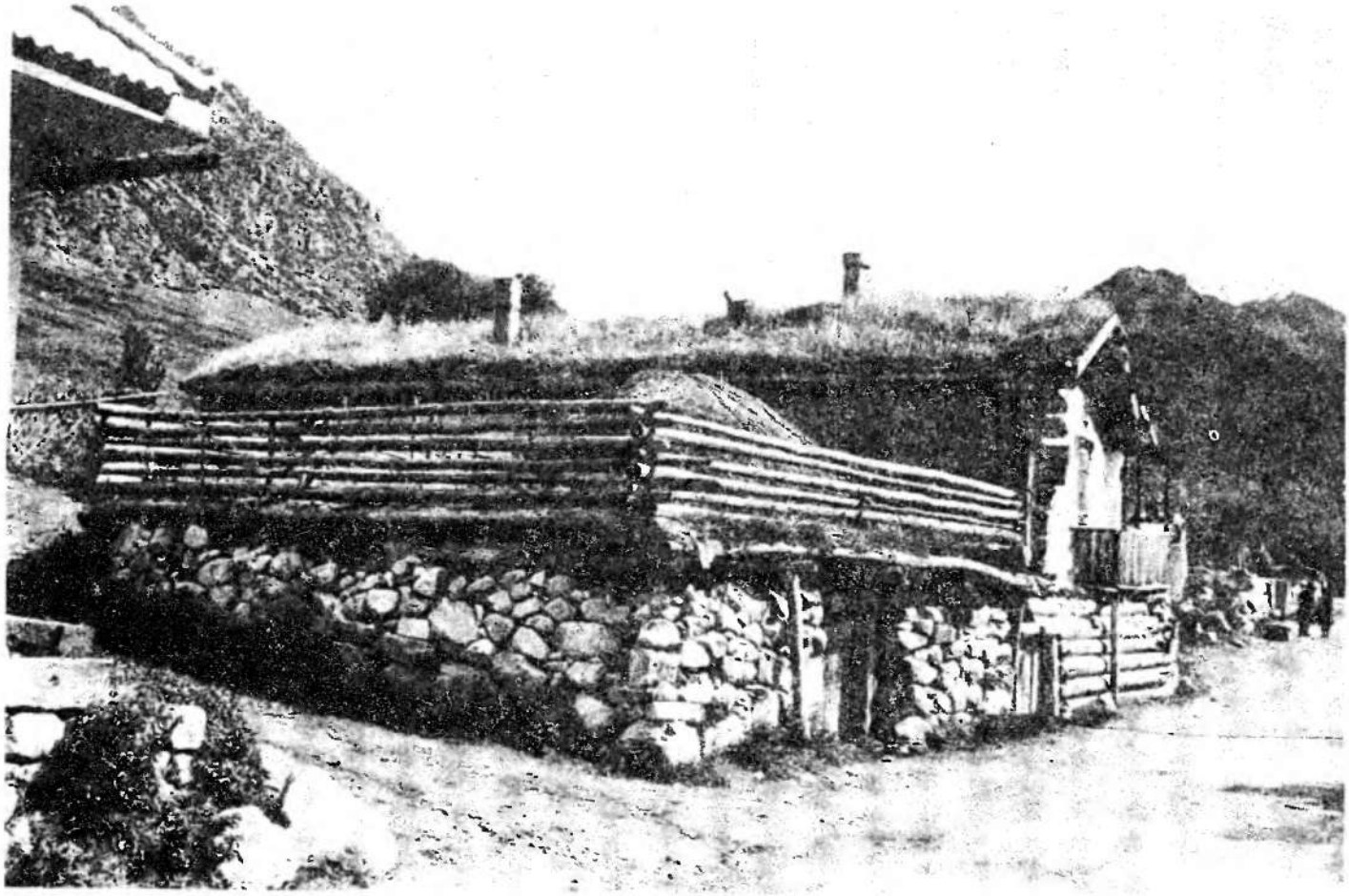

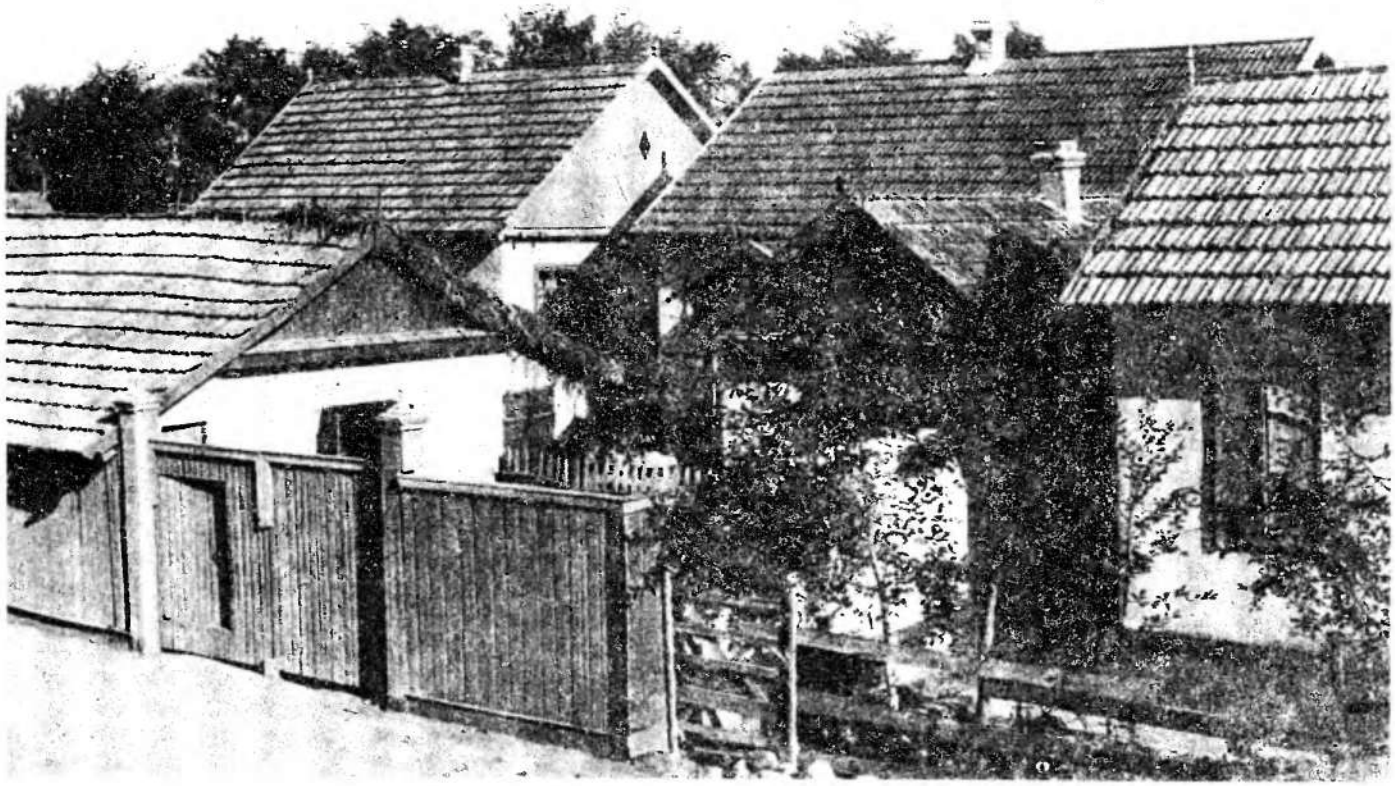
Рис. 14. Типы усадеб и характер застройки двора с приусадебным участком и свободным расположением хозяйственных построек. Сел. Итум-кале ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г. (*слева вверху*); тип планировки и характер застройки современной усадьбы на равнине. Аул Шовгеновский. Адыгейская АО (*слева внизу*); старый усадебный комплекс в Большом Карачае. Сел. Хурзук. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*справа вверху*); общий вид усадьбы на равнине. Сел. Заюково. КБАССР. Фото автора 1968 г. (*справа внизу*)

развитой многодворной усадьбы приводит в своем исследовании о черкесских постройках А. Миллер. Реконструированная им старинная адыгская усадьба состояла из трех отдельных дворов: чистый, или жилой, на котором находилось жилище и подсобные хозяйственные постройки, стоявшие изолированно от дома; скотный двор и хозяйственный, где производился обмолот зерна, сушка сена и другие подобного рода сельскохозяйственные работы[9].

Для усадеб на равнине было характерно также наличие большого числа надворных построек, возводимых обыкновенно из плетня или тонких бревен (горбылей). "Почти каждая сакля, – сообщает Н. Дубровин об усадьбе осетин, живших на равнине, – окружена хлевами и курятниками... Все здания и постройки обнесены прочным тыном"[10]. Число хозяйственных и жилых построек на усадьбе достигало порой десятка и более, считая дома взрослых женатых сыновей, оставшихся жить вместе с родителями. Такая "многодомность" была характерна в основном для западных адыгов, у которых за одной оградой иногда насчитывалось до 15 жилых домов. Порядок расположения отдельных построек был при этом строго регламентирован. Ближе ко входу ставился родительский дом, а позади и слева от него – жилища женатых сыновей. Позднее, в пореформенный период, когда в связи с уменьшением размеров усадебных участков вместо обособленных домов стали ограничиваться пристройкой к главному дому отдельных комнат для молодоженов, последние неизменно располагались слева от помещения стариков[11].

На особом дворе вне пределов усадьбы зажиточные хозяева устраивали гостевой дом – кунацкую, возле которой имелся свой небольшой дворик с коновязью для лошади гостя. Кунацкую устраивали, по обычаю, перед главной усадьбой (с целью показать свое уважение к гостю и для наблюдения за кунацкой, так как, согласно горскому этикету, хозяин отвечал за безопасность своего гостя). Иногда при кунацкой имелась и конюшня для лошади гостя. Устройство обособленной кунацкой было связано с широко развитым на Кавказе обычаем гостеприимства и одновременно служило показателем сослов-

ного положения хозяина. Адыгская поговорка гласит: "У кого нет хачешь (гостиной, – *В.К.*), того за дворянина не считают"[12]. Гости в кунацкую могли заезжать в любое время дня и ночи, писал С. Кокиев во второй половине XIX в.: "Здесь гость пользуется полнейшей свободою, по самому расположению помещения, а с другой стороны, и не мешает никому в семье, во дворе, при исполнении обычных хозяйственных занятий. Гость, если он не кровный родственник, никогда не принимается в семью, это было бы большим стеснением для него и для семьи. Кунацкая имеет свое отдельное хозяйство: постель, кровать, скамейки, оленью шкуру, кумган, таз и даже веник и т.д. Замечательно, что в ней двери никогда не запираются ни днем, ни ночью"[13]. Устройство отдельной кунацкой восходит к древнему обычаю "мужских клубов", как это хорошо показал М.О. Косвен[14]. Недаром она и в прошлом столетии обыкновенно использовалась в качестве места сбора мужчин в ненастную погоду. Тот же Кокиев далее добавляет о кунацкой у осетин, что "как только она свободна, сюда собирается молодежь, здесь происходят все интимные разговоры, невинные забавы; здесь же подчас решаются и серьезные общественные вопросы. После обеда для отдыха или на ночь молодежь рассыпается по кунацким; ложись в какой хочешь и спи спокойно: никто не спросит, кто ты таков, зачем ты здесь, какое имеешь право и т.д."[15].

Что касается собственно жилища, то оно на участке усадьбы в прошлом всегда строилось в глубине двора боком к улице (подальше от чужих глаз). Такая постановка дома была обусловлена замкнутостью семейного быта, характерной для феодально-патриархальных отношений, устойчиво сохранявшихся вплоть до конца пореформенного периода. Даже в начале XX в. и позднее многие усадьбы на равнине строились еще по такому принципу. Отмечая эту особенность, А. Миллер писал: "Помещение жилища в середине двора следует считать стойкой особенностью, которая не утрачивается с заменой других форм... и как бы ни были сделаны, например, отдельные постройки в усадьбе, как бы сильно ни сказалось русское влияние на всем, никогда, однако, черкесское жилище не будет поставлено фасадом к дороге и у края ограды"[16].

Проникновение капиталистических отношений в среду горцев привело к ломке и этой, одной из древнейших строительных традиций. До наших дней дошло немало домов дореволюционной постройки, стоящих непосредственно на красной линии и обращенных окнами и входом в сторону улицы. Это были дома нарождавшейся местной сельской буржуазии, кулаков, о которых М.К. Гарданов писал, что каждый из них "мечтает иметь свою лавку, а потому, строя свой дом или сарай на углу пересекающихся улиц, вдоль одной из них делает дверь на улицу. Двери эти, по мысли строителя, в будущем станут дверьми мануфактурной лавки или амбара для ссыпки кукурузы в кочане или зерне, полученной в обмен на мануфактуру"[17].

Хозяйственные постройки в XIX в. на усадьбе располагали по-разному. До присоединения края к России на равнине почти у всех народов Северного Кавказа преобладала замкнутая застройка дворов, при которой хозяйственные постройки возводились по периметру участка и обносились прочной оградой. В предгорьях хозяйственные постройки были более свободно разбросаны по усадьбе, но также обносились прочной изгородью (см. рис. 14, слева). Такая глухая застройка была, с одной стороны, обусловлена опасностью внешних нападений, а с другой – отражала патриархальную замкнутость быта и семейных отношений. Большую роль в консервации последних играла мусульманская религия с ее требованием затворничества женщины и изоляции ее от общественной жизни.

Во второй половине XIX в. указанные выше причины в значительной мере утратили свое влияние, но традиция устройства хозяйственных построек по окружности усадьбы продолжала существовать. Как дань прошлому кое-где она продолжает бытовать и в настоящее время. В этом отношении выделяются усадьбы осетин, которые в большинстве своем отгорожены от улицы жилыми и хозяйственными постройками, соединенными в одну связь, так что въезд на усадьбу находится под одной крышей с жилищем или примыкающим к нему вплотную хозяйственным навесом. В некоторых местах, в частности в Кабарде, сохранился обычай устройства на усадьбе большого числа разного рода надворных построек: жилища, летней кухни, хлева, навеса, сапеток для хранения кукурузы в кочанах и т.п., отчего плотность застройки дворов превышала порой все допустимые нормы (рис. 14, справа внизу).

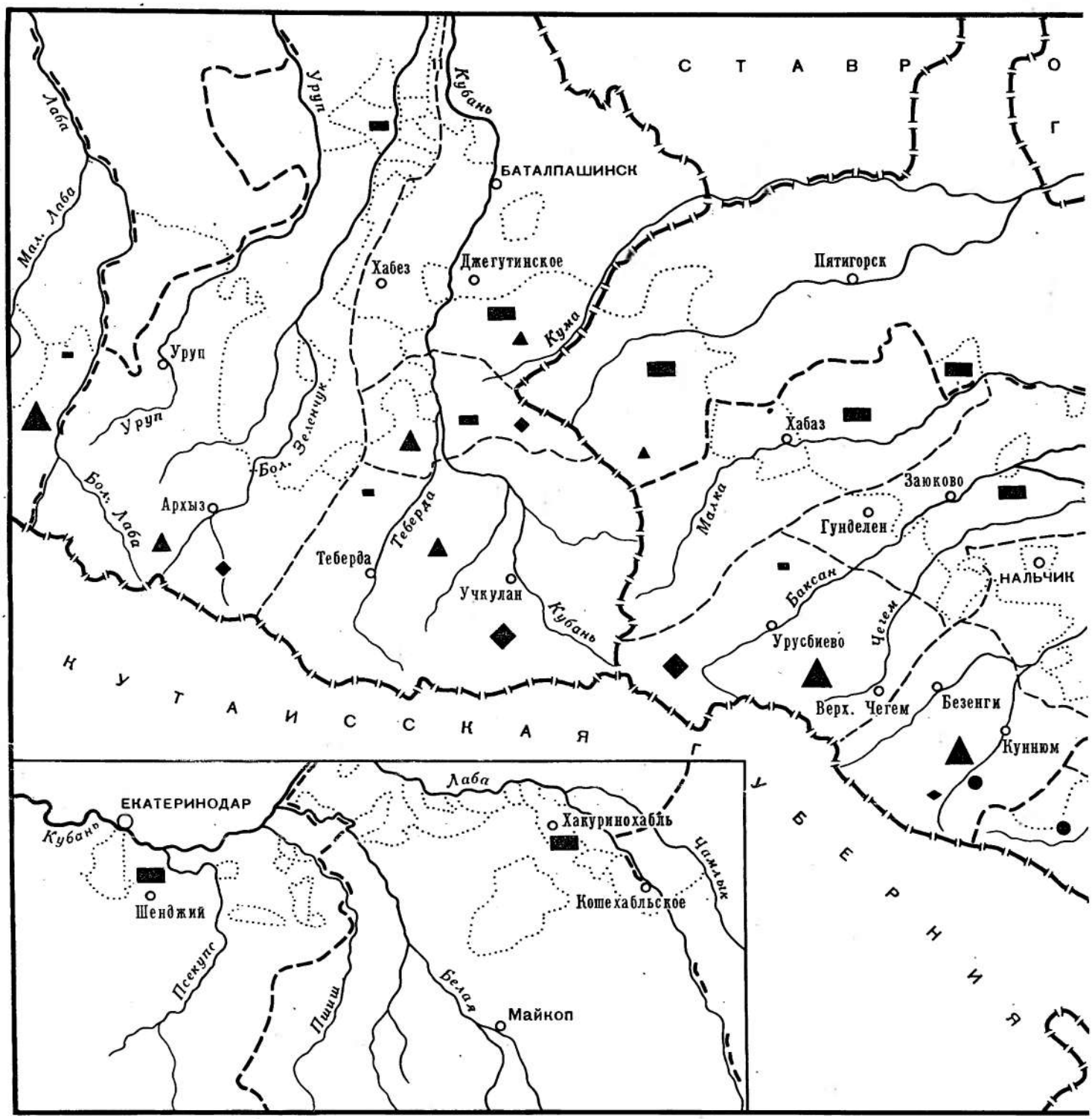
В годы Советской власти наряду с мерами по благоустройству и перепланировке поселений издается ряд инструкций и положений о размерах и порядке наделения разных категорий населения приусадебными участками, которые стали отводить в строгом соответствии с установленными нормами и общим планом землеустройства селений. В течение второй половины 1920-х годов было осуществлено в основных чертах уравнение усадеб и наделение ими малодворных семей. В зависимости от местонахождения селений (в горах, на равнине, в предгорьях) был установлен минимальный и максимальный размер усадьбы, местным органам Советской власти вменялась в обязанность разработка мероприятий (с учетом местных условий и своеобразия традиций) по улучшению формы планировки усадеб и соблюдению при их застройке необходимых санитарно-гигиенических и противопожарных норм. Было разработано и положение о типовой застройке усадьбы, в котором, в соответствии с тогдашним состоянием хозяйства, предусматривалось устройство помимо сада, огорода и специального тока. Жилище рекомендовалось строить на "красной линии", в 3–5 м от улицы, а хозяйственные постройки в противопожарных целях предлагалось отделять от жилища.

Осуществление коллективизации внесло дальнейшие коррективы в планировку и застройку усадьбы, с территории которой постепенно исчезли за ненадобностью ставшие теперь излишними хозяйственные постройки: гумно, конюшня, обширный хлев, загоны для овец и т.п. Это в свою очередь позволило сократить размер усадьбы до нескольких соток и уплотнить общую застройку селений.

Все эти преобразования, включая и перепланировку селений и усадеб как в горах, так и на плоскости, в основном были завершены в предвоенные годы. Вместе с тем в горах остались полузаброшенные селения, в которых произвести какие-либо изменения в отношении улучшения их планировки и благоустройства не представлялось возможным ввиду их труднодоступности. Поэтому в послевоенный период было решено разделить селения на "перспективные" и "неперспективные" с точки зрения их дальнейшего развития. Жители высокогорных труднодоступных селений переселялись в близлежащие перспективные поселения, к которым подводились пути сообщения, линии электропередачи и другие коммуникации.

В новых поселениях, расположенных на сравнительно ровных плоскостях, усадьбы населению отводились в соответствии с общим положением о землепользовании и землевладении в сельской местности.

[1] *Баранов Е.* Очерк землевладения в горах. – ТВ, 1892, № 17, с. 2.
[2] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области. – ТС, Владикавказ, 1910, вып. VII, с. 101.
[3] *Штедер.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. – ОГРИП, с. 27.
[4] *Иваненков И.И., Ковалевский М.М.* У подножья Эльбруса. – ВЕ, 1886, т. 1, с. 554.
[5] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик, 1971, с. 137.
[6] *Баранов Е.* Очерк из жизни горских татар Кабарды. – ТВ, 1894, 2 дек.
[7] *Максимов Е.* Кабардинцы. – ТС, Владикавказ, 1892, вып. II, с. 158.
[8] *Штедер.* Дневник..., с. 50.
[9] *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, 1914, т. 2, с. 75.
[10] *Дубровин Н.* Осетины. – В кн.: *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, с. 189.
[11] *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974, с. 142, 143.
[12] *Тамбиев Паго.* Адыгские пословицы и поговорки. – СМОМПК, 1899, вып. 26, отд. 3, с. 4.
[13] *Кокиев С.* Записки о быте осетин. – Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, 1885, вып. 1, с. 78.
[14] *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 128.
[15] *Кокиев С.* Записки..., с. 79.
[16] *Миллер А.* Черкесские постройки, с. 20.
[17] *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни. – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 1, с. 183.

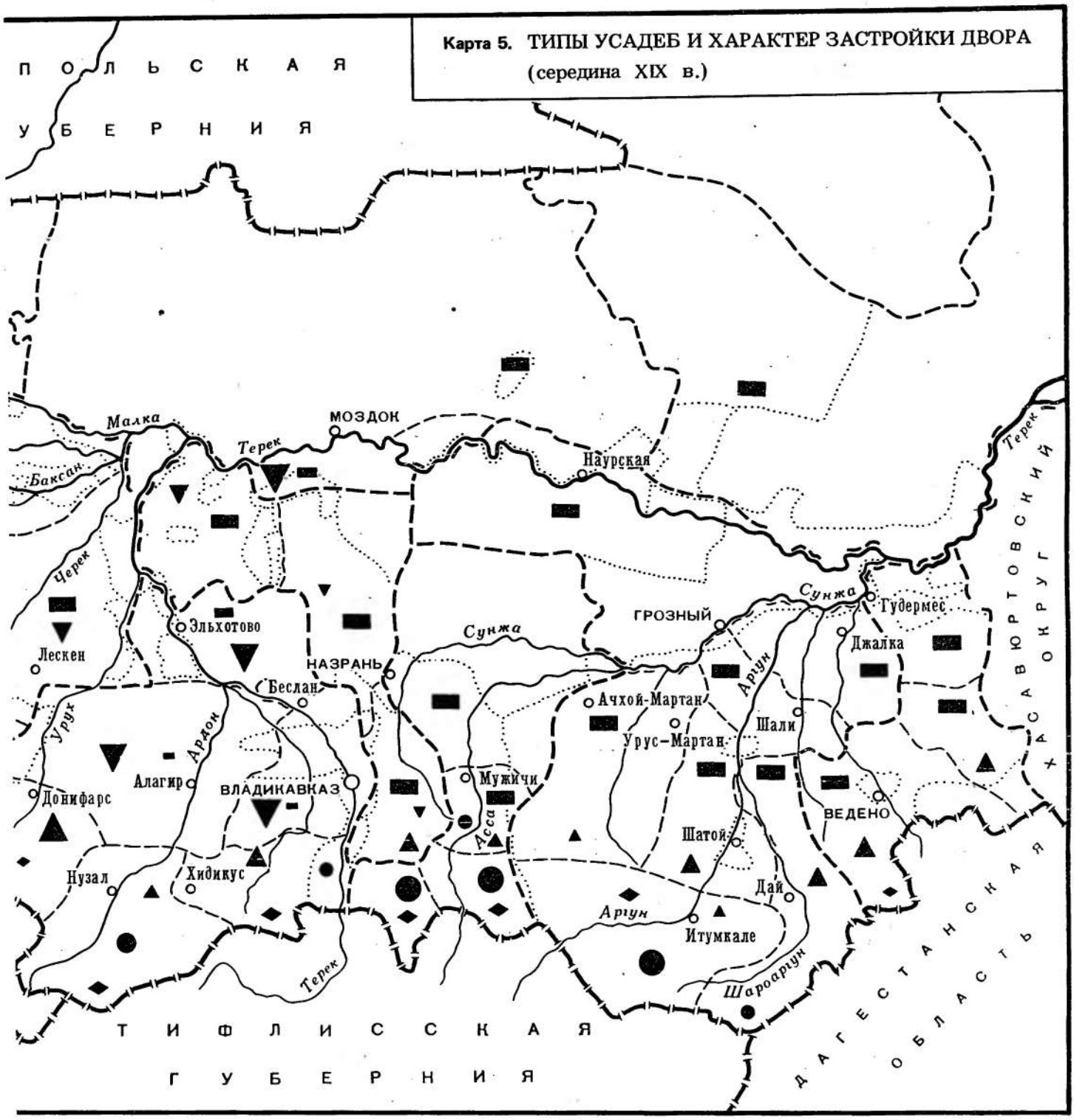
Преобладают

Бытуют

Единичны

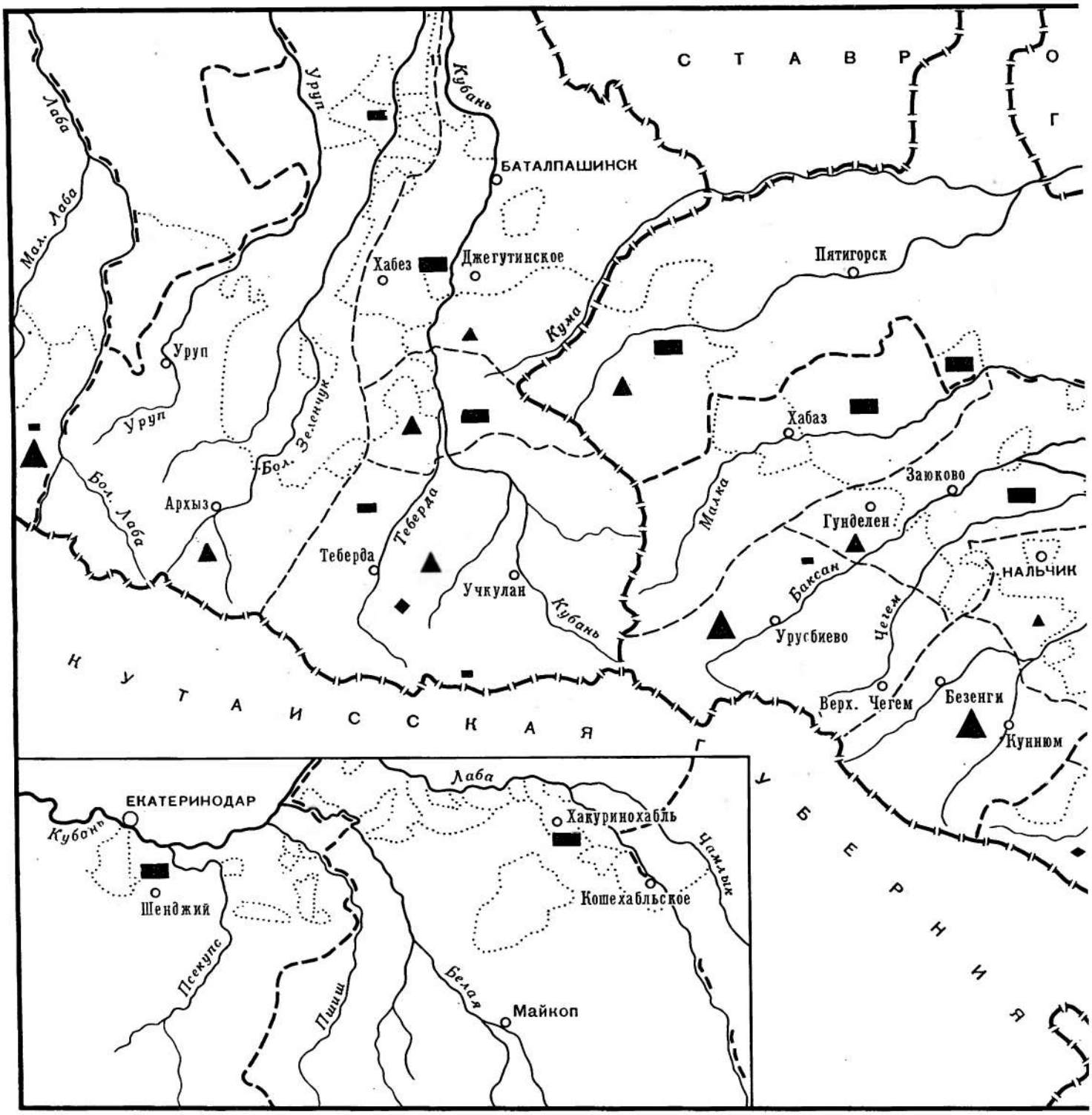
- Бездворная (жилая башня)
- С замкнутым двором и периметральной застройкой (замковый комплекс)
- С двором и хозяйственными постройками в комплексе с жилищем

Карта 5. ТИПЫ УСАДЕБ И ХАРАКТЕР ЗАСТРОЙКИ ДВОРА (середина XIX в.)

Преобладают — Бытуют — Единичны

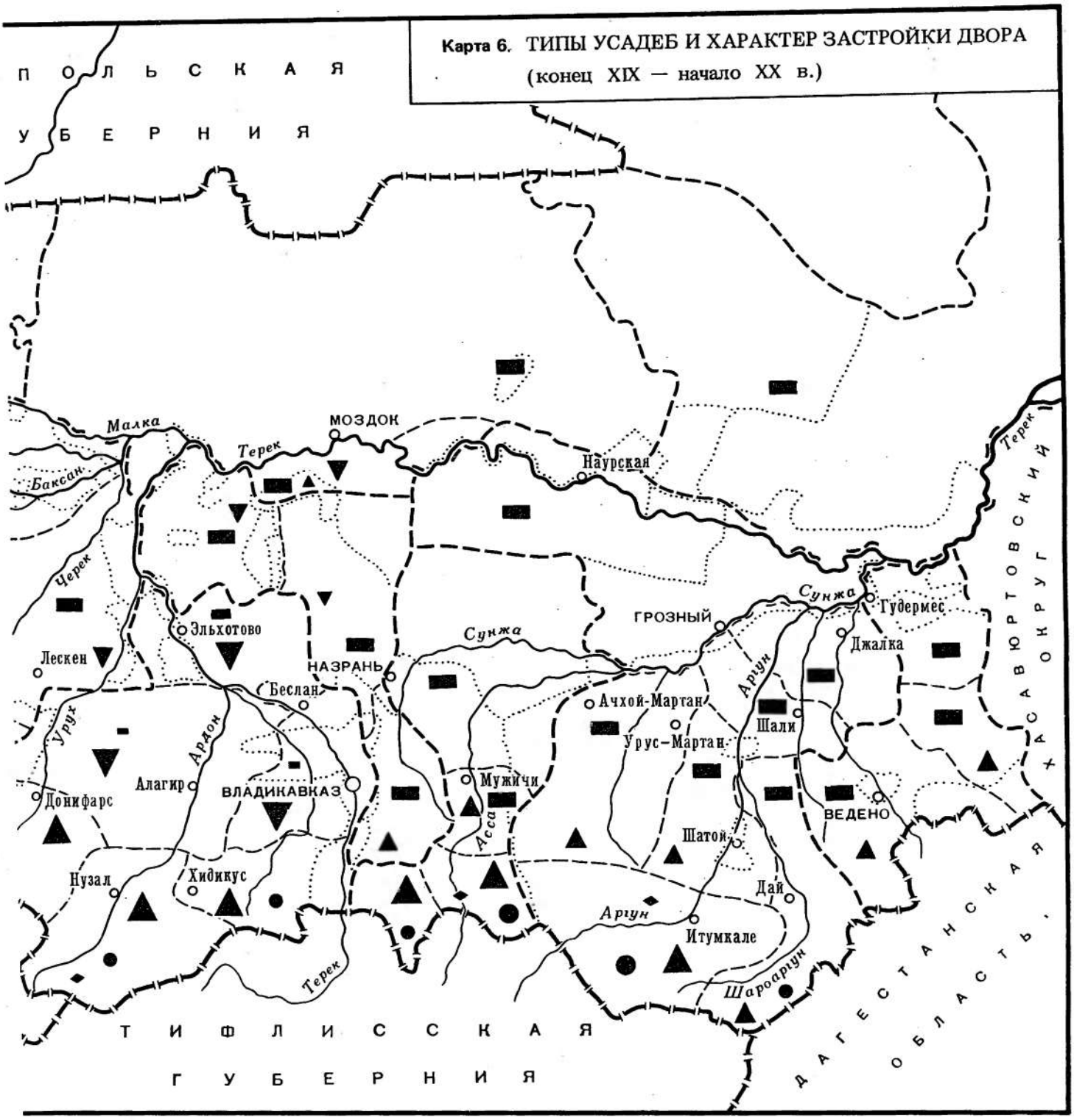
- Крытый двор
- Многодворная со свободным расположением хозяйственных построек
- Многодворная с периметральной застройкой двора

Преобладают — Бытуют — Единичны

- Бездворная (жилая башня)
- С замкнутым двором и периметральной застройкой (замковый тип)
- С двором и хозяйственными постройками в комплексе с жилищем

Карта 6. ТИПЫ УСАДЕБ И ХАРАКТЕР ЗАСТРОЙКИ ДВОРА
(конец XIX — начало XX в.)

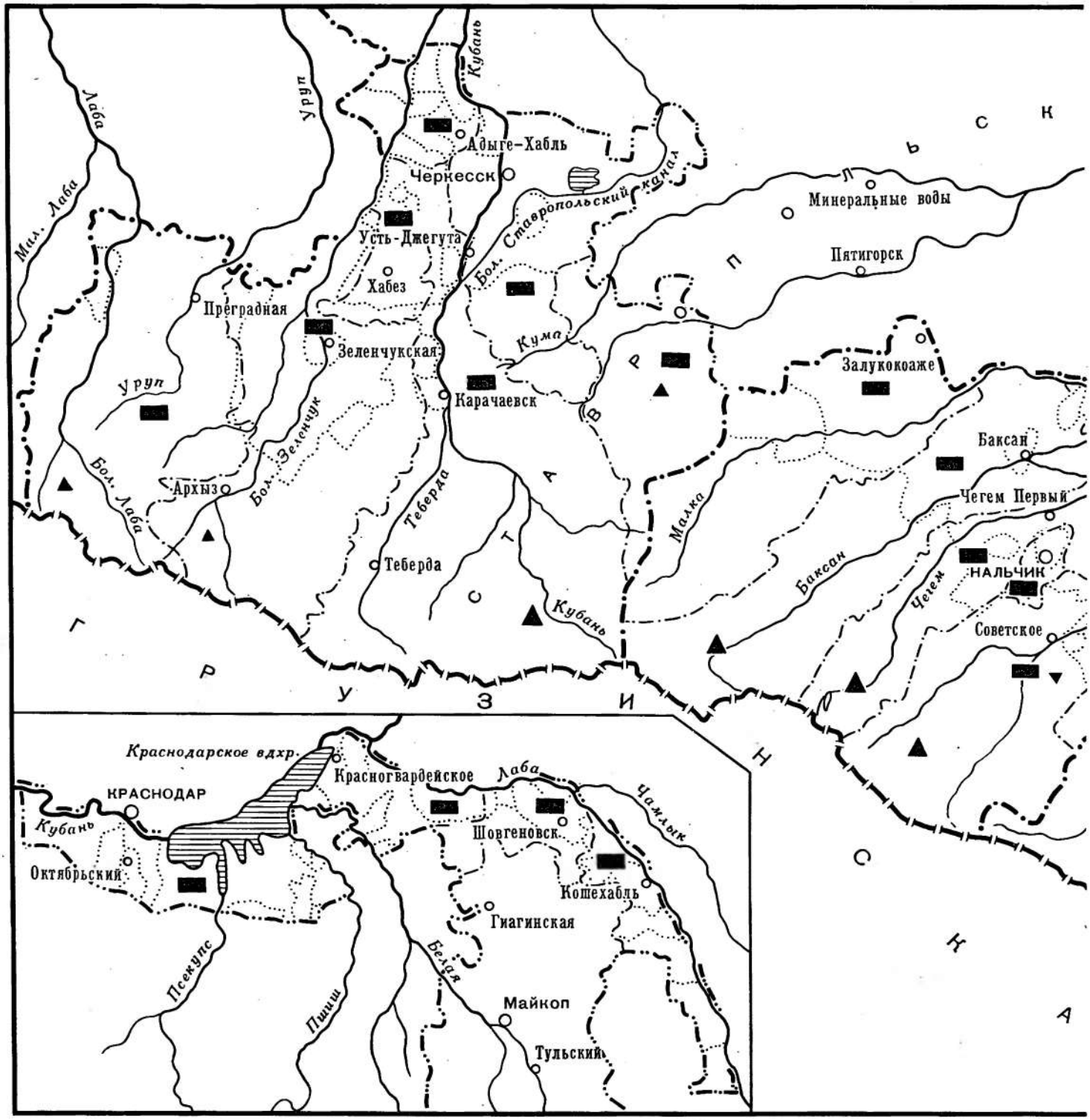

Преобладают — Бытуют — Единичны

◆ Крытый двор

▬ ▬ ▪ Многодворная со свободным расположением хозяйственных построек

▼ ▼ ▼ Многодворная с периметральной застройкой двора

Преобладают

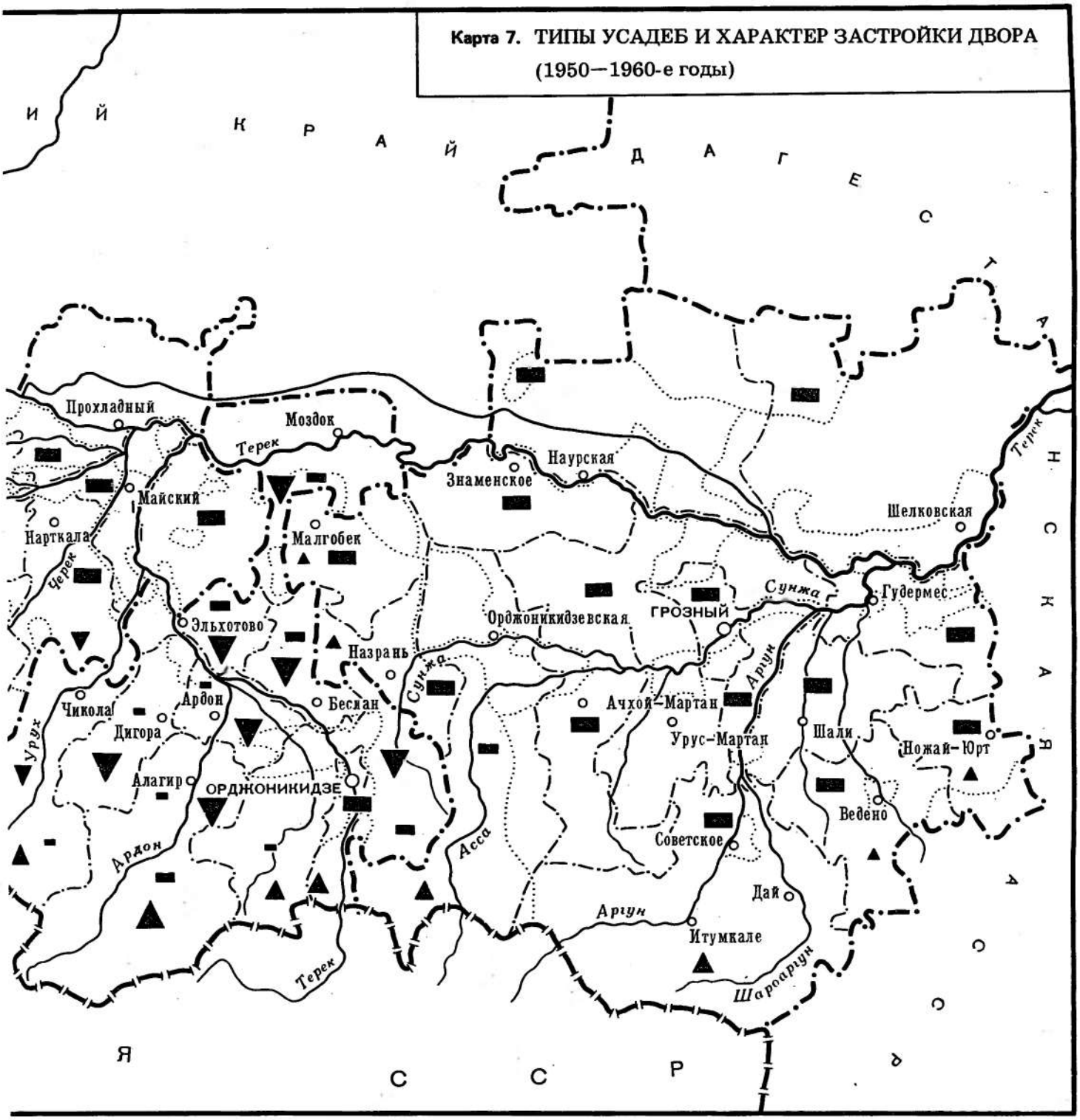
Бытуют

Единичны

С двором и хозяйственными постройками в комплексе с жилищем

Многодворная со свободным расположением хозяйственных построек

Карта 7. ТИПЫ УСАДЕБ И ХАРАКТЕР ЗАСТРОЙКИ ДВОРА
(1950—1960-е годы)

Преобладают ▼ Бытуют ▼ Единичны ▼ Многодворная с периметральной застройкой двора

Ограда и ворота

При устройстве усадьбы большое внимание уделяли возведению ограды и оформлению въезда. Вид тех и других находился в прямой зависимости от вида самой усадьбы и ее местонахождения.

В скученных селениях с плотной застройкой функции оград выполняли по преимуществу стены домов и хозяйственных построек. В селениях с более свободной планировкой возводили специальные ограды, которые в горах сооружали из валунов, собираемых на пахотных и сенокосных участках, и камней из старых развалившихся построек. Кладку вели насухо в два ряда. Высота ограды зависела от ее назначения, но чаще всего была 1,5–2 м.

Более высокой и тщательно сложенной была ограда в усадьбах замкового типа. Высота ее здесь порой достигала 2,5–3 м, а кладка возводилась из тщательно подобранных и подтесанных каменных квадров. Для предохранения от осадков ограда-стена покрывалась сверху каменными плитками. В верхней части ограды-стены устраивали смотровые оконца и бойницы.

Напротив, в селениях с разбросанной, свободной планировкой, например в Большом Карачае, в верховьях Баксанского ущелья, в Ичкерии в Чечне, ограды имели сугубо хозяйственное назначение – ограждение усадьбы и посевов от потравы скотом. В таких селениях каменные ограды сверху наращивали жердями или заваливали колючим кустарником, укрепляемым кольями.

В этих же районах бытовали и деревянные жердевые ограды.

По рассказам информаторов, в старину в некоторых горных селениях между каменными оградами с двух сторон улиц устраивали иногда легкие перекрытия из ветвей, образуя навесы, под которые на ночь загоняли скотину, главным образом мелкий рогатый скот[1].

Въезд на усадьбу оформляли высокими воротами, имевшими обычно арочную форму (рис. 15, *3*). В высокогорных селениях Чечни, Ингушетии и Северной Осетии ворота нередко перекрывали аркой, вытесанной из цельного каменного монолита, на котором выбивали разного рода петроглифы-обереги. В других случаях рядом с воротами ставили памятные стелы. На рис. 15, *1* изображены такие ворота, которые сегодня можно видеть в сел. Ханаз в Дигорском ущелье Северной Осетии.

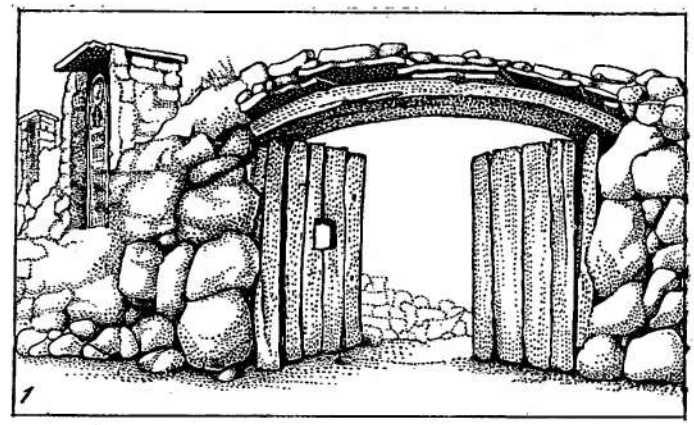
В Карачае и отчасти в Балкарии ворота иногда устраивали из деревянных столбов, перекрытых дугообразно выгнутой балкой, в чем, по всей видимости, отразилось влияние каменного зодчества, позднее утраченного в этом районе.

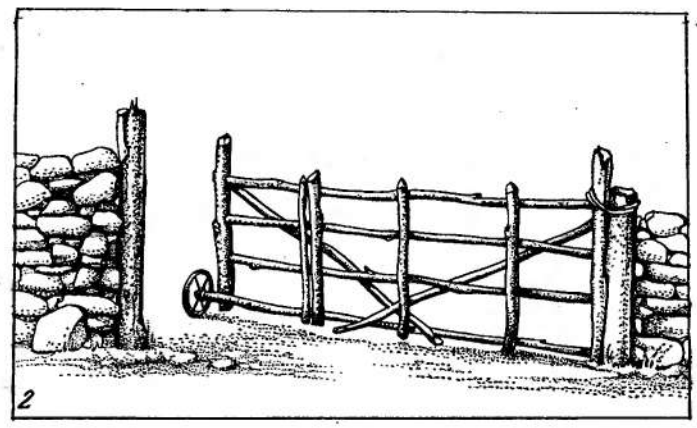
Основным видом ограды в усадьбах на равнине был в прошлом плетень, для возведения которого использовали гибкую ивовую лозу. Различали два вида плетения: с вертикальным и горизонтальным направлением ветвей. Предпочтение отдавали горизонтальному плетению, для которого к тому же годились ветви разной длины. Колья плетня вбивали в землю неглубоко, а для того чтобы изгородь не завалилась, снаружи через равные промежутки вкапывали толстые опорные столбы, к которым и прикрепляли изгородь в верхней части. Сам плетень через 8–10 рядов прутьев укрепляли более толстыми либо сдвоенными ветками. Иногда вообще все плетение вели парами прутьев, что придавало изгороди нарядный вид. Концы прутьев тщательно подрезали и прятали внутри плетения.

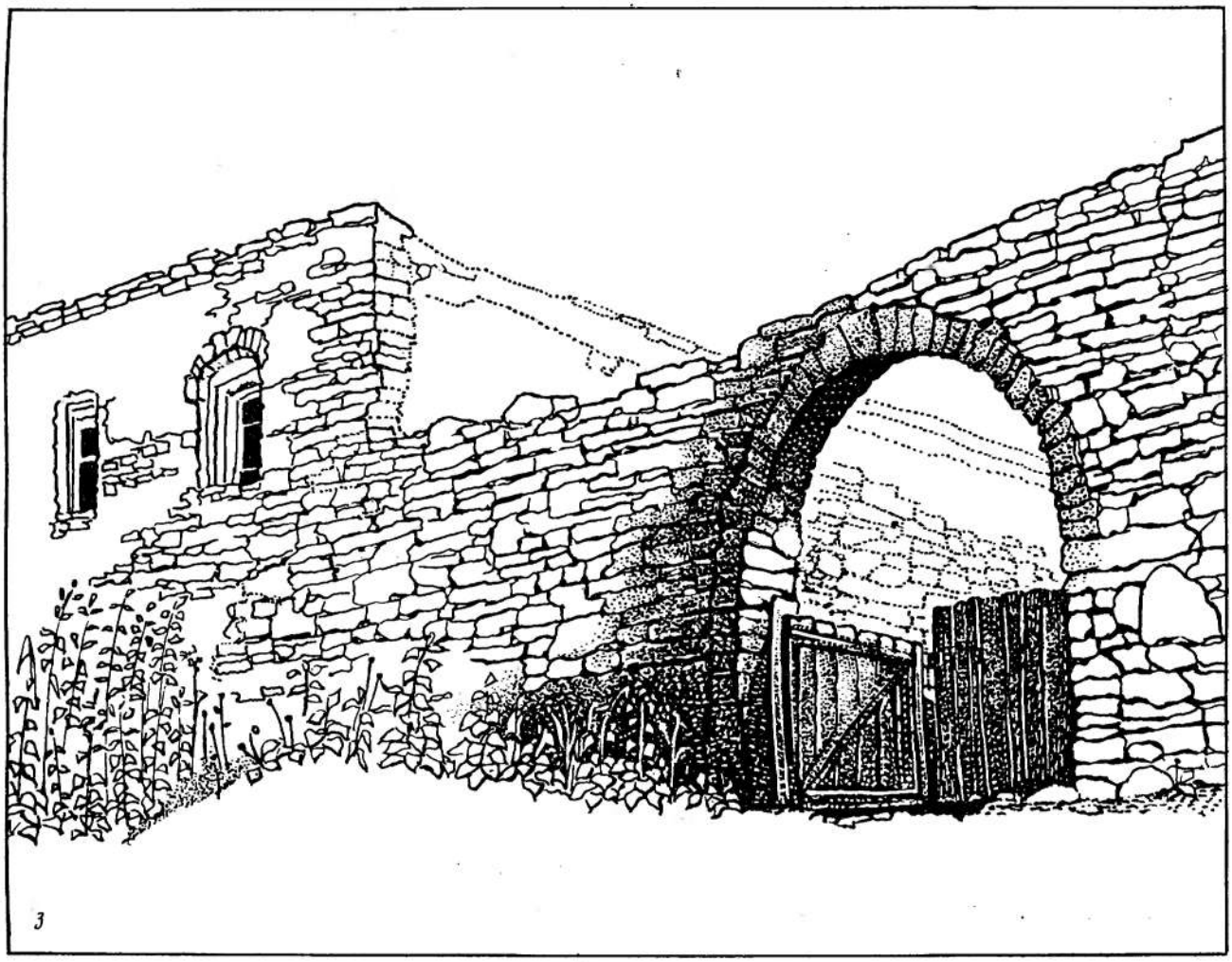
Поверх изгороди устраивали своеобразную кровлю. Основу ее составляли небольшие наклонно поставленные

Рис. 15. Типы ворот

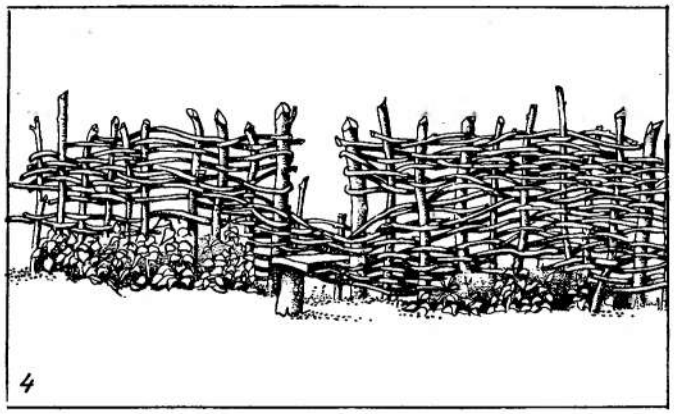
1 – деревянные ворота с выгнутой поперечиной. Сел. Ханаз СОАССР; *2* – жердевые ворота. Сел. Жанхотеко КБАССР; *3* – каменные ворота арочной формы. Сел. Химой ЧИАССР; *4* – перелаз в ограде. Сел. Красноалександровское. Краснодарский край; *5* – плетневые ворота. Сел. Пчегатлукай. Адыгейская АО

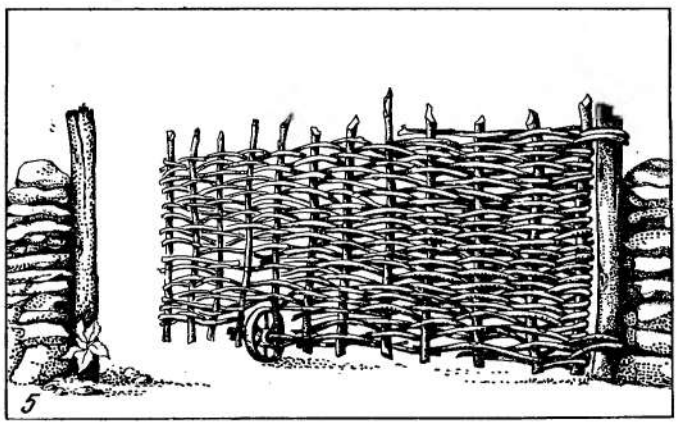

3

4

5

колышки, вплетаемые в верхнюю часть изгороди. Торчавшие наружу концы кольев оплетали лозой, в результате чего получался небольшой навес, шедший под углом к основному плетню. Затем такой же навес–карниз возводили с внутренней стороны. Образовавшуюся между двумя карнизами распадку засыпали соломой "внатруску". Такая кровля, естественно, не столько предохраняла изгородь от осадков, сколько затрудняла перелезание через нее. Известны были и другие виды оград, например плетень, разреженный в средней части, что придавало изгороди особо нарядный вид.

В плетеных изгородях, отделявших внутренние дворы в усадьбе, а также разделявших усадьбы близких родственников, устраивали специальные перелазы. В таких местах изгородь делали более низкой и к ней пристраивали невысокую приступку.

Ворота на равнине по большей части делали также плетеными, реже из горизонтальных жердей с откосами и стойкой посередине.

В конце XIX – начале XX в., с появлением лесопиления и обожженного и саманного кирпича, возникли новые виды оград – дощатые, кирпичные и комбинированные. Однако широкое распространение подобные ограды получили только в советские годы, преимущественно в послевоенный период. В 1950–1960-х годах появились ограды, изготовленные из бетона и алебастра.

В настоящее время существует множество разновидностей оград и изгородей: каменные, деревянные, плетеные, кирпичные, кирпичные в сочетании с сырцовым саман-

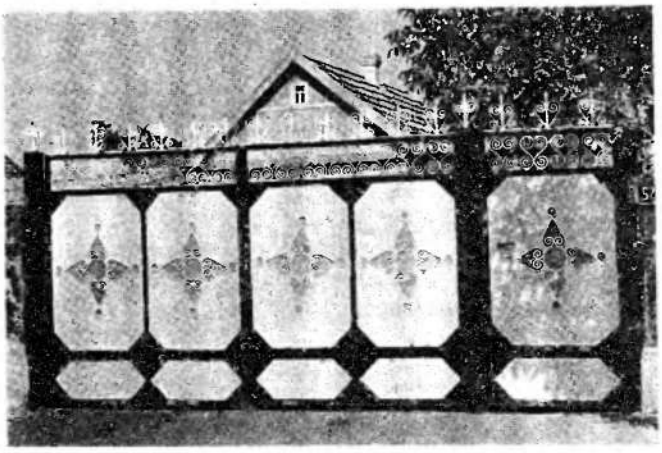

Рис. 16. Типы ворот

въезд во двор, устроенный под общей крышей с летней кухней и жилищем. Сел. Чикола СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1974 г. (*вверху*); тип современного оформления въезда на усадьбу. Сел. Старый Урух КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*в центре*); въезд на усадьбу в жилище начала XX в. Сел. Даргкох СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*внизу*)

ным кирпичом, бетонные и др. Ограды возводят в большинстве случаев на бетонном фундаменте с высоким цоколем. Верхнюю часть ограды чаще всего надстраивают из обожженного кирпича. При этом применяются разного рода фасонная кладка и трафареты (литейные формы). В качестве украшения используются символы древней геральдики (тамгообразные знаки), геометрические фигуры, элементы советской эмблематики и т.п. Снаружи ограды штукатурят или окрашивают в различные цвета. В других случаях стремятся подчеркнуть фактуру материала: укладывают в цемент медальоны из речных голышей, гальки, обожженного кирпича и пр.

Особое внимание уделяют устройству и оформлению ворот, соединяемых обыкновенно в одно целое с калиткой. Опорные столбы ворот и калитки в Кабарде, Черкесии, Адыгее возводят из обожженного кирпича, камня, отливают в опалубке из цемента или используют готовые изделия — железные трубы, бетонные балки. Снаружи опорные столбы украшают разного рода рисунками, прочерченными по сырой штукатурке. В числе украшений на воротах встречаются изображения кремлевской стены, спутников, "голубей мира", пятиконечных звезд. В селениях Северной Осетии, Чечни и Ингушетии преобладают массивные ворота, выстроенные иногда в одну связь с жилищем и надворными постройками.

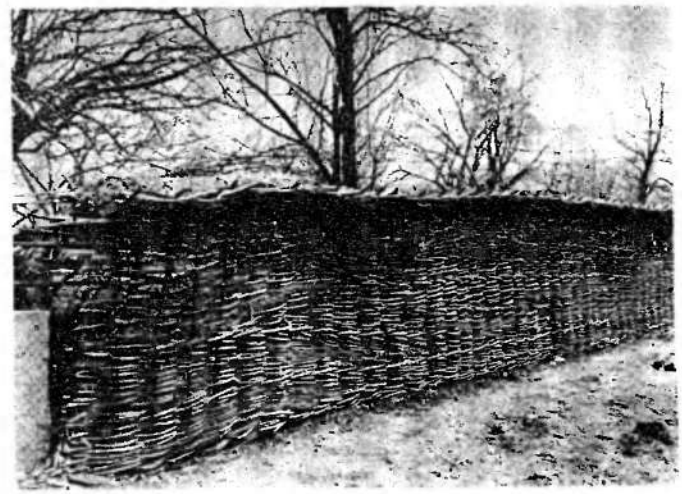

Рис. 17. Способ плетения и виды плетневых оград
сел. Старый Черек КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*слева и справа вверху*); сел. Коста Хетагурово. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*справа в центре и внизу*)

Створки ворот сбивают из тонких оструганных досок или употребляют листовое железо. Деревянные створки декорируют резьбой. В орнамент часто вставляют имя владельца дома и дату постройки ограды, ворот. Все это в совокупности с богатым декором жилища придает современной усадьбе нарядный, праздничный вид, свидетельствующий о зажиточной жизни современного колхозного крестьянства, уровне его культурного развития и возросших эстетических потребностях.

Особо следует выделить устройство ограды и ворот в равнинных районах Северной Осетии. Ограду здесь часто заменяют разного рода хозяйственные и надворные постройки (например, навес для устройства поминок и других семейных торжеств), вынесенные на красную линию и по контуру усадьбы и сооружаемые зачастую в одну связь с жилищем. Тем самым усадьба наглухо отгораживается от улицы, что в принципе характерно для многих народов Востока. У осетин эта тенденция прослеживается несколько сильнее, вероятно, в силу особенности их расселения на равнине в XVIII – начале XIX в. в окружении кабардинских и ингушских поселений.

Первые осетинские селения на Владикавказской плоскости и в районе Моздока обычно обносились земляным валом и рвом, а отдельные усадьбы огораживались крепким тыном. Впрочем, таким же образом укреплялись в ту пору селения на равнине и других народов, что отразилось в ряде мест в устройстве ограды усадеб в виде обвалования и насаждения кустарниковых по периметру усадьбы вместо возведения заборов.

Однако у осетин эта тенденция переросла в дальнейшем в ограждение участка усадьбы надворными постройками по той причине, что осетинские селения ранее селений других горцев подверглись правильной перепланировке. Этому способствовали многие причины, в том числе тесное соседство с казачьими станицами по Тереку, интенсивное развитие капиталистических отношений в пореформенный период и, наконец, близость к крупнейшему центру края Владикавказу. Последнее обстоятельство отразилось в обычае возведения подчеркнуто монументального въезда на усадьбу, а порой и откровенно помпезных ворот (рис. 16 вверху и внизу). Все это придает усадьбам осетин на равнине определенный национальный колорит по сравнению с таковыми у других народов края.

[1] АИЭ. Материалы Центральнокавказского отряда 1973 г. Сел. Ахсау, Северо-Осетинская АССР. Л. 62. Информатор Бузоев Хаджи-Мусса, 97 лет.

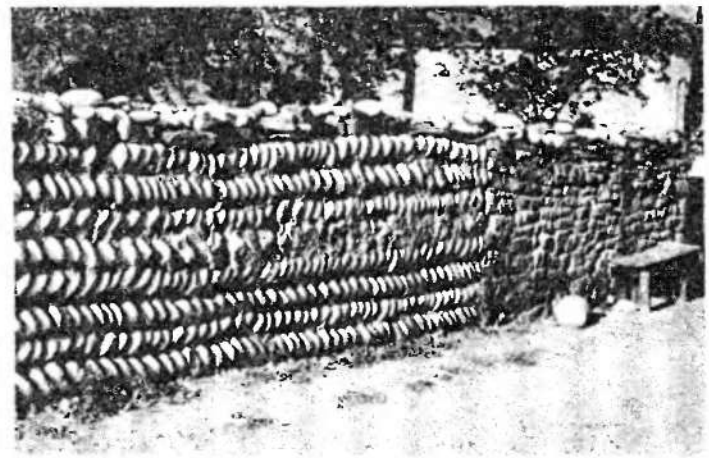

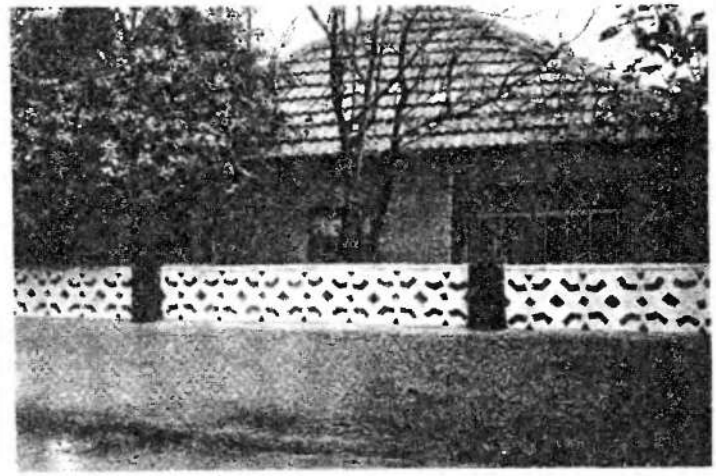
Рис. 18. Строительство каменной и кирпичной ограды

взаимопомощь при закладке фундамента ограды; возведение ограды из кирпича. Сел. Лескен СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г. (*вверху*); литая бетонная ограда. Сел. Старый Лескен КБАССР. Фото автора 1969 г. (*внизу*)

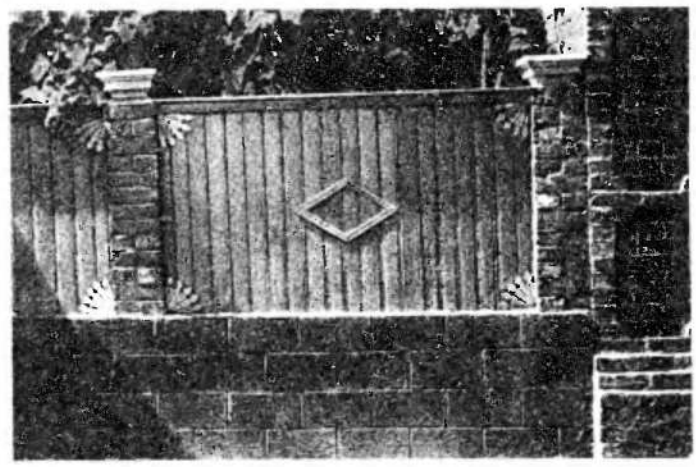
Рис. 19. Типы оград

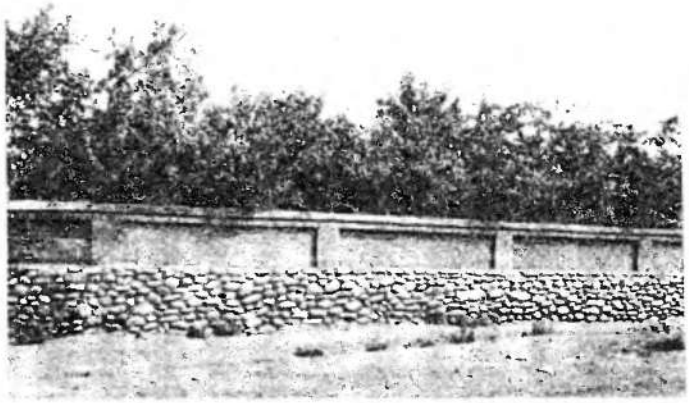
жердевая ограда на каменной подоснове. Сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*слева вверху*); комбинированная ограда из обожженного кирпича на каменной подоснове. Сел. Урух СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*слева внизу*); каменная ограда, сложенная из речных голышей способом "в елочку". Сел. Старый Черек КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*справа вверху*); литая бетонная ограда, украшенная трафаретным орнаментом. Сел. Новый Урух СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*в центре*); комбинированная ограда из обожженного кирпича с дощатым заполнением. Сел. Псыгансу КБАССР (*в центре*); дощатый забор. Сел. Лескен СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г. (*справа внизу*)

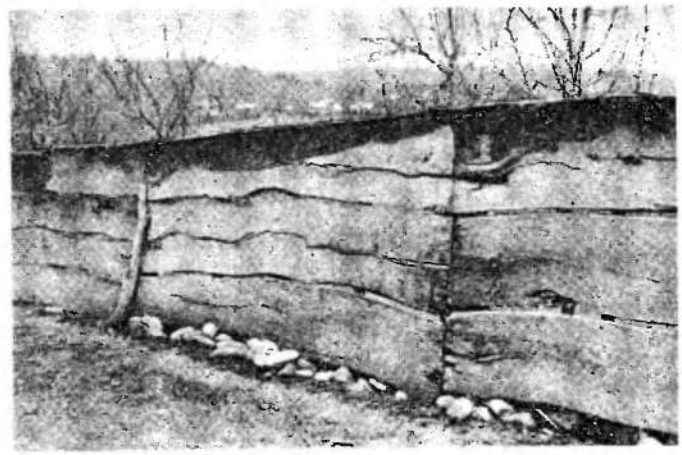

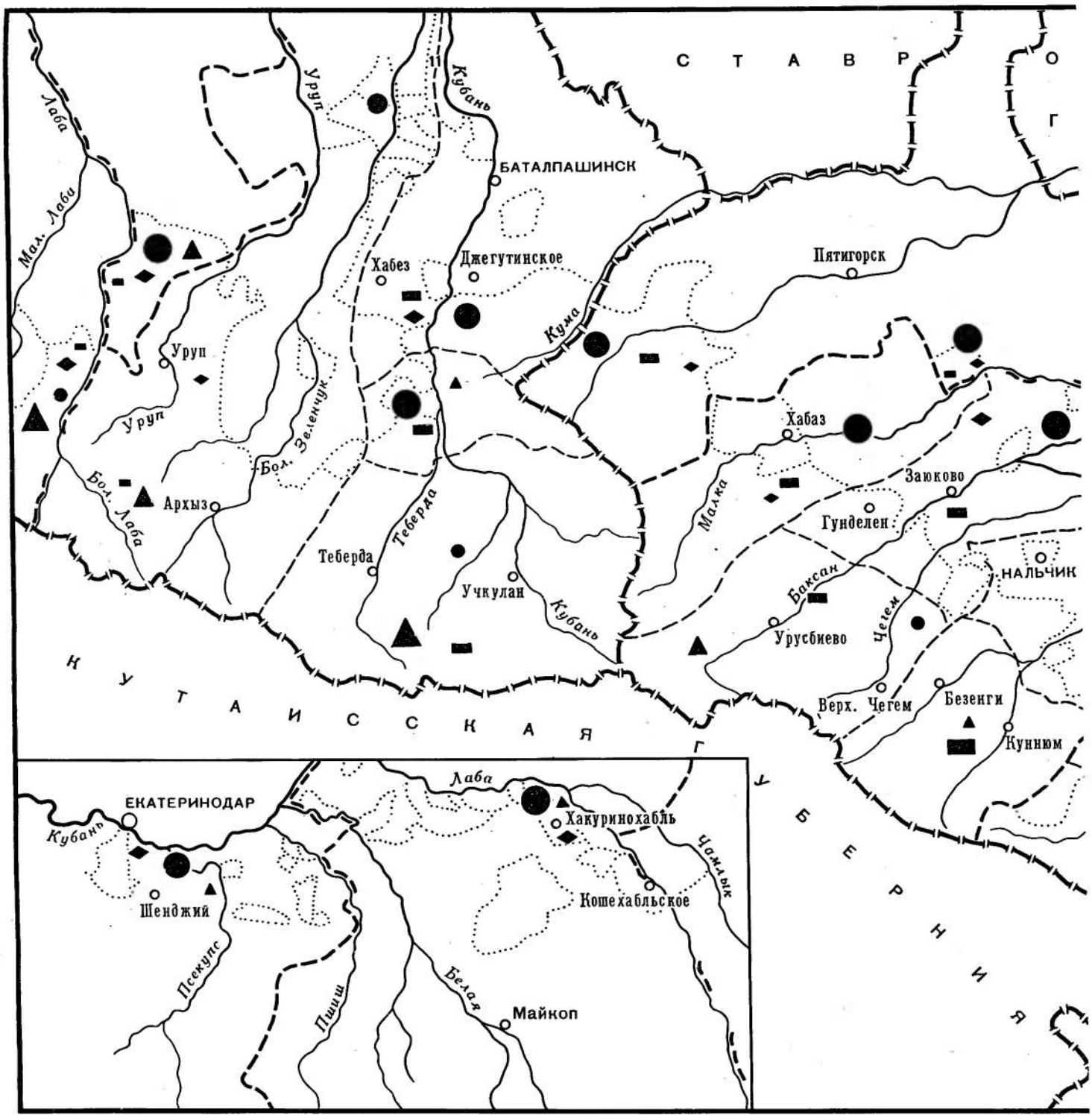

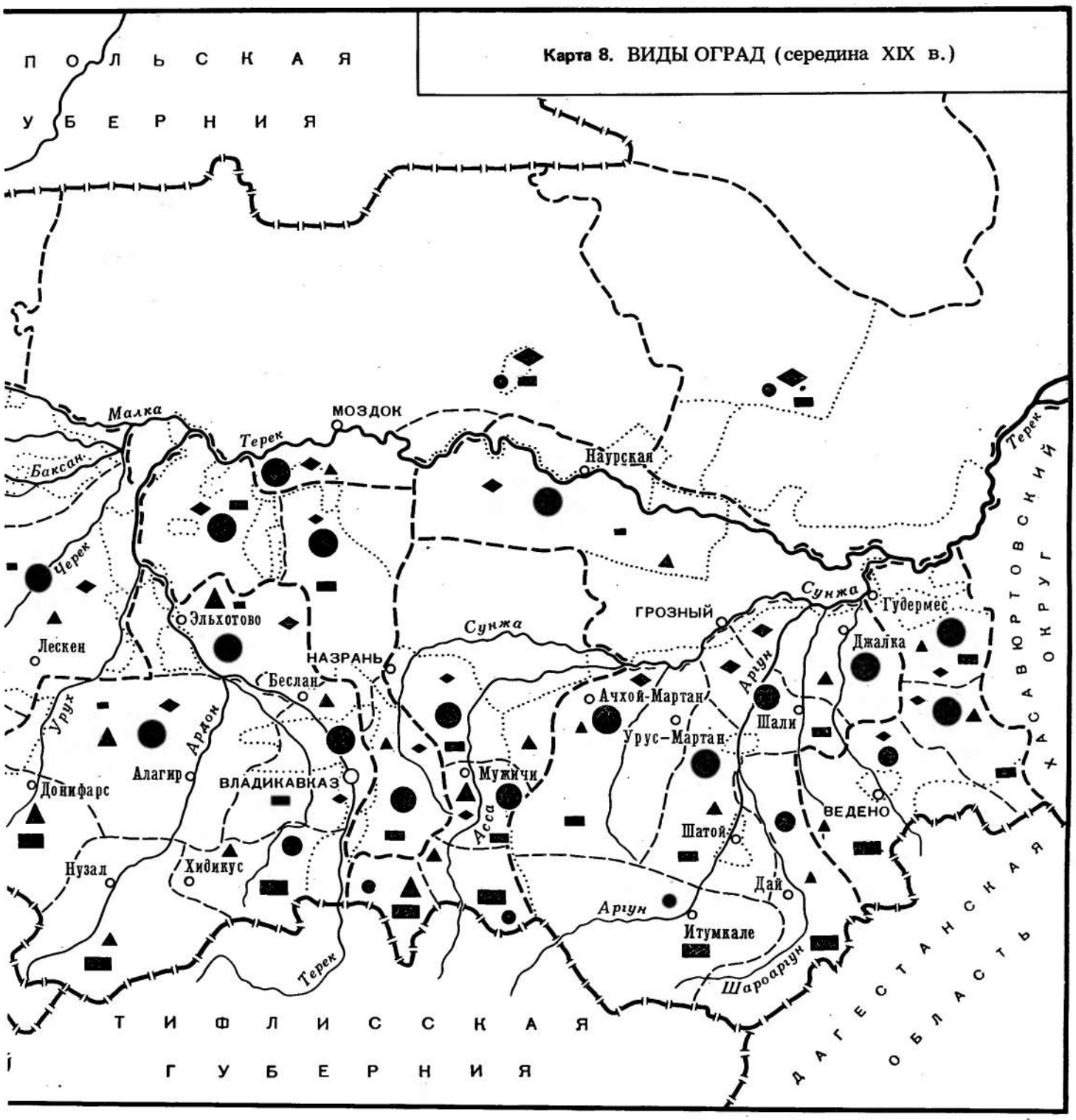

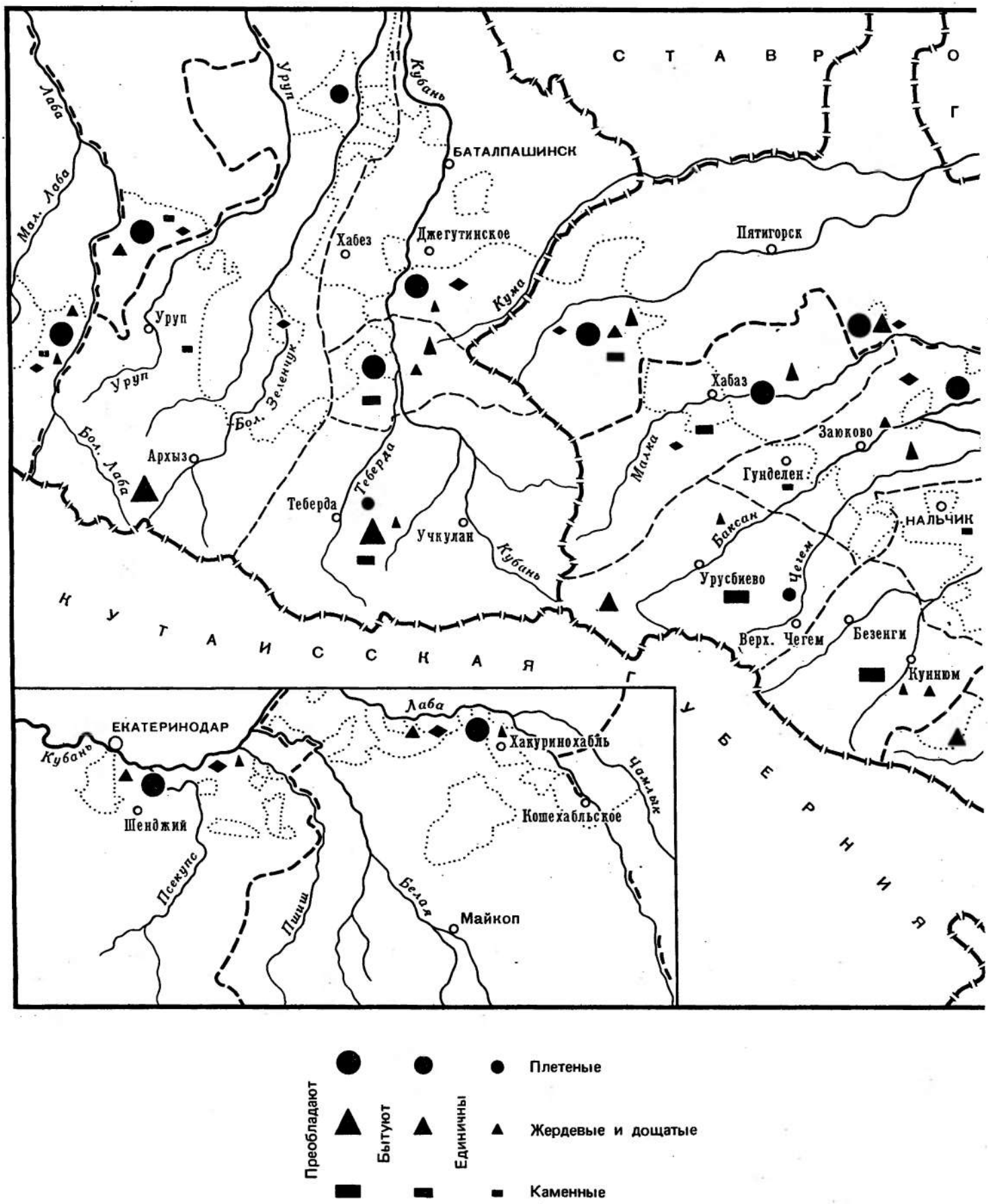

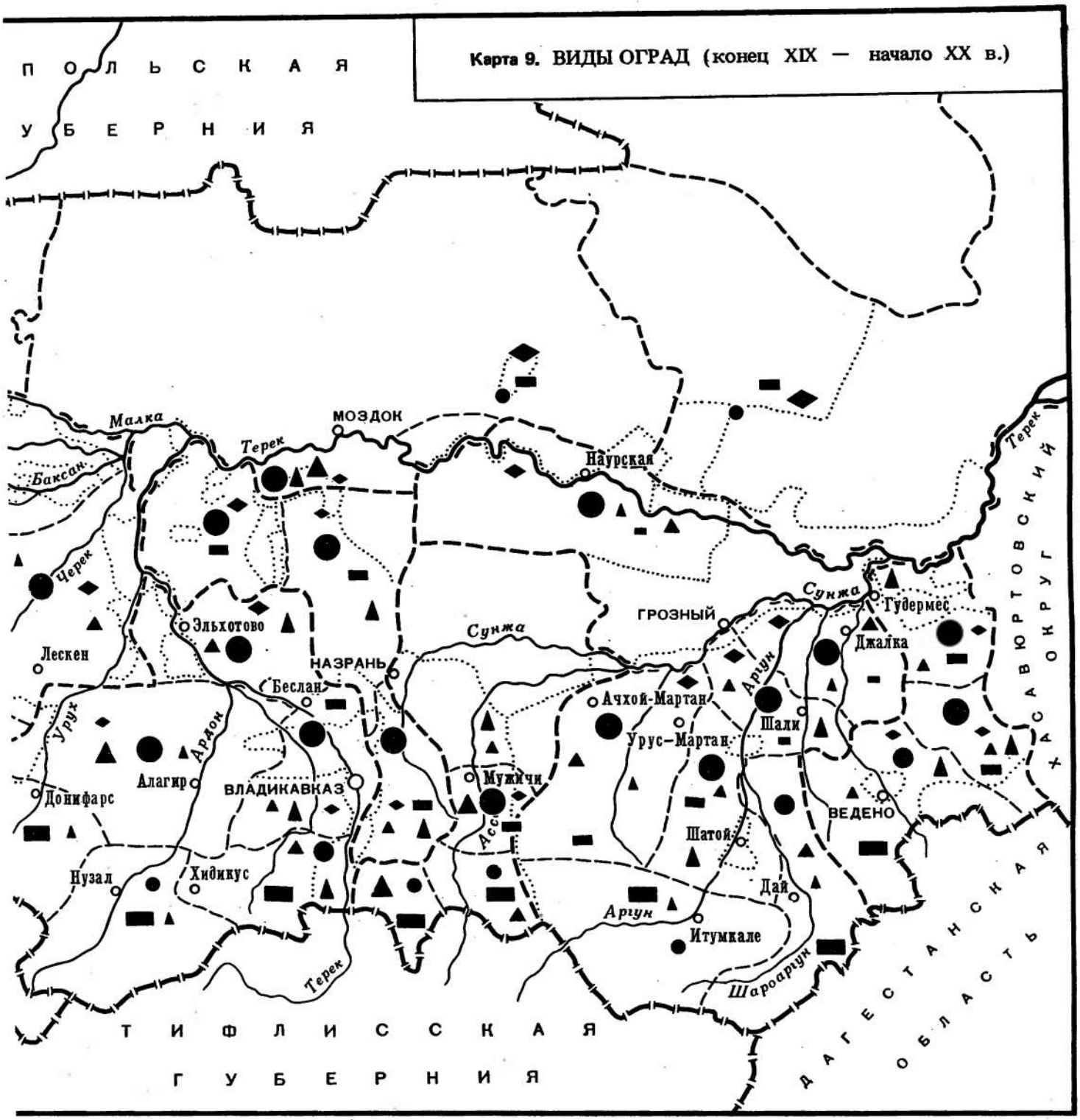

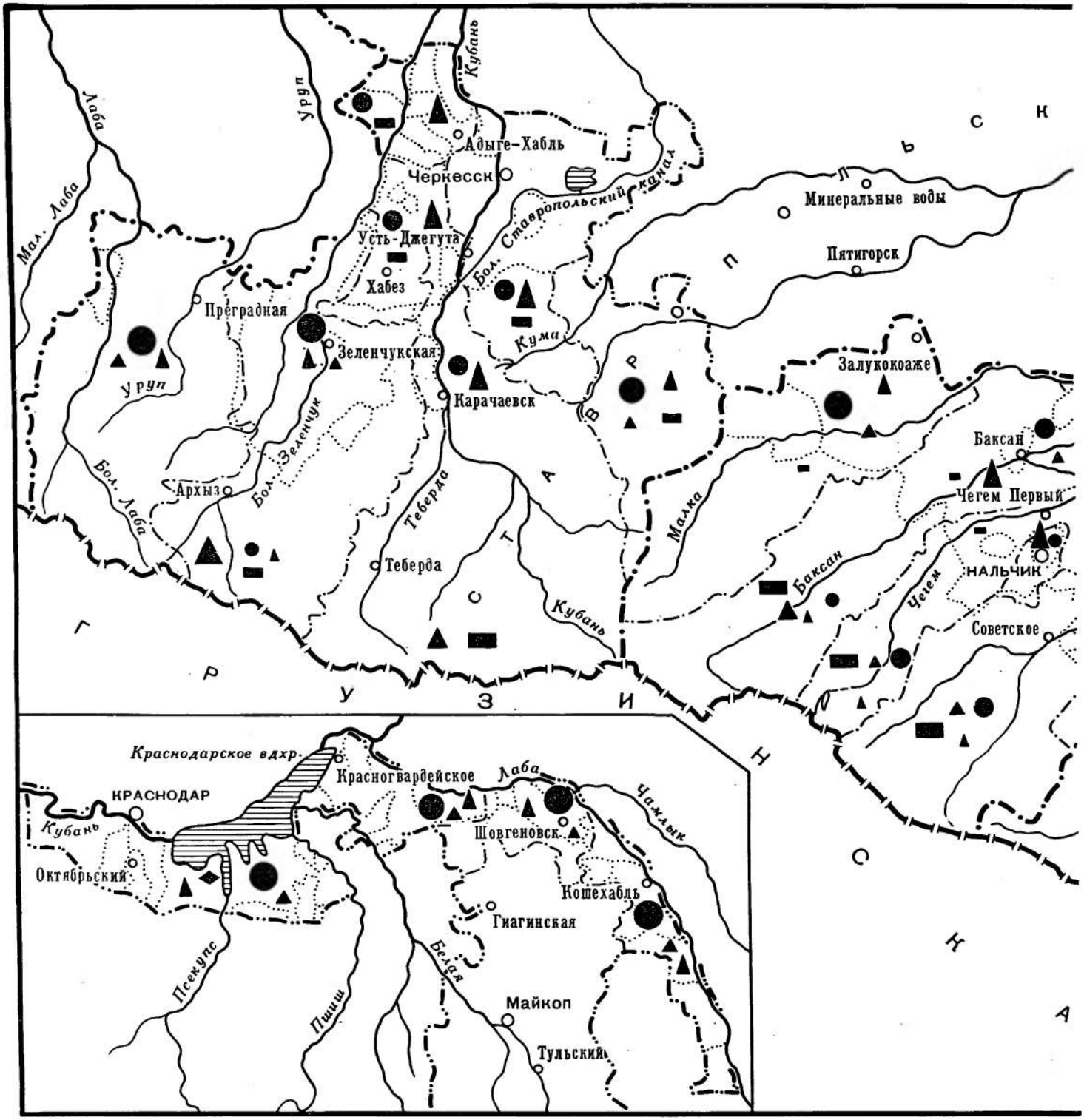

С Т А В Р О П О Л Ь С К И Й К Р А Й
К У Т А И С С К А Я Г У Б Е Р Н И Я
Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Кубань
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Баксан
Урусбиево
Чегем
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Лаба
Хакуринохабль
Цамлык
Кошехабльское
Псекупс
Пшиш
Белая
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плетеные
Жердевые

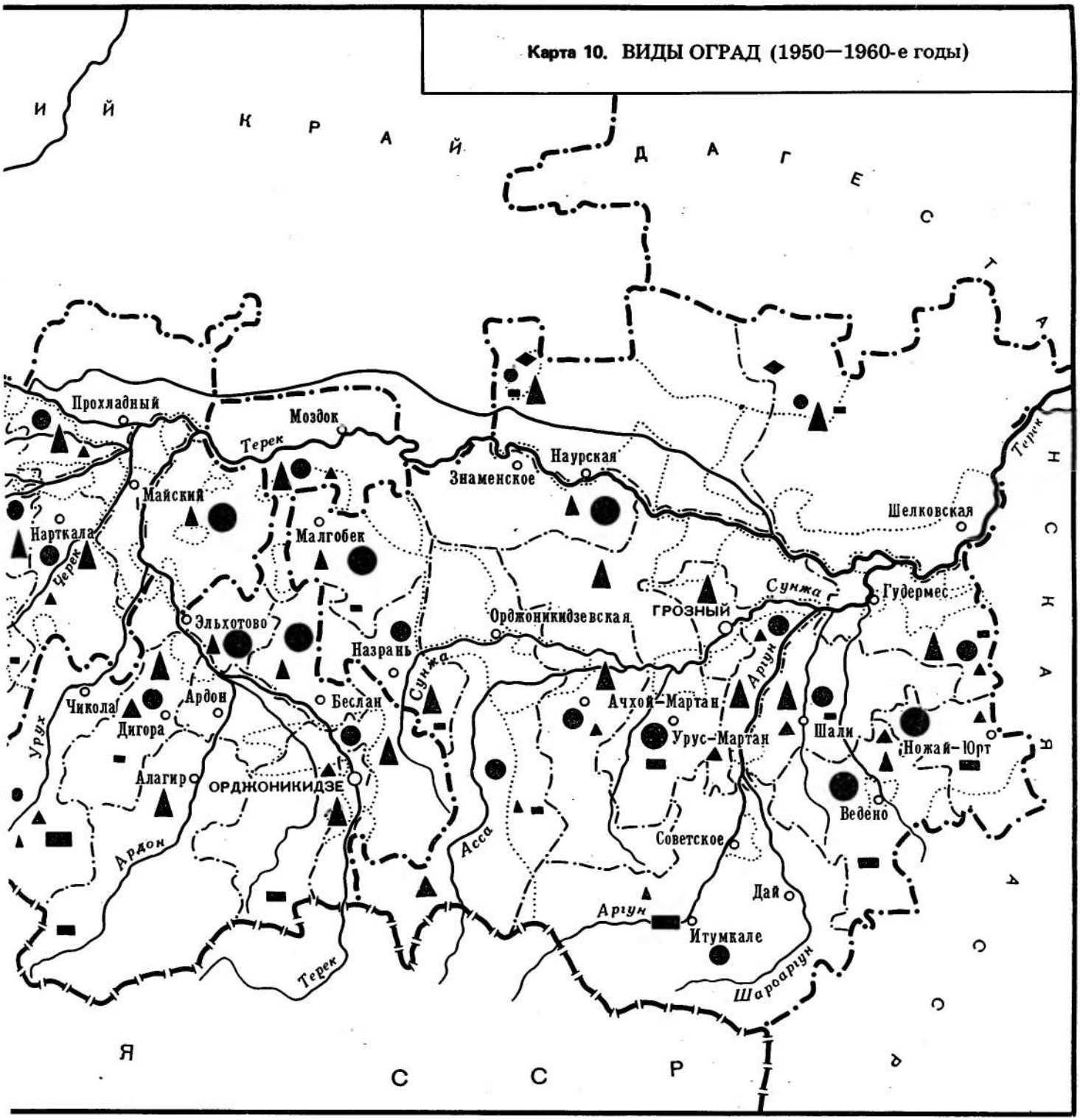

Карта 8. ВИДЫ ОГРАД (середина XIX в.)
ПОЛЬСКАЯ
УБЕРНИЯ
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Черек
Эльхотово
Лескен
Урух
Ардон
Алагир
Донифарс
Нузал
ВЛАДИКАВКАЗ
Хидикус
НАЗРАНЬ
Беслан
Сунжа
Наурская
ГРОЗНЫЙ
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Мужичи
Асса
Шатой
Итумкале
Аргун
Шароаргун
Дай
ВЕДЕНО
Шали
Джалка
Гудермес
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧАСАВЮРТОВСКИЙ ОКРУГ
ТИФЛИССКАЯ
ГУБЕРНИЯ
Преобладают
Бытуют
Единичны
Каменные
Обвалование, в том числе в сочетании с хворостом и живыми насаждениями

С Т А В Р О Г
Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Урупп
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
Баксан
НАЛЬЧИК
Кубань
Урусбиево
Челем
Верх. Чегем
Безенги
Кунюм
К У Т А И С С К А Я
Г О Р Н О - С А К Р Е Б Е Р Н И Я
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Лаба
Хакуринохабль
Кошехабльское
Чамлык
Белая
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плетеные
Жердевые и дощатые
Каменные

Карта 9. ВИДЫ ОГРАД (конец XIX — начало XX в.)
ПОЛЬСКАЯ УБЕРНИЯ
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Наурская
Черек
Эльхотово
Сунжа
ГРОЗНЫЙ
Гудермес
Лескен
НАЗРАНЬ
Беслан
Джалка
Урух
Ардон
Ачхой-Мартан
Шали
Урус-Мартан
Алагир
ВЛАДИКАВКАЗ
Мужичи
Донифарс
ВЕДЕНО
Асс
Шатой
Нузал
Хидикус
Дай
Аргун
Итумкале
Шароаргун
ТИФЛИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОКРУГ
Преобладают
Бытуют
Единичны
Обвалование, в том числе в сочетании с хворостом и живыми насаждениями
Каменные и кирпичные в сочетании с плетнем, досками, саманным кирпичем и прочими материалами

Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Прегрaдная
Зеленчукская
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Карачаевск
Бол. Ставропольский канал
Кума
Минеральные воды
Пятигорск
Залукокоаже
Баксан
Чегем Первый
Малка
Баксан
Чегем
НАЛЬЧИК
Советское
Кубань
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Кубань
Октябрьский
Красногвардейское
Лаба
Шовгеновск
Чамлык
Кошехабль
Гиагинская
Белая
Майкоп
Тульский
Псекупс
Пшиш
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плетеные
Жердевые и дощатые
Каменные

Карта 10. ВИДЫ ОГРАД (1950—1960-е годы)

Преобладают ◆ Бытуют ▲ Единичны ▲

Обвалование, в том числе в сочетании с хворостом и живыми насаждениями

Каменные, кирпичные, бетонные, в том числе в сочетании с досками, штакетником и другими материалами

Жилище

Фундамент

В традиционном северокавказском жилище как на равнине, так и в горах до начала XX в. практически не устраивали специального фундамента, его роль выполняла в одних случаях каменистая почва, в других – специально подбираемые твердые и водостойкие материалы. Поэтому к выбору места под жилище подходили чрезвычайно внимательно и осторожно. Существовало множество способов проверки пригодности почвы, в которых рациональные методы переплетались с суевериями и предрассудками.

Адыгейцы и черкесы, к примеру, различали "счастливое" и "несчастливое" место ("мафэ" и "мыго"). Если в доме часто умирали, считали, что в этом повинна почва (сырая, с вредными испарениями), и дом переносили на другое место. Перед постройкой дома в землю закапывали сырое яйцо. Через трое суток яйцо вынимали, аккуратно разбивали и смотрели, насколько уменьшилось (усохло) его содержимое. Если яйцо "усыхало", подыскивали другой участок[1]. Кабардинцы перед постройкой дома выкапывали в почве небольшую ямку, а затем снова засыпали ее; если выкопанная земля полностью заполняла прежний объем, участок считался пригодным[2]. Чеченцы вместо этого зарывали в землю на несколько дней, а то и месяцев, глиняный кувшинчик, наполненный водой и наглухо запечатанный сверху воском. Если при проверке оказывалось, что вода в сосуде убыла, место забраковывали[3]. Так же поступали и осетины, с той лишь разницей, что вместо воды в кувшин наливали молоко[4]. Испытание места с помощью сосуда с водой и молоком было известно и осетинам[5], и кабардинцам[6], и балкарцам[7]. По материалам Л.П. Семенова, ингуши при строительстве жилых башен также поливали землю молоком до тех пор, пока оно не переставало просачиваться, а затем рыли на соответствующую глубину котлован под фундамент[8]. Кроме испытания молоком, балкарцы иногда пускали на участок усадьбы быка и там, где бык ложился, начинали строить жилье, поскольку скотина обычно выбирает для отдыха сухое (в понятии народа – "счастливое") место[9]. На выбранном месте резали барана и по его лопатке гадали, где заложить первый камень[10]. Соблюдали и другие обычаи и суеверия. Так, осетины перед началом строительства разжигали на облюбованном месте костер, чтобы очистить место от "злых духов"[11]. Иногда на предполагаемом месте строительства ложился спать сам хозяин, и если ему снились хорошие сны, место признавали пригодным. В каждой семье, фамилии соблюдали наряду с этим так называемые "запретные" дни, в которые никогда не начинали стройки.

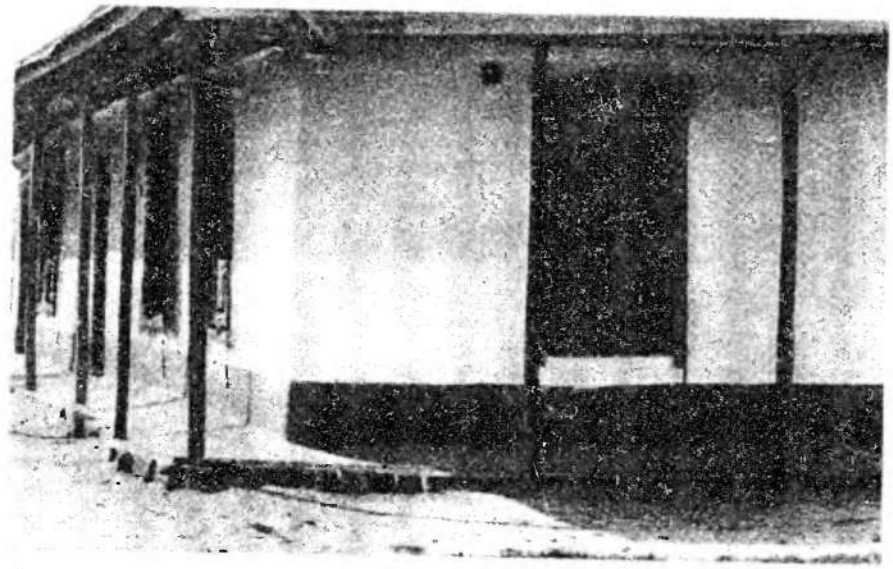
При постройке нового дома его обязательно выдвигали несколько вперед по отношению к месту старого жилища; дом для женатого сына непременно возводили позади родительского. Впрочем, уже в конце XIX в. все эти и многие другие обряды и суеверия стали быстро исчезать из практики, поскольку свободной земли становилось все меньше; чаще строились там, где указывала сельская община, которой было, по словам Ю.Н. Асанова, "небезразлично, где выбирала себе участок под усадьбу та или иная семья"[12].

При строительстве турлучного жилища первый кол вбивали в юго-западном углу (в направлении Мекки, как говорили в старину) и дальнейшее движение совершали слева направо (против часовой стрелки). В некоторых местах в землю под углы дома зарывали "на счастье" монету, зерно, поливали почву медом и т.д. Карачаевцы, по сообщению К.М. Текеева, в старину высевали под

Рис. 20. Типы фундаментов

старинные жилые башни, возведенные на скальном основании. Сел. Эгикал ЧИАССР. Фото автора 1970 г. (*слева*); турлучное жилище на глиняной отмостке. Сел. Асоколай. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1960 г. (*справа*)

основание дома ячмень "на счастье", а под жилище молодоженов лили бузу, чтобы свадьба была "хмельной и веселой"[13].

Для забивки первого кола приглашали уважаемого старика со "счастливою" рукой. Вбивая первый кол, он произносил "хохи" – здравицы и благопожелания хозяевам, желая, чтобы жизнь их в новом доме была "полной чашей". Вслед за первым колом вбивали в указанном направлении другие угловые колья и только после этого – промежуточные.

В горах при возведении каменного жилища, особенно при сооружении многоэтажных жилых и боевых башен, роль фундамента играли твердые скальные породы (рис. 20, слева). Иногда в крутом склоне вырубали котлован, равный площади будущего жилища, которое, таким образом, оказывалось своим задним фасадом как бы углубленным в гору. В более пологих склонах предпочитали вместо рытья котлована выравнивать площадь под жилищем посредством возведения подпорных стенок-цоколей.

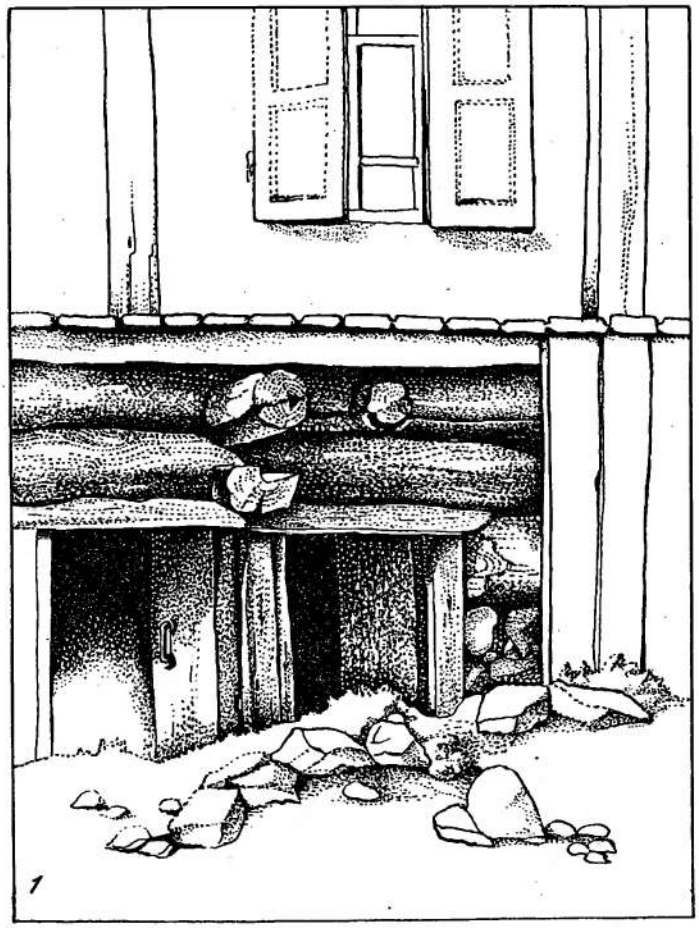
При строительстве срубного жилища под нижние венцы выбирали наиболее прочные смолистые и водостойкие породы – дуб, сосну, подкладывая под углы, где почва была мягкой, валуны. При этом стены сруба для прочности заваливали иногда камнями почти под самую крышу. Когда появились каркасные дома, валуны стали подкладывать также под углы нижнего венца (рис. 21, *2*).

На рубеже XIX–XX вв. в ряде горных и предгорных районов (Карачае, верховьях Баксанского ущелья, в долине Уруха, Хулхулау и некоторых других местах) появляются дома на высоком цоколе из камня или дерева в срубной и закладной технике (рис. 21, *1*, 3, *4*). Строили эти дома в большинстве случаев грузины – рачинцы и сваны. В цокольных этажах устраивали хлев, иногда летнюю кухню. Срубные дома русского типа возводили на столбовом и базовом кирпичном фундаменте.

В начале XX в. в турлучном жилище вместо фундамента внутри и снаружи у стен стали делать небольшие завалинки из глины, с тем чтобы стекавшие с крыши осадки не проникали внутрь дома[14] (рис. 20, справа). Затем между кольев под плетень стали укладывать прямо на почву один или два ряда камней, и только с появлением каркасных и кирпичных домов появляется врытый в землю фундамент, сложенный из речных голышей или рваного камня на глиняном и известковом растворе. В советские годы "ленточный" кирпичный и каменный фундамент, по единодушному свидетельству информаторов, получает всеобщее распространение, а примерно со второй половины 1950-х годов появляется литой бетонный фундамент с высоким цоколем, сооружаемым в опалубке.

На строительство фундамента принято приглашать родственников и ближайших соседей. Пришедшие на строительство приносят с собой весь необходимый инструмент, а также подарки строящейся семье. В свою очередь хозяин-застройщик в конце трудового дня устраивает праздничное застолье с музыкой и танцами. К подобного рода трудовой взаимопомощи во время строительства жилища прибегают еще при плетении и обмазке стен и при покрытии крыши. При этом на обмазку стен приходят исключительно женщины, на строительство и покрытие крыши – мужчины.

[1] АИЭ. Полевой материал 1962 г. Сел. Мамхег, тетр. 1, л. 79, 83.
[2] АИЭ. Полевой материал 1968 г. Сел. Урух, тетр. 1, л. 30 об.
[3] АИЭ. Полевой материал 1969 г. Сел. Дарго, тетр. 1, л. 13.
[4] *Чурсин Г.Ф.* Осетины. – В кн.: Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис, 1928, т. 1, вып. 1, с. 147.
[5] *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирыстон, 1970, с. 123.
[6] АИЭ. Полевой материал 1968 г. Сел. Старый Чегем, тетр. 1, л. 46.
[7] АИЭ. Полевой материал 1962 г. Сел. Гундален, тетр. 1, л. 86 об., 90.
[8] *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963, с. 72.
[9] *Асанов Ю.Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976, с. 30.
[10] АИЭ. Полевой материал 1968 г., тетр. 1, л. 77 об., 78.
[11] *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище, с. 124.
[12] *Асанов Ю.Н.* Поселения, жилища..., с. 30.
[13] *Текеев К.М.* Жилища карачаевцев в XIX в. – Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1972, № 5, с. 78.
[14] *Миллер А.* Черкесские постройки,с.15, 16.

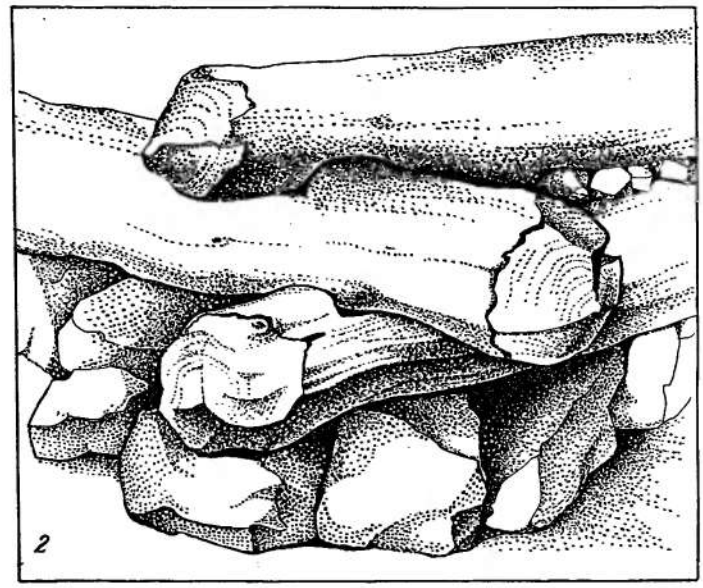
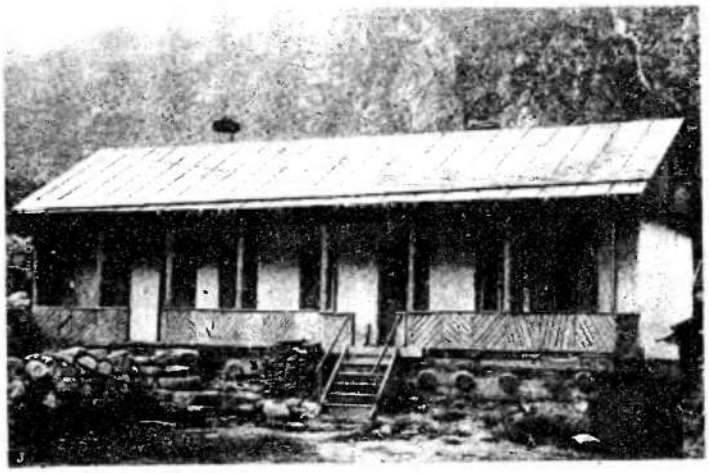
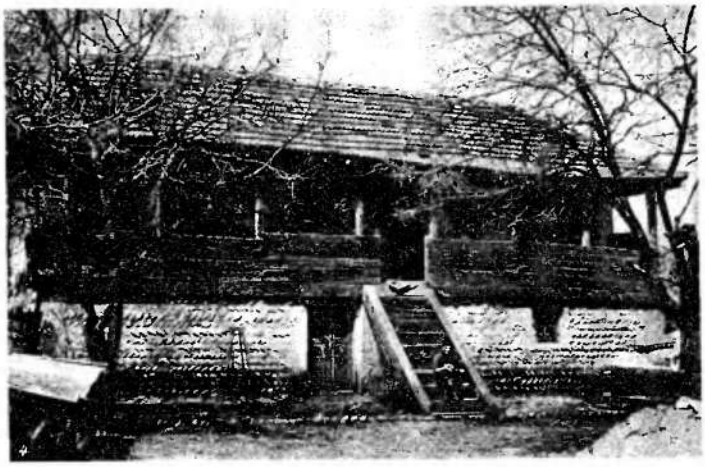

Рис. 21. Типы фундаментов

1 – фрагмент фундамента, переходящего в цоколь, сложенного срубом. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО; *2* – фрагмент каменного базового фундамента. Сел. Верхний Баксан КБАССР; *3* – старое карачаевское жилище на срубном фундаменте с каменным основанием. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО. Фото автора 1968 г.; *4* – срубное жилище в предгорьях на каменном фундаменте и цоколе. Сел. Лескен СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *5* – строительство жилища из саманного кирпича на ленточном каменном фундаменте. Сел. Урух КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г.

Материал стен и строительная техника

Выбор материала для стен в прошлом определялся естественно-географической средой, т.е. наличием в данной местности того или иного строительного материала: леса, камня, глины, извести, камыша и пр. Это обстоятельство и устойчивость сложившихся веками традиций обусловили довольно четкое разделение региона на ряд локальных областей с преобладанием в каждом из них определенных материалов: камень – в горах, турлук, а с конца XIX в. также саманный кирпич – на равнине, дерево – в лесистых предгорьях и отчасти в горных районах, там, где еще сохранились более или менее значительные массивы лесов.

Наряду с вертикальной зональностью наблюдалась также определенная закономерность в распределении лесной растительности и в широтном направлении. В связи с тем, что осадки на Северный Кавказ приходят в основном со стороны Черного моря, леса заметно редеют по мере движения с запада на восток. В соответствии с этим в Карачае и прилегающем к нему Баксанском ущелье Балкарии, а также в горах Закубанья, где в первой половине XIX в. проживали адыги, жилище было преимущественно срубным. Далее на восток, в Чегемском ущелье, в Дигории, Куртатинском, Кобанском и Дарьяльском ущельях, в Ингушетии и Чечне, срубные конструкции бытовали локально и, как правило, в сочетании с каменной кладкой.

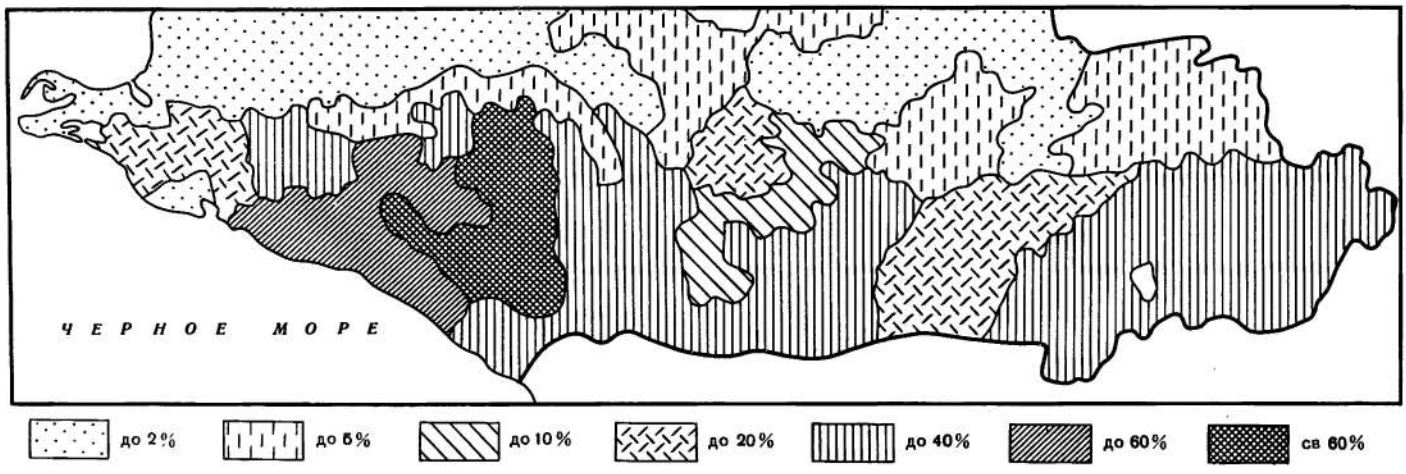
Есть основания предполагать, что еще в начале прошлого века площадь лесов на Северном Кавказе была значительно больше и, следовательно, распространение форм деревянного зодчества было также намного шире. Н.Е.Талицкий писал, что, по преданиям и воспоминаниям стариков, карачаевские аулы раньше стояли в окружении дремучих лесов[1]. В Баксанском ущелье вековые сосновые леса были сведены лишь в пореформенный период местным владельцем Урусбиевым, продававшим их на снос и спил. О лесах упоминается и в других балкарских ущельях, ныне совершенно обезлесенных. "Существуют предания у местных жителей, что некогда скалы Верхней Балкарии также были покрыты густым лесом", – писал один автор в начале XX в.[2] В сел. Безенги еще в 1930-х годах была жива старуха, которая помнила о существовании густых лесов вокруг этого села[3]. Естествоиспытатель Н.Я. Динник, посетивший сел. Стур-Дигора в 90-х годах XIX в., встретил там 90-летнего старика, который рассказал, что в дни его молодости окрестности селения были сплошь покрыты лесом, от которого к описываемому времени осталось лишь несколько священных рощ[4]. То же самое рассказали этому автору старики и в другом дигорском селении Задалеске[5].

Существование в прошлом в названных районах больших лесных массивов нашло отражение в том, что на протяжении всего минувшего столетия жилище здесь строили зачастую целиком либо частично из дерева. "В горах также встречаются иногда деревянные дома, построенные из сосновых бревен, но постройки очень плохие и крайне неудобные для жилья", – сообщает Ю. Клапрот[6]. "Особенность дигорского дома состоит в том, что передняя стена у него сложена из толстых досок", – замечает К.Ф. Ган, побывавший в конце XIX в. в ряде горных ущелий центральной части Северного Кавказа[7]. В советские годы лингвист-кавказовед В.И. Абаев, вспоминая о своем посещении карачаевского селения Хурзук, писал: "Наряду с каменными встречались сакли большой древности, сложенные из таких толстых бревен, что мы диву давались: где же тот лес, где были срублены эти гиганты"[8]. Такие старинные срубные дома в небольшом числе можно встретить и в наши дни почти во всех упомянутых выше ущельях: в верховьях Кубани (в Большом Карачае), в Баксанском ущелье (в сел. Верхний Баксан), в Чегемском (в сел. Булунгу), в Дигорском (в селениях Куссу и Моска).

Далее на восток леса́ все более редели и покрывали главным образом северные склоны гор и боковые ответвления ущелий. Деревянные дома здесь строили преимущественно в закладной и турлучно-каркасной технике, но встречались и срубные конструкции. Интересно, что в одних случаях деревянное зодчество, по-видимому, предшествовало каменному, тогда как в других, напротив, наследовало ему. Так, в осетинском селении Чми в Дарьяльском ущелье, по свидетельству Ю. Клапрота, дома в его время были выложены из камня, а хозяйственные постройки, которые обычно сохраняют более древние формы и материал, "были частью из камня, частью из плетеного кустарника"[9]. В соседнем же ущелье в долине р. Армхи, ингуши, жившие в старину в многоэтажных каменных жилых башнях, в середине XIX в. стали переходить к строительству небольших одно- и двухраздельных домов, сложенных наполовину из дерева, а наполовину – из камня[10].

В восточной Ингушетии в долине р. Ассы, в Цорин-

Карта 11. Распространение лесной растительности

ском обществе и прилегающих высокогорных районах Чечни, где леса были сведены человеком еще в средневековье, бытование деревянных форм жилища фиксируется лишь в старинных преданиях[11]. Иначе обстояло дело в окрестностях так называемых "Черных гор" (географическое их название "Лесистый хребет") и примыкающих к ним предгорьях. Леса здесь занимают огромные площади, но в отличие от высокогорных районов состоят почти исключительно из лиственных пород. Строевого леса здесь нет, поэтому до самого конца XIX в., до развития механического лесопиления, жилище в этих местах строили в турлучно-каркасной и закладной технике из слегка подтесанных тонких бревен и балок. "Дома селений, расположенных в предгорье, сплошь деревянные; они построены из бревен красного бука и покрыты соломой или липовой корой", – сообщает Ю. Клапрот всякий раз, когда речь идет о поселениях данной географической зоны[12]. "В связи с тем, что леса на правом берегу Уруха дают прекраснейшее дерево, жители Маскуава, в противоположность осетинскому обычаю, построили свои дома из дерева"[13]. И еще: "В Саурове (несуществующее ныне селение в окрестностях г. Орджоникидзе. – *В.К.*) живут ингуши вместе с осетинскими беглецами, почти все в деревянных домах"[14].

Под "деревянными домами" в приведенных выдержках следует понимать жилище, сложенное срубом либо в каркасно-закладной технике. Это видно из беглого замечения того же Ю. Клапрота об одном доме в осетинском селении Балта, в котором ему довелось переночевать. "Дом был построен очень неправильно из бревен и толстых досок и походил более на лавку, нежели на жилище"[15].

Леса в предгорьях Северного Кавказа тянутся от самого Черного моря вплоть до границы с Дагестаном, и на всем этом протяжении мы встречаем в XIX в. деревянные формы зодчества. "Керетшау – большое селение... между крутым и высоким берегом Уруга и берегом реки Харсин... Местечко имеет удобное и хорошее местоположение, деревянные строения, сады, поля"[16]. В селениях Верхний и Нижний Гярит, Халхарой, Мереджа и Цеча-акх (в бассейне р. Фортанги) "преобладают деревянные постройки"[17]. В долине р. Хулхулау дома "из дерева"[18], также и далее на восток в междуречье Аксая, Яман-су и Ярык-су.

Срубное и каркасно-закладное деревянное жилище в Черных горах и предгорной зоне местами строится и в наши дни (рис. 22; 23). Разумеется, за столь солидный срок техника его постройки претерпела немалые изменения. Первоначально при строительстве пользовались одним топором, поэтому валка леса и сооружение сруба были делом чрезвычайно трудоемким. Сруб ставили прямо на земле без какого-либо цоколя или фундамента, если не считать подкладываемых под углы валунов. Для предохранения от гниения и большей прочности нижний венец собирали из предельно толстых бревен, используя для этой цели наиболее крепкие или смолистые породы деревьев: дуб, сосну и т.п. Венцы в углах соединялись неглубокой односторонней врубкой "в чашку", а щели между венцами забивали мелкими камнями, щепой и глиной. Сберегая труд, концы бревен сруба снаружи не обрубали и они часто выступали на метр и более от угла жилища.

Окон в срубах, построенных в первой половине – середине XIX в., не было. Дверной проем был настолько низким, что для того чтобы войти в жилище, приходилось низко нагибаться. Дверную коробку сбивали из цельных, слегка подтесанных бревен или толстых плах, соединяя их с помощью простых зарубок. Верхний косяк делали в виде дуги, для чего подбирали дерево с соответствующим изгибом либо подтесывали его в форме арки. Традиция эта в некоторых районах (например, в Карачае, Балкарии, Дигорском ущелье Северной Осетии) была настолько устойчивой, что когда в конце XIX – начале XX в. в строительный обиход вошли рамы, ее перенесли и на них. Тимпан над верхним косяком рамы забивали при этом досками, которые порой украшали розетками – символами солнца.

Полотнища дверей вырубали из цельного ствола, как и все другие детали дверных и оконных проемов, в одну или две створки, в зависимости от величины входа и имеющегося материала. Случалось, что в качестве двери использовали старые молотильные доски.

В многокамерных домах, в том числе подобных карачаевскому "баши джабылгъан арбазы", отдельные срубы пристраивали либо впритык один к другому, либо соединяли простейшей врубкой. Встречались жилища, выстроенные в срубной и закладной технике одновременно.

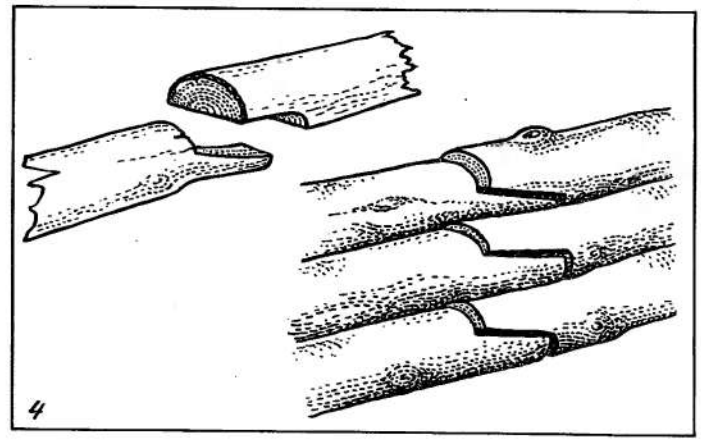
Закладные конструкции были двух видов: с горизонтальной и вертикальной закладкой бревен. При вертикальной закладке на землю между угловыми столбами укладывали лежни, в которых были прорезаны по всей их длине неглубокие пазы треугольной формы. Такие же лежни укрепляли на верхних концах угловых столбов. Между лежнями забивали стоймя жерди или плахи с заостренными с обеих сторон концами. При горизонтальной закладке плахи укладывали последовательно одна на другую, загоняя их в пазы между врытыми в землю столбами или каменными базами.

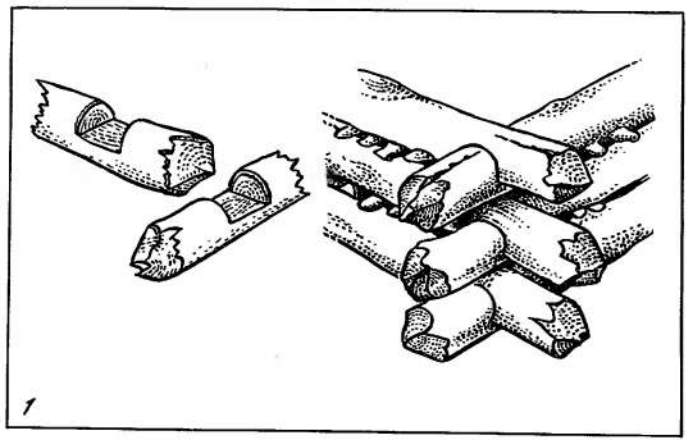
Закладная техника получила наибольшее распространение во второй половине XIX в. и в предреволюционные годы и была обусловлена сокращением площади строевого леса. При закладной технике в дело шли и горбыли, и мелколесье, и даже кустарник, из которого делали плетни, заполняя ими пространство между столбами и базами. В последнем случае, впрочем, говорить о закладной технике можно лишь в той мере, что она послужила исходной основой для конструкции, которую правильнее было бы квалифицировать как каркасно-турлучную.

Важным аргументом в пользу того, что закладная техника развилась в результате исчезновения строевого леса, служит то обстоятельство, что жилища, выстроенные целиком в закладной технике, встречались в прошлом довольно редко. Намного чаще закладная техника сочеталась со срубом и кладкой из камня. Сочетание со срубом характерно для Карачая, отчасти для верховьев Баксанского ущелья Балкарии и юго-восточной Чечни (сел. Дарго), а сочетание закладной техники с каменной кладкой бытовало в горной Ингушетии и Северной Осетии. Описание одного такого дома в сел. Хули в верховьях р. Армхи предположительно второй половины XIX в. приводит Г.Г. Гегечкори: "Передняя и левая боковая деревянные стены обмазаны глиной и выбелены известью, остальные две каменные стены – сухой кладки..." Деревянные стены выстроены в вертикально-закладной технике "из пополам разрубленных бревен. Заостренными концами эти бревна сверху и снизу упираются в гнездо, специально вырубленное по всей длине поперечных балок. Топором обструганные четырехгранные балки прерываются в тех местах, где в стену встроены каменные столбы. В перед-

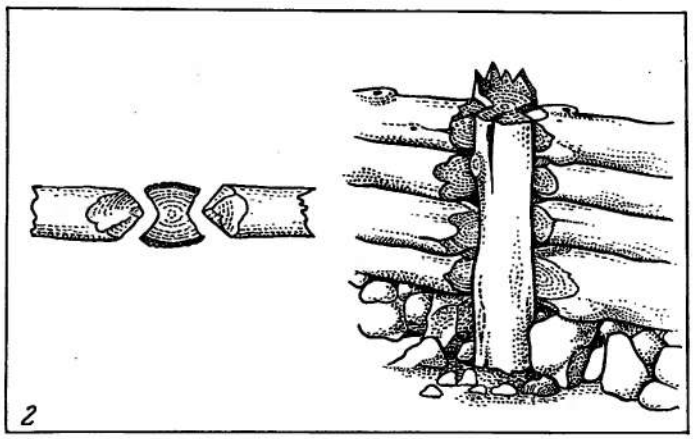
Рис. 22. Стеновой материал и строительная техника

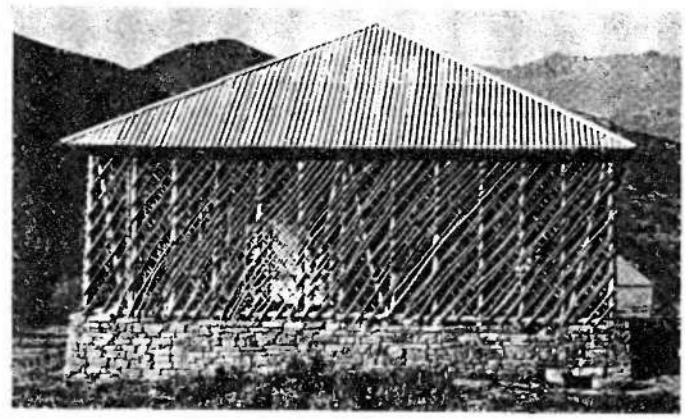
1–4 – способы рубки углов и сочленения стен в срубном жилище; *5* – конструкция и обрешетка стен в современном срубном жилище. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО. Фото автора 1968 г.; *6, 7* – конструкция и обрешетка стен в турлучном жилище с каркасной основой. Сел. Харачой ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1969 г.

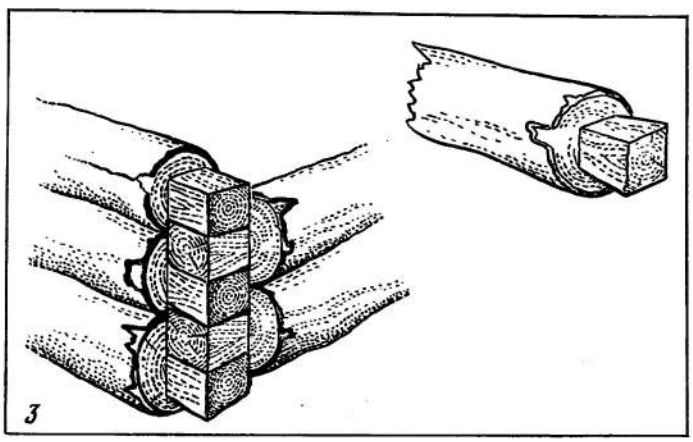

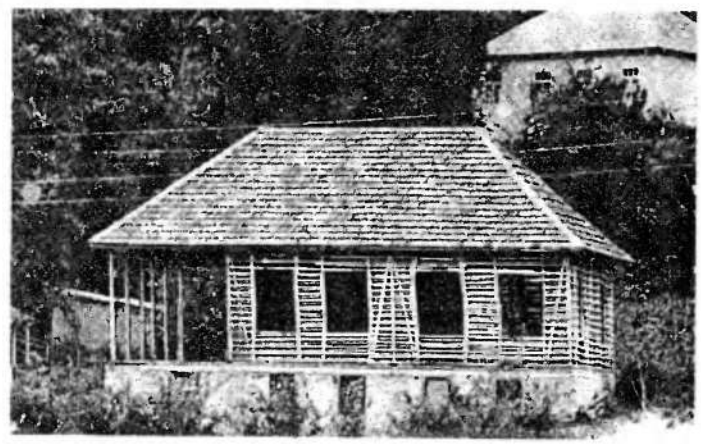

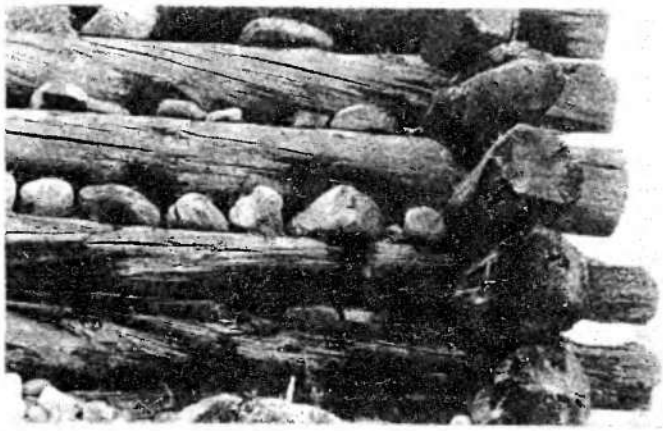

ней стене таких столбов два, и их высота, как и высота стен дома, не превышает 2,5 м"[19].

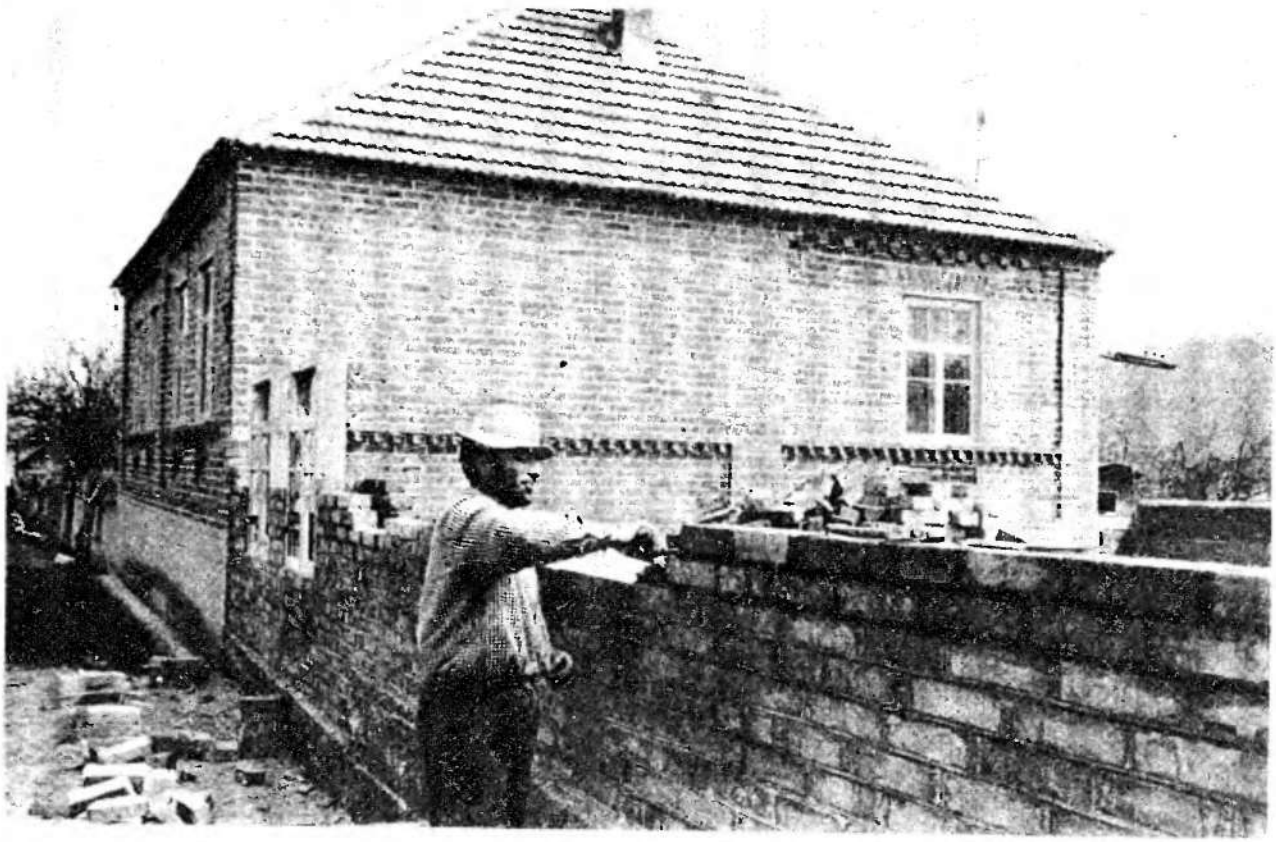
Особым видом деревянного зодчества являлось турлучное жилище. В течение всего XIX в. турлук, т.е. плетень, обмазанный глиной с добавлением половы или мелко рубленой соломы, был основным строительным материалом на всей обезлесенной Предкавказской равнине. Сходной в основных чертах была и техника постройки турлучного жилища. По углам и периметру площади, намеченной под жилище, вбивали колья на равном расстоянии один от другого, точно так, как это делали при возведении плетеной изгороди. Затем колья оплетали лозой в горизонтальном направлении, ведя плетение слева направо и закрепляя его через каждую пядь (25–30 см) более толстым прутом. Таким же утолщенным прутом и завершали все плетение[20], возводя переднюю и заднюю стены до высоты 2–2,5 м. Торцовые стены в средней части поднимали несколько выше, переводя их во фронтон. Судя по материалам А. Миллера, так поступали даже в тех случаях, когда крыши делали четырехскатными[21].

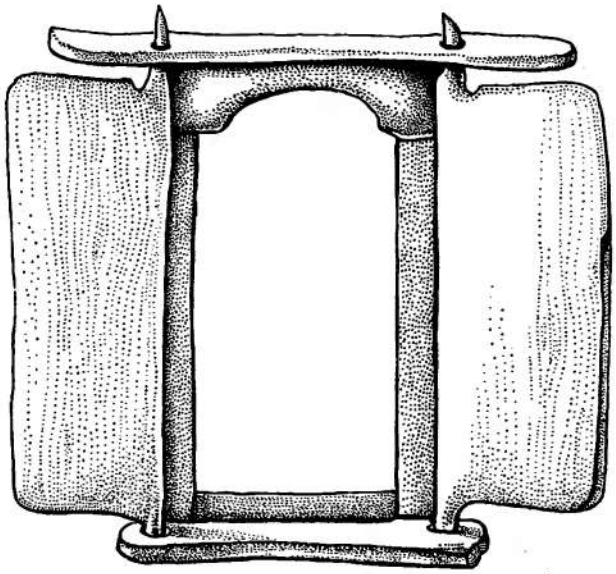
Плетение было обычно однорядным, но применялась и двурядная изгородь с засыпкой землей внутри. Такие дома строили преимущественно зажиточные слои населения, поскольку на их сооружение требовалось вдвое больше лесоматериала и затрат труда[22].

Дверные и оконные проемы в турлучном жилище делали самой простейшей формы, без коробок, оставляя

Рис. 23. Строительная техника

способ забивки щелей в срубном жилище. Сел. Джазлык. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*вверху*); стена жилища, сложенная в закладной технике. Село Красноалександровское. Краснодарский край. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*в центре*); кладка стен из обожженного кирпича. Сел. Лескен. СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г. (*внизу*)

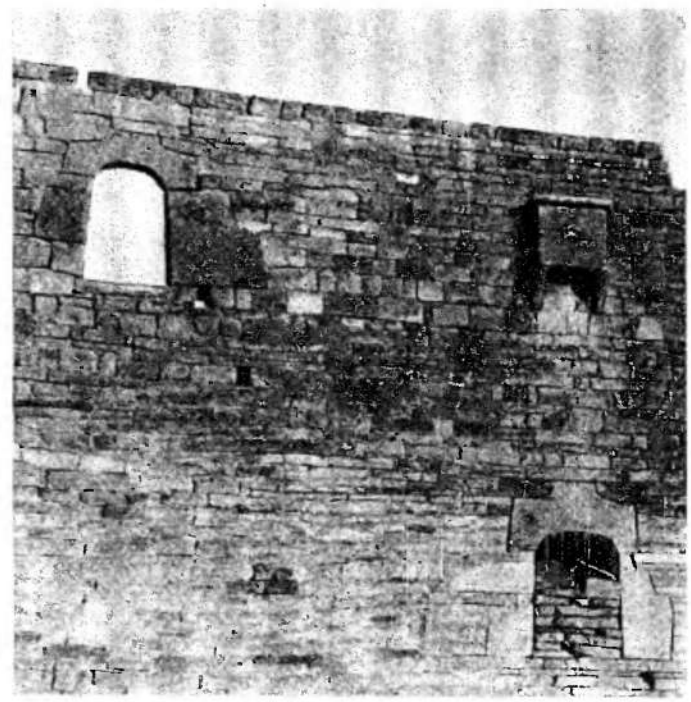

Рис. 24. Вид оконных проемов

окно со ставнями вместо рам в турлучном жилище начала XX в. (по А. Миллеру, *слева*); окно арочного типа в жилой башне (вид с внутренней стороны). Горная Ингушетия. Фото автора 1969 г. (*справа вверху*); арочное окно и навесная бойница-машикуль на фасаде жилой башни. Горная Чечня. Фото автора 1971 г. (*справа внизу*)

в плетении стен в соответствующем месте между кольями свободное пространство. На высоте немногим более 1,5 м и у земли эти колья, делавшиеся обычно значительно более толстыми, чем остальные, при помощи простейшей врубки соединяли поперечными перемычками. С каждого конца балки возле кольев выжигали по неглубокой лунке (гнезду), в которой вращались выступы (пяты) дверных створок. Аналогичным образом устраивали и немногочисленные крохотные окна величиной менее полуметра[23]. Окна были расположены чрезвычайно низко (соответственно росту взрослого мужчины, сидящего на топчане или низенькой горской скамье) и служили, по словам Н.Ф. Дубровина, "более для наблюдения за тем, что делается во дворе", нежели для освещения жилища[24]. Ни рам, ни тем более стекол в окнах до самого конца XIX в. не было. У богатых окна закрывали иногда бычьим пузырем, а более бедные попросту затыкали их тряпьем и пучками соломы. На ночь окна закрывали деревянными ставнями и так же, как и дверь, забивали специальными клиньями, отчего вечерами в селениях "поднимался всеобщий стук, знаменовавший собой окончание дневной деятельности"[25].

Почти в идентичных формах турлучное жилище было известно всем народам края, обитавшим на равнине. Об этом согласно свидетельствуют источники. "Закубанцы (т.е. адыги, адыгейцы. – *В.К.*) большей частью строят жилище турлучное, т.е. плетеное, обмазанное глиною, и только весьма немногие, обитающие в горах, по недостатку леса, имеют каменные здания, без всякой, однако ж, известковой связи", – сообщает автор середины XIX в.[26] Кабардинцы строят свои "сакли из плетня, покрытого соломой", – пишет И.П. Дельпоцо[27]. У равнинных чеченцев "турлучные дома, стены сплетены из хвороста, внутри и снаружи толсто обмазаны глиною", – замечает Норденстамм[28]. "Дома жителей равнин (речь идет о селениях равнинной части Северной Осетии. – *В.К.*) похожи на казачьи станицы; это бедные избушки, построенные из глины, покрытые известью и с соломен-

Рис. 25. Виды дверных проемов

вход во двор жилого комплекса укрепленного типа (галуан). С фотографии 1930-х годов. Северная Осетия. ГМЭ, колл. 5711, № 43, 45 (*слева и справа вверху*); вход в хадзар. Сел. Даргавс. Северная Осетия. ГМЭ, колл. 5711, № 108 (*слева в центре*); входная дверь в жилище традиционного типа. ГМЭ, колл. 5711, № 44 (*слева внизу*); дверь в срубном жилище XIX в. Сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*справа внизу*)

ными крышами (сакли)", – вторит им. Е. Зичи, посетивший Северный Кавказ в конце XIX в.[29]

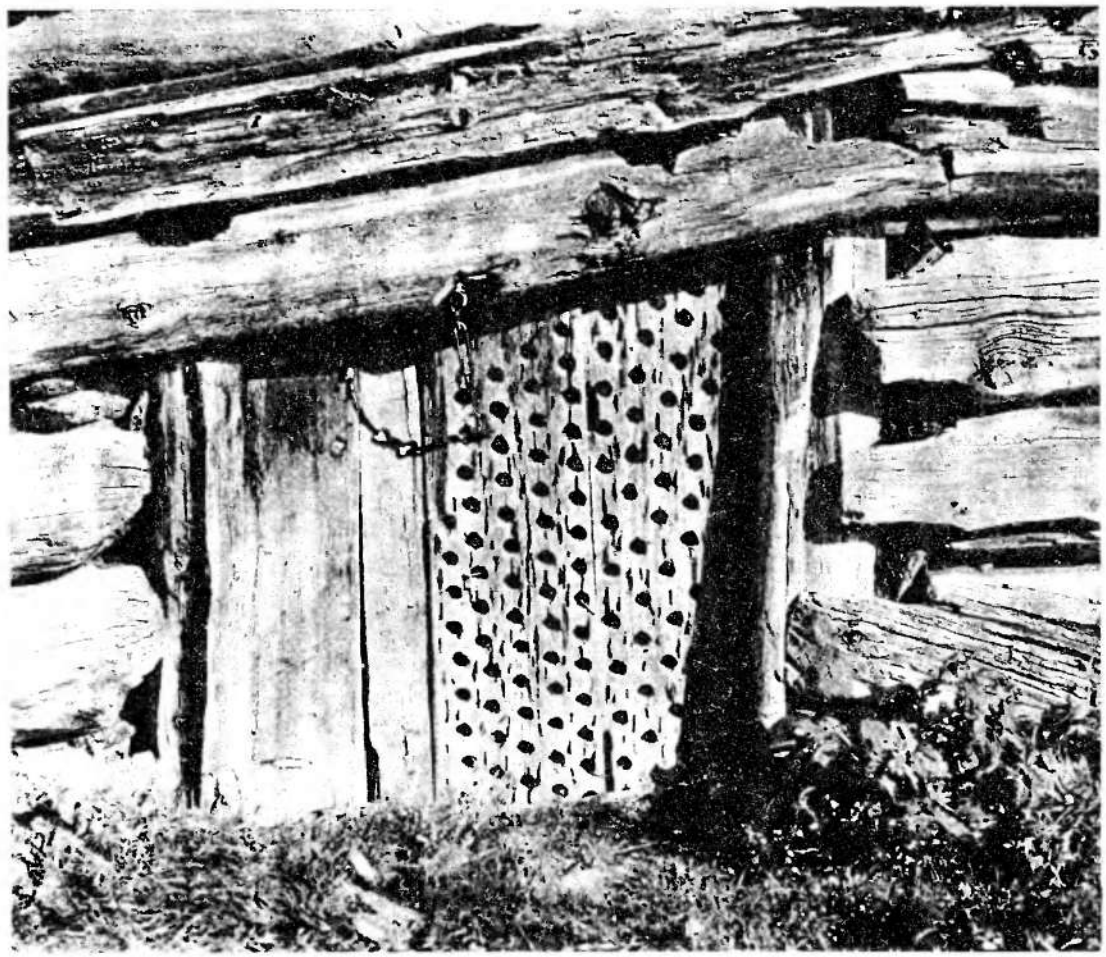
Наряду с этим по крайней мере в первой половине XIX в. в равнинных районах края бытовало, по-видимому, также жилище, стены которого были сплетены не из хвороста, и из пучков и связок камыша и соломы. Об этом можно заключить из замечания Бековича-Черкасского о кабардинцах, что они проводят "свой век в хижинах из тростника и соломы"[30]. Если обратиться к материалам более раннего времени, то подобные упоминания можно без труда умножить. Вероятно, использование этих облегченных материалов было обусловлено большой подвижностью быта некоторых адыгских племен, вызванной внешней опасностью в период до вхождения их в состав России.

Имеется единичное известие конца 1720-х годов о том, что кабардинцы жили в домах, сложенных из каких-то "сушеных глиняных глыб"[31], в которых скорее всего следует видеть глинобитное жилище, выстроенное в "пахсовой технике", характерной для среднеазиатского жилищного строительства. На Северном Кавказе этот строительный прием мог сохраниться от времени существования золотоордынских городов, таких, как, например, Татартуп, Маджары и др., в строительстве которых принимали участие среднеазиатские мастера[32]. В пользу этого говорит их местоположение по соседству с Кабардой. Считать, что "сушеные глыбы" – это саманный кирпич, оснований гораздо меньше, источники второй половины XIX в., когда этот строительный материал начал входить в строительную практику, обычно связывают его появление с влиянием русской домостроительной культуры. "Жилища ингушей, – писал Н.Ф. Грабовский, автор середины 1870-х годов, – также начинают изменять свою внешность: вместо жалких турлучных лачуг, называемых саклями... можно увидеть рубленные из дерева или сложенные из саманного кирпича дома с черепичными крышами, окнами и дверьми на русский манер"[33]. К такому же выводу склоняются и современные исследователи: "Появление саманных домов, видимо, связано с усилением русского влияния", – пишет Г.Х. Мамбетов[34]. Сходное заключение можно вывести и из сопоставления статистических архивных данных. Например, в 1890 г. у русского населения, жившего в Кабарде, из общего числа 1767 домов 841 дом был выстроен из саманного кирпича (более 47,5%), тогда как у коренного населения – кабардинцев на 7404 дома насчитывалось лишь 677 таких домов (9,1%), а их соседям-балкарцам жилище из саманного кирпича вообще не было известно[35].

Русское влияние проявилось также в широком распространении срубного жилища, прежде не характерного для равнинных районов края. В качестве примера можно указать на Большую Кабарду, где в 1890 г. только в шести селениях из общего числа 1332 дома 827 домов

Рис. 26. Молотильная доска, используемая в качестве дверной створки

Сел. Дуут. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.

были деревянными[36]. "Особенно много их (деревянных срубных домов. – *В.К.*), – пишет Г.Х. Мамбетов, – в селениях Лафишево (181 дом из 183), Куденетово (228 домов из 248), Среднем Урухе (65 домов из 69), Догужоково (153 дома из 173). В других же 15 кабардинских селениях, по которым мы располагаем данными, их было значительно меньше: на 4682 двора всего 94 дома, а в селениях Иналово, Кармово, Тыжево, Мисостово, Бабуково, Тохтамышево не было ни одного деревянного дома"[37].

Столь же разнообразным по строительному материалу становится в рассматриваемое время жилище и в других районах края. Н.К. Зейдлиц, побывавший в середине 1890-х годов у чеченцев Харачоевского общества, писал, что их сакли выстроены из "дерева, плетенок или саманного кирпича"[38]. В Черкесии и Адыгее новые веяния получили отражение не столько во внедрении новых материалов, сколько в изменении техники строительства турлучного жилища, которое стали возводить на фундаменте и каркасной основе. Так, например, в Хакуринохабле, одном из крупнейших адыгейских аулов в Закубанье, в 1897 г. насчитывалось 519 турлучных и всего 10 деревянных и 1 кирпичный дом[39]. Е.Н. Студенецкая, изучавшая хранившиеся в архивах описи имущества тех лет, пишет: "Не всегда в описях указан материал (жилища. – *В.К.*), но почти во всех случаях, где указания имеются, значатся турлучные дома и лишь один раз упоминается деревянный дом". Однако в отличие от предшествующего периода "турлучные дома, – добавляет она, – вероятно, разнятся по способам постройки. Описи различают понятия "сакля" и "дом". Под первым, по-видимому, понималось традиционное жилище с земляным полом, без потолка, а под вторым – жилище, приближающееся к русскому"[40].

На рубеже XIX–XX вв. появляются дома, сложенные из обожженного кирпича: "У богачей кирпичные дома, крытые железом и черепицей, с голландскими печами, с кухней и плитой", – замечает М. Гарданов об осетинском селении Христиановском[41]. Строительство жилища из обожженного кирпича на первых порах было по средствам только верхам местного населения. Об этом можно судить, например, по тем же имущественным описям: в 34 описях, выявленных Е.Н. Студенецкой, жилище из обожженного кирпича упоминается всего один раз – у князя Базруко Болотокова из аула Хатажукай (Адыгея). При этом следует отметить, что Болотоков "был не только князем, но и собственником газомоторной мельницы и кузницы", на которых работали наемные рабочие[42]. В Кабарде у узденя 1-й степени Астемирова, владевшего селом, носившем его имя, в кирпичном доме, крытом железом, насчитывалось 9 комнат общей площадью 247 кв. м.[43]

Высокая стоимость новых стройматериалов породила комбинированное жилище, в котором сочетались, с одной стороны, обожженный и саманный кирпич, а с другой – саманный кирпич, турлук, дерево и даже камень. В первом случае из обожженного кирпича возводили обычно лицевую стену, выходившую на улицу, а из саманного кирпича сооружали остальные три внешние и все внутренние стены. Раньше всего подобные дома появились в Осетии, в районах, прилегающих к Владикавказу и Военно-Грузинской дороге. Во втором случае вместо обожженного кирпича использовали саманный кирпич либо дерево. Число таких домов было довольно значительным. Например, в 22 селениях Большой Кабарды из общего числа 7404 домов 2419 домов (32,6%) было выстроено из смешанных материалов[44].

Новые материалы и новые технические приемы до революции получили распространение главным образом на равнине и в предгорных районах, в горах же основным строительным материалом в течение всего XIX в. оставался камень. При этом техника кладки в XIX в. по сравнению с более отдаленным временем в известной мере даже деградировала. Это с очевидностью следует из сопоставления древних фортификационных и культовых сооружений (башен, склепов, святилищ) с жилищем позднейшей поры. Первые из них сложены, как правило, на извести, из хорошо отесанных каменных блоков, в то время как вторые выстроены из необработанных камней без какого-либо связующего раствора. Утрачена была в XIX в. и техника штукатурки зданий, и только в отдельных случаях сохранилась традиция побелки стен белой глиной вокруг дверных и оконных проемов. "В высоких горах дома сложены из камня, не связанного ни известковым раствором, ни глиной; камни просто положены друг на друга, а промежутки между ними заложены землей и мхом... Тем не менее эти стены прочны и стоят в течение многих поколений", – пишет Ю. Клапрот о жилище осетин[45]. В другом месте, упоминая о сел. Даллагкау (Багирикау, или Нижний Чим) в Дарьяльском ущелье, этот же автор сообщает: "Даллагкау плохо построен и состоит всего из 20 каменных хижин, стены которых сделаны из неотесанных камней и валунов, не скрепленных никаким известковым раствором. Щели между камнями заделаны землей или навозом"[46]. Точно так же выглядели каменные дома и в других горных районах, с той лишь разницей, что там, где имелась возможность, передние стены домов устраивали иногда из дерева или плетня, обмазанного глиной: выстроить деревянные стены было намного легче, к тому же жилище с добавлением деревянных конструкций было суше и теплее каменного.

Подобно срубному жилищу, каменные дома середины XIX в. обычно не имели окон. "В саклях своих горцы не имели обыкновения делать окна, – писал в конце 90-х годов XIX в. о балкарцах Е. Баранов, – их заменяют одна-два небольших отверстия в стене, без рам и стекол, через которые свет в саклю проникает очень скудно; у большинства же горцев единственным проводником света в саклю являются очаговые трубы и двери, которые в течение целого дня почти не закрываются"[47]. Но уже в начале XX в., описывая быт тех же балкарцев, М.А. Караулов указывает, что у них в каждой комнате одно-два окна, преимущественно с рамами и стеклами[48] (рис. 24).

В первые годы Советской власти основным строительным материалом на равнине, как и прежде, оставался турлук, а в горах – необработанный камень. Из строительной практики почти исчезли обожженный кирпич и пиломатериалы – сказывались последствия гражданской войны и хозяйничания интервентов. К тому же начавшийся массовый процесс переселения горцев на равнину привел к появлению домов-времянок простейшего типа, выстроенных из подручных материалов[49]. Так, по данным специальной комиссии Особлздравотдела, в 1924 г. 70% домов во вновь образованных переселенческих селениях Северной Осетии представляли собой "плетеные едва обмазанные примитивные постройки", 8% – землянки, 5% – шалаши и только 17% – деревянные, саманные и кирпичные более или менее благоустроенные дома.

Средняя общая стоимость всех построек крестьянского двора, по оценке комиссии, составляла около 70 руб. (по курсу того времени) и, как говорится в документе, была "не дороже двух пар сапог среднего качества"[50].

Положение улучшается лишь во второй половине 1920-х годов, когда крестьянское хозяйство и индустриальная база страны значительно окрепли и стабилизировались. В эти годы вновь возрождается производство и продажа населению пиломатериалов, кирпича, черепицы, скобяных изделий, а вместе с этим и строительство деревянных и кирпичных домов[51].

Существенные изменения в сельском жилищном строительстве начинаются с 1930-х годов, после осуществления коллективизации, когда в строительную практику повсеместно входит саманный кирпич, вытесняющий в большинстве равнинных районов все другие виды строительных материалов. Турлук остался преобладающим строительным материалом только на северо-западе края, в Адыгее, да в лесистых предгорьях и примыкающих к ним равнинных районах Чечни.

В распространении саманного строительства большую роль сыграли организационные мероприятия Советской власти, а также помощь, которую стали оказывать колхозы и совхозы членам своих сельхозартелей. Издаются постановления и рекомендации по упорядочению индивидуальной застройки в селениях края, оптимальному использованию местных строительных материалов, улучшению конструкции жилища, техники постройки и т.п. Тогда же были разработаны первые типовые проекты жилых домов с использованием каркасной конструкции и новых тепло-изоляционных материалов из спрессованной стружки и опилок в качестве заполнителей.

Начавшаяся война на время затормозила процесс перестройки сельского жилища края, но наметившаяся тенденция сохранилась и получила дальнейшее развитие в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда в сельских районах Северного Кавказа вновь развернулось жилищное строительство. В послевоенный период происходит окончательное вытеснение турлука как строительного материала на большей части территории края, его повсеместно сменяют саманный, а затем (с середины 1960-х годов) обожженный кирпич. Дерево с элементами турлучной техники оставалось преобладающим строительным материалом лишь в Карачае, горной Ингушетии, отчасти в Адыгее и кое-где в Чечне. Сама техника строительства деревянно-турлучных жилищ претерпела коренные изменения.

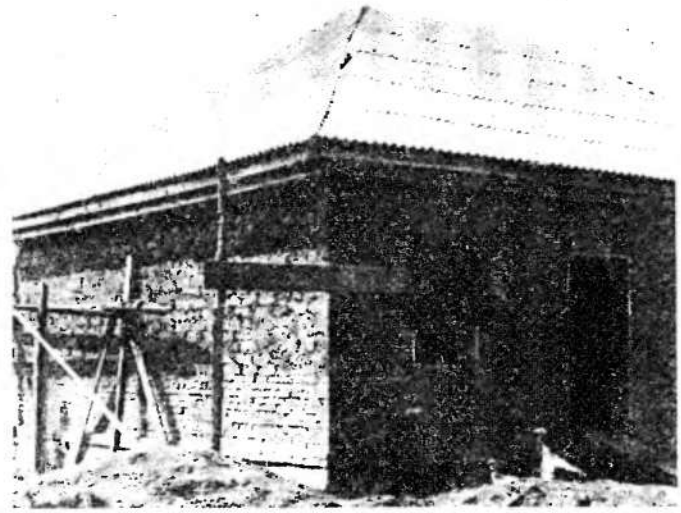
В настоящее время деревянно-турлучное жилище строится двояким способом: либо в виде сруба, сложенного из тонких жердей, с последующей обрешеткой прутьями и обмазкой с обеих сторон, либо в виде каркасно-столбовой конструкции. При строительстве каркасного жилища на фундамент укладывают продольные лежни, соединенные наподобие венца. В углы венца врубают стояки, верхние концы которых снова скрепляют венцом из брусьев. После этого всю конструкцию укрепляют откосами и зашивают снаружи и внутри досками, горбылем или оплетают прутьями. Поверх обшивки набивают обрешетку, которую затем обмазывают глиной или заштукатуривают цементом. Когда появились литые бетонные фундаменты, стойки вместо врубки в лежни нижнего венца стали монтировать прямо в цоколь жилища.

В послевоенные годы значительное распространение получили также дома, выстроенные из обожженного и

Рис. 27. Материал стен и строительная техника

турлучный дом в стадии строительства. Сел. Асоколай. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1961 г. (*вверху*); строительство жилища из саманного кирпича. Аул Шовгеновский. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1960 г. (*в центре*); строительство жилища из обожженного кирпича. Сел. Плиево ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г. (*внизу*)

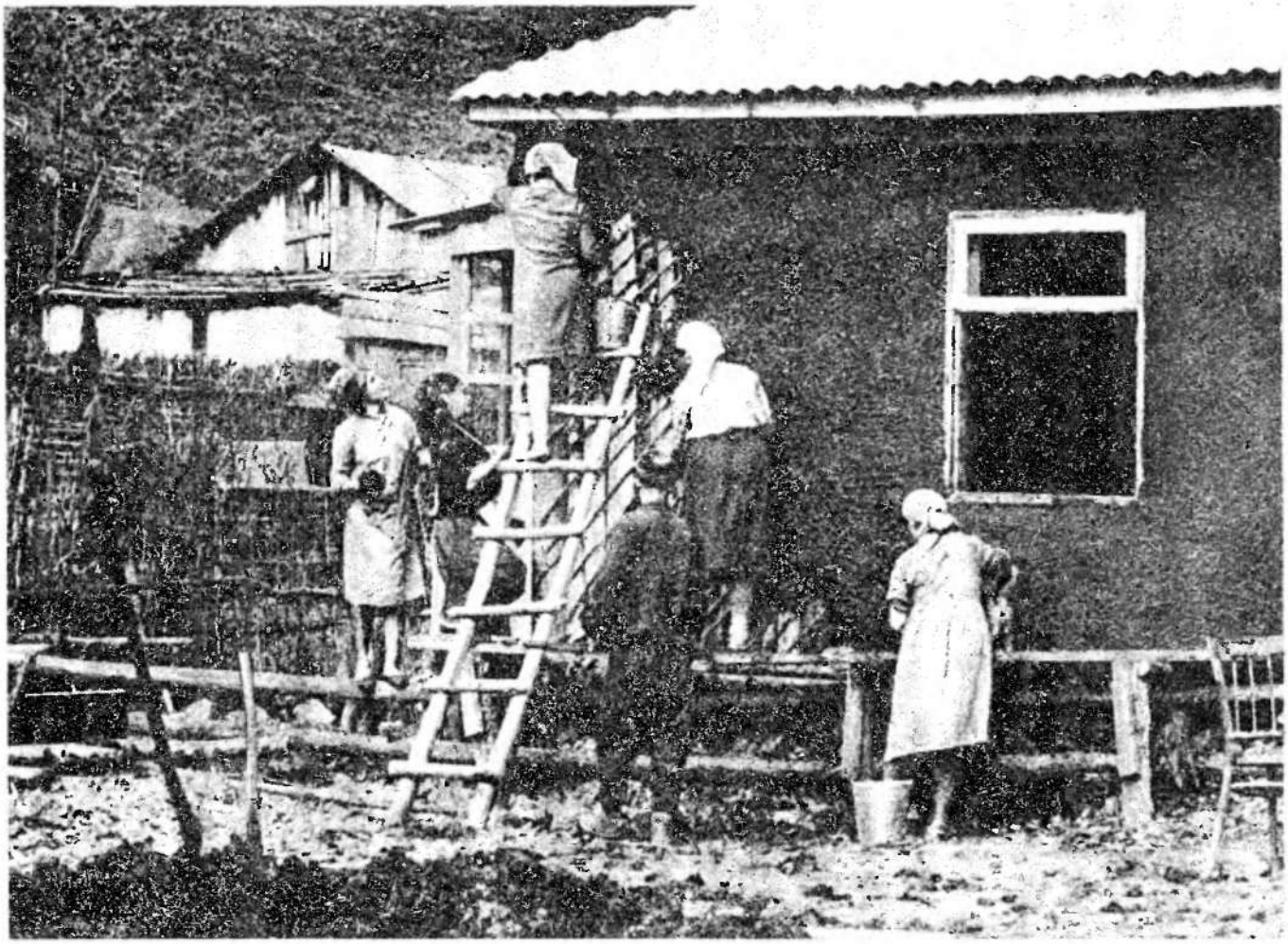
саманного кирпича. Из обожженного кирпича выкладывают обыкновенно лицевую сторону жилища, обращенную к улице, а из саманного – три остальные наружные и все внутренние стены[52]. В других случаях из обожженного кирпича выкладывают угол дома, отводимый под веранду, а собственно жилище возводят из саманного кирпича, считая, что он лучше сохраняет тепло. Кладку из обожженного и саманного кирпича выводят обычно толщиной в два кирпича, на веранде, в хозяйственных и подсобных помещениях – преимущественно в один кирпич, в этом случае через равные промежутки стены укрепляют столбами-контрфорсами в два ряда кирпича. Стены из саманного кирпича выкладывают на глиняном растворе с добавлением навоза, из обожженного кирпича – на цементном. Стены из саманного кирпича в последние годы снаружи штукатурят цементным раствором по проволочной алюминиевой сетке, прибиваемой к стене железными гвоздями. Стены из обожженного кирпича штукатурят исключительно с внутренней стороны.

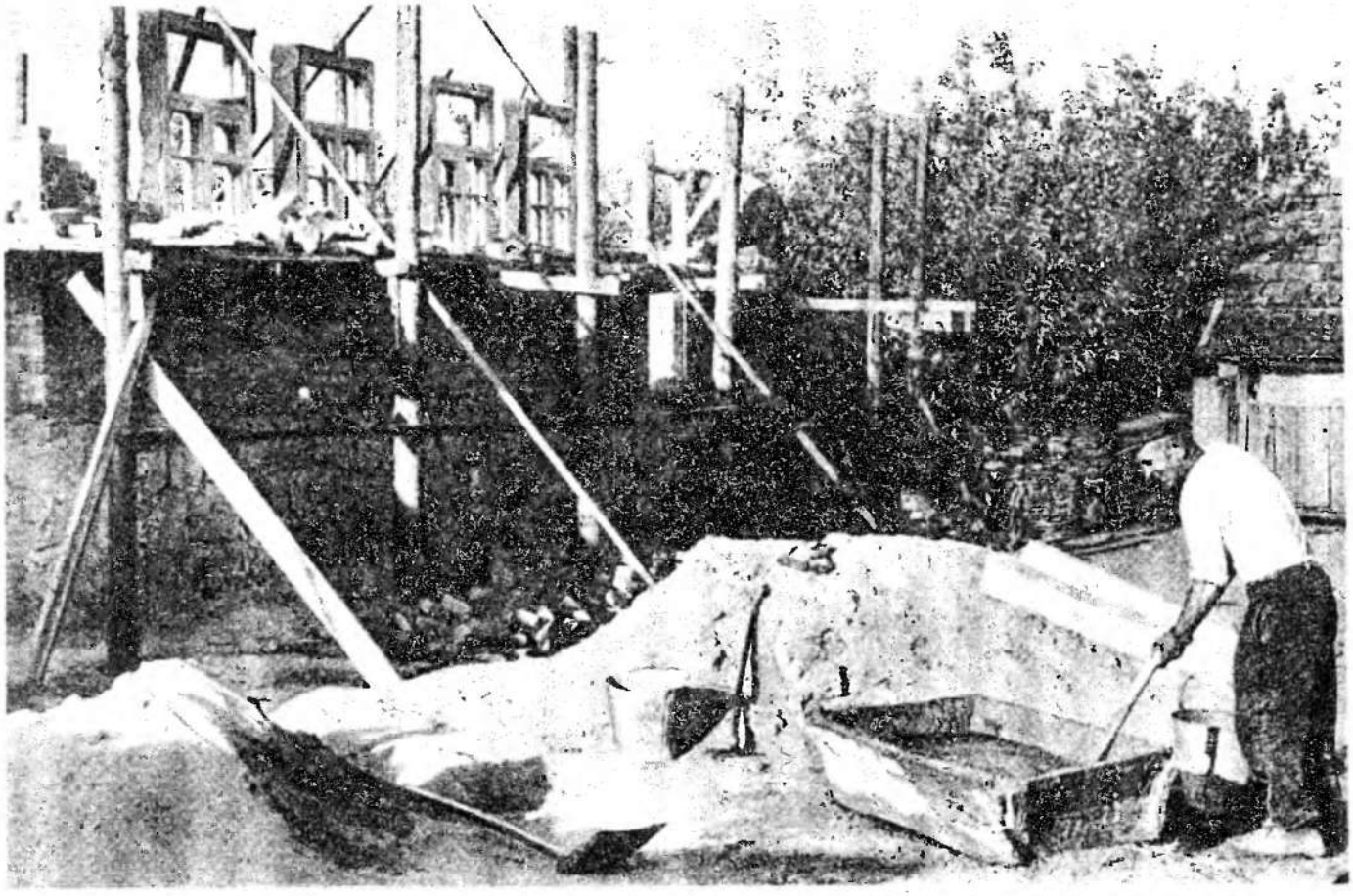

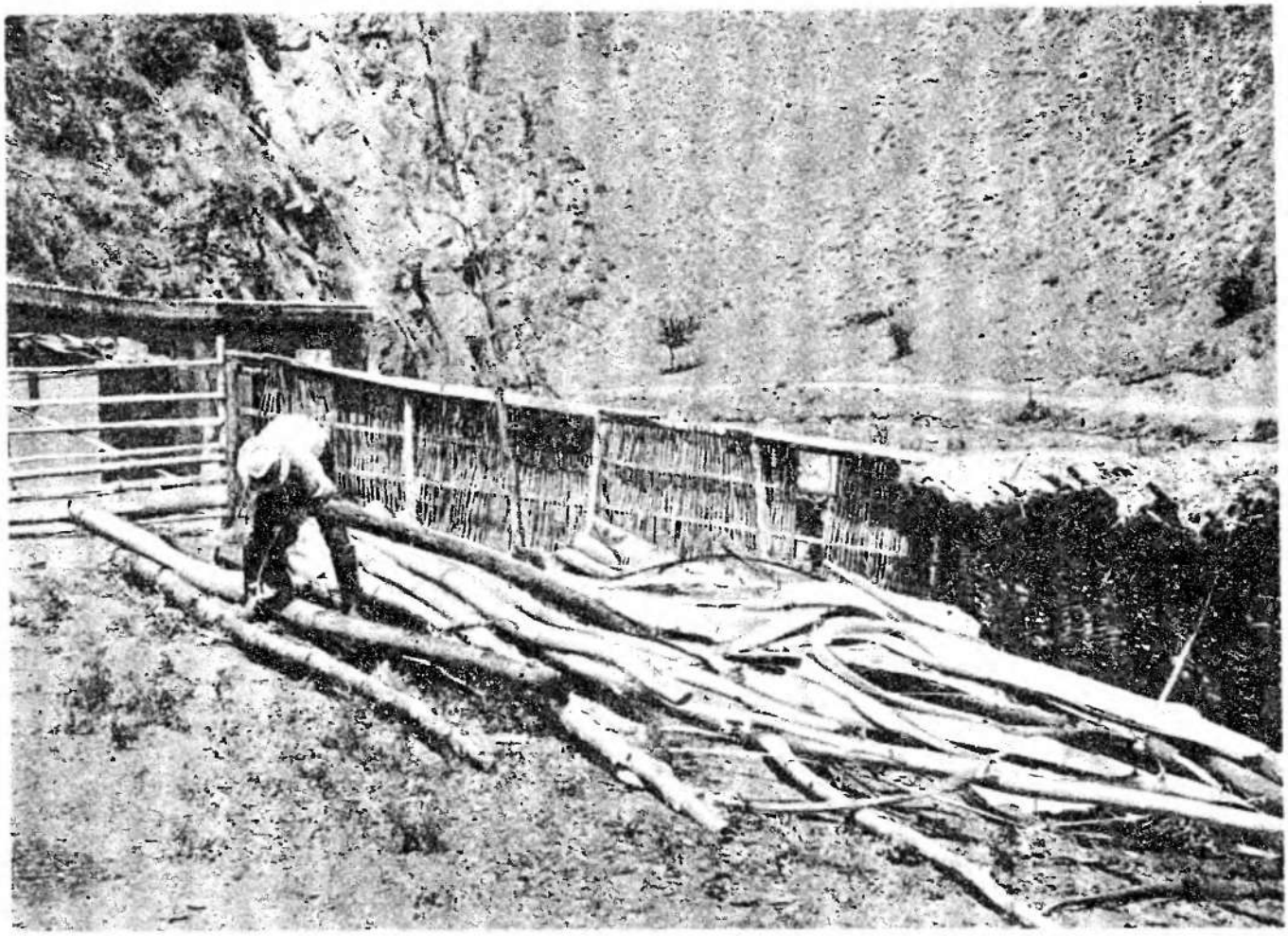

Рис. 28. Стеновой материал и строительная техника

сушка саманного кирпича. Аул Шовгеновский. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1961 г. (*слева вверху*); строительство жилища из саманного кирпича. Сел. Учкекен. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1969 г. (*слева в центре*); взаимопомощь при обмазке стен турлучного жилища. Сел. Ольгете ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*слева внизу*); строительство жилища из обожженного кирпича. Сел. Заюково КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г. (*справа вверху*); заготовка древесного материала для турлучного жилища. Ошкуривание бревен. Сел. Алкун ЧИАССР. Фото автора 1971 г. (*справа внизу*)

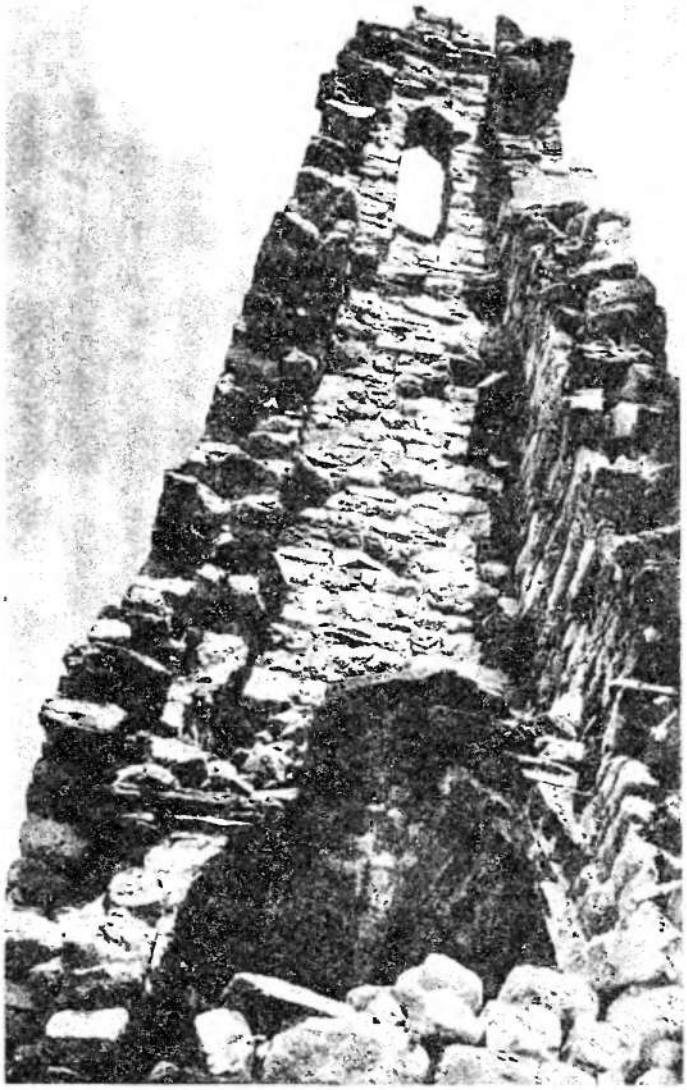

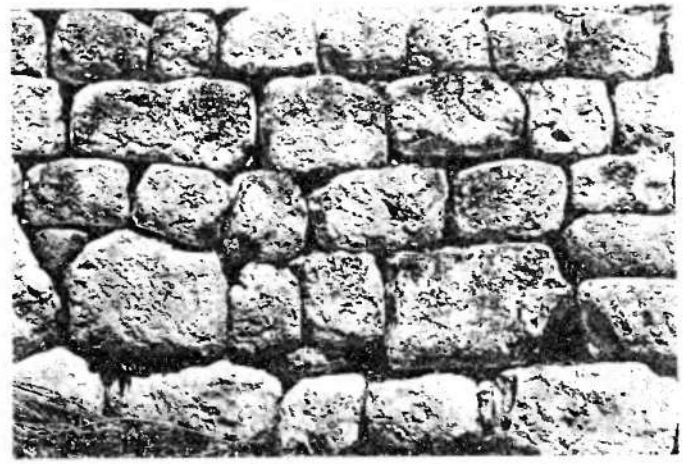

Рис. 29. Строительный материал и строительная техника

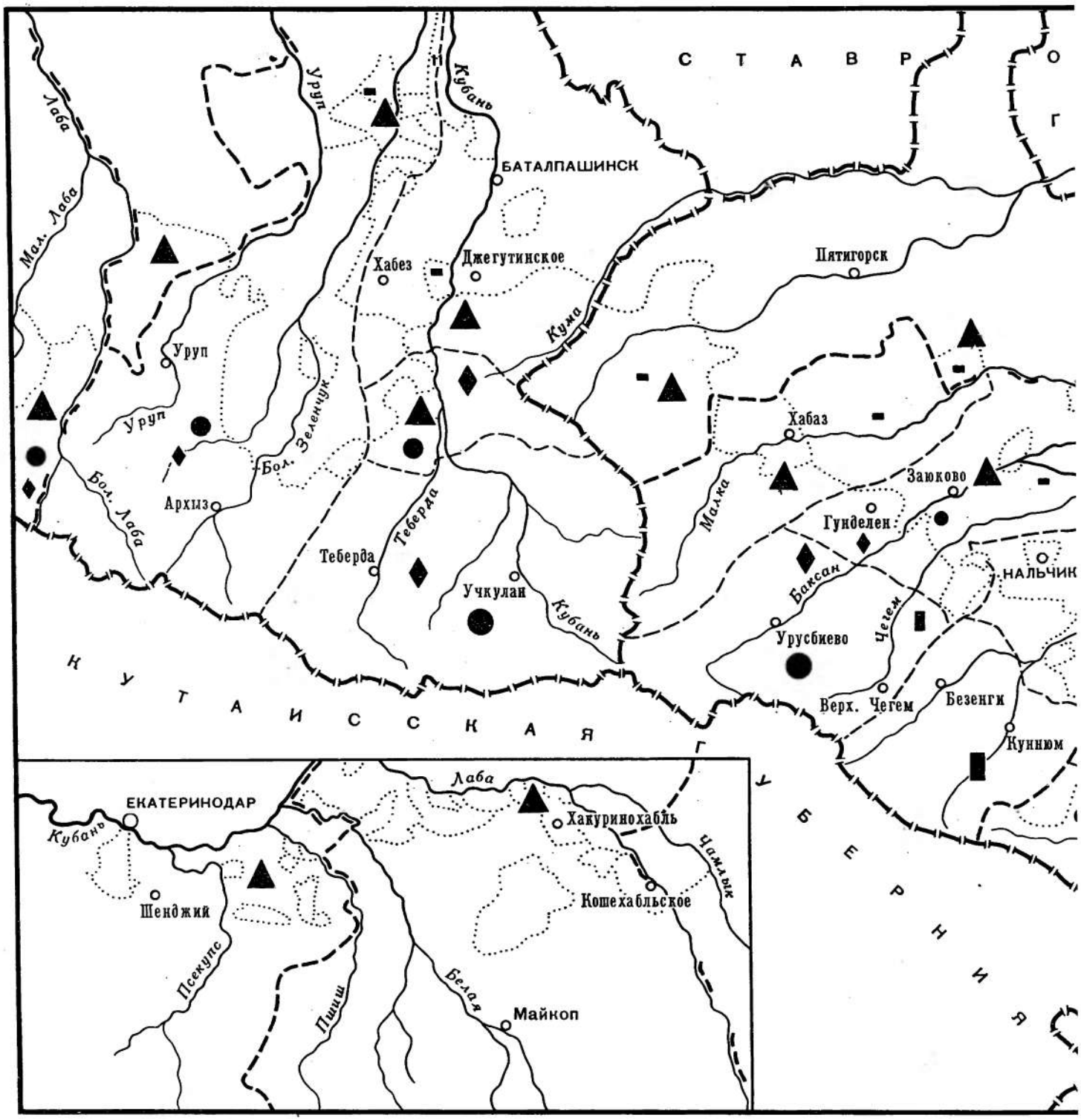
слева – характер каменной кладки в разломе боевой башни. Сел. Евлой ЧИАССР. Фото автора 1970 г.; перевязка углов жилой башни. Сел. Хой ЧИАССР. Фото автора 1969 г.; *справа сверху вниз* – виды кладки. Сел. Терти; сел. Итыр-кале; сел. Карт; сел. Хоназ. Чечено-Ингушская АССР. Северо-Осетинская АССР. Фото автора 1971 г.

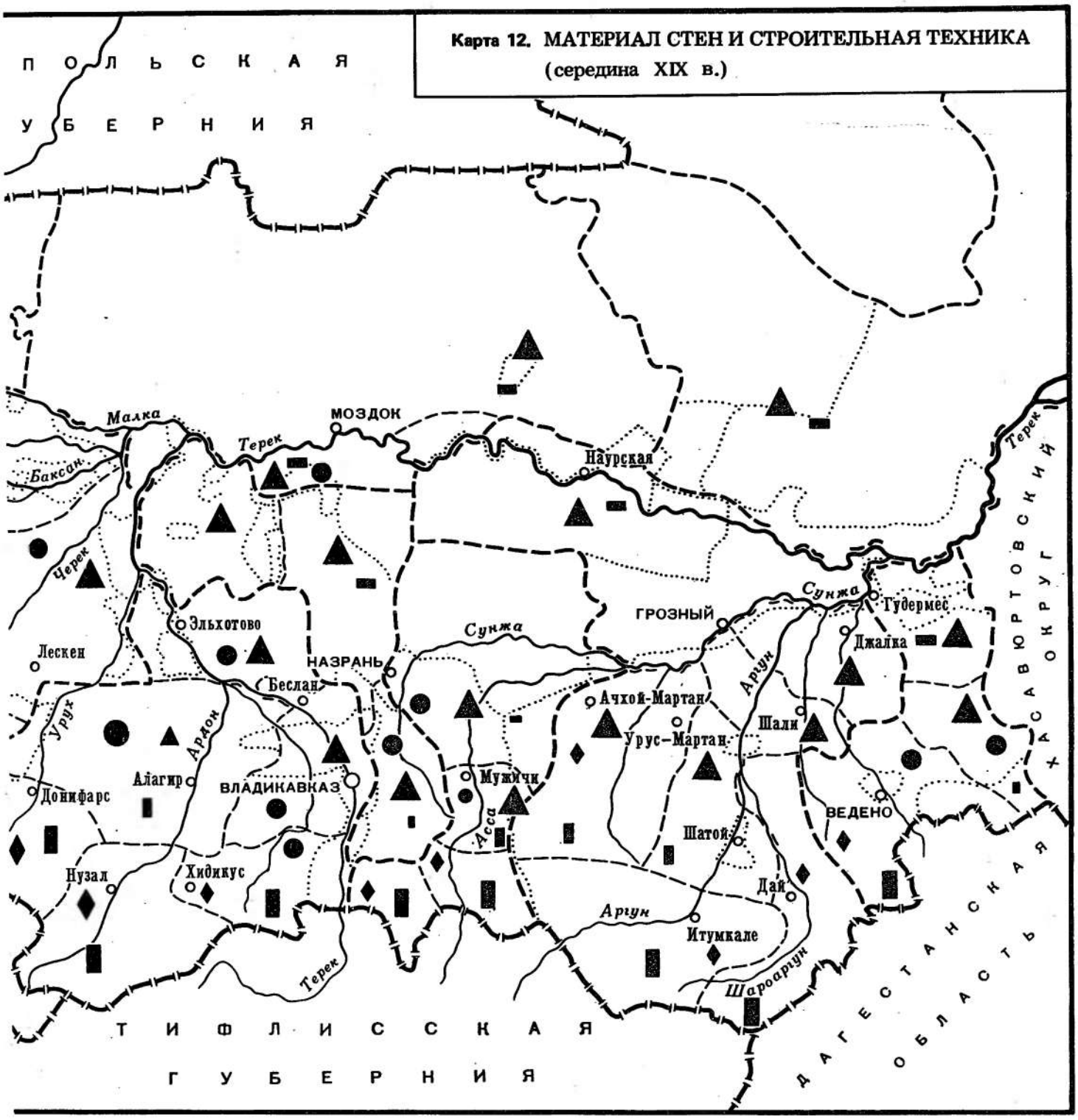

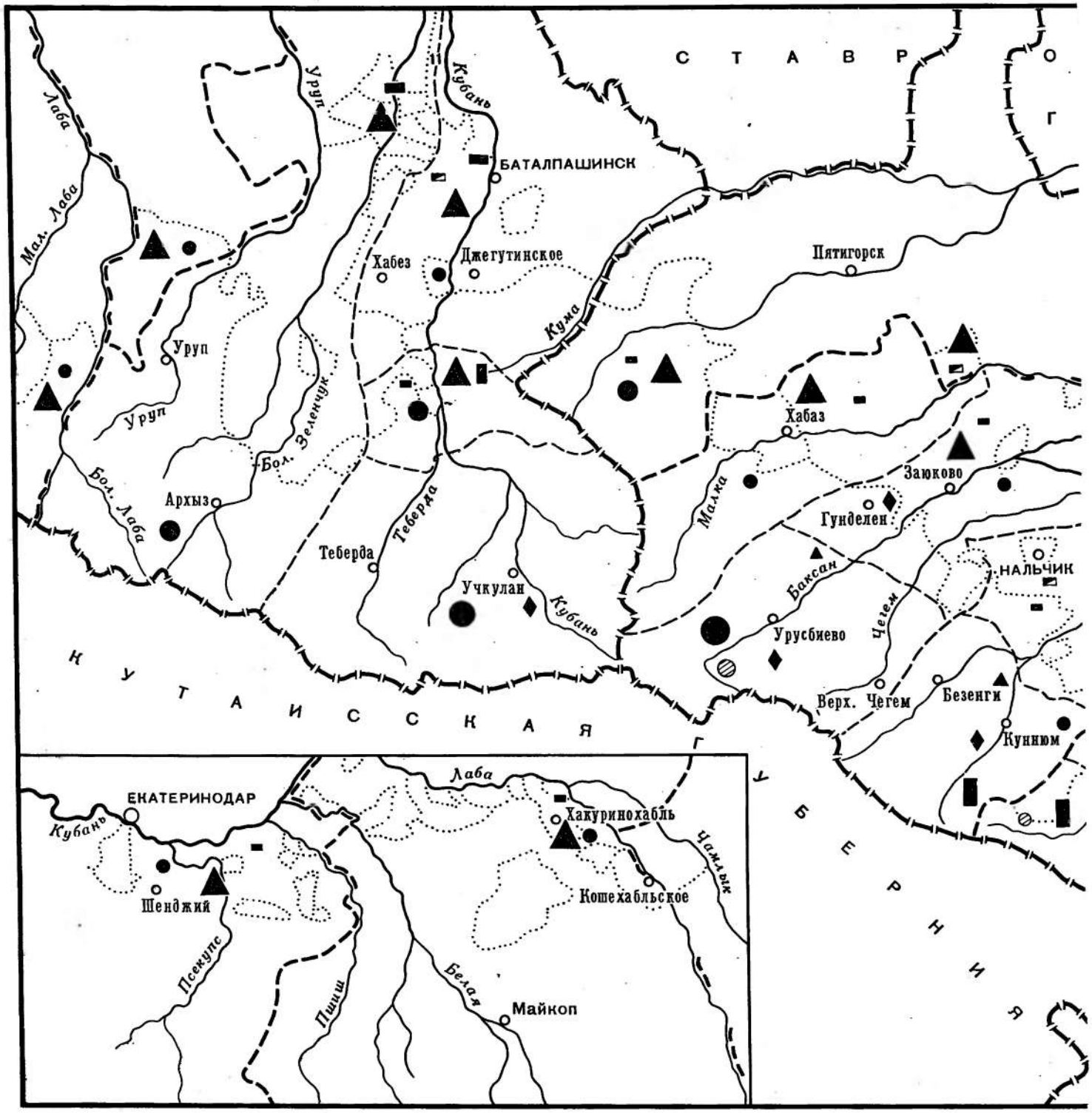

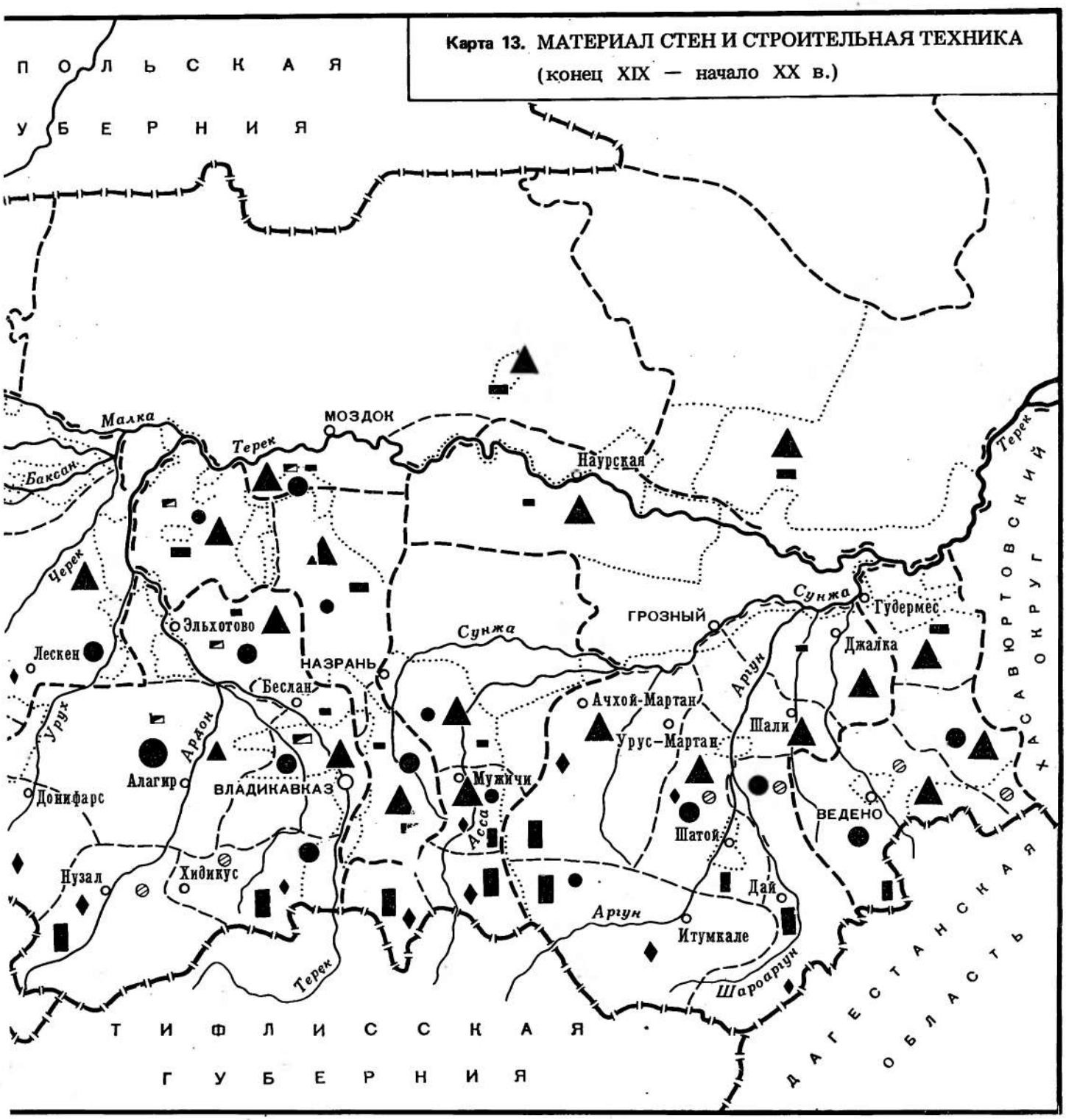
В послевоенные годы обожженный и саманный кирпич проник и в горные районы, оттеснив в ряде случаев на второй план традиционный для этих мест камень, из которого в настоящее время новые дома строят редко. Наряду с этим в горах сохраняется деревянное срубное и каркасно-турлучное жилище указанного выше типа.

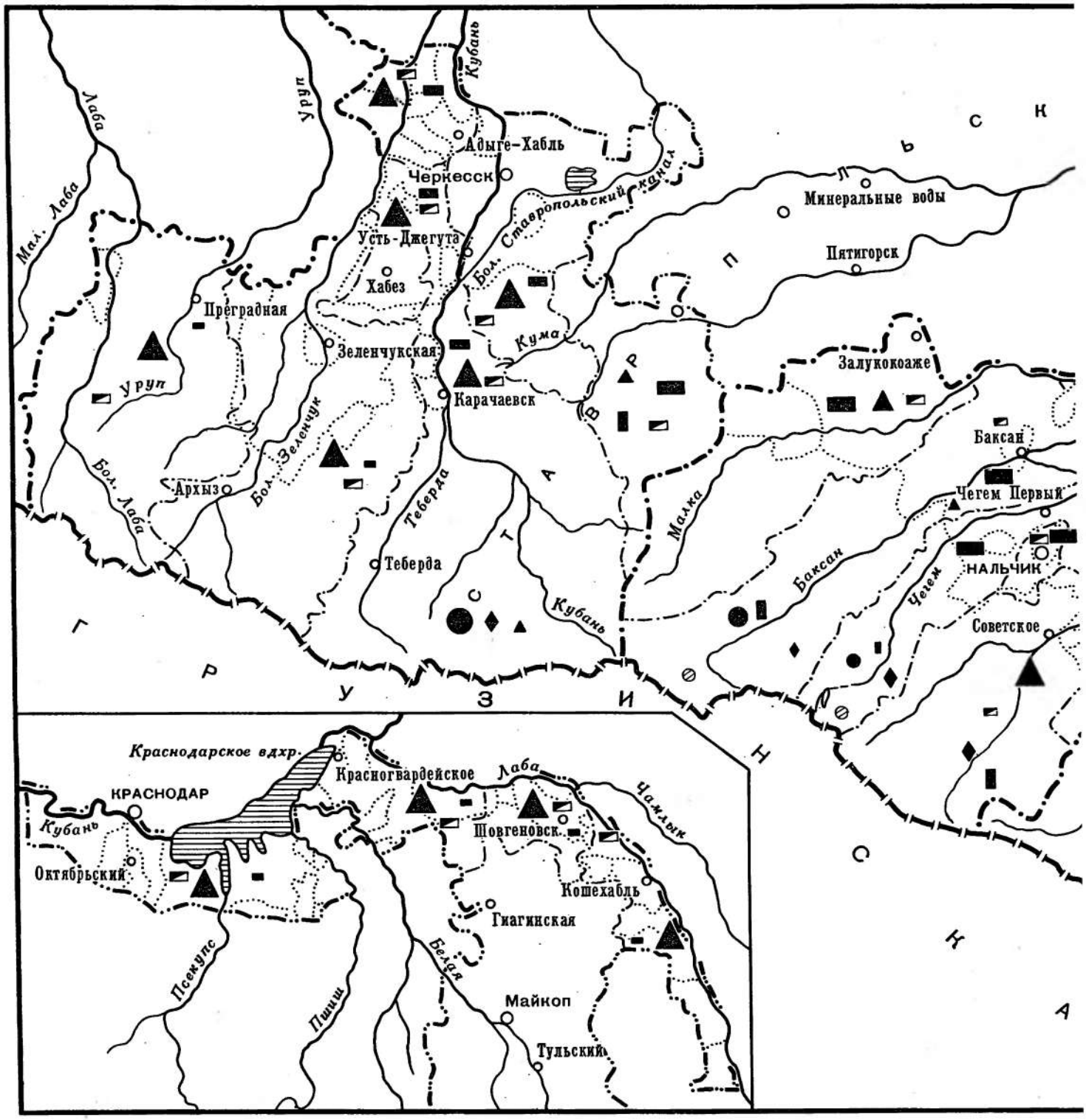
[1] *Талицкий Н.Е.* Очерки Карачая. – СМОМПК, Тифлис, 1909, вып. 40, с. 34.
[2] *Белоконский И.П.* На высотах Кавказа. М., 1906, с. 34, прим. 1.
[3] *Максимов П.* Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, 1931, с. 165.
[4] *Динник Н.Я.* Путешествие по Дигории. – ЗКОРГО, Тифлис, 1890, кн. 14, вып. 1, с. 33.
[5] Там же, с. 13.
[6] *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. – ОГРИП, с. 170.
[7] *Ган К.Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. 38, с. 30.
[8] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, с. 272.
[9] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 119.
[10] *Гегечкори Г.Г.* Жилище типа *цIа* в ущелье реки Армхи. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, т. 2, с. 252.
[11] В одном предании, записанном нами в 1971 г. от пастухов, уроженцев сел. Акки, говорится о сожжении аула Шинджи в окрестностях сел. Итум-кале (верховья р. Чанты-Аргуна), откуда следует, что жилище в какую-то отдаленную пору в этих местах было деревянным (АИЭ, ф. 8, ед.хр. 24, № 3750, л. 31 об., 32).
[12] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 170.
[13] Там же, с. 149.
[14] Там же, с. 117.
[15] Там же, с. 118.
[16] *Штедер.* Дневник..., с. 52.
[17] *Иванов М.А.* В горах между реками Фортангой и Аргуном. – ИКОРГО, Тифлис, 1904, кн. XVIII, вып. 1, с. 50.
[18] *Зейдлиц Н.К.* Поездка в Чечню. – ИКОРГО, Тифлис, 1894, кн. II, с. 154.
[19] *Гегечкори Г.Г.* Жилище..., с. 252.
[20] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик, 1971, с. 157.
[21] *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, 1914, т. 2.
[22] АИЭ. Полевые материалы 1962 г. Информатор Хандоков Хакиш. Сел. Баксан, тетр. 1, л. 15 об.
[23] *В.Н.Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Новое обозрение, 1896, № 4216.
[24] *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге). – В кн.: Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927, вып. 1, с. 5.
[25] Там же, с. 6.
[26] АКАК, Тифлис, 1878, т. VII, с. 905.
[27] *Дельпоцо И.П.* Описание кабардинцев. – Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1957, т. 13, с. 382.
[28] МИЧИД, т. 3, вып. 1, с. 317.
[29] ОГРИП, с. 294.
[30] АКАК, т. VII, с. 872.
[31] *Гербер И.Г.* Известия..., с. 22, 23.
[32] *Городцов В.А.* Дневник археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. – Труды XIV археологического съезда. М., 1911, т. III, с. 102.
[33] *Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. – ССКГ, Тифлис, 1870, вып. III; *Он же.* Ингуши (их жизнь и обычаи). – ССКГ, Тифлис, 1876, вып. IX, с. 33.
[34] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 153.
[35] Подсчет произведен по материалам, приведенным в работе Г.Х. Мамбетова (Там же, с. 154).
[36] Там же, с. 152.
[37] Там же.
[38] *Зейдлиц Н.К.* Поездка в Чечню, с. 154.
[39] Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л.: Наука, 1964, с. 32.
[40] *Студенецкая Е.Н.* Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа. – В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1971, вып. 1, с. 76.
[41] *Гарданов М.* Селение Христиановское в фактах жизни. – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 1, с. 185.
[42] *Студенецкая Е.Н.* Архивные документы..., с. 76.
[43] ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 414, л. 15.
[44] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 153, 154.
[45] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 170.
[46] Там же, с. 118.
[47] *Баранов Е.* Очерк из жизни горских татар Кабарды. – ТВ, 1894, 2 дек.
[48] *Караулов Н.А.* Болкары на Кавказе. – СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38, с. 137.
[49] Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968, с. 114.
[50] ЦГА СОАССР, ф. 707, оп. 1, д. 36, л. 1, 2.
[51] Например, в сел. Псыгансу в Кабардино-Балкарии в 1927 г. из 589 домохозяйств 15 имели дома, выстроенные из обожженного кирпича, 1 – из досок и 50 – из саманного кирпича; остальные имели турлучные стены (ЦГА КБАССР, ф. Р6, оп. 1, д. 398, л. 7–17).
[52] *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского колхозного села. – Научный архив СОНИИ, П–40, № 117.

С Т А В Р О П О Л Ь С К И Й К Р А Й
К У Т А И С С К А Я Г У Б Е Р Н И Я
Мал. Лаба
Бол. Лаба
Урупп
Кубань
Уруп
Бол. Зеленчук
Теберда
Малка
Кума
Баксан
Чегем
Чамлык
Псекупс
Пшиш
Белая
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Архыз
Теберда
Учкулан
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Турлук (плетень, обмазанный глиной)
Дерево (в срубной и закладной технике)
Камень

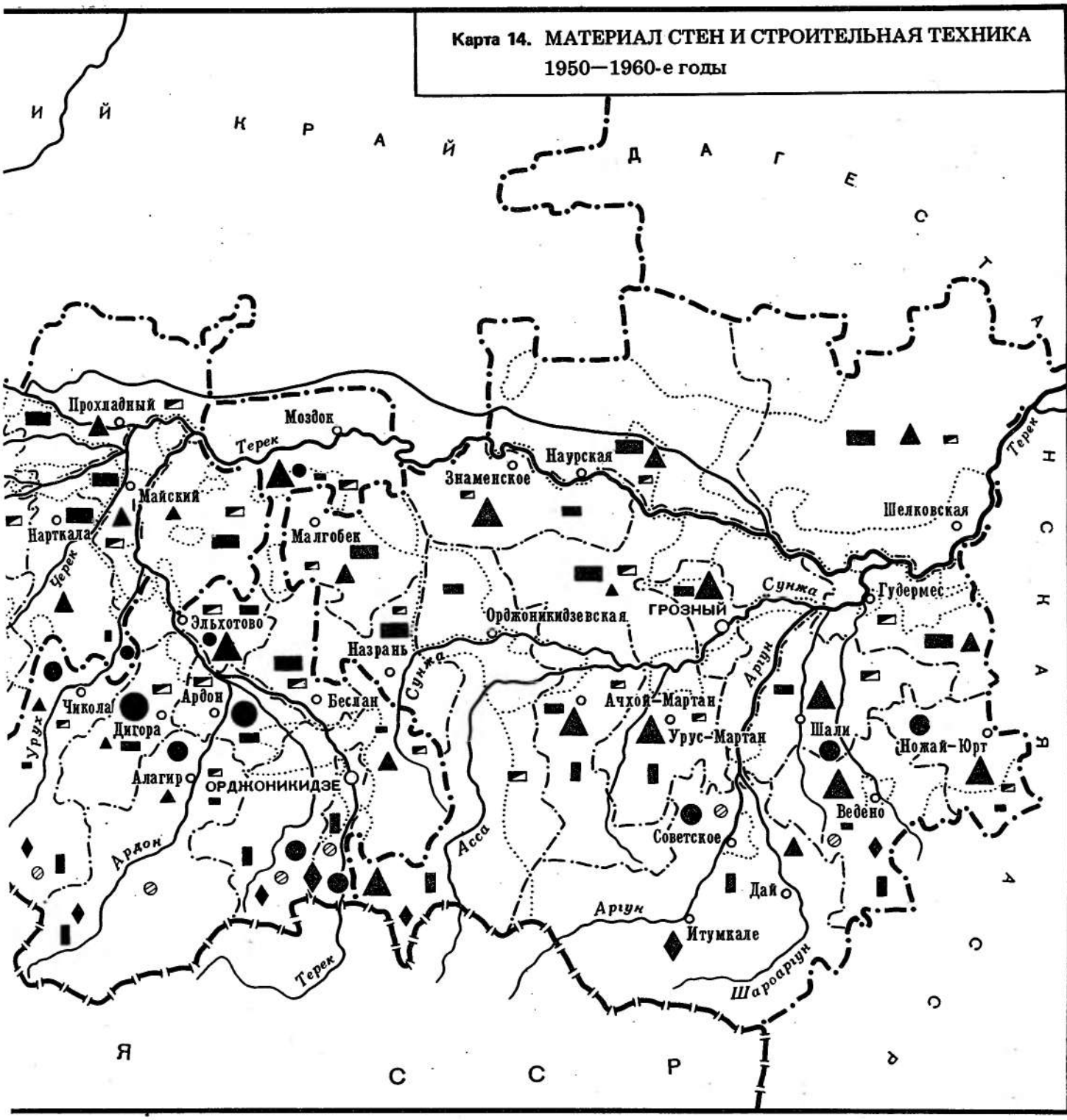

Карта 12. МАТЕРИАЛ СТЕН И СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
(середина XIX в.)
П О Л Ь С К А Я
У Б Е Р Н И Я
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Наурская
Черек
Сунжа
ГРОЗНЫЙ
Гудермес
Эльхотово
Лескен
НАЗРАНЬ
Беслан
Джалка
Урух
Ардон
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шали
Аргун
Алагир
ВЛАДИКАВКАЗ
Мужичи
Донифарс
Асса
ВЕДЕНО
Шатой
Нузал
Хидикус
Дай
Итумкале
Шароаргун
Т И Ф Л И С С К А Я
Г У Б Е Р Н И Я
Д А Г Е С Т А Н С К А Я
О Б Л А С Т Ь
Ч А С А В Ю Р Т О В С К И Й
О К Р У Г
Бытуют
Единичны
Камень в сочетании с деревом в срубной и закладной технике
Сырцовый (саманный) кирпич

Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Кубань
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
Баксан
Урусбиево
Челем
Верх. Чегем
Безенги
НАЛЬЧИК
Кунюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Белая
Майкоп
Лаба
Хакуринохабль
Кошехабльское
Чамлык
Турлук
Сруб в том числе дощатый и в сочетании с закладной техникой
Сруб в сочетании с турлуком
Камень
Преобладают
Бытуют
Единичны

Карта 13. МАТЕРИАЛ СТЕН И СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
(конец XIX — начало XX в.)
П О Л Ь С К А Я
У Б Е Р Н И Я
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Наурская
Черек
Эльхотово
Лескен
Сунжа
ГРОЗНЫЙ
Гудермес
Джалка
НАЗРАНЬ
Беслан
Урух
Аргун
Ачхой-Мартан
Урус-Мартан
Шали
Арагон
Алагир
ВЛАДИКАВКАЗ
Мужичи
Донифарс
Асса
ВЕДЕНО
Шатой
Нузал
Хибикус
Дай
Итумкале
Шароаргун
Т И Ф Л И С С К А Я
Г У Б Е Р Н И Я
Д А Г Е С Т А Н С К А Я
О Б Л А С Т Ь
Х А С А В Ю Р Т О В С К И Й
О К Р У Г
Камень в сочетании с деревом и турлуком
Бытуют
Единичны
Саманный кирпич
Обожженный кирпич

Мал. Лаба
Лаба
Урупп
Кубань
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Прегрaдная
Зеленчукская
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Карачаевск
Бол. Ставропольский канал
Кума
Минеральные воды
Пятигорск
Залукокоаже
Баксан
Чегем Первый
Малка
Баксан
Чегем
НАЛЬЧИК
Советское
Кубань
Г Р У З И Н С К А Я
С Т А В Р О П О Л Ь С К А Я
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Кубань
Октябрьский
Красногвардейское
Лаба
Шовгеновск
Чамлык
Кошехабль
Гиагинская
Белая
Майкоп
Тульский
Псекупс
Пшиш
Преобладают
Бытуют
Единичны
Турлук, в том числе на каркасной основе
Сруб, в том числе оштукатуренный
Сруб в сочетании с турлуком
Камень

Карта 14. МАТЕРИАЛ СТЕН И СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
1950—1960-е годы

Планировка

Планировка теснее, чем какой-либо другой элемент жилища, связана с уровнем социально-экономического развития народа, с общественным положением той или иной социальной группировки. В первой половине – середине XIX в. у всех народов Северного Кавказа в разной мере существовали феодальные отношения, что и нашло свое отражение в планировке жилого комплекса, которая в основных чертах была сходной во всем крае и своеобразно варьировала лишь в зависимости от социального положения владельца жилища.

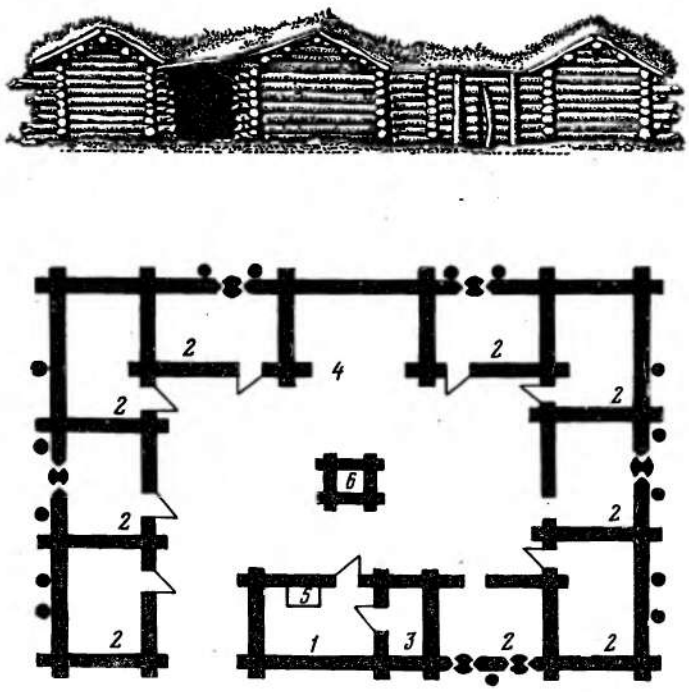
Древнейшей формой планировки было однокамерное жилище, в котором у беднейшей части населения содержался обычно и немногочисленный домашний скот. "Дома, – заключает свои наблюдения над бытом осетин К. Кох, – как правило, имеют одну-единственную комнату, которая помимо людей должна вмещать также и весь скот. Только у богатых осетин имеются стойла. Двухэтажных домов я нигде не видел. Форма дома, так же как и комнаты, четырехугольная"[1]. Примерно также выглядело жилище соседей осетин – ингушей, о котором Н.Ф. Грабовский замечает, что оно представляло собой "темное и тесное, продолговатое и узкое помещение, в котором иногда бывает семья из 8 душ с прибавкою в зимнее время новорожденного телка. При каждой сакле имеется маленькое отделение, нечто вроде кладовой в 1,5 аршина ширины, где помещаются кадки с хлебом и другой незатейливый скарб ингуша"[2].

К этому же типу планировки относились древние чеченские "желе" и значительная часть срубных карачаевских и балкарских домов; имелись они и у кабардинцев и других адыгских народов. Об этом говорят, в частности, данные их языков, в которых слова, обозначающие "жилище" и комнату с очагом или печью, являются или синонимами, или относятся к одному корню, например: адыг. "унэшхо", кабард. "унэшхуэ", карач. и балк. "уллу-юй" – дословно "большой дом"; осет. "хадзар" – "дом" и одновременно главная комната в нем, чечено-ингуш. "цIа" – комната, однокорневое с "цIе" – "огонь" (в смысле очаг).

Однокамерное жилище просуществовало до конца XIX в. и встречалось как в горах, так и на равнине. "Нередко в горах можно встретить и такие сакли, в которых под одной крышей вместе с жилым помещением людей находится помещение и для домашнего скота – ишаков и лошадей", – писал в конце XIX в. Е. Баранов о жилище балкарцев[3]. "В "хозяйской" были и спальня, и детская, и кухня, и кладовая, – пишет А.Н. Дьячков-Тарасов об абадзехах XIX–XX вв., – часто все это совмещалось в одной комнате"[4]. Некоторые из таких домов с недифференцированной жилой площадью, если не считать легких внутренних перегородок, не достигавших крыши, полуразвалившихся от времени, были зафиксированы нами в балкарских селениях Шики и Уллуэль, в карачаевском селении Учкулан и ряде других мест. В Шики, например, в одном подобном доме площадью около 100 кв. м в левой стороне был устроен открытый очаг с плетеной трубой над ним, а в правой вдоль стен тянулись каменные кормушки для скота[5]. В сел. Верхний Чегем (Думала) в жилище площадью 56 кв. м у левой боковой стены за перегородкой из тонких жердей была устроена кладовая "гуму", а справа возле входа находились хлебные закрома[6].

Состоятельные слои населения уже в середине XIX в. жили в двух-трехкамерных домах, состоявших из общесемейной комнаты и гостевой (кунацкой), к которой иногда пристраивали еще конюшню для лошади гостя.

"В каждом доме, – сообщает И.И. Норденстамм о чеченцах, – есть особое отделение для гостей, которое называется кунацким; оно состоит из одной или нескольких комнат (смотря по состоянию хозяина), которые всегда содержатся в большой чистоте"[7]. Кроме того, скот в таких хозяйствах всегда содержался в отдельном помещении, которое в горах в зависимости от рельефа пристраивалось либо сбоку, либо ниже по склону от

I

Рис. 30. Планировка

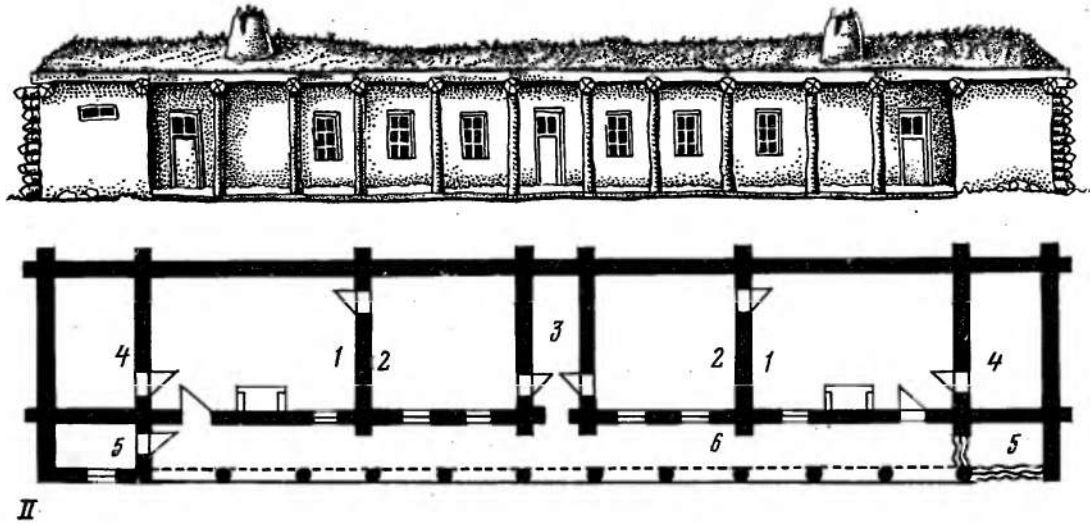
I – фасад и план карачаевского жилого комплекса "баши джабылгъан арбаз". Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО (*1* – общесемейная комната "уллу-юй"; *2* – жилые помещения "отоу"; *3* – кладовая "гёзен"; *4* – навес для арбы и хранения сельскохозяйственных орудий; *5* – очаг; *6* – опорная клеть); II – фасад и план однорядного жилища удлиненного плана ("длинный дом") начала XX в. Дом братьев Халила и Ибрагима Узденовых. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО (*1* – общесемейная комната; *2* – спальня взрослых детей; *3* – сени; 4, 5 – кладовые; *6* – галерея); III – жилище двурядного плана со сквозным срединным коридором. Сел. Заюково КБАСС (*1* – галерея; *2* – общесемейная комната; *3* – комната взрослой дочери; *4* – зимняя кухня; *5* – комната сына; *6* – коридор; *7* – крыльцо); IV – жилище двурядного плана с угловой верандой. Сел. Баксаненок КБАССР (*1* – веранда-прихожая; *2* – общесемейная комната; *3* – гостиная; *4* – детская комната); V – жилище двурядного плана удлиненной формы ("дом поперек"). Сел. Майртуп ЧИАССР (*1* – прихожая; *2* – общесемейная комната; *3–5* – жилые комнаты; *6* – крыльцо); VI – жилище полуторарядного плана. Сел. Советское КБАССР (*1* – сени; *2* – кухня; *3* – гостиная); VII – двухкамерное жилище старого типа. Сел. Пчегатлукай. Адыгейская АО (*1* – открытая терраса; *2* – жилая комната; *3* – гостиная); VIII – жилище полуторарядного плана. Сел. Урух СОАССР (*1* – остекленная галерея; *2* – прихожая; *3* – кухня; *4* – общесемейная комната; *5* – гостиная); IX – жилище полуторарядного плана. Сел. Учкекен. Карачаево-Черкесская АО (*1* – прихожая типа лоджии; *3* – кладовая; *2, 4* – жилые комнаты; *5* – веранда; *6* – крыльцо); X – однорядное жилище вытянутой традиционной формы. Сел. Дарго ЧИАССР (*1* – чулан; *2* – общесемейная комната; *3* – жилая комната; *4* – гостиная; *5* – кладовая; *6* – галерея)

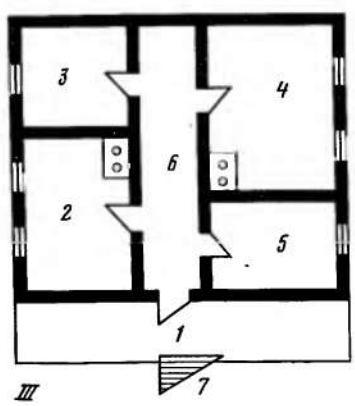
жилища. На равнине и в предгорьях, где земли было больше и усадьбы не были столь скучены, кунацкая и помещения для скота строились отдельно от основного жилища и по большей части на особом дворе.

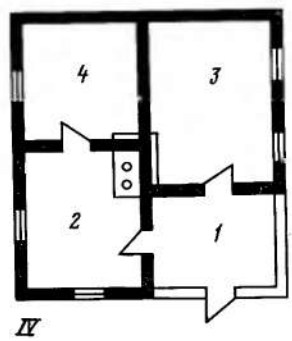
Устройство кунацкой было обусловлено широко развитым обычаем гостеприимства и имело престижный характер. "У кого кунацкой нет, – гласила адыгейская поговорка, – того за дворянина не считают"[8]. М.О. Косвен возводил кунацкую к древним "мужским домам" и "клубам холостяков"[9].

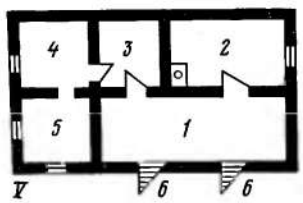
В зажиточных хозяйствах кухню также строили отдельно, здесь готовили пищу для всех обитателей семьи и дворовой прислуги. "Каждый старшина имеет один опрятный дом, другой – предназначенный для гостей и третий – для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи", – сообщает Ю. Клапрот[10]. В горах под кухню отводили первый этаж жилища. Так, К.Ф. Ган, описывая дом состоятельного чеченца в Аккинском ущелье, отмечает, что в нижнем этаже его находились хлев и кухня, а во втором была расположена гостевая комната[11].

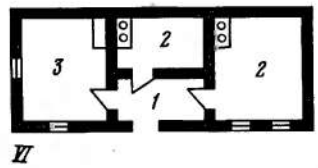
В пореформенный период двух- и трехкамерные жилища становятся самыми распространенными и вытесняют все другие виды планировки. Наличие в жилище гостевой комнаты, в которой обычно проводила досуг мужская часть семьи, привело к возникновению ошибочной литературной традиции, удержавшейся вплоть до советского времени, о разделении якобы жилища на Кавказе на жен-

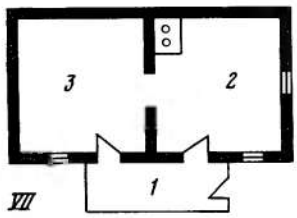

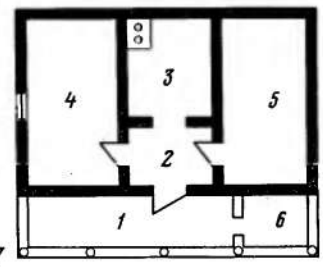

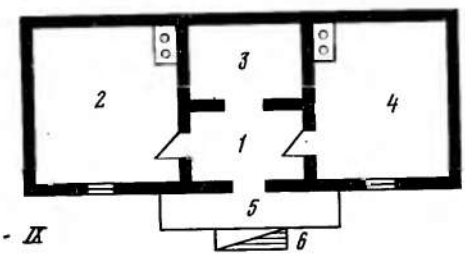

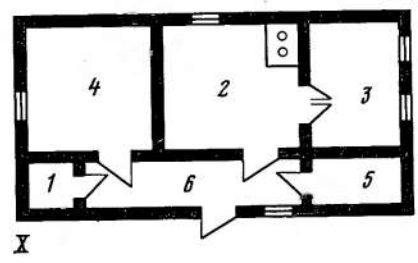

скую и мужскую половины. Сакли состоят "из двух небольших комнат: мужской и женской половины", – замечает Н. Карлгоф об адыгейском (черкесском) жилище[12]. "Жилище состоит из двух половин: мужской – *уннашкуа* и женской – *пыт*", – утверждает А. Миллер[13]. В эту последнюю, по словам А.Н. Дьячкова-Тарасова, "запрещен был доступ мужчинам и куда сам хозяин осмеливался прокрадываться только позднею ночью"[14].

Между тем дело обстояло отнюдь не столь сурово. Далеко не все слои населения имели обособленную гостевую комнату, тем более дом, и поэтому говорить о какой-либо строгой изоляции членов семьи по половому признаку нельзя. Кроме того, женщины в отсутствие гостя часто входили в кунацкую для уборки, топки камина, а невестка перед сном мыла тестю ноги. В свою очередь мужчины заходили в общесемейную комнату для еды и за всякими хозяйственными надобностями. Более того, в общесемейной комнате было принято принимать близких друзей и родственников. Кунак, – пишет В.К. Гарданов, "мог останавливаться не в гостином доме, находящемся в отдалении от жилого дома хозяина, а в самом доме хозяина или же (если хозяин был достаточно состоятельным) в специальном доме, построенном внутри хозяйского двора для приема приезжих родственников и самых близких знакомых"[15]. В действительности, если обстоятельства позволяли каким-либо образом дифференцировать жилую площадь, мы сталкиваемся прежде всего с "функциональным, но отнюдь не половым в своей основе разделением жилья. Бросавшееся же исследователям в глаза видимое группирование мужчин в гостевой комнате, а женщин – в общесемейной, или в кухне, диктовалось существовавшим в прошлом на Кавказе четким хозяйственно-бытовым разделением труда между полами, при котором представительство семьи перед внешним миром осуществлялось мужчиной, а ведение домашнего хозяйства являлось женским уделом"[16].

Частный, хотя и глубоко своеобразный вариант двухтрехкамерной планировочной схемы, развернутой в вертикальном направлении, представляли так называемые жилые башни, которые в XIX в. еще довольно широко бытовали в горной Чечне, Ингушетии и Северной Осетии. В преобладающем большинстве жилые башни имели три этажа, каждый из которых представлял собой одну большую комнату площадью от 36 до 50 кв. м и более. Первый этаж использовался для скота и хозяйственных нужд, во втором жили, а третий служил кунацкой и местом обороны. С этой целью в некоторых башнях на верхнем этаже над входом устраивали специальные защитные балкончики без пола – машикули, откуда обороняющиеся безопасно для себя могли кидать на нападавших камни и лить на них расплавленную смолу и кипяток. На плоской крыше всегда про запас были заготовлены камни, уложенные по краям наподобие парапета. Намного реже встречались жилые башни в два и четыре этажа.

Во второй половине XIX в., когда надобность в подобных постройках окончательно отпала, владельцы их стали переходить к строительству двухэтажных домов открытого типа, в которых сохранился прежний принцип расположения помещений: первый этаж отводился под хлев и конюшню, а второй – под жилье.

Ослабление патриархально-феодальных отношений и участившийся распад больших семей во второй половине XIX в. привели к дальнейшему усложнению планировки северокавказского жилища: к родительскому дому начинают пристраивать отдельные комнаты для женатых сыновей. В результате возникает необычный по внешнему виду так называемый "длинный" дом, состоящий из ряда жилых помещений, расположенных по прямой линии в один ряд (жилище однорядного плана). В горных районах, где рельеф и плотность застройки не позволяли "растягивать" жилище в длину, отдельные помещения пристраивали под углом к основному дому или поднимали на второй этаж. Отличительной чертой "длинных" домов является полная изолированность в них всех жилых помещений, каждое из которых имело свой вход со стороны общей для всего дома галереи или крыши ниже расположенного по склону хлева, как это имело место в горных районах. И только много позднее, в конце XIX – начале XX в. между некоторыми из смежных комнат начинают устраивать двери, ведущие в сени, прежде неизвестные в планировке местного жилища.

Имея в виду возникшую тенденцию к обособлению взрослых женатых сыновей, один современник писал: "Молодой человек, задумав жениться, должен был предварительно обеспечить себя помещением, иначе ему жены не дадут родственники ее. Помещение строится на его же средства и не им одним, а по возможности при участии всех членов семейства и даже приятелей, друзей, охотно принимающих участие в этих случаях в надежде на будущую взаимную помощь или в уплату прежних услуг (от женатых). Но все же главная забота об устройстве и обстановке помещения лежит на самом женихе"[17].

Будучи сравнительно новой частью в жилище, комната для молодых была окружена некоторым отчуждением и таинственностью. "Около нее, – пишет современный черкесский этнограф И.Х. Калмыков, – не разрешалось громко разговаривать, выполнять какую-либо хозяйственную работу, запрещалось находиться вблизи нее посторонним лицам и даже чужим кошкам и собакам. В комнату могли заходить только дети, а также младшие члены семьи молодожена. Нередко в жизни случалось так, что родители молодожена умирали в преклонном возрасте, так ни разу и не посетив "лэгъунэ" (адыгское название комнаты женатого сына)"[18].

Необходимо отметить еще одно помещение в традиционном жилище – обособленную кладовую. В старых однокамерных домах под кладовую отгораживали часть жилой площади возле входной двери либо устанавливали на этом месте большой деревянный многосекционный ларь. В старинных жилых башнях Чечни и Ингушетии иной раз вместо этого сооружали закром из камня в одном из передних углов жилого этажа. С появлением многокамерного жилища кладовую стали выделять в отдельное помещение, которое пристраивали сзади или сбоку от общесемейной комнаты. Кладовую в еще большей степени, чем комнаты молодых, окружали ореолом святости и недоступности. Входить в нее имела право только старшая женщина в доме, которая ежедневно выдавала нужное количество продуктов невесткам. Мужчина не имел права заглядывать в кладовую[19]. Во всем этом видны пережитки далекого матриархата и высокое уважение, которое питали горцы к пищевым продуктам, достававшимся в прошлом нелегким трудом.

В конце XIX – начале XX в. в связи с окончательным распадом большесемейной общины и возросшим влиянием русской и городской строительной культуры появляется еще один вид трехкамерного жилища с линейно-однорядной планировкой, состоящий из общесемей-

ной комнаты, комнаты молодоженов и расположенных между ними сеней. Новая планировочная схема очень близка южнорусскому варианту трехкамерного жилища и, вероятно, возникла под его влиянием. В то же время переход к жилищу с одним общим входом означал дальнейший существенный сдвиг в семейных отношениях и изживание в повседневном быту коренного населения прежних феодально-патриархальных устоев. "Появление трехкамерного дома с одним входом говорило о том, что у хозяина нет сына или о желании отца отделить сына и создать ему самостоятельное хозяйство сразу же после женитьбы, а также о значительном изменении во внутрисемейных отношениях, не требующих столь строгого соблюдения снохой и сыном обычаев избегания", – пишет Г.Х. Мамбетов[20].

Более строго соблюдался обычай "субординации" отдельных жилых помещений в общей планировке жилища. Общесемейная комната, в которой устраивался традиционный очаг, служивший для приготовления пищи всей семьи, в том числе и для женатых сыновей, занимала неизменно правую часть жилища, а все остальные комнаты пристраивались слева от нее. В левой части дома устраивали и кунацкую, которая у бедных совмещалась нередко с комнатой женатого сына.

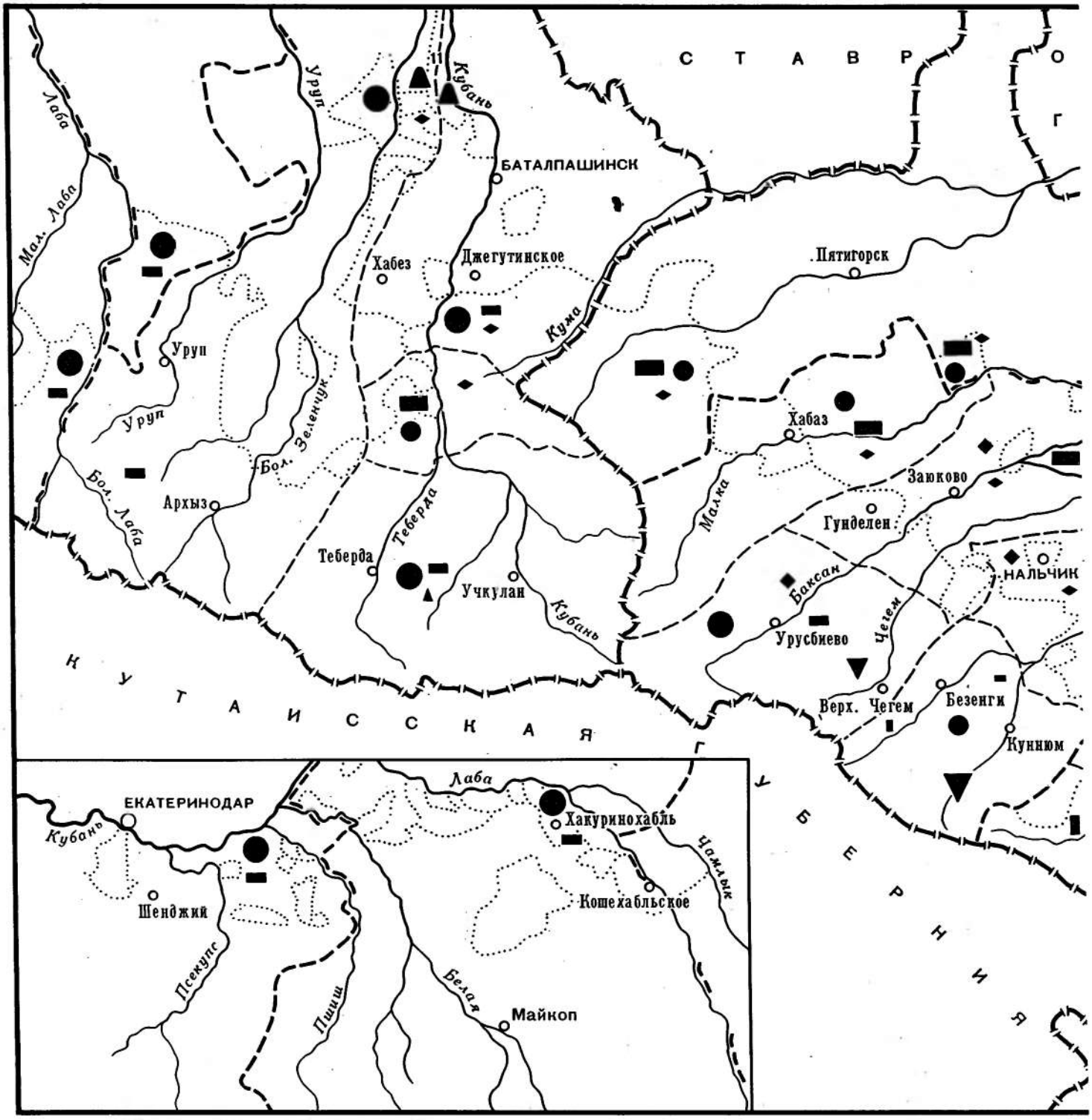
С русским влиянием связано и появление в конце XIX – начале XX в. принципиально новой планировочной схемы: домов квадратного плана с двурядным расположением помещений. Существовало несколько разновидностей жилища квадратного плана: с одним входом и двумя парами смежных комнат, одна из которых (ближайшая ко входу) играла роль прихожей или сеней; со сквозным коридором, разделявшим жилище на две независимые половины, на который выходили двери всех жилых помещений, с выходами из жилых комнат на две стороны – передний и задний фасад, на открытые или остекленные галереи. До революции жилище квадратного плана, для постройки которого приходилось прибегать к найму мастеров и закупать дорогие материалы – доски, обожженный кирпич, кровельное железо, скобяные изделия и пр., из-за дороговизны не получило широкого распространения.

Положение в корне меняется лишь с установлением Советской власти, особенно после коллективизации. К концу 1920-х годов из строительной практики исчезают длинные дома, а двухраздельное жилище, состоящее из сеней и жилой комнаты (кунацкая с ликвидацией феодальных классов постепенно теряет свое значение), сохраняется в единичном числе в качестве исключительно временной постройки, в основном в селениях переселенцев с гор да в хозяйстве молодоженов. В противоположность этому все большее распространение получают трехраздельное жилище и дома квадратного плана с одним входом. Принципиально меняется и функциональное назначение отдельных помещений в жилище. Самые большие комнаты отводят под кухню и гостиную, которая в отсутствие гостя используется в качестве столовой и комнаты, где дети–школьники готовят уроки. Одна из комнат выделяется для взрослых детей, одна – для престарелых родителей (чего раньше никогда не делали). Кухня в трехраздельном жилище теперь неизменно устраивается в сенях, а в домах квадратного плана – в комнате, смежной с прихожей. В кухне в домах квадратного плана также ставят кровати (для отдыха родителей), здесь же иногда спят маленькие дети.

Указанная тенденция все большей дифференциации жилой площади получила дальнейшее развитие в послевоенные годы. Прямым ее следствием было окончательное вытеснение из строительства трехраздельного жилища и переход к сооружению домов исключительно квадратного плана с 4 и 6 жилыми комнатами, с крыльцом и верандой на главном фасаде. Разновидностью подобной планировочной схемы являются дома с внутренним коридором, двумя верандами (по переднему и заднему фасаду) и с двумя выходами во двор и сад (ввиду того, что большинство современных домов строится на красной линии или боком к улице).

Жилище квадратного плана строится в настоящее время повсеместно и на равнине и в горах. Все другие планировочные схемы встречаются единично и большей частью представляют собой постройки предыдущих десятилетий либо сугубо временные сооружения.

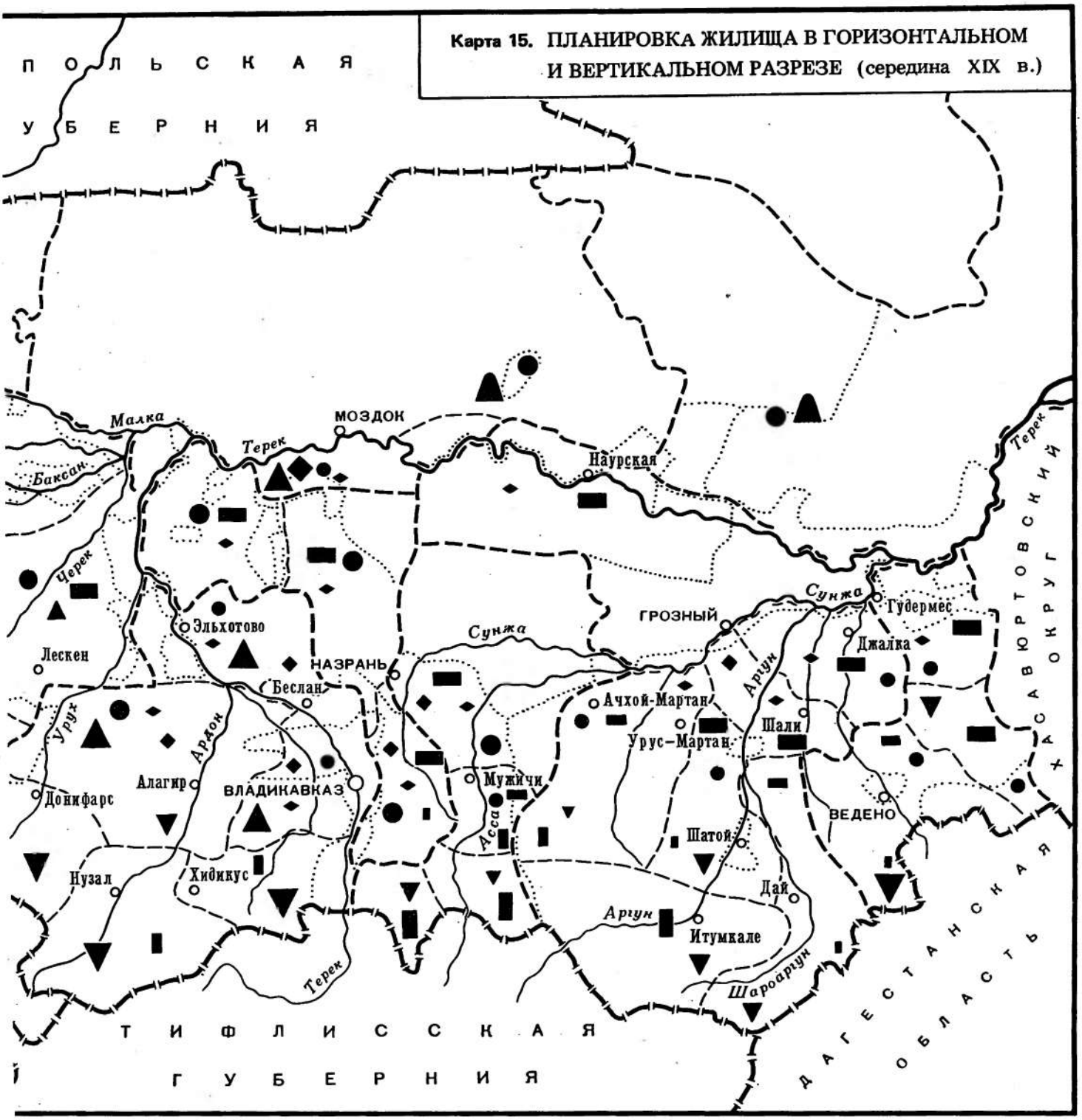
[1] *Кох К.* Путешествие..., с. 262, 263.
[2] *Грабовский Н.Ф.* Ингуши. – ССКГ, Владикавказ, 1876, вып. IX, с. 37.
[3] *Баранов Е.* Очерк из жизни горских татар Кабарды. – ТВ, 1894, 2 дек.
[4] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. – ЗКОРГО, Тифлис, 1902, кн. 22, вып. 4, с. 15.
[5] АИЭ. Полевые материалы 1963 г., ф. 1, ед.хр. 76, № 3748, л. 55 и об.
[6] Полевые материалы 1963 г. Там же, ед. хр. 135, № 3746, л. 21 об., 22.
[7] МИЧИД, т. 3, вып. 1, с. 317.
[8] Адыгейские пословицы и поговорки. – СМОМПК, Тифлис, 1899, вып. 26, отд. 3, с. 4.
[9] *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 126–129.
[10] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 170.
[11] *Ган К.Ф.* Экскурсия в Нагорную Чечню. – ИКОРГО, Тифлис, 1902, кн. XV, с. 217.
[12] *Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря. – РВ, 1890, т. 28, с. 535.
[13] *Миллер А.* Черкесские постройки, с. 11.
[14] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи, с. 15. Ср. также у Е.Р. Бинкевич (*Бинкевич Е.Р.* К истории черкесского жилища. – КСИЭ, 1949, вып. VI, с. 76).
[15] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967, с. 309).
[16] *Кобычев В.П.* Адыгейское жилище и его история. – УЗАНИИ, Краснодар, 1956, т. 4, с. 59.
[17] *Кокиев С.* Записки о быте осетин. – Сб. материалов по этнографии, изд. при Дашковском музее, 1885, вып. 1, с. 77.
[18] *Калмыков И.Х.* Черкесы, с. 140, 141.
[19] *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1969, с. 262; *Калоев Б.А.* Осетины. М.: Наука, 1971, с. 151.
[20] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, с. 134, 135.

Преобладают — Бытуют — Единичны

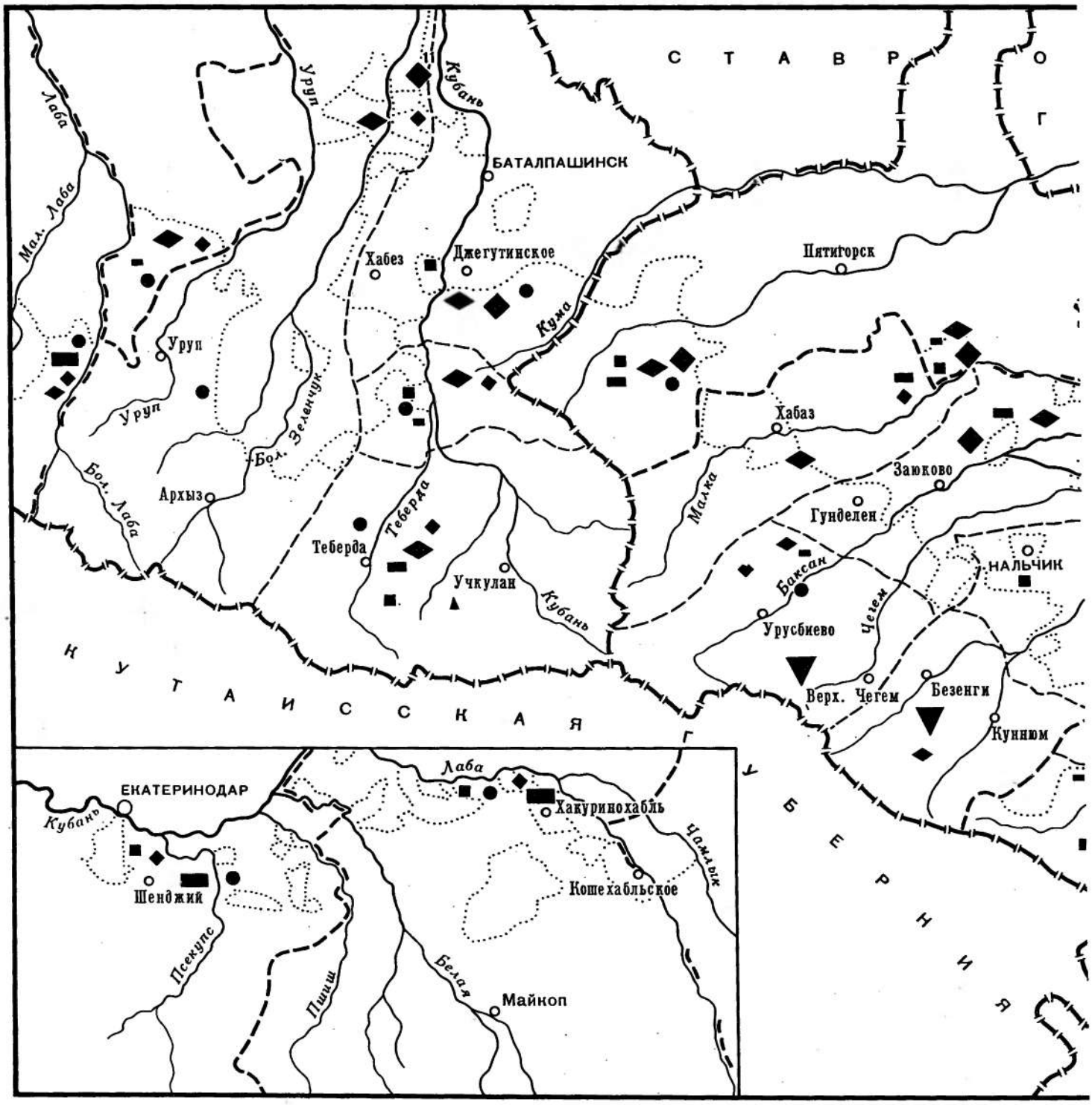
- Однокамерное
- Двухкамерное (комната + гостевая)
- Трехкамерное однорядное продольного и продольно–поперечного плана (комната + гостевая + комната)
- Одно–двухкамерное в комплексе с хозяйственными постройками (осетинский вариант равнинного жилища)
- Одно–двухкамерное в один и два этажа в комплексе с хозяйственными постройками ("горская сакля")

Карта 15. ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩА В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ (середина XIX в.)

Преобладают — Бытуют — Единичны

- Многокамерное замкнутого кареобразного плана в комплексе со скотным двором (карачаевский "крытый двор")
- Трех–четырехэтажное в комплексе с хозяйственными помещениями (жилая башня)
- Двух–трехкамерное типа: комната + сени и комната + сени + комната, ("русский дом")
- Круглоплановое (кочевническая кибитка–юрта)

Преобладают

Бытуют

Единичны

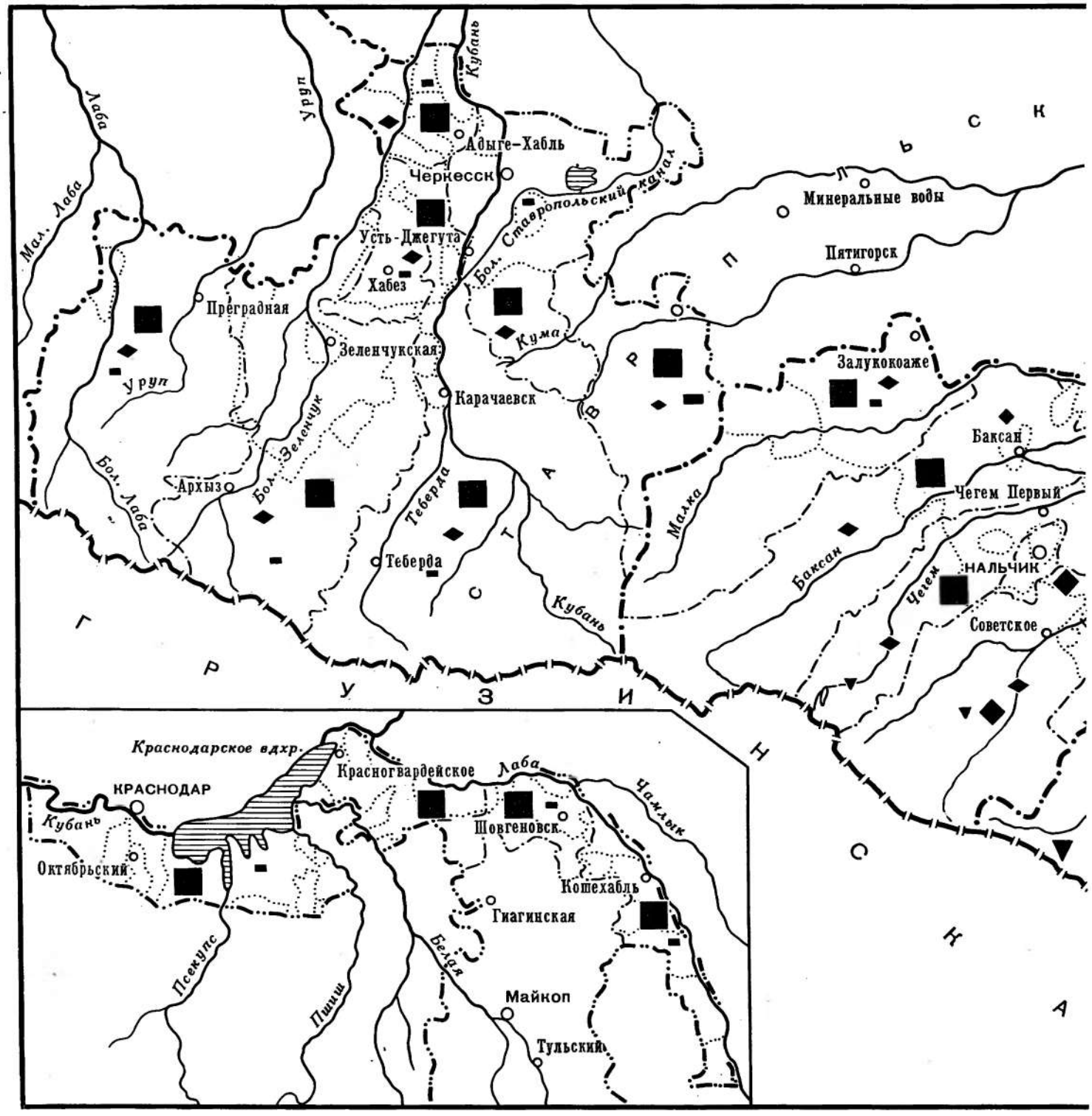
- Однокамерное
- Двухкамерное типа: комната + сени или комната + гостевая (кунацкая)
- Многокамерное с продольным и продольно–поперечным расположением помещений ("длинный" дом)
- Многокамерное с продольным и продольно–поперечным расположением помещений в комплексе с хозяйственными постройками (осетинский вариант "длинного" дома)
- Двух–трехкамерное одно–двухэтажное в комплексе с хозяйственными постройками ("горская сакля")

Карта 16. ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩА В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ (конец XIX — начало XX в.)

Преобладают — Бытуют — Единичны

- ▲ Многокамерное замкнутого кареобразного плана в комплексе со скотным двором (карачаевский "крытый двор")
- ▮ Многокамерное, развернутое в вертикальном плане в комплексе с хозяйственными помещениями (жилая башня)
- ◆ Трехкамерное типа: комната + сени + комната (гостевая), "русский дом"
- ■ Трех–четырехкамерное с двурядным расположением помещений ("квадратный дом")
- ▲ Круглоплановое (кочевническая юрта)

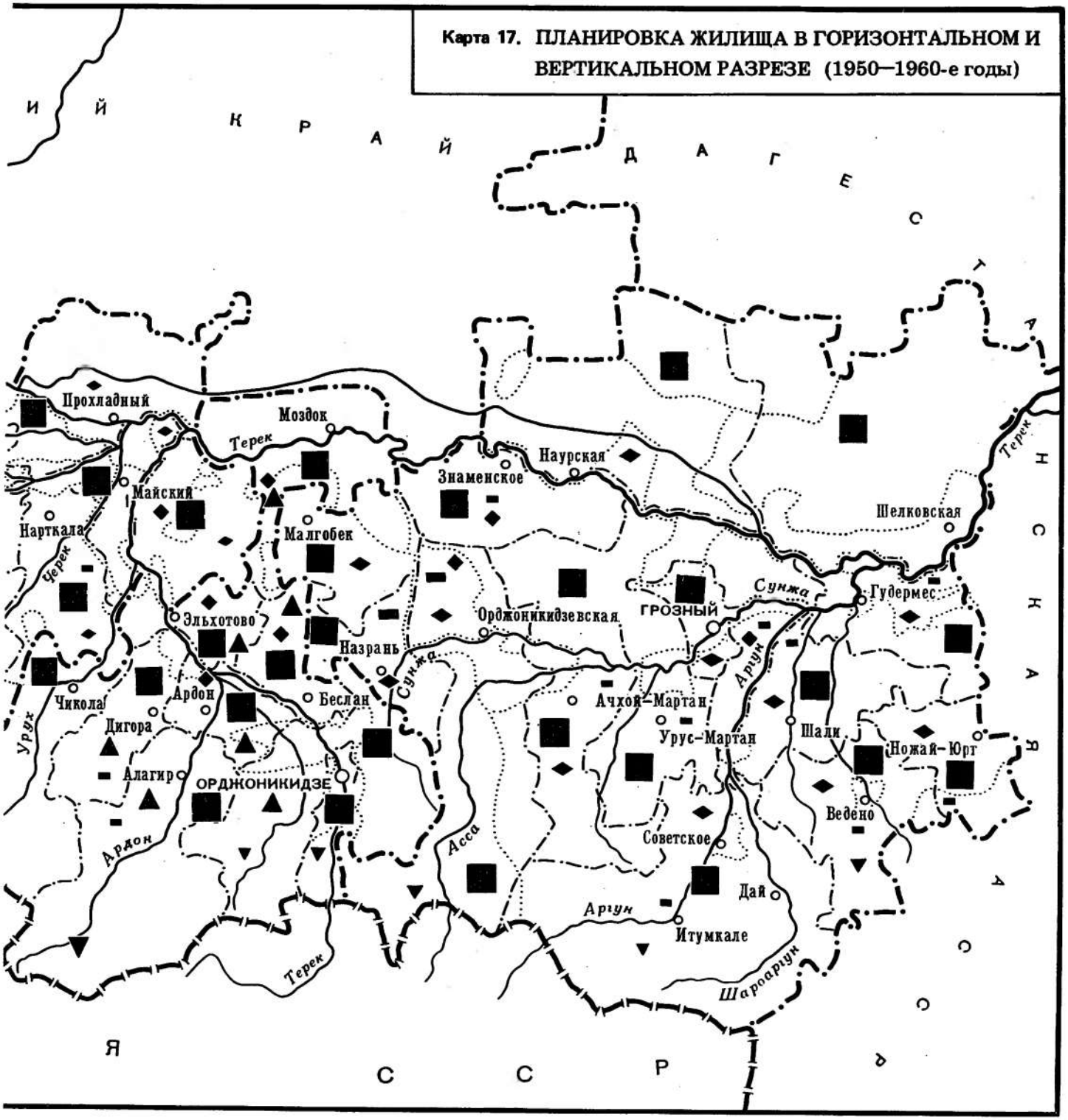
Двухкамерное типа: комната + сени или комната + гостевая

Бытуют — Единичны

Многокамерное с продольным и продольно–поперечным расположением помещений ("длинный" дом)

Многокамерное с продольным и продольно–поперечным расположением помещений в комплексе с хозяйственными постройками (осетинский вариант "длинного" дома)

Карта 17. ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩА В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ (1950—1960-е годы)

Преобладают ▼ Бытуют ◆ Единичны ◆

Двух—трехкамерное одно—двухэтажное в комплексе с хозяйственными постройками ("горская сакля")

Трех—четырехкамерное одно- и полуторарядное типа: комната + сени + комната или комната + сени + кухня (позади сеней) + комната (усложненный вариант бывшего "русского" дома)

Многокамерное с двурядным расположением помещений ("квадратный" дом)

Форма крыши и материал покрытия

Крыша является одним из главных элементов жилища. "Дом без крыши – не жилище", – говорится в старинной кабардинской песне[1]. В народном сознании крыша олицетворяла обычно все жилище целиком. Д. Белль, английский резидент на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в., сообщает о любопытном обычае сооружения соломенной кровли во время свершения правосудия у западных черкесов (адыгейцев): "Когда мы приехали во двор временного суда, то уже упала сгоревшая соломенная крыша, чем мы получили самое явное доказательство того, что суд окончился, так как соломенная крыша надевается (сооружается. – *В.К.*) только в подобных случаях"[2]. Это перекликается с обычаями многих других народов рушить крышу в доме при смерти кого-либо из старших домочадцев.

Указанное значение крыши определяется тем, что она первоначально предназначалась для предохранения очага от осадков, и в этом смысле не будет преувеличением сказать, что жилище появляется там и тогда, где появляется крыша. В некоторых местностях Северного Кавказа в отдельных надворных постройках крыша покоилась на особых столбах и не соединялась наглухо со стенами, откуда можно заключить, что в какое-то отдаленное время эти два элемента жилища существовали и развивались независимо один от другого.

Форма и материал крыши в еще большей степени, чем материал стен, связаны и обусловлены природно-климатическими условиями того или иного района. В местах, обильных осадками, крышу делали более крутой, а в засушливых – плоской или пологой. Эта закономерность прослеживается и на Северном Кавказе. Количество осадков здесь, как уже говорилось, убывает по направлению с запада на восток, в соответствии с этим меняется и форма кровли от островерхой камышовой и соломенной до плоской земляной. Северо-Западный Кавказ по форме крыши сближается с Юго-Восточной Европой (в первую очередь с Северным Причерноморьем и Балканами), тогда как в юго-восточных районах края форма крыши однотипна с таковой в Передней и Средней Азии. Между этими двумя крайними точками лежит широкая полоса, представленная переходными формами – пологой земляной крышей, в конструкции которой органически сочетаются элементы как первой, так и второй формы.

До середины XIX в. ареал той или иной формы крыши был достаточно определенным. Островерхие двух- и четырехскатные крыши с соотношением высоты к основанию 1 : 2 были характерны для равнинных и предгорных северо-западных районов Кавказа, начиная от Черноморского побережья и вплоть до Большой Кабарды и Северной Осетии. Пологая двускатная земляная крыша бытовала в горах северо-запада края, в Карачае, в верховьях Баксанского и отчасти Чегемского ущелий (селения Булунгу, Кям, Думала, Орсундак, Верхний Чегем), в районе Моздока и в притеречных селениях Чечни. В горах же от средней части Баксанского ущелья на западе и дальше на восток вплоть до Макажойской котловины, а также на прилегающей части чеченской и ингушской плоскости преобладало плоское земляное покрытие.

Плоская и пологая земляная кровля была одной из характерных черт жилища коренного населения, которое в остальном внешне мало чем отличалось от хат и мазанок соседнего казачьего и русского населения. "Только обилие плоских с едва заметным скатом земляных крыш с торчащими к верху коническими трубами да отсутствие правильных улиц выдает, что это не казачьи станицы", – писал в конце прошлого столетия Г. Вертепов об ингушском жилище плоскостных районов[3].

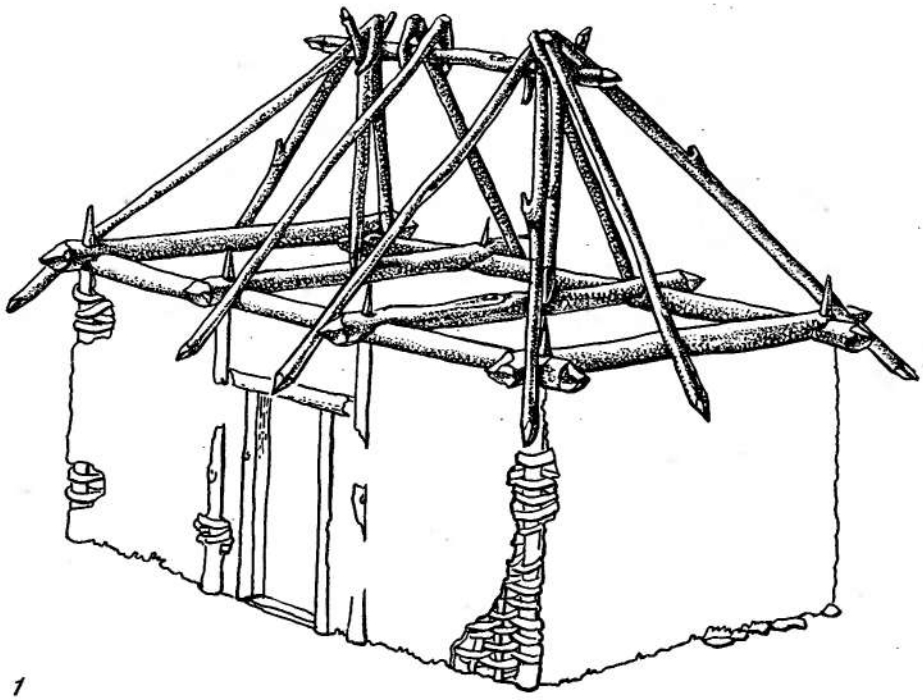
На исходе минувшего столетия картина начинает постепенно меняться. Втягивание Северного Кавказа во всероссийский рынок, сопровождавшееся распространением домов нового типа, выстроенных в подражание русскому и городскому дому, появление новых кровельных материалов способствовало расширению ареала островерхой двух- и четырехскатной крыши и одновременно постепенному исчезновению из строительной практики прежних традиционных форм перекрытий. Об этом свидетельствуют письменные и архивные материалы, в которых сообщается о появлении многочисленных кирпично-черепичных заводов, а также фотоснимки отдельных селений. Так, например, на выпущенных в эту пору почтовых открытках с видами чеченских селений Харачой и Итум-кале можно различить несколько жилых домов, крытых железными и черепичными крышами[4].

Естественно, что процесс внедрения новых кровельных материалов и форм покрытия был неравномерным и обусловливался порой случайными и привносными обстоятельствами. Например, в сел. Белгатое, по свидетельству информаторов, первая черепичная крыша появилась в начале XX в., материал для нее был привезен хозяином из Баку[5]. Напротив, в сел. Хакуринохабль в Адыгее появление черепицы было связано с основанием в селении в начале 1870-х годов своего "кирпичного промышленного заведения"[6]. Небольшой "островок" двускатной тесовой кровли, возникший в предреволюционные годы в верховьях Баксанского ущелья и в некоторых северо-осетинских селениях бассейна Лескена и Уруха, обязан своим появлением грузинским мастерам-отходникам[7].

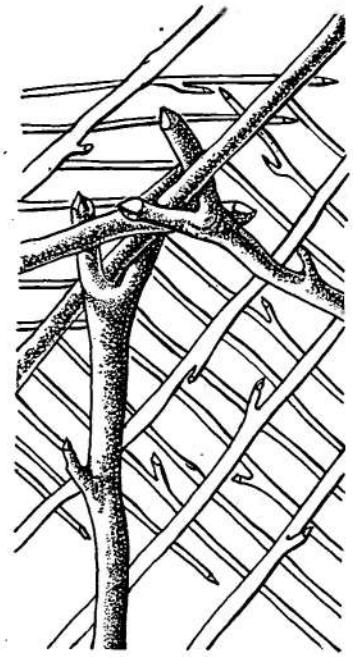
Окончательное вытеснение плоской и пологой двускатной крыши и замена ее крутой островерхой дву- и четырехскатной кровлей, крытой черепицей и шифером, происходит только в советские годы и завершается в послевоенное время. Сейчас земляную кровлю в единичном числе можно встретить только в горах на сохранившихся кое-где домах дореволюционной постройки или на хозяйственных постройках. Почти исчезли из строительной практики крыши, крытые соломой и камышом, которые еще в предвоенные годы составляли на плоскости довольно значительный процент.

В послевоенные годы четырехскатные крыши постепенно вытеснили двускатные. Этот процесс почти завершился в Северной Осетии, где двускатная кровля сохраняется в основном лишь на хозяйственных постройках. Сокращение числа домов с двускатной крышей отмечается в новостройках Адыгеи, Чечни, Ингушетии, Балкарии, Карачаево-Черкесии, в том числе в горных районах, и только в Кабарде в большинстве районов преобладает двускатная крыша.

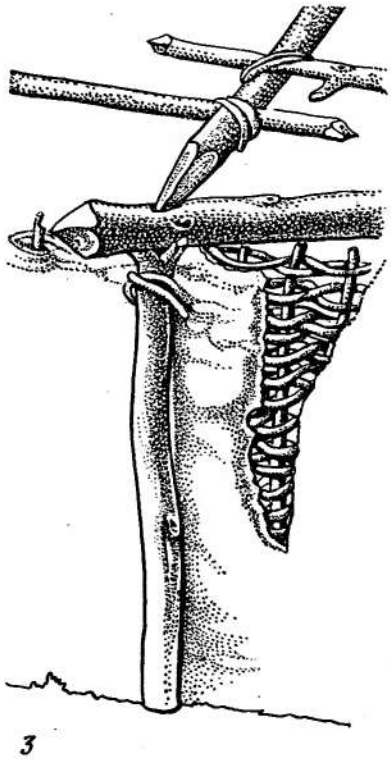
Обращаясь к описанию устройства крыши, прежде всего следует отметить, что первоначально, как установил А. Миллер, островерхие четырехскатные подшатровые крыши не имели стропильной конструкции, но возводились на кокорах – жердях с крючком на верхнем конце из обрубка ветви, которым они зацеплялись за центральный столб или коньковый брус[8] (рис. 31, *1–5*). Централь-

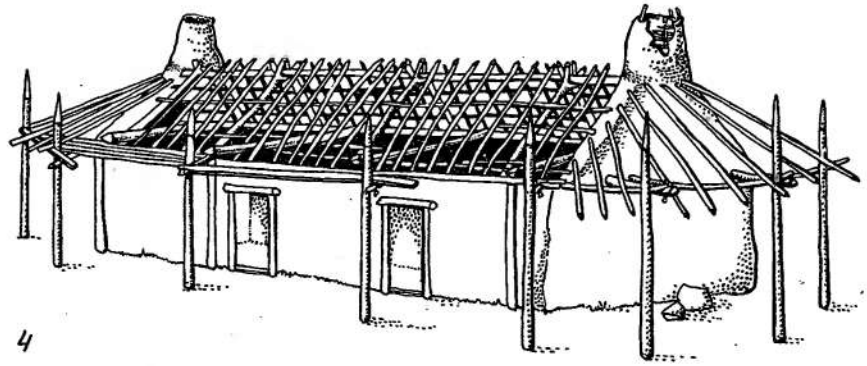
1

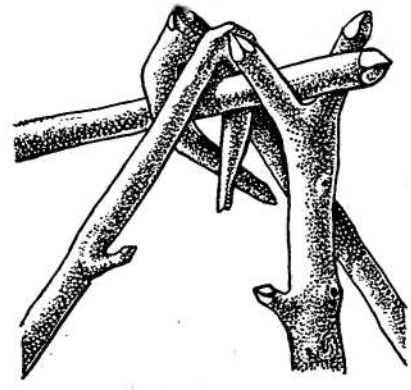
2

3

4

5

Рис. 31. Конструкция крыши

1–5 – устройство отдельных узлов четырехскатной крыши на кокорах (по: *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, т. II. СПб., 1914)

ный столб в свою очередь опирался на матицу, положенную поперек жилища на столбы с развилкой; коньковый брус поддерживался на таких же столбах с развилкой, но поставленных снаружи у торцовых стен. Нижние концы кокор лежали на стенах жилища. Позднее, с появлением двухкамерных и "длинных" домов, под нижние концы кокор стали подводить подстропильные балки, которые в свою очередь опирались на развилки кольев стен или же на специальные пристенные столбы, которые и принимали на себя всю тяжесть перекрытия. "Кровля в кабардинском жилище (и любом другом подобном ему. – *В.К.*) опиралась на особо поставленные столбы, а не стены, слишком жидкие для этого"[9]. Таким образом, крыша не была связана конструктивно со стенами, что было характерно для всех видов турлучного жилища края (и сопредельных областей)[10].

Неплотное прилегание кровли к стенам пытались исправить тем, что низ скатов с внутренней стороны обмазывали глиной. Но обмазка в местах стыка со стенами держалась плохо и не спасала жилище от холода и проникновения в него осадков. Об этом очень выразительно высказался один местный автор того времени: "Ну что за сакли у нас были? – курятники какие-то, не избавлявшие нас от холода зимой, а летом – от дождей, даже самых незначительных. На дворе капает – и в сакле капает. Зимой сколько дров мы истребляем! В продолжение зимы привезешь по крайней мере арб сто, огонь всегда пылает среди сакли, а все-таки бывает мало тепла. Рукам бывает тепло и ногам тоже, потому что зарывали под золу, а спина мерзнет"[11]. Приведенное высказывание относится к осетинам, но оно было справедливо и в отношении жилища других народов края. "В хижинах этих зимой очень холодно, – замечает о жилище абадзехов А. Махвич-Мацкевич. – Ветер наносит хлопья снега в дымовое отверстие... ветер свободно проникает в хижину"[12].

В качестве покрытия при островерхих крышах использовали преимущественно солому, которую настилали "внатруску" по подстилке из хвороста или камыша. Закрепляли солому веревками, свитыми из травы, которые перекидывали через гребень крыши. К концам веревок привешивали камни, подобно тому как это делали при закреплении стогов. Другой не менее распространенный способ крепления соломы заключался в обвязке крыши несколькими последовательными рядами колец, составленных из горизонтально уложенных прутьев или тонких жердей (рис. 32, *2*).

В конце XIX – начале XX в. кровлю на кокорах вытесняет стропильная конструкция, которая при четырехскатной крыше возводилась из отдельных звеньев без конькового бруса. Отдельные звенья скреплялись между собой продольными жердями или рейками, поверх которых настилали соломенное, драночное, дощатое или черепичное покрытие. Тогда же впервые при сооружении каркаса кровли стали использовать скобы и гвозди. За небольшими изменениями подобная конструкция островерхой крыши бытует и в настоящее время.

В конце XIX в. перемены отмечаются и в материале и в способах покрытия, в том числе традиционной соломенной кровли. Наряду с традиционной "натруской" от соседнего русского населения был заимствован способ покрытия крыши правильно уложенными снопами, так называемым "расчесом" или "гребешком". По характеру укладки снопов различали "волотовые" (комельками вверх) и "корешковые" (комельками вниз). На корешковую крышу требовалось от 500–700 до 1000 снопов камыша и соломы диаметром "в перехвате" от 13 до 15 см (вершок), на волотовую крышу достаточно было 300 таких снопов[13].

Соломенные и камышовые кровли подобного устройства удержались здесь до начала 1950-х годов, хотя число их было крайне незначительным.

В конце XIX в. в равнинных селениях появились в единичном числе железные и черепичные кровли, однако до коллективизации эти виды покрытия не получили широкого распространения. Локальное распространение имели также тесовые и гонтовые покрытия, главным образом в районах с развитым лесопилением – в Теберде, верховьях Баксанского ущелья, в отдельных районах Чечни и Адыгеи. Дранку использовали также для зашивки фронтонов в двускатной крыше, в том числе покрытой черепицей[14]. Из редких видов покрытия можно упомянуть сухую осоку, "ситник"[15] и липовую кору[16], которая применялась в качестве покрытия на Северном Кавказе с древнейших времен[17].

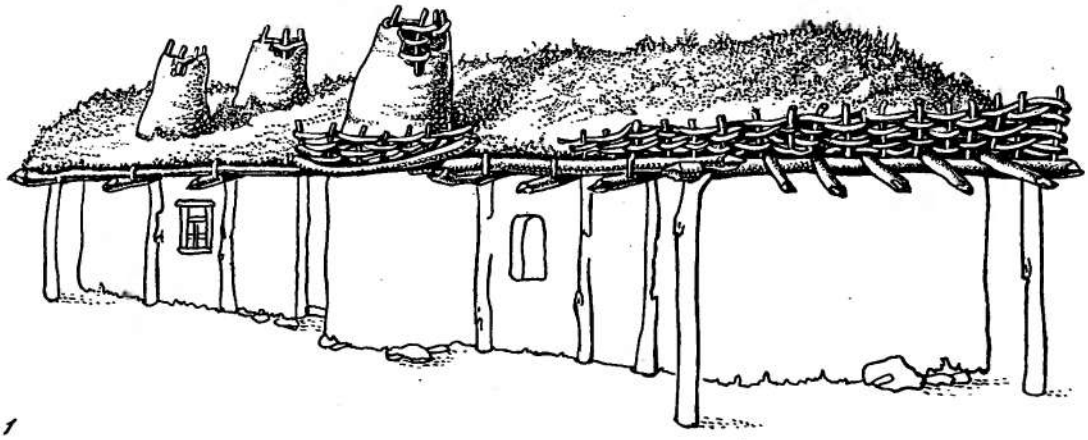
В советские годы все перечисленные материалы были вытеснены черепичным покрытием, которое в настоящее время является преобладающим кровельным материалом. Значительно реже применяется кровельное железо и листовой гофрированный шифер, что объясняется недостаточным его производством в крае.

В отличие от жилища равнинных районов с островерхим камышовым и соломенным (позднее черепичным и шиферным) покрытием, срубное жилище горной полосы искони крылось пологой двускатной крышей с соотношением высоты к основанию 1 : 5. Пологая крыша сооружалась обычно на самцах. Основу ее составляли мощный коньковый брус и две толстые матицы, расположенные ниже его на расстоянии толщины бревна. Такая усиленная конструкция была необходима для того, чтобы удержать тяжелое земляное покрытие, достигавшее толщины до полуметра и более. Скаты крыши настилали из столь же толстых плах (позднее пиленых досок), укладываемых вплотную одна к другой. Для прочности вся конструкция подпиралась еще наружными столбами и дополнительными подпорками ("обезьянками") внутри жилища, которые врезались в поперечные балки, поддерживавшие матицы в середине (рис. 33, *1, 2*). Особое внимание уделяли устройству карниза. На фасаде карниз переходил в плоское перекрытие галереи, тянувшейся вдоль всего жилища, и с боков заканчивался двумя рядами досок или бревен, положенных одно на другое, которые удерживали землю на кровле от осыпания. Были разные способы крепления: в одних случаях продольные бревна карниза укрепляли поперечными тягами, а в других в двух-трех местах на подоснову покрытия (на плахи) настилали длинные жерди с обрубками корней, загнутых кверху наподобие салазок.

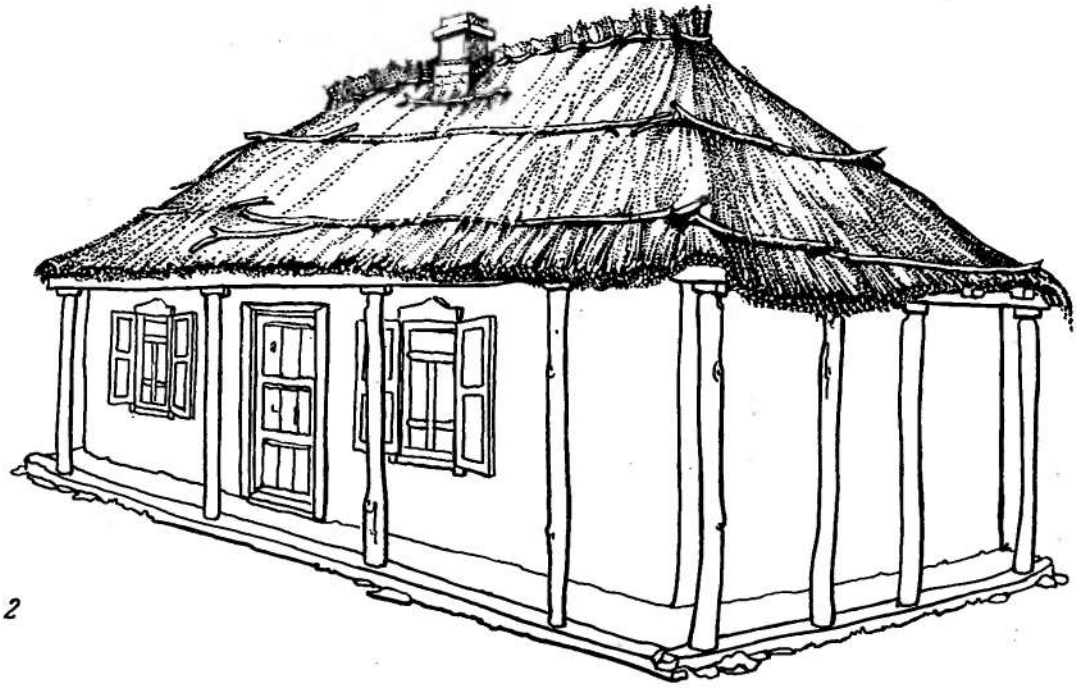
Своеобразный вариант пологой двускатной крыши бытовал в верховьях Чегемского ущелья Балкарии (в сел. Эльтюбю). Здесь в некоторых старых домах поперечные балки делали не прямыми, а слегка выгнуты-

Рис. 32. Форма и материал крыши

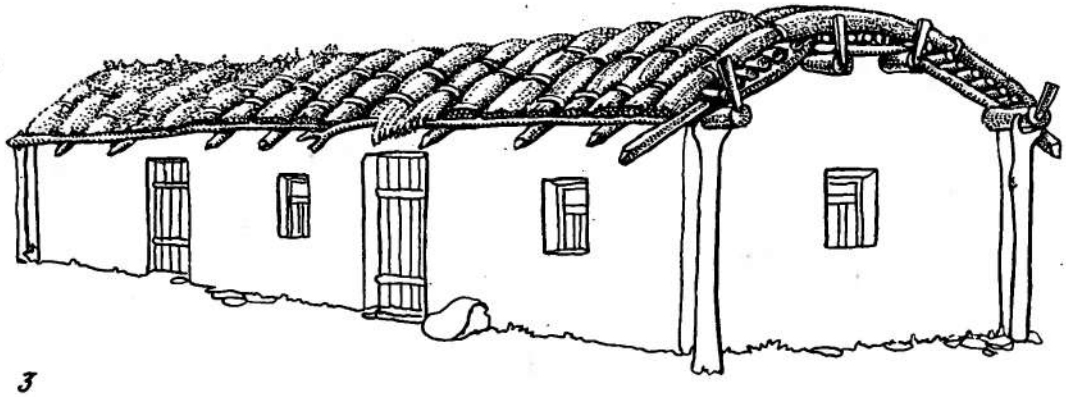
1 – старое кабардинское жилище с пологой четырехскатной крышей с земляным покрытием (с фотографии Ермакова конца XIX в. Фотоархив ИЭ); *2* – адыгейское жилище начала XX в. с крутой четырехскатной крышей с соломенным покрытием "с расчесом". Сел. Асоколай. Адыгейская АО; *3* – чеченское жилище на равнине 1920-х годов с коробовым камышево-земляным покрытием. Сел. Верхний Наур ЧИАССР

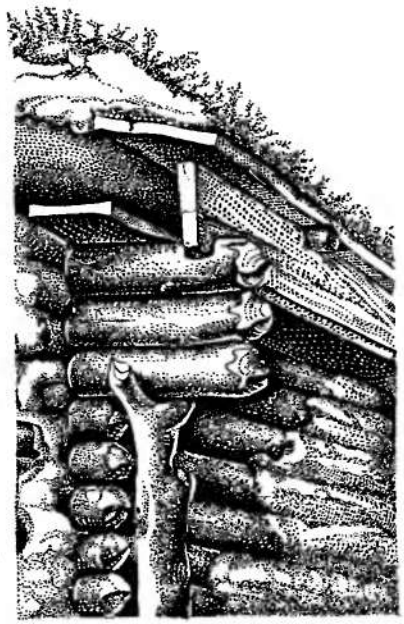
1

2

3

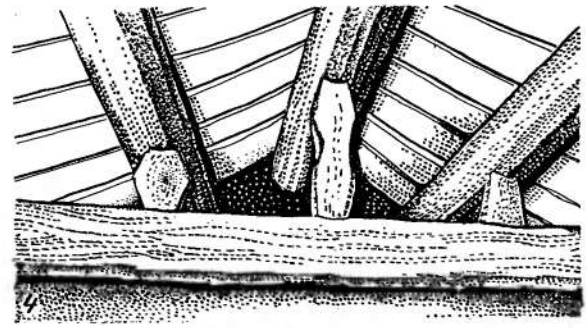
1

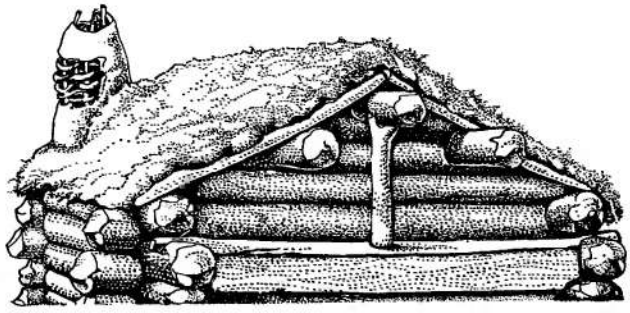
2

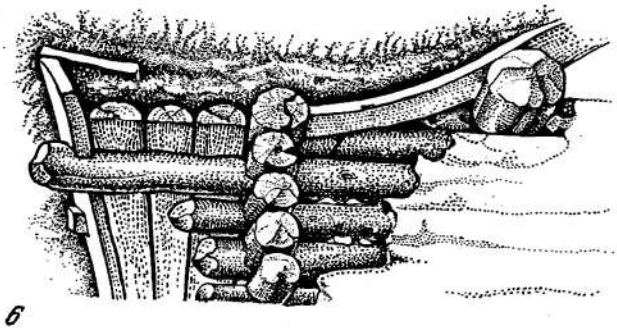
3

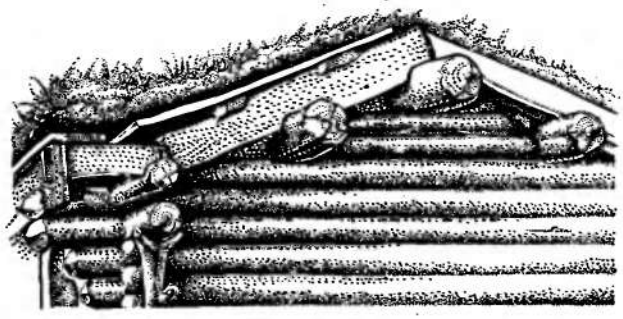
4

5

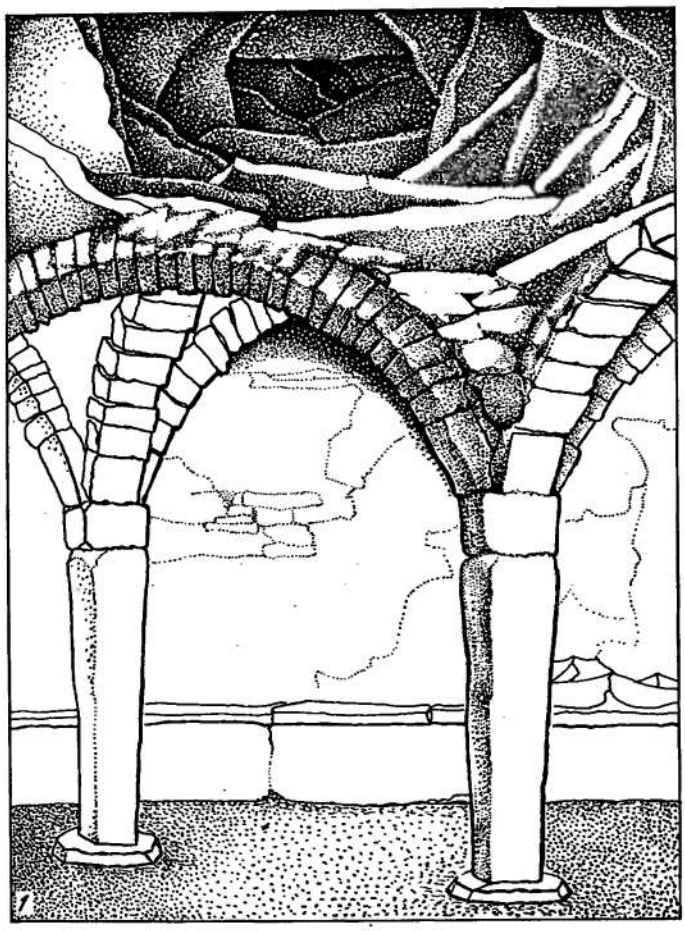
6

7

Рис. 33. Форма, конструкция и материал пологой земляной крыши

1 – устройство карниза в традиционном карачаевском жилище. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО; *2* – устройство карниза в дигорском жилище. Сел. Куссу СОАССР; *3–7* – устройство отдельных узлов традиционной пологой двускатной крыши с земляным покрытием. Сел. Хурзук. Карачаево-Черкесская АО

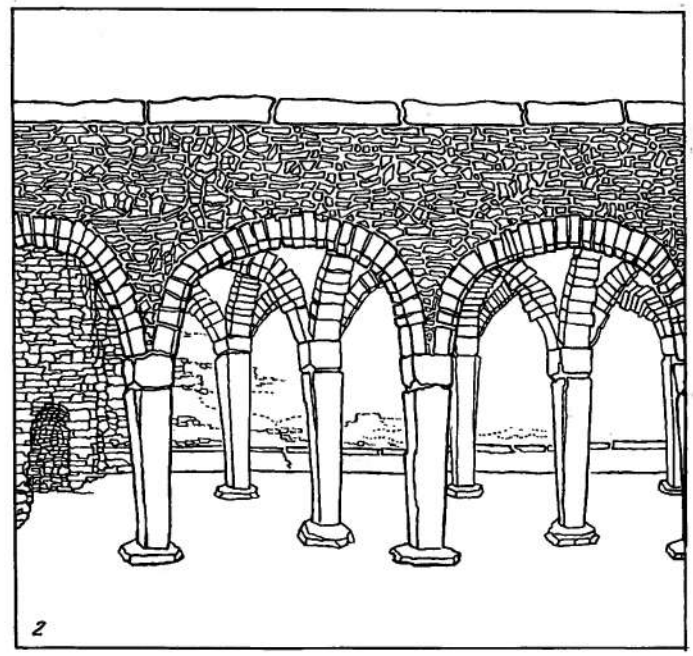

Рис. 34. Конструкция сводчатого перекрытия в чеберлоевском жилище типа "желе". Сел. Хой ЧИАССР
1 – интерьер; *2* – фрагмент опорной конструкции

ми наподобие лука или коромысла, они так и назывались "жиялы" – лук[18]. Подобного рода "коробовое" перекрытие по форме напоминает "горбатые" двускатные камышово-земляные кровли саманных и турлучных домов в некоторых притеречных селениях Чечни и Северной Осетии, расположенных между Моздоком и сел. Брагуны. Здесь вплоть до Октябрьской революции была распространена особая разновидность пологой двускатной крыши – из четырех продольных брусьев-матиц, два из которых проходили посередине перекрытия, а два неподалеку от стен жилища. Своими концами все брусья опирались на столбы–колья, входившие в конструкцию боковых стен, которые в средней части имели несколько большую высоту, чем по краям. Поверх этих продольных брусьев-матиц укладывали в поперечном направлении сплошным накатом слегка изогнутые стропила из горбылей, на которые затем настилали камышовое покрытие, плотно обмазанное глиной. В результате получалась двускатная крыша с округлым верхом.

На большей части горной полосы, начиная от среднего течения Баксана и далее на восток до границы с Дагестаном, преобладала плоская земляная крыша. Ее устройство в основных чертах было однотипным. На поперечные балки, опиравшиеся своими концами на продольные стены жилища, пристенные столбы или специальные гнезда в кладке, укладывали накат из жердей, плах или плетеные маты, а с конца прошлого столетия – также доски. На это покрытие настилали хворост, поверх которого насыпали землю. Земляную засыпку обмазывали толстым слоем глины, смешанной с навозом или саманом, и плотно утрамбовывали специальными каменными катками. Обмазку и трамбовку время от времени подновляли, особенно в дождливую погоду. Для того чтобы осадки не скапливались на крыше, ей придавали легкий наклон в одну сторону. Карниз крыши укрепляли при помощи каменных плиток либо горизонтальных бревен и досок, уложенных друг на друга. Бревна удерживали от падения жердями с загнутыми кверху концами, проложенными под сланцевые плиты, либо закрепляли специальными клиньями, вставляемыми в гнезда в концах поперечных балок. В горных районах Чечни бытовали также крыши с карнизом, выложенным ровными сланцевыми плитами, нависавшими над плоскостью стен.

При большой площади помещений земляные перекрытия внутри жилища подпирали особыми столбами с резными капителями. В Ингушетии и кое-где в Чечне в жилых башнях для поддержки верхнего покрытия и межэтажных перекрытий в центре жилища возводили из камня опорный столб квадратного сечения с уступами.

На крайнем юго-востоке Чечни в Чеберлоевском обществе в старинных домах встречалась плоская кровля, опиравшаяся на ряд колонн с арочным завершением, называвшихся "ког" (ноги). Эти арки выкладывали из небольших камней правильной формы, а паруса между арками заполняли сланцевыми плитами, уложенными в технике ложного свода, т.е. напуском одна на другую, с последовательным перерезанием углов в каждом последующем ярусе (рис. 34). По словам информаторов, этот вид перекрытия был заимствован чеченцами из соседнего Дагестана, где арочные конструкции имели широкое распространение. В свое время жилище с крышей, опиравшейся на арки, высоко ценилось населением.

Поэтому при сватовстве обычно интересовались, сколько "ног" у дома невесты[19]. Ответ позволял составить представление об имущественном положении девушки (в прошлом в жилище вместе с людьми находился и скот, теплом которого согревались в зимнюю пору). Однако на исходе XIX в. жилище с арочным перекрытием постепенно выходит из обихода (небольшая высота, отсутствие окон, которые боялись устраивать, чтобы не ослабить крепость стен, делали его неудобным и негигиеничным) и оно перешло в разряд хозяйственных помещений. Само его название "желе" стало обозначать скотный двор, хлев.

Среди редких форм перекрытия на боевых башнях, склепах и святилищах следует упомянуть двух- и четырехскатные ступенчатые перекрытия из шиферных плиток, переложенных рядами каменной кладки (в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и в единичном числе в горной Балкарии и Карачае, параболические двускатные (Ингушетия, Северная Осетия), полусферические, с такими же шиферными ступеньками или с навесными гуртами (Ингушетия), пирамидальные с выпуклыми скатами (Северная Осетия), многогранные шатровые (Балкария), а также купольные межэтажные перекрытия ингушских боевых башен. Все они своими корнями восходят, по-видимому, к разного рода древним видам передвижного жилища, крытого шкурами, войлоком или древесной корой[20].

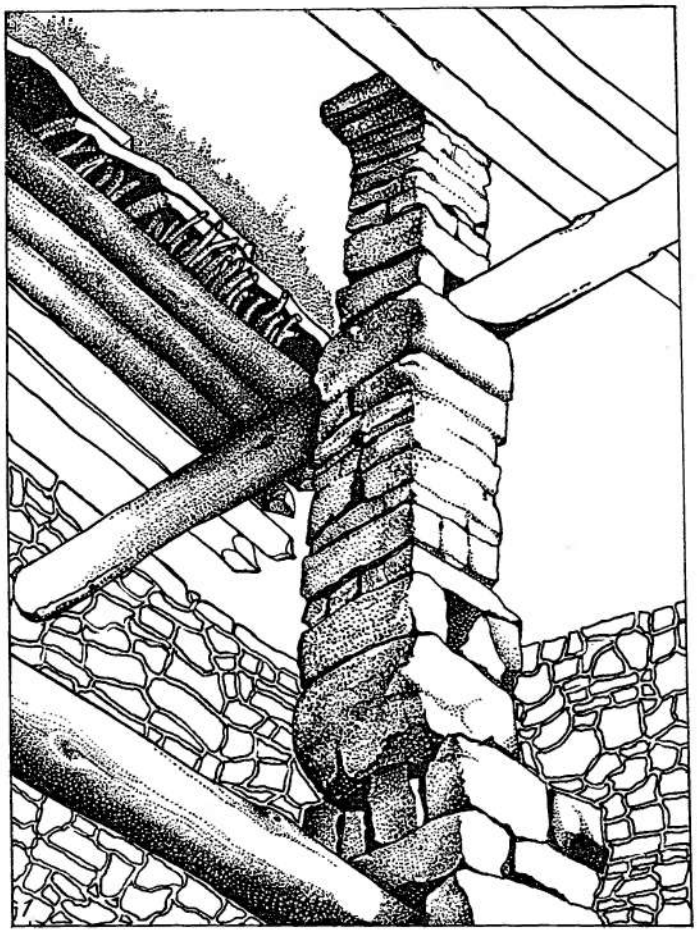
[1] Песни живших до нас/Пер. Наума Гребнева. Нальчик, 1966, с. 13.
[2] *Белль Д.* Дневник, т. III, с. 726, 727. Рукопись. Хранится в Научном архиве Адыгейского НИИ истории, языка и литературы.
[3] *Вертепов Г.* Ингуши. – В кн.: Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Владикавказ, 1892, вып. 1, с. 97.
[4] Республиканский музей краеведения ЧИАССР, фотоархив, № НВ 2537/31; 2880.
[5] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 18 об.
[6] АОА, ф. Р-8, оп. 1, ед.хр. 61, л. 12.
[7] *Робакидзе А.И.* Форма поселения в Балкарии. – МЭГ, 1960, вып. 11, с. 102.
[8] *Миллер А.* Черкесские постройки, с. 13, 14.
[9] *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880, с. 115.
[10] См., например: *Агларов М.А.* Народности андийской группы в XIX – начале XX в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1965.
[11] *Кануков И.* В осетинском ауле. – В кн.: Осетинская литература. М., 1952, с. 141.
[12] *Махвич-Мацкевич А.* Абадзехи, их быт, нравы и обычаи. – Народная беседа, 1864, кн. 3, с. 2.
[13] АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1960 г., тетр. 1, л. 65 об.; 1961, тетр. 1, л. 64 об.
[14] Там же, 1961, тетр. 2, л. 31.
[15] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, с. 158.
[16] *Клапрот Ю.* Путешествие..., с. 170.
[17] Об использовании липовой коры в качестве покрытия упоминает еще Аммиан Марцеллин (История, кн. XXX, гл. 2, 18).
[18] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 23 об.; *Робакидзе А.И.* Форма поселения в Балкарии, с. 101; *Пионтек Г.В.* Селение Эльтюбю как потенциальный музей балкарского народного зодчества на открытом воздухе. – Уч. зап. Ин-та скульптуры и архитектуры, 1961, вып. 1, с. 107.
[19] Устное сообщение чеченского этнографа Ибрагима Саидова.
[20] О происхождении указанных форм перекрытий имеются и другие мнения. Например, известный кавказовед второй половины XIX в. В.Ф. Миллер считал ступенчатую форму кровли отражением конструкции ложного свода (*Миллер В.Ф.* Археологические наблюдения в области чеченцев. – МАК, 1888, вып. 1, с. 39), а советский архитектор И.П. Щеблыкин видел в шиферных плитах, покрывавших кровлю, "водосливы" (*Щеблыкин И.П.* Архитектура древних ингушских святилищ. – ИИНИИК, 1930, вып. 1, с. 415).

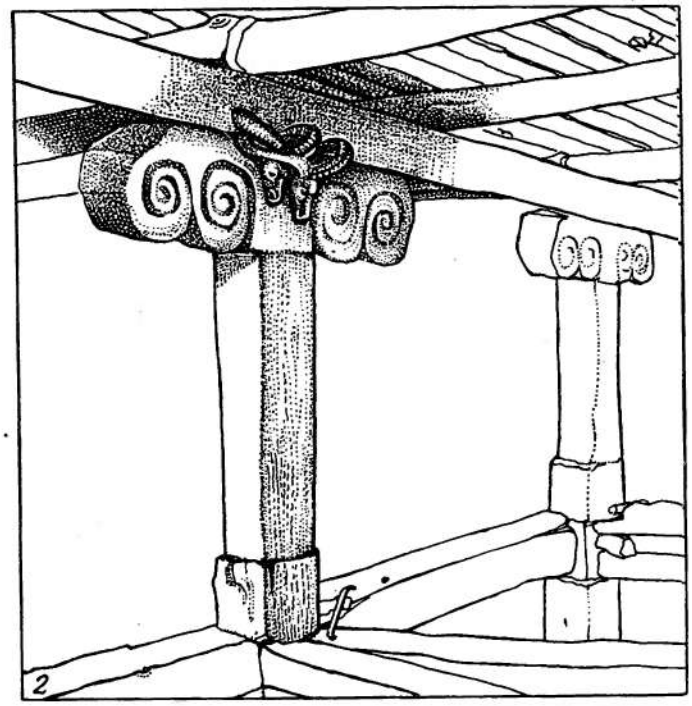
Пол, потолок, межэтажные перекрытия

Пол и межэтажные перекрытия в XIX – начале XX в. в традиционном жилище края были земляными независимо от того, из какого материала жилище было выстроено – из камня, дерева или турлука. Нередко уровень пола был ниже уровня почвы вследствие того, что при его устройстве землю плотно утрамбовывали. Утрамбованную землю сверху обмазывали слоем жидко разведенной глины, смешанной с навозом. Этим же раствором пол периодически (примерно раз в 10–15 дней) промазывали и в дальнейшем. Кроме того, ежедневно полы подметали, предварительно опрыскав их водой. "Пол делается всегда глинобитным и сверху смазывается глиной, перемешанной с навозом; вдоль стен у пола устраивается небольшая ступенька из глины, для того чтобы внутрь жилища не проникала вода", – писал о черкесском жилище в начале XX в. А. Миллер[1]. С появлением фундамента пол стали несколько приподнимать над уровнем почвы, для чего землю под ним перекапывали, а затем застилали камнем, сверху камни засыпали землей и утрамбовывали[2].

Деревянные полы появились в конце XIX – начале XX в. первоначально в домах русского типа и были привилегией исключительно зажиточных слоев населения[3]. Со временем их стали настилать в отдельных помещениях и домов местного типа, прежде всего в гостевой, комнатах молодоженов. Позднее всего деревянные полы стали устраивать в общесемейных помещениях, служивших одновременно кухней[4]. В этих помещениях земляной пол сохранялся вплоть до коллективизации, а в отдельных домах – и до начала Великой Отечественной войны[5]. В послевоенные годы земляные полы продолжали делать в хозяйственных и подсобных помещениях (в кладовой, летней кухне), в жилых же комнатах дощатые полы получили всеобщее распространение, в том числе в самых отдаленных горных селениях. На равнине в настоящее время можно встретить полы, застеленные паркетом и пластиком. Настилают деревянные полы в большинстве случаев по балкам, уложенным на фундамент, но в последние годы в практику все шире входит устройство железобетонных монолитных полов и межэтажных перекрытий. Сверху цементные полы застилают досками или линолеумом.

Потолок в строгом значении этого слова местному традиционному жилищу на равнине до середины XIX в. был не известен. Объяснялось это особенностью конструкции крыши, державшейся на кокорах без подстропильных балок. Однако с целью утепления и предохранения крыши от протекания начиная от стен и до половины высоты крышу обычно слегка промазывали глиной, что, впрочем, мало помогало. С появлением крыши на стропилах на подстропильные балки стали укладывать плетеные маты, которые и следует считать прообразом первых потолков. Настилали такие маты вначале лишь в комнатах молодоженов и в гостевой, и только в начале XX в. потолки начали возводить и в других комнатах, в том числе в зимних кухнях. Тем не менее, по воспоминаниям информаторов, перед революцией потолки имелись едва в половине турлучных домов[6]. В летних кухнях потолков не делали вплоть до коллективизации. Теперь при устройстве потолков сначала сооружают деревянную опалубку на столбах; внутрь нее помещают железную арматуру.

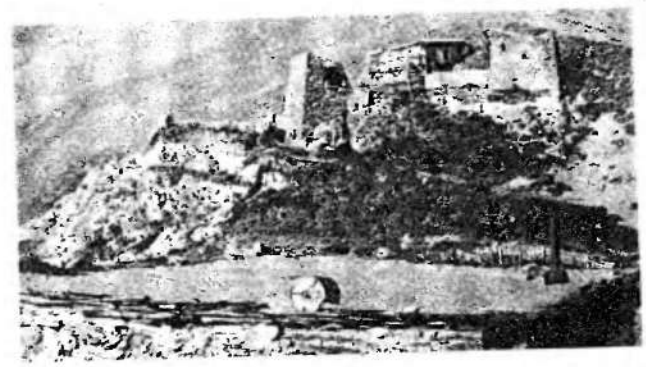

Рис. 35. Конструкция плоского земляного перекрытия

1 – схема устройства перекрытия в ингушской жилой башне с помощью центрального опорного столба. Сел. Бирк ЧИАССР; *2* – конструкция плоского перекрытия в старинном двухэтажном осетинском хадзаре. Сел. Берзикау СОАССР (по фотографии 1930-х годов). ГМЭ, колл. 5711, № 62; *3* – строительство плоского земляного перекрытия (с фотографии 1930-х годов). ГМЭ, колл. 5711, № 68; *4* – готовое земляное перекрытие плоской кровли. На переднем плане – каток для укатки земли. Сел. Верхний Зарамаг СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; *5* – общий вид жилища с плоским земляным покрытием. Сел. Стур-Дигора СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.

В срубном жилище в горных районах вначале потолков также не было, но с конца XIX в. их стали возводить из толстых грубо обтесанных досок-сороковок, зашивая швы вагонкой. В домах русского типа и с двурядной планировкой потолки делали всегда во всех комнатах из хорошо подогнанных дюймовых пиленых и отфугованных досок.

Новым стимулом для развития потолка послужило внедрение в строительство черепицы в качестве кровельного материала. Новое покрытие по сравнению с соломенными и даже земляными крышами было намного холоднее и настоятельно требовало дополнительной заботы об улучшении теплоизоляции жилых помещений.

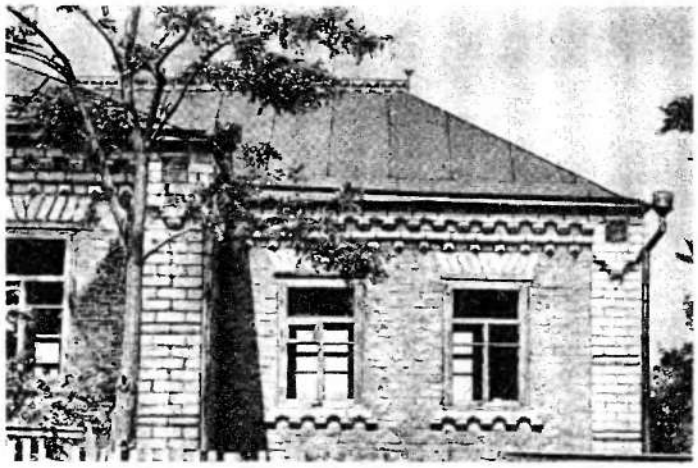
В жилище с плоским земляным перекрытием, разумеется, также не было каких-либо специальных потолков, но при сооружении его обращали большое внимание на отделку и подгонку балок, жердей и плах внутри помещения. Тщательную подгонку делали и при возведении межэтажных перекрытий в жилых башнях и многоэтажных домах.

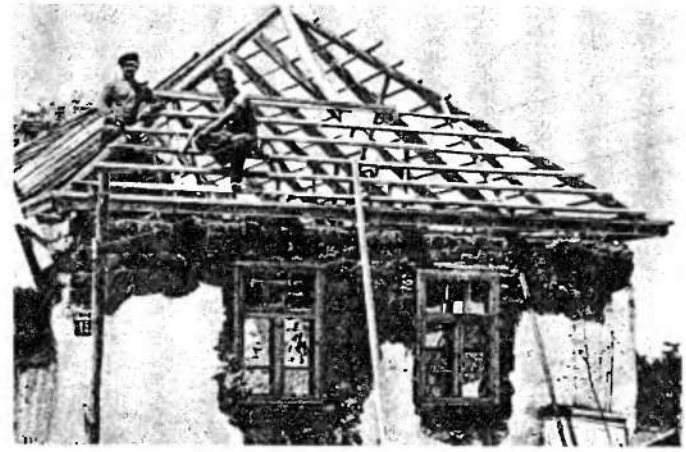
Жилище в горах почти до конца пореформенного периода отапливалось в большинстве случаев открытым

Рис. 36. Форма, конструкция и материал современной крыши на стропилах

слева – кирпичный дом с четырехскатной железной крышей. Сел. Бесленей. Карачаево-Черкесская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; *справа сверху вниз* – конструкция двускатного перекрытия с откосами. Аул Шовгеновский. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1961 г.; конструкция четырехскатной крыши со стояками. Сел. Эльхотово СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; конструкция двускатной крыши с коньковым брусом. Сел. Итум-кале ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; общий вид селения, застроенного домами с двускатными и четырехскатными крышами, крытыми железом, черепицей и листовым шифером. Сел. Булунгу КБАССР. Фото автора 1969 г.

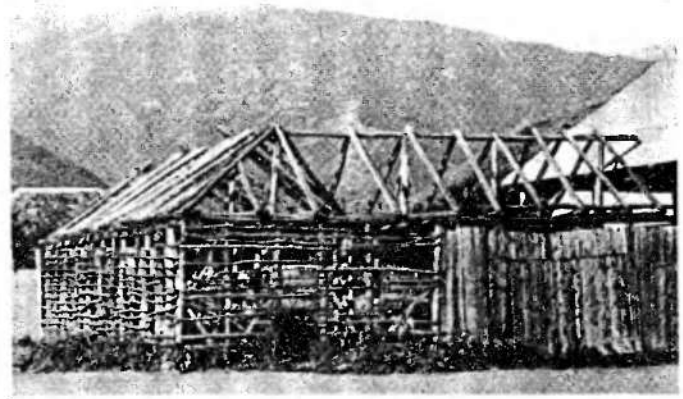

очагом, поэтому стены и особенно потолок в нем были покрыты толстым слоем многовековой копоти, которая тускло поблескивала в отсветах неяркого очажного огня.

В советские годы деревянный потолок, подшитый к подстропильным балкам, стал повсеместно неотъемлемой частью северокавказского жилища. В новых кирпичных и каменных домах на равнине его чаще всего сооружают из монолитного железобетона, устраиваемого в специальной опалубке, и снизу, со стороны жилых помещений, штукатурят цементом, выбеливают, а нередко и украшают лепным алебастровым орнаментом в виде разного рода подлюстровых розеток и пр. Деревянные потолки красят, подшивают фанерой, белят известью, всячески заботясь об их чистоте.

В заключение раздела остановимся несколько подробнее на специфическом арочном перекрытии второго этажа ингушских боевых башен, которое, как нам представляется, имеет немаловажный интерес с точки зрения истории жилища региона и эволюции форм кровли, в частности. Перекрытие это не имеет себе аналогов в архитектуре Кавказа и давно привлекает внимание исследователей не только своей необычностью, но в еще большей степени уникальностью и загадочностью. Во-первых, перекрытие такого рода конструктивно никак не оправдано, поскольку выполнено в технике ложного свода и не несет никаких функций. Правда, археолог М.Б. Мужухоев пытается объяснить его наличие тем, что когда противник проникал в нижние этажи башни, каменный свод препятствовал поджогу перекрытия последующих этажей[7], но мы знаем, что такой свод отсутствовал в боевых башнях с плоским земляным перекрытием, распространенных в других районах горного Кавказа и в небольшом числе в той же Ингушетии и Чечне.

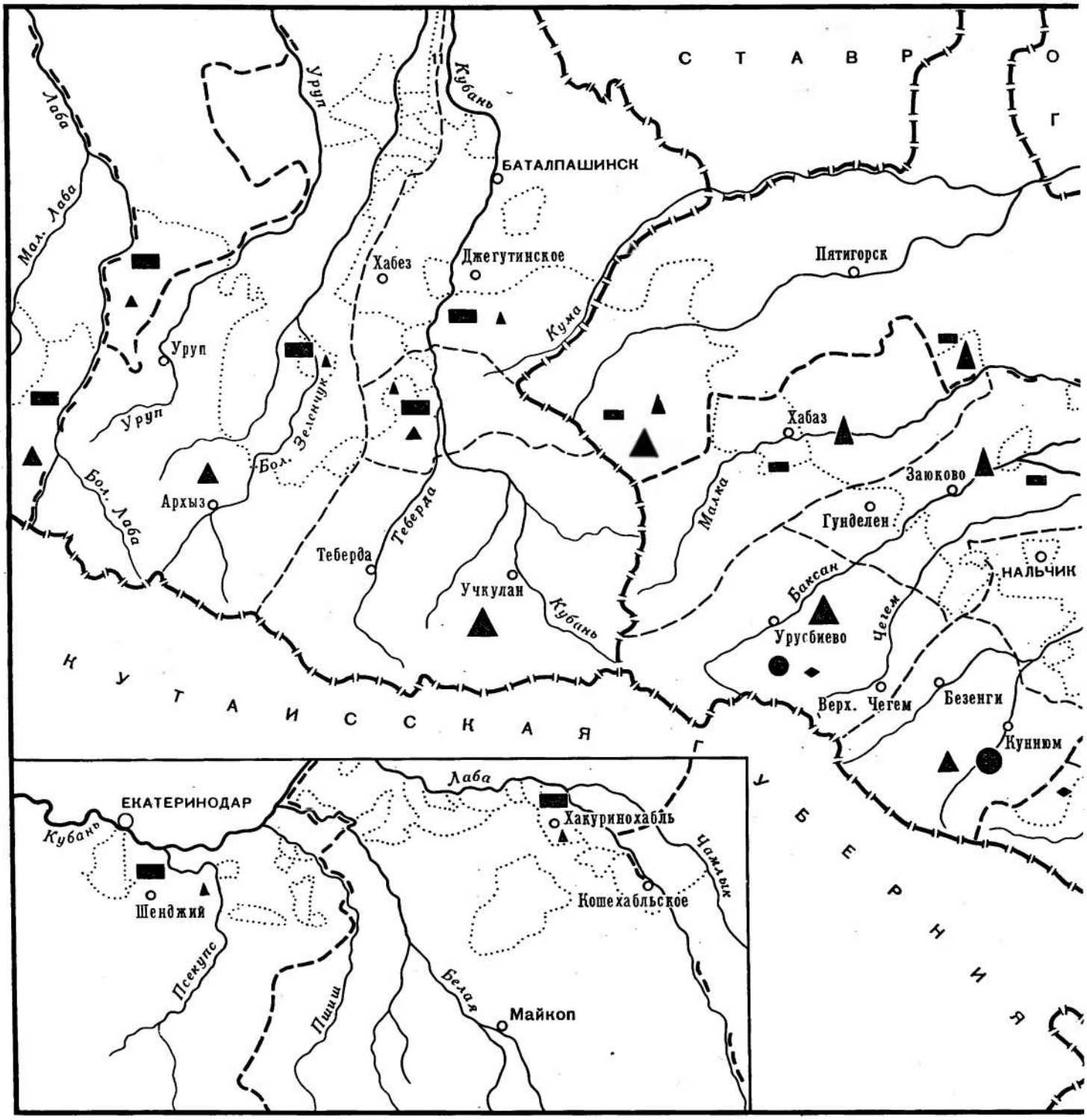
Во-вторых, перекрытие сводом устраивали между вторым и третьим этажами боевых башен и почти никогда

не возводили между другими этажами. В-третьих, ложноарочное (консольное) четырехстороннее перекрытие по середине каждой стороны имело каменный выступ в виде сходящихся в вершине и слегка выступающих за поверхность свода каменных дуг (гуртов), которые устраивали также без какой-либо видимой надобности. Это хорошо видно в местах разлома некоторых полуразвалившихся башен, на что нам уже приходилось указывать[8] (см. рис. 29 слева).

Кроме того, как справедливо отмечает архитектор А.Ф. Гольдштейн, вершины дуг не смыкаются плотно, а пяты не имеют снизу опоры[9], т.е. дуги как бы висят в воздухе. Короче, указанные дуги не только не укрепляют свода, но утяжеляют его и ослабляют стены башни. Все это позволяет предположить, что и свод и дуги представляют собой рудимент какой-то позабытой древней архитектурной конструкции, которая предшествовала сложению башенной архитектуры. В пользу этого говорит как будто и устройство входа в башни на уровне второго этажа (за самым незначительным исключением). Первый, цокольный, этаж обычно отводится под разного рода емкости для продуктов и для содержания пленников.

Таким образом, можно полагать, что ингушские боевые башни развились из предшествовавших им подквадратных в плане однокамерных, скорее всего жилых, построек, имевших четырехгранное шатровое перекрытие, которое при попытке возвести его из камня приняло столь необычную, ничем не оправданную форму. В этом нас убеждает наличие среди культовых сооружений Ингушетии и некоторых других районов горного Кавказа круглых в плане склепов, имеющих полусферическое завершение, на поверхности которого порой устраивали такие же каменные выступы-дуги, явно напоминающие каркас кочевнической юрты. С другой стороны, в боевых башнях Сванетии мы находим также каменное перекрытие, венчающее второй ярус башни (первый этаж в сванских башнях представляет собой монолитный цоколь), но устроенный в форме двускатной крыши по деревянной опалубке. Как показали исследования М.И. Джандиери и Г.И. Лежавы, здесь, как и во многих других случаях подобного рода, камню предшествовали деревянные формы жилого зодчества, так же, впрочем, как и пирамидально-ступенчатому шиферному покрытию тех же ингушских боевых башен и аналогичному завершению сходных с ними наземных склепов горной полосы региона[10].

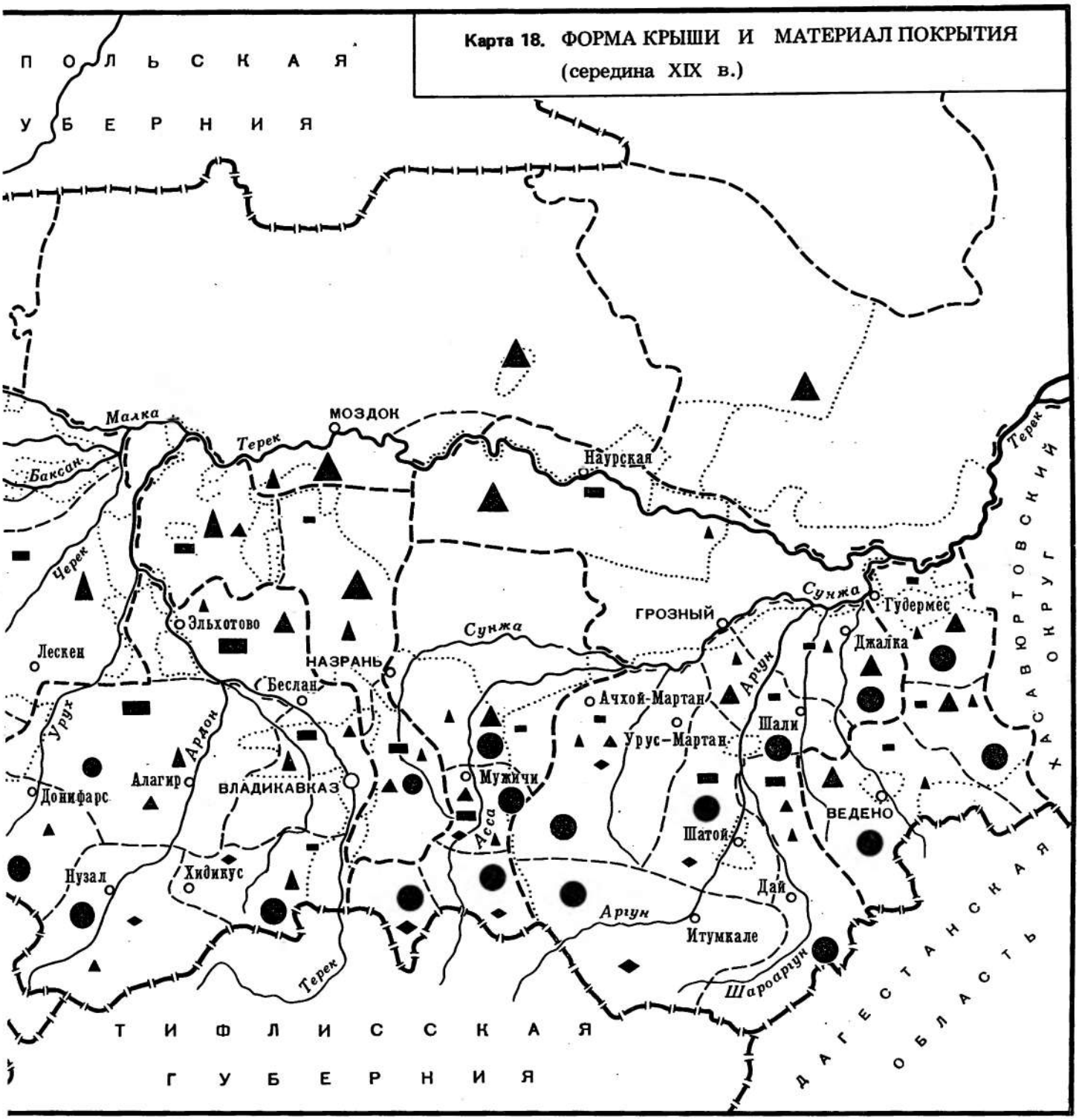
1 *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, 1914, т. 2, с. 15, 16.
2 *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е годы XX в.). Нальчик, 1971, с. 160.
3 *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни. – ИСОНИИК, Орджоникидзе, 1925, вып. 1, с. 185.
4 АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр 2, л. 64.
5 АИЭ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1962 г., тетр. 1, л. 85 об.; 1968, тетр. 1, л. 16 об., 62, 94.
6 Там же, 1962, тетр. 1, л. 74, 85 об. (селения Псыхурей, Гунделен).
7 *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 30.
8 *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Галгай – страна башен. – СЭ, 1971, № 1, с. 126.
9 *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975, с. 37, 38, 40.
10 *Джандиери М.И., Лежава Г.И.* Народная башенная архитектура. М.: Стройиздат, 1976, с. 94, 95 и рис. 62, 63 в.

Преобладают — Бытуют — Единичны

- Плоская земляная
- Двускатная пологая (в том числе коробовая) с земляным покрытием
- Двускатная крутая с соломенным и камышовым покрытием

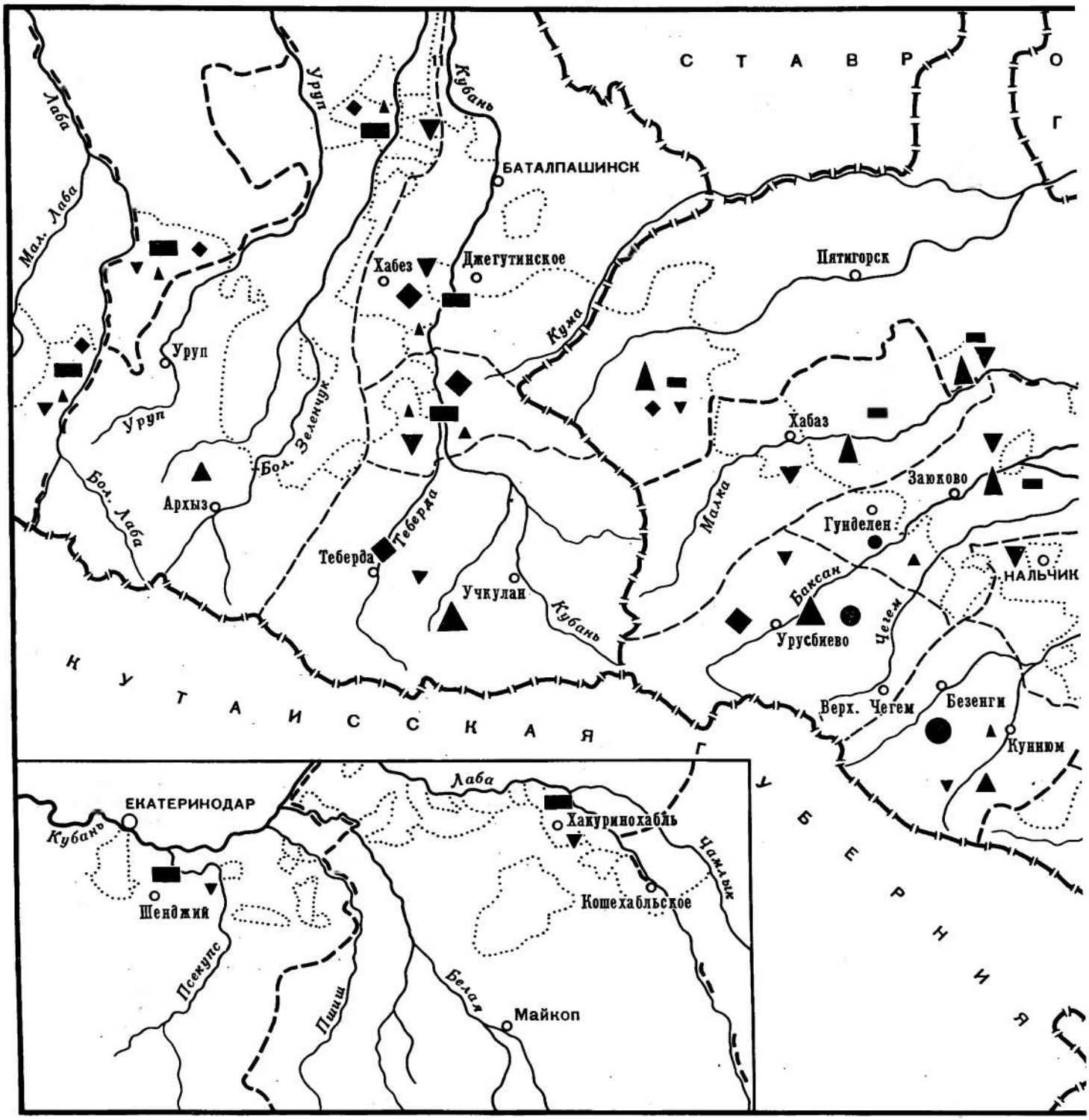
Карта 18. ФОРМА КРЫШИ И МАТЕРИАЛ ПОКРЫТИЯ
(середина XIX в.)

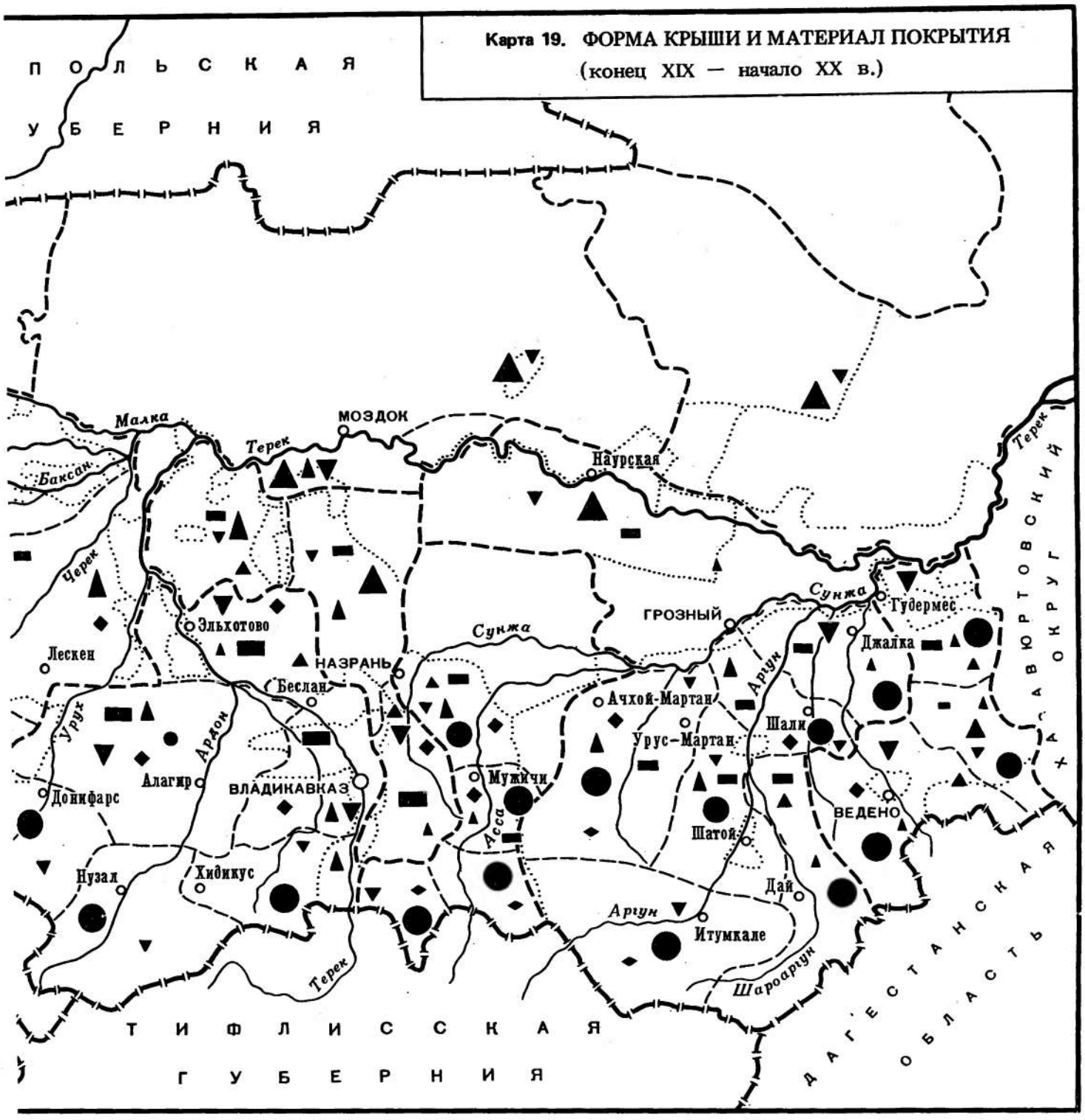
Преобладают — Бытуют — Единичны

Четырехскатная крутая с соломенным и камышовым покрытием

Двускатная и четырехскатная крутая со ступенчатым каменно–шиферным покрытием

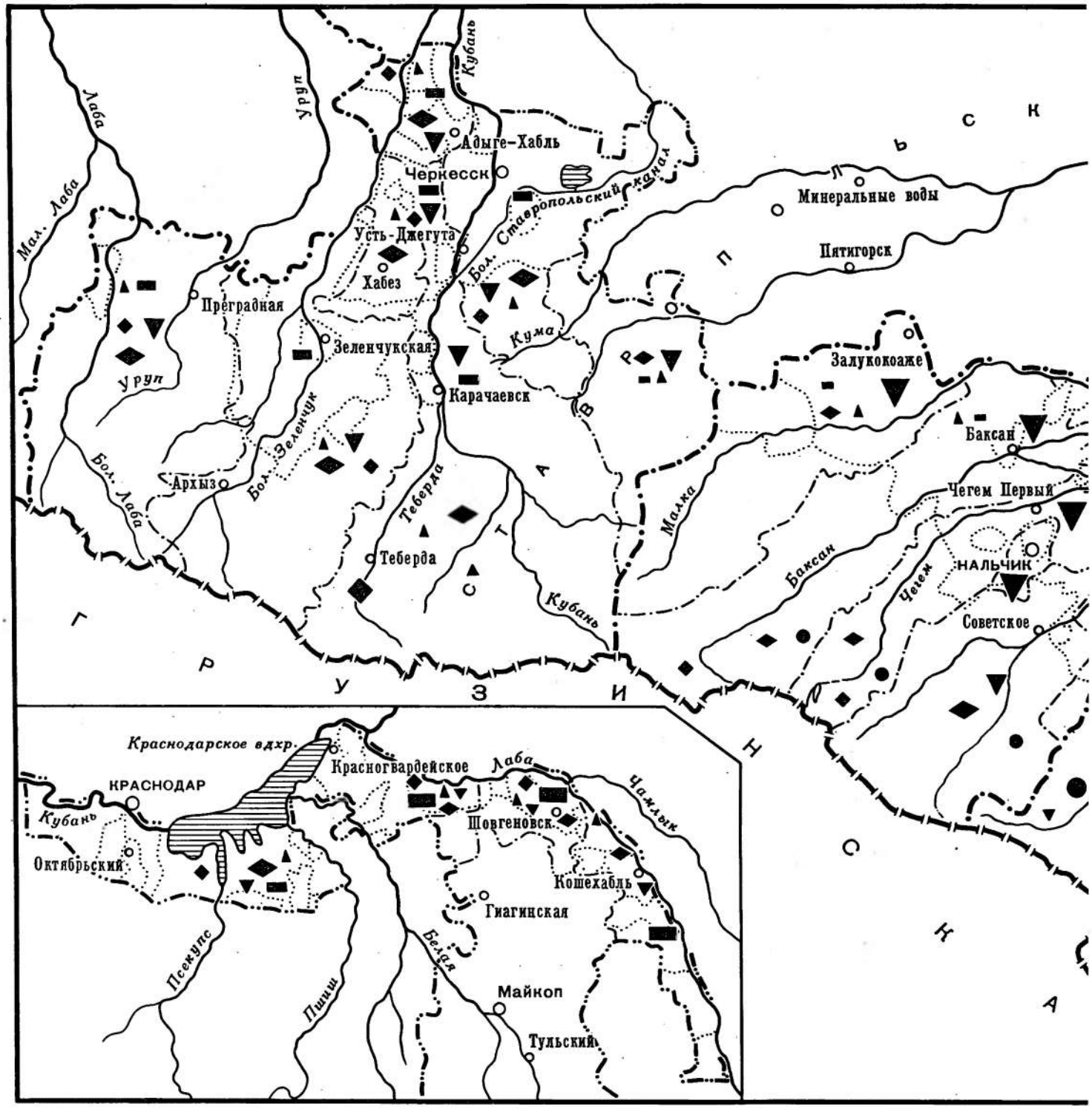

Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Кума
Пятигорск
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Баксан
Урусбиево
Челем
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
Кубань
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Белая
Майкоп
Лаба
Хакуринохабль
Кошехабльское
Чамлык
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плоская земляная
Двускатная пологая (в том числе коробовая) с земляным покрытием
Двускатная крутая с соломенным и камышовым покрытием
Четырехскатная крутая с соломенным и камышовым покрытием

Карта 19. ФОРМА КРЫШИ И МАТЕРИАЛ ПОКРЫТИЯ
(конец XIX — начало XX в.)

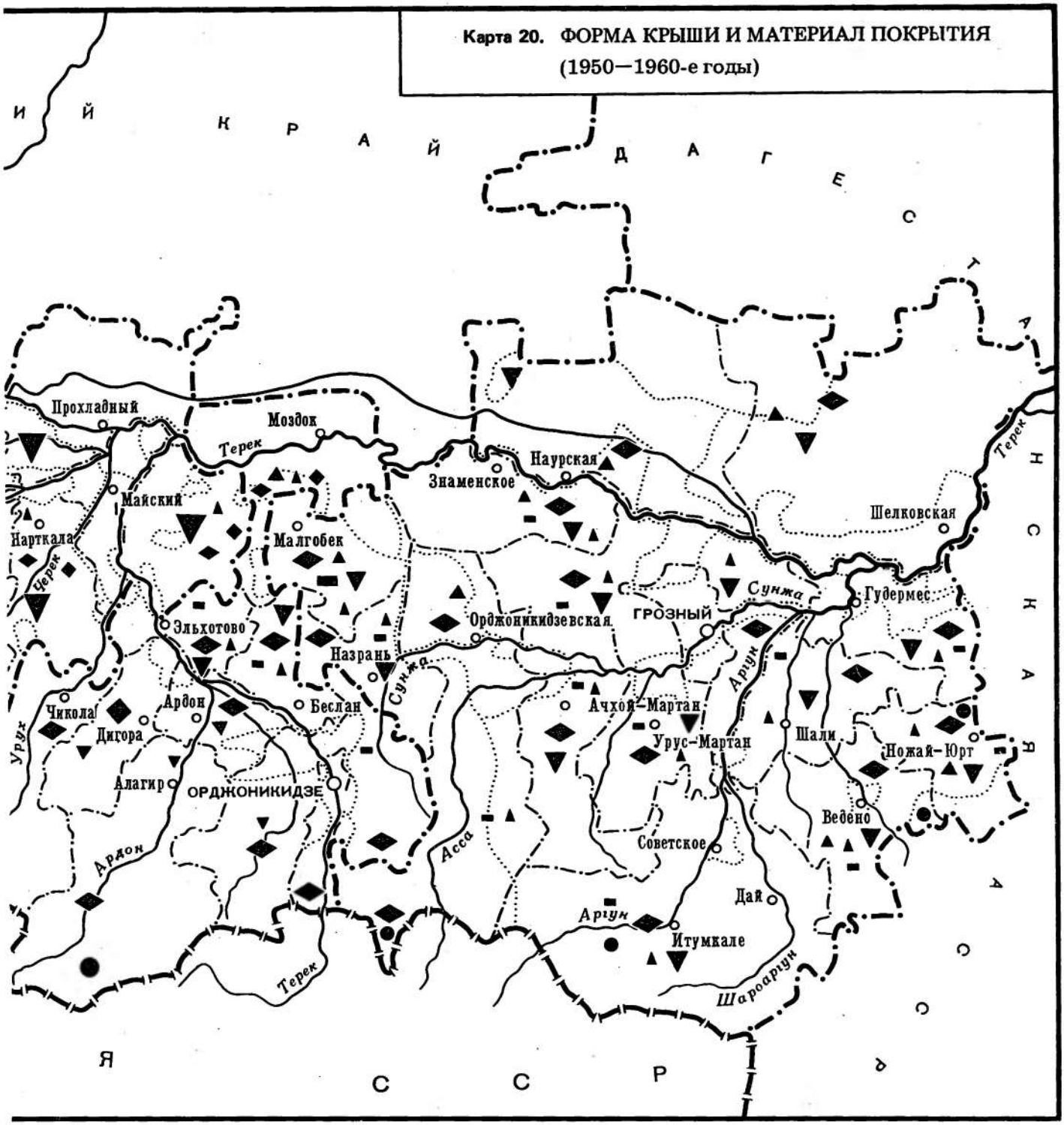

Бытуют — Единичны

- Двускатная и четырехскатная крутая со ступенчатым каменно—шиферным покрытием
- Двускатная и четырехскатная крутая с тесовым и драночным покрытием
- Двускатная и четырехскатная крутая с черепичным и железным покрытием

Кубань
Лаба
Урупп
Мал. Лаба
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Бол. Ставропольский канал
Минеральные воды
Пятигорск
Прегрaдная
Зеленчукская
Кума
Карачаевск
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Малка
Баксан
Чегем Первый
Нальчик
Советское
Чегем
Баксан
Кубань
Краснодарское вдхр.
Красногвардейское
Лаба
Чамлык
КРАСНОДАР
Кубань
Шовгеновск
Октябрьский
Кошехабль
Гиагинская
Псекупс
Белая
Пшиш
Майкоп
Тульский
Преобладают
Бытуют
Единичны
Плоская земляная
Двускатная пологая (в том числе коробовая) с земляным покрытием
Двускатная крутая с соломенным и камышовым покрытием
Четырехскатная крутая с соломенным и камышовым покрытием

Карта 20. ФОРМА КРЫШИ И МАТЕРИАЛ ПОКРЫТИЯ
(1950—1960-е годы)

Преобладают ◆ Двускатная и четырехскатная крутая с тесовым и драночным покрытием

Бытуют ▼ Двускатная крутая с черепичным, железным и шиферным покрытием

Единичны ◆ Четырехскатная крутая с черепичным, железным и шиферным покрытием

Виды отопления и его местоположение

Исконным видом отопления у народов Северного Кавказа был открытый очаг (огнище), находившийся первоначально посредине жилища, а в многоэтажных и многокамерных жилых комплексах – посредине общесемейной комнаты. Устройство его было довольно простым. На месте кострища на пол стелили каменную плиту, обкладываемую с боков камнями, которые препятствовали углям и золе разлетаться по помещению. В крыше над очагом устраивали вытяжное отверстие, в которое на равнине (а несколько позднее и в горах) вставляли сплетенный из прутьев и обмазанный внутри и снаружи дымарь в виде колокола или усеченной четырехгранной пирамиды. Раструб дымаря возвышался над полом на расстоянии около 1,5 м, а на крыше заканчивался высокой конусообразной формы трубой. Дымарь крепился на крыше с помощью специальных пропущенных через него балок, к которым внутри дымаря подвешивалась железная цепь (в бедных домах ее заменяло хитроумное приспособление из двух дощечек с наклонными зарубками) с переменным шагом и крючьями для котла. На этих же перекладинах коптили сыры. В жилых башнях и наиболее старых домах в горных районах дымаря не было и дым выходил через арочные окна и небольшие отверстия в потолке и стенах, распространяясь в то же время в самом помещении[1].

Срединный очаг в качестве основного вида отопления в середине XIX в. и даже в первые пореформенные годы имел почти повсеместное распространение, за исключением Чечни, Кабарды и Адыгеи, где, по свидетельству А.П. Берже, преобладал пристенный камин[2]. Но в более раннюю пору срединный очаг бытовал и в этих районах, в частности в Чечне, о чем можно заключить по сохранившемуся названию главного опорного столба в жилище чеченцев – "эрдбоу", восходящему к древнему "эрдо" – "свето-дымовое отверстие"[3]. В Адыгее и Черкесии срединный очаг в XIX в. бытовал только у беднейших слоев населения, о чем помнили в начале 1960-х годов еще некоторые старожилы[4]. У балкарцев и осетин очаг в середине помещения устраивали порой даже в начале XX в.[5]

Открытый очаг имел очень низкий коэффициент полезного действия и требовал огромного количества топлива, но помещение тем не менее обогревал плохо. "Мы до сих пор не придумали, как удержать тепло в сакле, – писал черкесский этнограф Каламбий в начале 1860-х годов. – Кладем на очаг зараз целый воз дров, а жар весь уходит в трубу; суем ноги в огонь, а искры сыплются в бороды, прожигаем платья"[6]. Огонь в жилище, особенно в зимнее время, приходилось поддерживать круглые сутки, для чего на очаг клали порой целый ствол дерева вместе с ветвями (это было обусловлено также рядом суеверий и трудоемким процессом добывания огня).

Красочную картину старинного очага и его топки приводит в своем описании путешествия по Осетии во второй половине 1830-х годов К. Кох: "Посередине находится очаг, а над ним в потолке отверстие, которое, не считая двери, служит для выхода дыма. В очаге мерцает небольшое количество угля; считается дурным признаком, если огонь потухнет. Поскольку осетины добывают огонь трением двух сухих кусков дерева, они очень заботятся о его сохранении, чтобы избежать трудностей, связанных с его добыванием. Способ сохранения огня, по крайней мере там, где растет лес, своеобразен. Юноши идут в лес и срубают большое и сухое дерево. Его волокут целиком к жилищу и втаскивают внутрь комнаты комлем. Эту толстую часть кладут на угли, и, пока оно не горит, а только обугливается, с него срубают редкие ветки и сучья и обкладывают ими ствол для получения яркого пламени. Само собой понятно, что бо́льшая часть дерева со своими ветками находится вне комнаты. По мере того, как нижний конец сгорает или, вернее, обугливается, ствол постепенно продвигают внутрь. Таким образом семья на долгое время избавляется от труда по снабжению себя горючим материалом"[7]. День, когда такой ствол входил полностью в помещение и появлялась возможность закрыть, наконец, двери, у чеченцев, по словам старожилов, отмечался даже как своего рода домашний праздник. И это понятно: зимой при раскрытой двери даже вечно пылавший огонь в очаге не приносил особого тепла.

И все же следует признать, что К. Кох ошибался, когда считал, что в основе обычая поддержания постоянного огня в очаге или камине лежали сугубо утилитарные соображения. Главенствующее значение здесь имело то обстоятельство, что на определенной ступени общественного развития очаг с негасимым огнем служил выражением нерушимости большой семьи, святости домашних устоев; недаром его устраивали всегда лишь в главной комнате. Это отметил еще известный кавказовед М.М. Ковалевский: "У всех горцев Кавказа очаг и связанные с ним предметы, как-то: котел и цепь, к которой он привешен, в большей или меньшей степени признаются предметами священными и символически выражают семейное единство"[8].

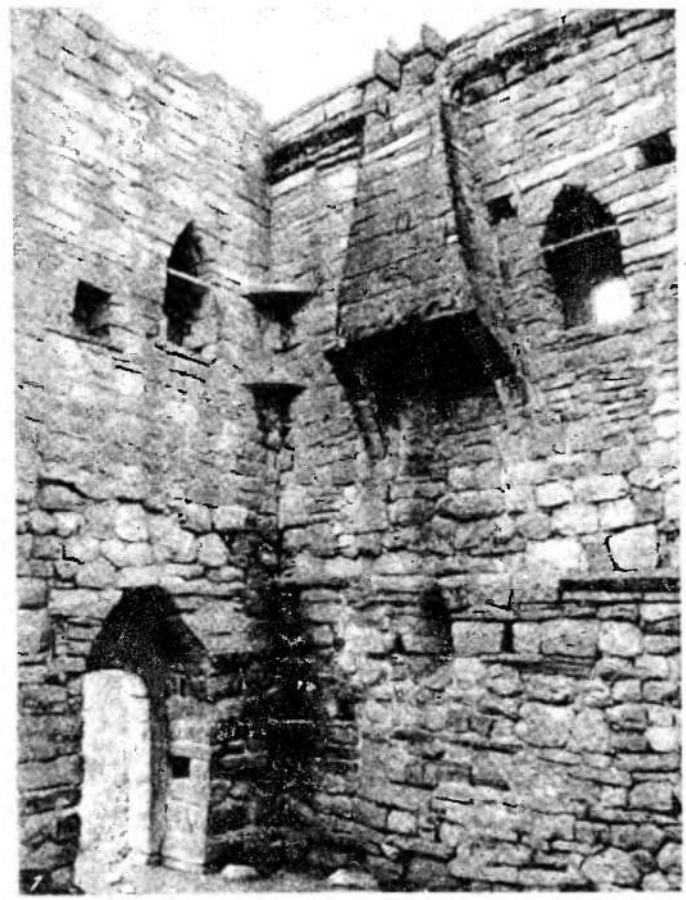
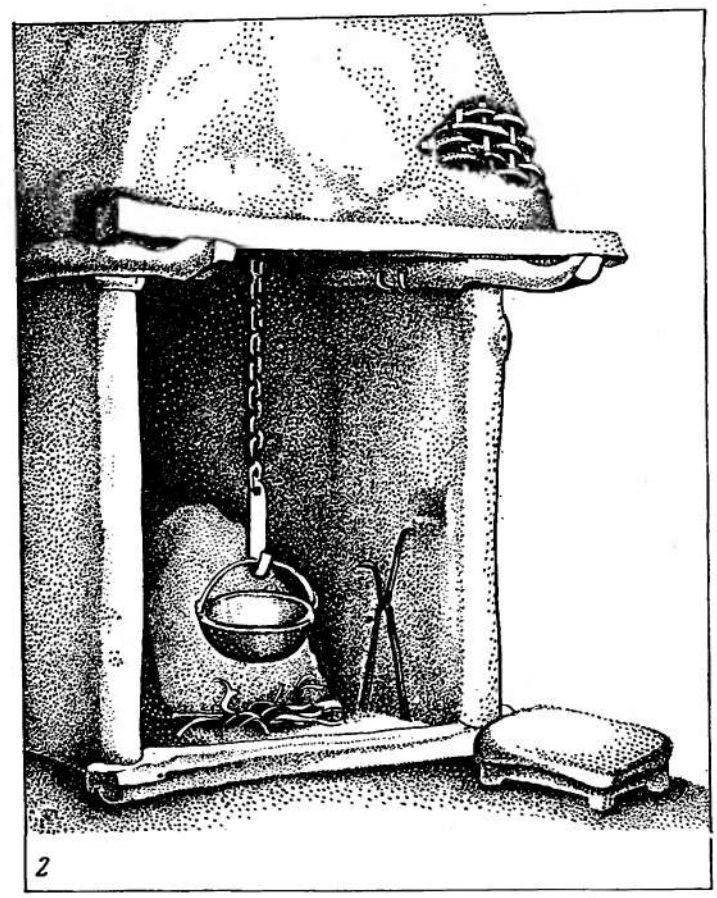
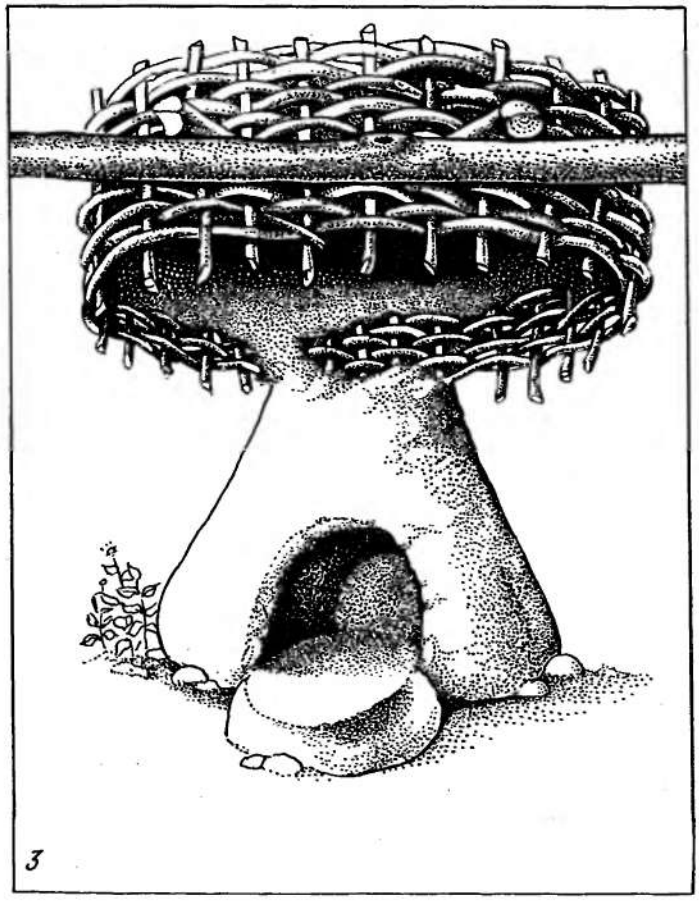

Рис. 37. Виды отопления и его местоположение

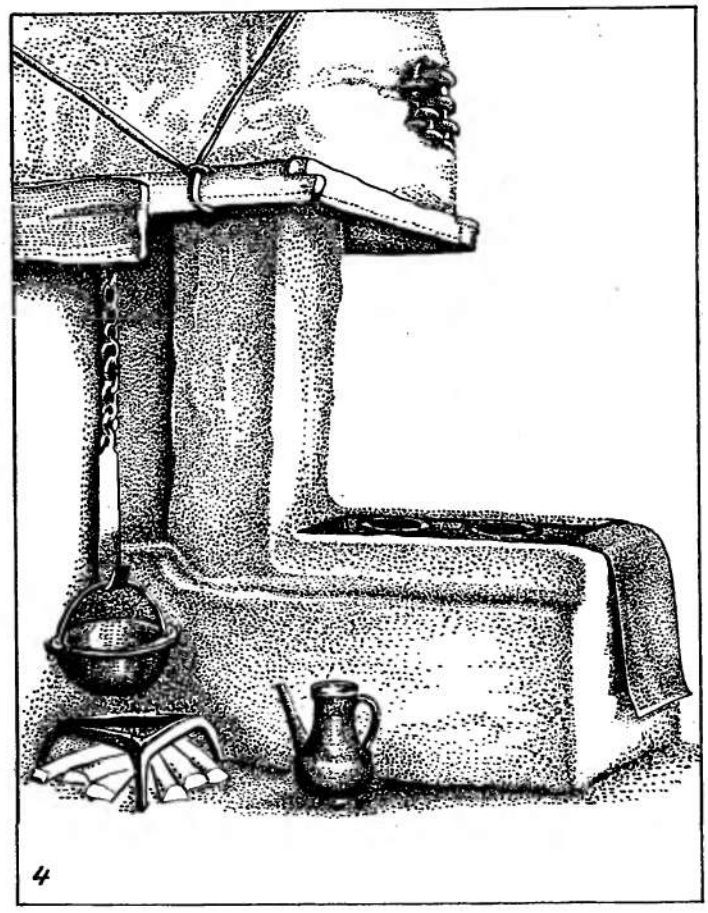
1 – остатки камина в ингушской жилой башне. Сел. Меллер ЧИАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *2* – традиционный камин в старом карачаевском жилище. Сел. Карт-Джурт. Карачаево-Черкесская АО; *3* – хлебная печь, имитирующая форму камина (по: *Миллер А.* Черкесские постройки. – МЭР, т. II. СПб., 1914); *4* – плита с камельком, установленная под дымарем камина. Аул Ходзь. Адыгейская АО

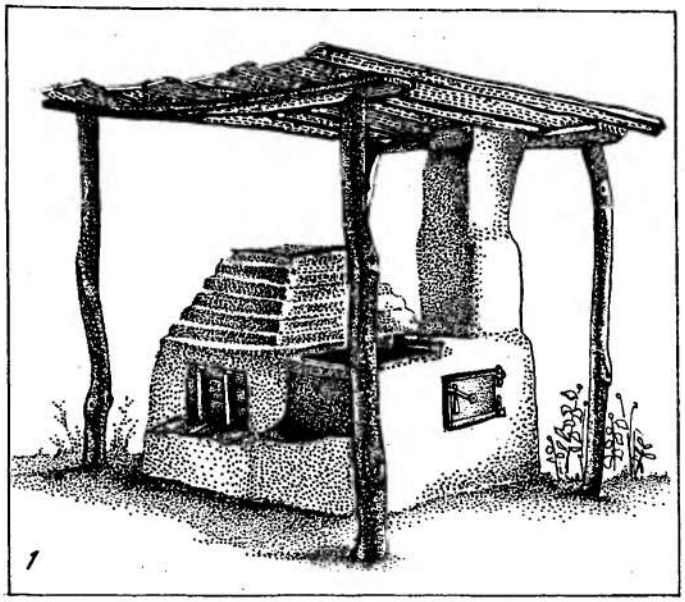
2

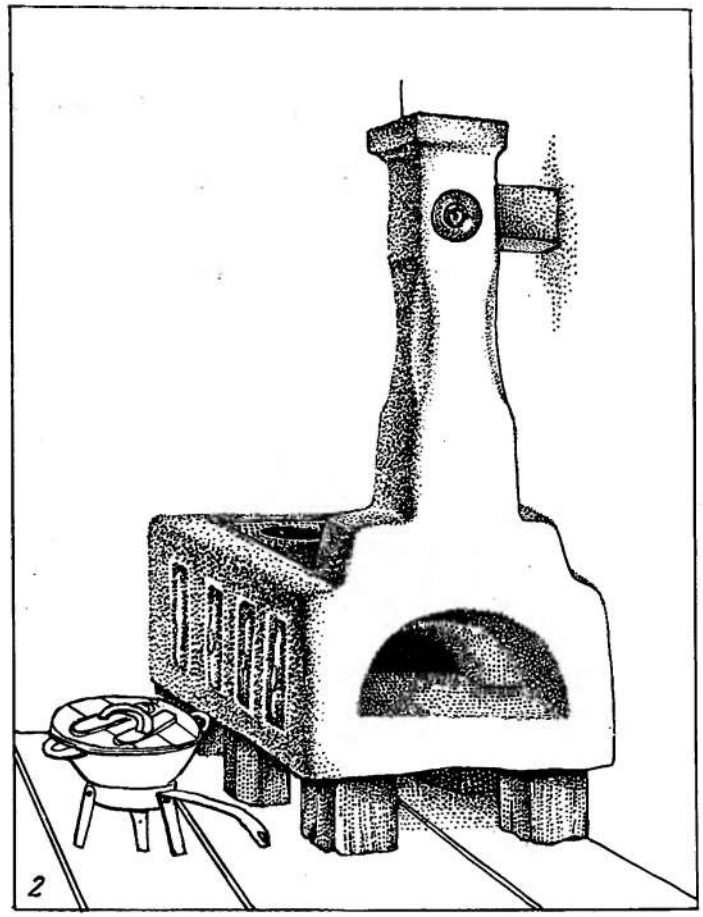

3

4

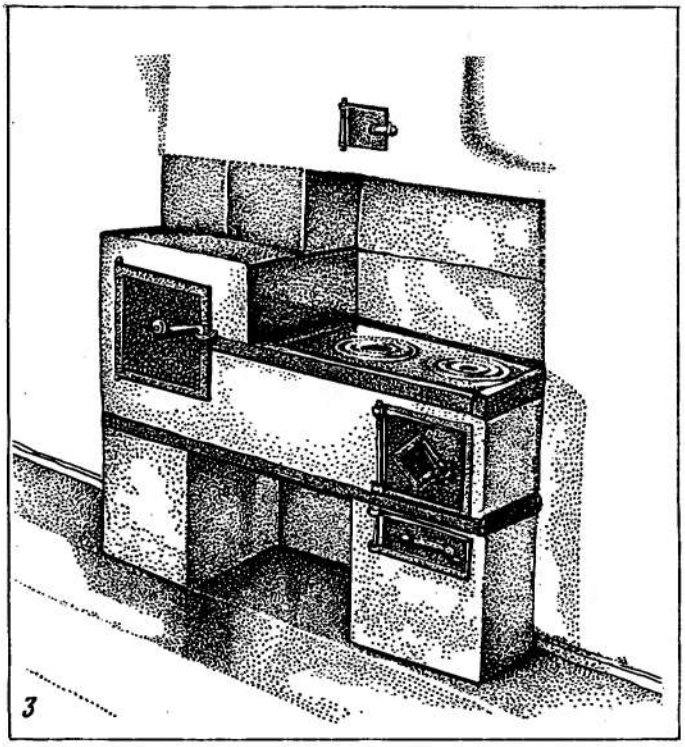

Рис. 38. Виды отопления и его местоположение

1 – кухонный навес с плитой и хлебной печью. Сел. Сармаково КБАССР; *2* – глинобитная печь старорусского типа. Сел. Верхний Наур ЧИАССР; *3* – печь с плитой современного типа, обшитая снаружи листовым железом. Сел. Заюково КБАССР

Очаг фактически отождествляли с жилищем. У карачаевцев, например, установка приочажного камня "таш отжага", по материалам К.М. Текеева, приравнивалась по своей значимости к укладке первого венца сруба и сопровождалась особым ритуалом и благопожеланиями. Огонь был первым предметом, который вносили в дом при новоселье. При выделении женатого сына и при разделении братьев огонь в новый дом было принято брать из родительского очага. В связи с этим бытовало даже особое понятие "братство головешников", или "братьев по огню", т.е. группы людей, некогда разошедшихся из одного дома. У адыгов считалось вообще позорным просить огонь для очага в чужом доме, да и получить его было не просто. Во многих семьях в случае какого-либо несчастья принято было давать обет: не давать на сторону огонь из домашнего очага. Огонь, кроме того, не давали в определенные дни, считавшиеся "несчастными". Например, у чеченцев и ингушей таким днем считалась среда (в прошлом посвященная богу огня Сели). В этот день не то что огонь – из очага нельзя было выметать даже золу[9].

Очаг, надочажная цепь, котел и даже зола и уголь из очага считались семейной святыней, от которой зависело благополучие и изобилие в доме. В нартском эпосе, известном всем народам Северного Кавказа, герои при встрече приветствовали друг друга словами: "Пусть огонь ваш не угаснет"[10]. У кабардинцев до наших дней дожили многочисленные пословицы и поговорки, в которых огонь очага выступает как синоним различного состояния семьи: "У нас нет огня", "Мы не имеем огня", "Вот уже с неделю, как у нас нет огня", – говорили в случае голода и неурожая[11]. В случае смерти главы дома тушили в очаге огонь, хозяйка снимала с цепи котел и покрывала им свою голову в знак того, что больше не для кого под-

держивать огонь и готовить пищу[12]. Перед едой у чеченцев и ингушей в очаг бросали лучшие кусочки пищи с просьбой к домашним богам о ниспослании благополучия жилищу и семье.

Невеста перед уходом из родительского дома трижды обходила очаг с закрытым лицом, а в сопровождавшей этот обычай песне пели о том, чтобы невестка была плодовитой, как зола очага, и прилипчива к мужу, как сажа. После этого шафер брал невесту за руку, другой ее рукой касался надочажной цепи и потрясал ею как бы в знак разрыва невесты с родительским кровом. Прикосновение убийцы к надочажной цепи избавляло его от преследования кровников и, наоборот, оскорбление кем-либо очага делало его объектом кровной мести со стороны хозяина дома, указывает Б. Далгат[13]. Под очаг зарывали пуповину новорожденного, клады, которые после этого якобы переходили под покровительство домашних богов[14]. Уходя из дома на длительное время, дотрагивались до надочажной цепи рукой, как бы прося заступничества. "Ни один дигорец, – замечает К.Ф. Ган, – не отправится в путь, не прикоснувшись рукой до этой цепи"[15]. В очаг нельзя было плевать, бросать мусор, подметаемый с пола. Если какому-либо дому, семье желали нанести вред, наслать "порчу", то тем или иным путем старались подбросить в их очаг ''заговорную'' траву[16]. Очагом клялись и проклинали. Клятва, данная у очага, при которой клявшийся держался одной рукой за надочажную цепь, считалась особенно крепкой[17]. Когда хотели выразить высшую степень негодования, говорили: "Чтобы у тебя огонь потух"[18], "Чтоб ты стал эрдбоу", т.е. навечно окаменел, превратился в столб[19]. Если кто-либо из домочадцев умирал, в доме гасили огонь и три дня не готовили пищу[20]. Наоборот, при большой радости из очага брали головню и обводили вокруг него круг, в чем нетрудно увидеть отголосок былого жертвоприношения по случаю удачи[21]. С этими же древнейшими верованиями связан обычай стряхивания в очаг крошек хлеба и пищи после еды ("хлеб – дар божий" и через сожжение как бы возвращается обратно к богу)[22]. К очагу перед закланием подводили жертвенное животное, бросали куски жертвенных пирогов[23]. Ночью вокруг очага спали, вытянув к его огню ноги[24]. На очаге на железном или каменном листе либо на глиняном щите в горах пекли хлеб (на равнине для этой цели устраивали особые глинобитные хлебные печи).

Отмеченная роль домашнего очага в системе идеологических представлений народов края наряду с существованием больших семей явились также главной причиной сохранения его на протяжении почти всего прошлого столетия. Только в пореформенный период и ближе к рубежу XX в. в связи с распадом больших семей, сопровождавшимся уменьшением размеров и дифференциацией жилой площади, потребность в срединном очаге отпадает и его все чаще начинают устраивать у одной из стен или в углу жилища, в результате чего очаг превращается в пристенный (или угловой) камин[25]. У зажиточных домохозяев камин в свою очередь заменяется заимствованной у русских кирпичной или, на первых порах, глинобитной печью. Очаг же переносится в так называемую летнюю кухню, которая в это время получает всеобщее распространение.

Будучи сравнительно новым и малопривычным элементом материальной культуры, камин у большинства народов края не получил устойчивого местоположения. В одних случаях его устраивали у передней стены справа или слева от входа, как, например, у карачаевцев[26], отчасти балкарцев[27], ингушей[28], осетин[29], чеченцев[30]; в других – в углу поблизости от входа либо напротив него у задней стены – у осетин[31], чеченцев[32], кабардинцев[33]; у боковой наружной или внутренней стены – у адыгейцев, черкесов и кабардинцев[34], в срубном жилище балкарцев[35], изредка у чеченцев[36], и, наконец, у задней стены, напротив или наискосок от входа – у адыгейцев[37], черкесов, чеченцев[38] и балкарцев.

О том, насколько неопределенным было положение камина даже у тех народов, у которых он бытовал почти в течение всего XIX в., а возможно и ранее, можно судить по приводимым Н.С. Иваненковым планам жилища горных районов Чечни. В зарисованных им трех жилых комплексах в селениях Хакмадоевского общества, насчитывавших вместе 13 жилых помещений, в 5 случаях камин был устроен у передней (фасадной) стены справа от входа, 2 раза – слева от входной двери и 1 раз – посередине задней стены, что встречалось крайне редко[39]. В старинном жилище в сел. Шарой, обследованном экспедицией А.И. Робакидзе, камины в двух жилых помещениях находились в углу напротив двери[40].

Вместе с тем ни камин, ни вытеснившую его позднее печь русского типа на первых порах никогда не устраивали у противоположной фасаду стены в дальнем от входа углу, который, как уже указывалось, считался наиболее укромным и теплым, а следовательно, и более почетным, интимным. У кабардинцев это отразилось даже в особой поговорке: "Разве ты видел когда-либо, чтобы печь (камин. – *В.К.*) ставили в глубине комнаты"[41].

Объяснялось это тем, что на Кавказе, как и всюду на юге, в прошлом жилище обращали фасадом в сторону солнца, а задняя стена в условиях неровного рельефа, несмотря на то что выходила на север, была как бы дополнительно утеплена склоном холма или горы.

Преобразование очага в камин сопровождалось некоторыми изменениями в конструкции стен жилища. Стену (или угол), у которой устраивали камин, в турлучном и срубном жилище для предохранения от прогорания приходилось обкладывать каменными плитками или обмазывать толстым слоем глины. Иногда вместо этого, например, в Адыгее, Черкесии и Кабарде, в стене устраивали даже небольшой просвет, в который выходило жерло камина, сам же он оказывался по существу вне объема жилища. Для крепления дымаря в стены монтировали специальные консольные балки, а к лицевой стороне дымаря прикрепляли широкую доску, использовавшуюся в качестве полки для посуды. Там, где камин находился поблизости от входа (в Балкарии, Карачае), его с боков для предохранения от задувания ограждали деревянными досками, обмазанными глиной, или же поставленными на ребро каменными плитами. Вообще конструкции каминов были самых разнообразных форм: консольные, на опорных балках, встроенные в толщу каменной стены или выступавшие за плоскость стен наружу, но всегда их заботливо и тщательно устраивали и украшали.

Вытеснение очага камином, появление летней кухни и заимствованной от русских печи с плитой в корне подорвало древний культ очага и все те обычаи, которые с ним были связаны. Огонь, пылавший в камине, уже не объединял всех членов семьи, поскольку женатые сыновья, если они не порвали еще с отчим домом, на ночь расходились по своим комнатам. Свои помещения появились и у взрослых дочерей, а иногда и у родителей.

Огонь в очаге не поддерживался теперь уже круглые сутки, в этом не было нужды, поскольку рядом с очагом красовалась печь с плитой, более экономичная и гигиеничная. Такая же печь стояла во дворе почти каждого дома. Поэтому с наступлением весенних дней очаг за ненадобностью нередко чисто выметали и замазывали глиной.

Но приверженность к очагу такова, что в дни празднеств его по традиции разжигают для того, чтобы приготовить то или иное ритуальное блюдо. "И вот появляется в доме русская печь, – сетует один современник, – и очаг заброшен и забыт. Вся пища готовится в русской печи, и приготовление на очаге совершается только в особо торжественных случаях. Постепенно забывается и исчезает из памяти весь связанный с очагом патриархальный торжественный культ"[42].

Массовое распространение печей различного типа, заимствованных от русского населения, отмечается уже в 1890-х годах. В домах квадратного плана, построенных целиком на "русский манер", камин иногда и вовсе не сооружали. Вместо него складывали разного рода русские печи с лежанкой[43], небольшие печи с плитой, цилиндрические голландки и "утермановские" печи, обитые железом, но чаще всего зимой в помещение вносили небольшие железные печки, получившие в обиходе впоследствии наименование "буржуек". В трехраздельных домах с сенями посередине камин стали выносить в сени, а в большую, бывшую общесемейную комнату в зимнее время вносили железную печурку. На северо-западе края, в Адыгее, Черкесии такая комната с печью, в которой обычно жили престарелые родители, получила название "собэ"[44].

Такое положение сохранялось и в первые годы Советской власти. Еще в начале 1930-х годов во многих домах, особенно в горных районах и на западе плоскости, в сенях и в общесемейной комнате наряду с кирпичной или из сырцового кирпича печью можно было увидеть и стародедовский камин, а в жилых комнатах – ту же глинобитную с вкраплениями камня-голыша или кирпичную и переносную железную печь. "Даже в 20-х и 30-х годах было немало трех- и четырехкамерных домов, имевших одну печь. Если в трехкамерном доме жила одна нераздельная семья, то в сенях имелся очаг, в одной из комнат – печь, а другая комната вообще не отапливалась, даже когда там жили молодожены", – пишет Г.Х. Мамбетов о кабардинском и балкарском жилище[45]. Камин в сенях, а еще чаще во дворе в летней кухне, сохранялся в эти годы также у адыгейцев, черкесов и отчасти осетин и ингушей. У чеченцев на равнине бытовала небольшая глинобитно-каменная печь с плитой, приподнятая на ножках (нередко расписанная или украшенная черепичными вставками), заимствованная у соседнего терского казачества.

В течение 1930-х годов камин окончательно выходит из употребления, сохраняясь кое-где в летних кухнях. Решающую роль в этом сыграл переход к строительству домов квадратного плана, в которых для камина не нашлось места. При новой планировке дома печь с плитой сооружали в кухне так, чтобы она обогревала сразу все жилые помещения. Это создавало большую экономию и удобство. Однако там, где жилище делилось коридором на две изолированные половины, нередко устраивали две печи, каждая из которых обогревала по две смежные комнаты. Такой способ отопления удержался и в современном жилище. Некоторые изменения произошли лишь в конструкции печи, в которой в наши дни стали устраивать разного рода духовки: для приготовления пищи и для скорейшего обогрева помещений. Печи снаружи в последние годы начинают обкладывать листовым железом, облицовывать плиткой. Кладут их всегда из обожженного кирпича. Среди новостроек встречаются дома с центральным паровым отоплением и ванными комнатами, снабжаемыми водой из отопительной системы. Все большее распространение получают газобалонные плиты, которые используются исключительно для приготовления пищи. В поселках городского типа, а также в отдельных райцентрах имеется и магистральный газ, и отопление с помощью теплоцентралей. Для приготовления пищи широко используются также электроплитки, керогазы и керосинки.

[1] Бытование этого вида отопления в прошлом отмечается также в Крыму, на Украине, на Балканском полуострове и в ряде районов Западной и Восточной Сибири. Относительно Сибири, правда, существует мнение, что очаг с дымарем был занесен туда русским населением, но Б.А. Куфтин категорически утверждает, что сами славянские народы заимствовали эту форму отопления у тюрок-османов (*Куфтин Б.А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. – Мемуары этнограф. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1925, вып. 1, с. 45). Интересно, что на Украине, в Карелии и некоторых местностях Западной Сибири очаг с дымарем в недавнем прошлом устраивали в углу или на шестке кирпичной или глинобитной печи для приготовления еды на скорую руку. На сибирском материале можно проследить и происхождение этого вида отопления, представляющего собой как бы уменьшенную копию берестяной шатровой юрты. При своем изживании очаг с дымарем использовался на Украине и в Белоруссии в качестве вытяжной трубы над подвесным светильником, устраивавшимся в углу напротив печи (подробнее об эволюции очага с дымарем см.: *Кобычев В.П.* Адыгейское жилище и его история. – УЗАНИИ, Краснодар, 1956, т. 4, с. 64–66, там и соответствующая литература).

[2] *Берже А.* Краткий обзор горских племен Кавказа. Тифлис, 1858, с. 87, 88; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, с. 146.

[3] На первоначальное значение этого слова, известного широкому кругу народов, в том числе и за пределами Кавказа, указывает пережиточно сохранившееся ингушское *ердо* в значении "храм", первоначально "место разведения жертвенного огня" (ср. святилища Маги-ерда, Тумгой-ерда).

[4] АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1961 г., тетр. 1, л. 32 об. Сел. Шовгеновское. Информатор Хатков Трах, 77 лет.

[5] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 146; *Пионтек Г.В.* Селение Эльтюбю..., с. 107.

[6] *Каламбий.* На холме. – РВ, 1861, т. 36, вып. 2, с. 327.

[7] ОГРИП, с. 263.

[8] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. 1, с. 38.

[9] *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев. – ТС, Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 87.

[10] Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 1957, с. 509.

[11] *Кафоев А.* Адыгские памятники. Нальчик, 1963, с. 123, 133.

[12] *Лаудаев У.* Чеченское племя. – ССКГ, Тифлис, 1872, вып. VI, с. 55.

[13] *Далгат Б.* Первобытная религия..., с. 86–88; *Беланже Ш.* Мое путешествие в Индию в 1825–1829 г. – ОГРИП, с. 215–216.

[14] *Семенов Н.С.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 128.

[15] *Ган К.Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. 25, с. 30.

[16] *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа. – ССКГ, Тифлис, 1868, вып. 1, с. 23–25.

[17] *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 266.

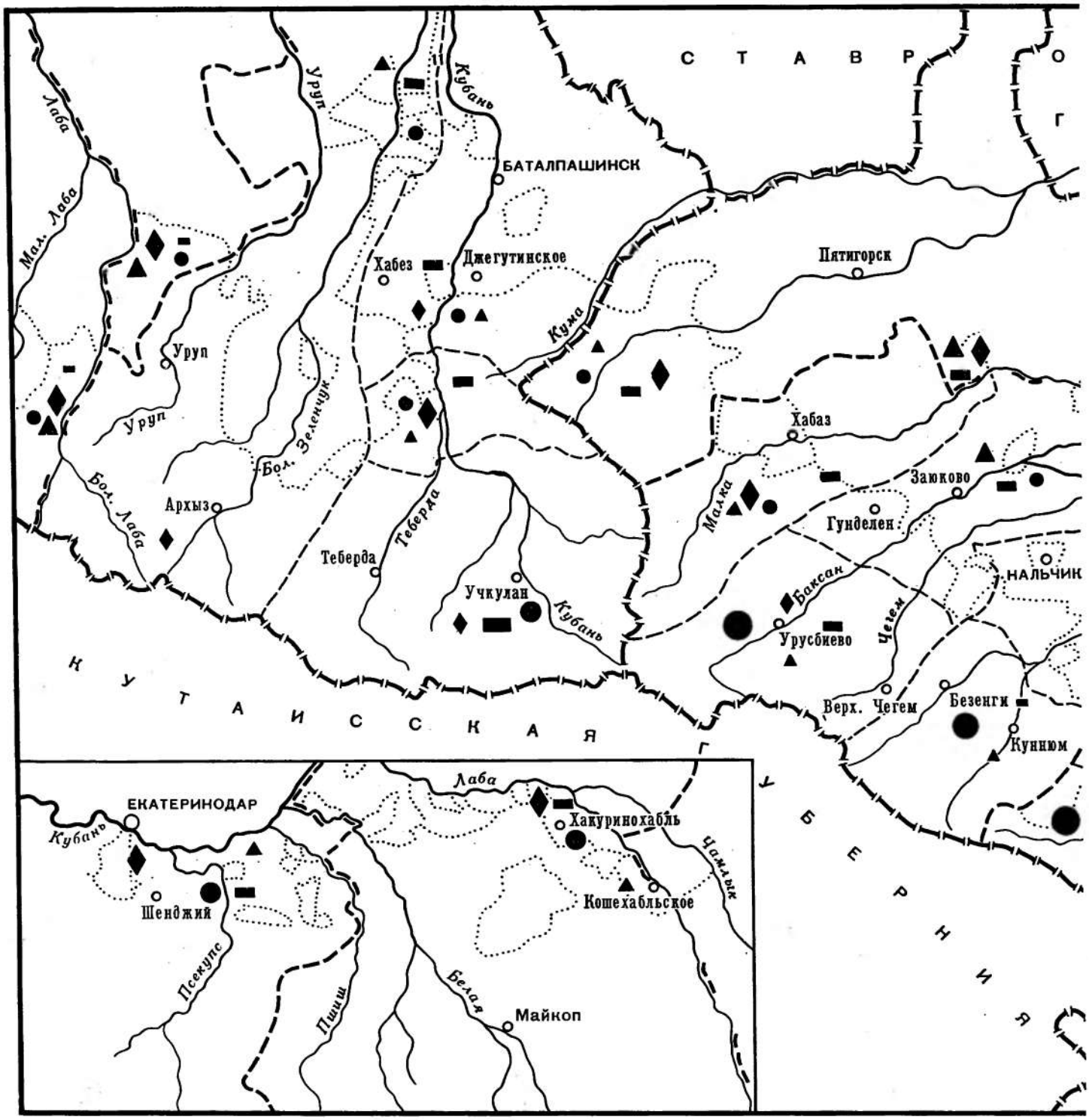
[18] *Ковалевский М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. 1, с. 77.

[19] Сообщение чеченского этнографа Саида-Магомеда Хасиева.

[20] АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1960 г., тетр. 1, л. 84.

[21] Там же, 1962, тетр. 1, л. 87.

[22] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1974 г. Сел. Лесгор.
[23] *Кокиев С.* Записки о быте осетин, с. 81.
[24] АИЭ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1962 г., тетр. 1, л. 87 об.
[25] У черкесов, кабардинцев и чеченцев, у которых большая семья исчезла значительно раньше, чем у других соседних с ними народов, камин в качестве преобладающего вида отопления отмечается уже с начала XIX в. См.: *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 170; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, ч. 1, с. 281.
[26] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 2, л. 33 об. Селения Хурзук, Учкулан.
[27] Зафиксировано в сел. Гунделен. Там же, л. 25 об.
[28] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 2, л. 9, Сел. Алкун.
[29] *Магометов А.Х.* Культура..., с. 264.
[30] Зафиксировано в селениях Хой и Итум-кале. АИЭ. Материалы Центральнокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 30, 41.
[31] ГМЭ, фотоколлекция, инв. № 15.
[32] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. – ТС, Владикавказ, 1910, вып. VII, табл. VII, VI.
[33] Зафиксировано в сел. Лечинкай. АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 2, л. 5 об.
[34] *Миллер А.А.* Черкесские постройки. – МЭР, 1914, т. 2, с. 15.
[35] Зафиксировано в сел. Верхний Баксан. АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1968 г., тетр. 2, л. 2 об.
[36] Зафиксировано в сел. Белгатой. АИЭ. Материалы Центральнокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 24 об.
[37] Зафиксировано в сел. Шовгеновском. АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1960 г., тетр. 1, л. 9.
[38] Зафиксировано в сел. Дарго. АИЭ. Материалы Центральнокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 19.
[39] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы, табл. VI, VII. В остальных пяти случаях ввиду отсутствия указания на местоположение входной двери в планах картина остается недостаточно ясной.
[40] *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, т. 2, рис. 2.
[41] *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1963, с. 19.
[42] *Цаликов А.* Кавказ и Поволжье. М., 1913, с. 55.
[43] *Калоев Б.А.* Осетины. М., 1971, с. 155.
[44] Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960, с. 515. Термин "собэ" в значении "печь", "комната с печью" известен многим народам, в том числе на Балканах, в Крыму, в Молдавии. Б.А. Куфтин связывал появление этого помещения и термина с проникновением в Причерноморье жилища альпийского типа (*Куфтин Б.А.* Жилище крымских татар..., с. 47, 48).
[45] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 149.

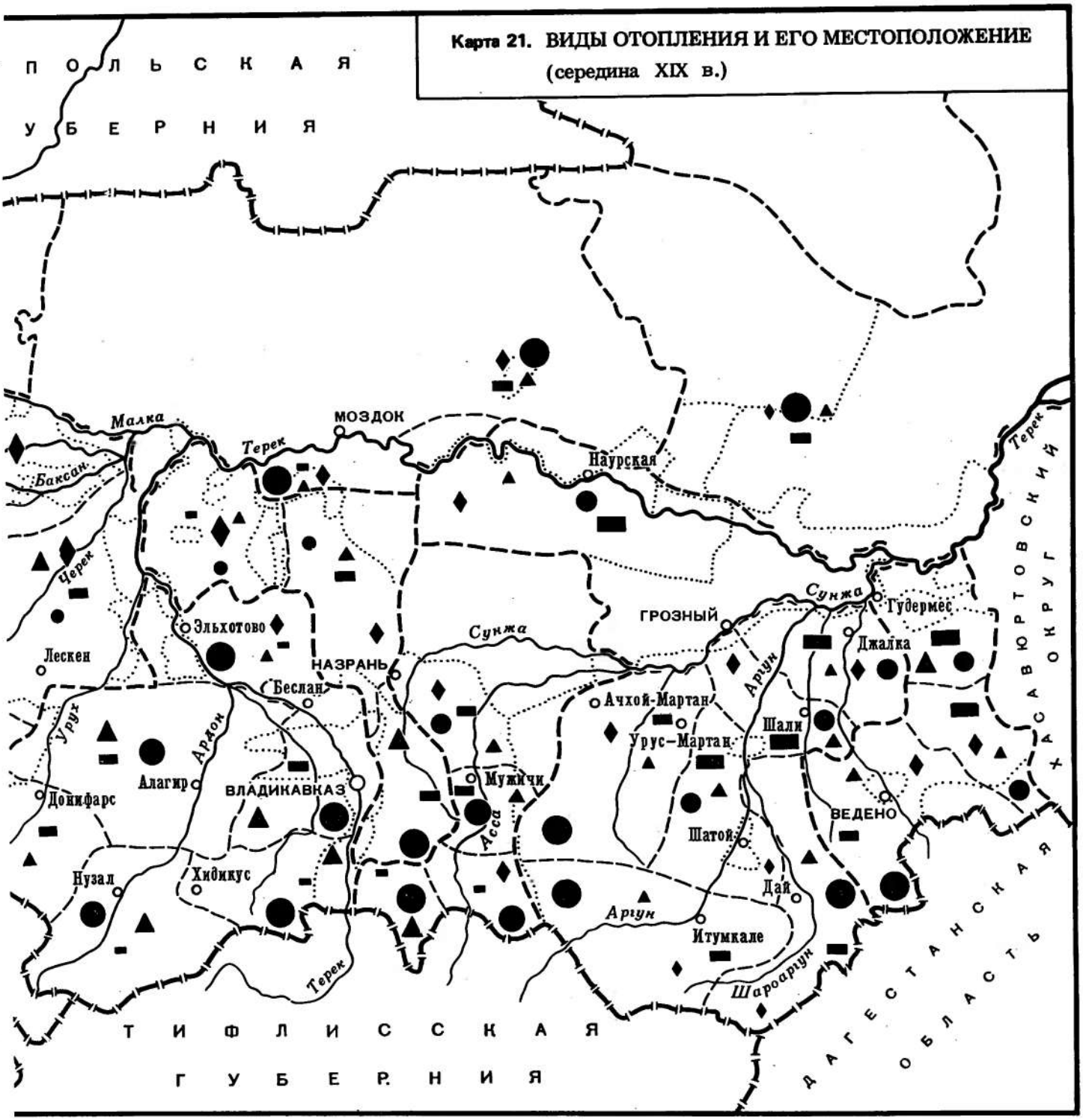

Преобладают — Бытуют — Единичны

Срединный очаг

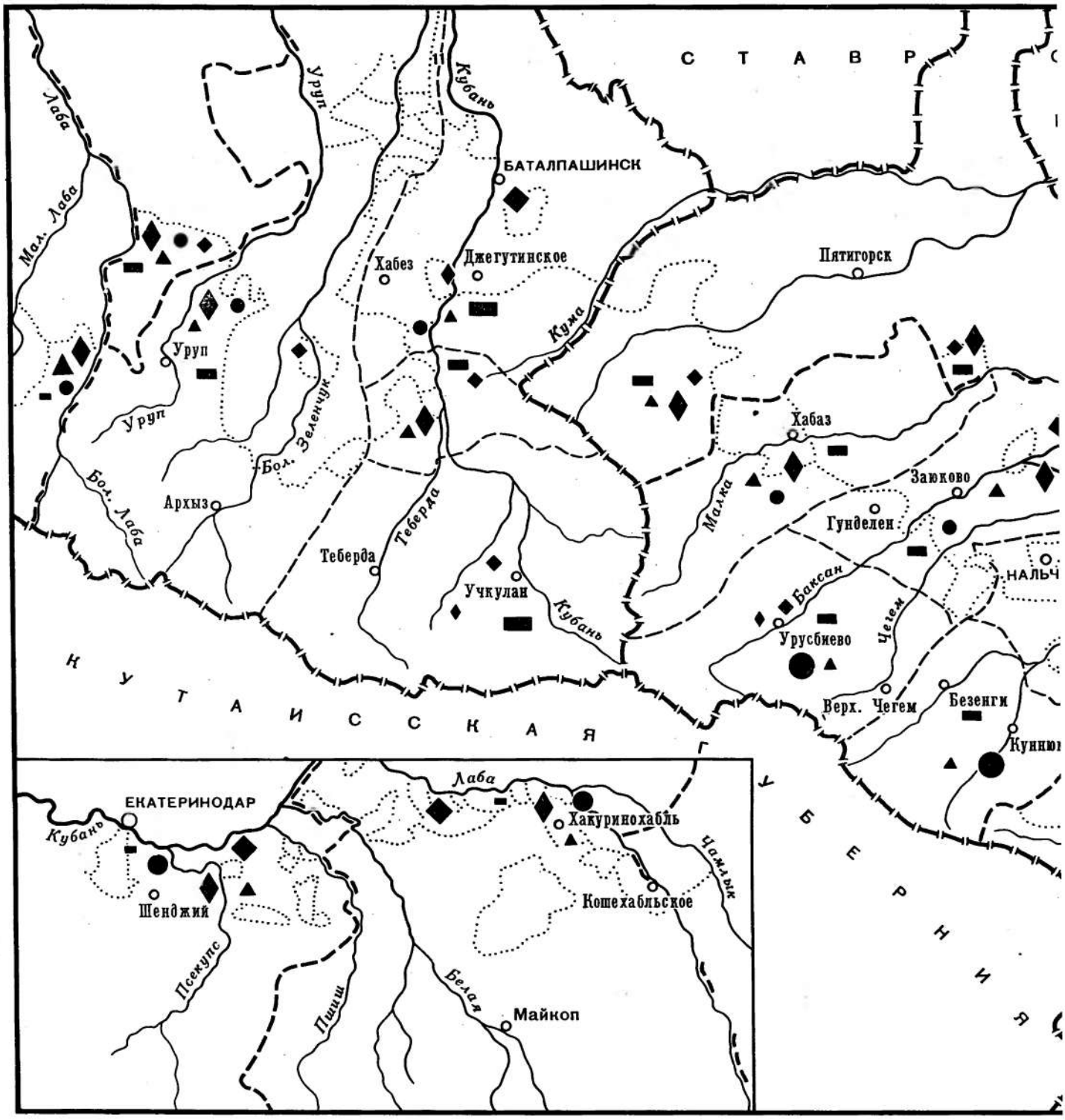
Камин у продольной стены

Карта 21. ВИДЫ ОТОПЛЕНИЯ И ЕГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
(середина XIX в.)

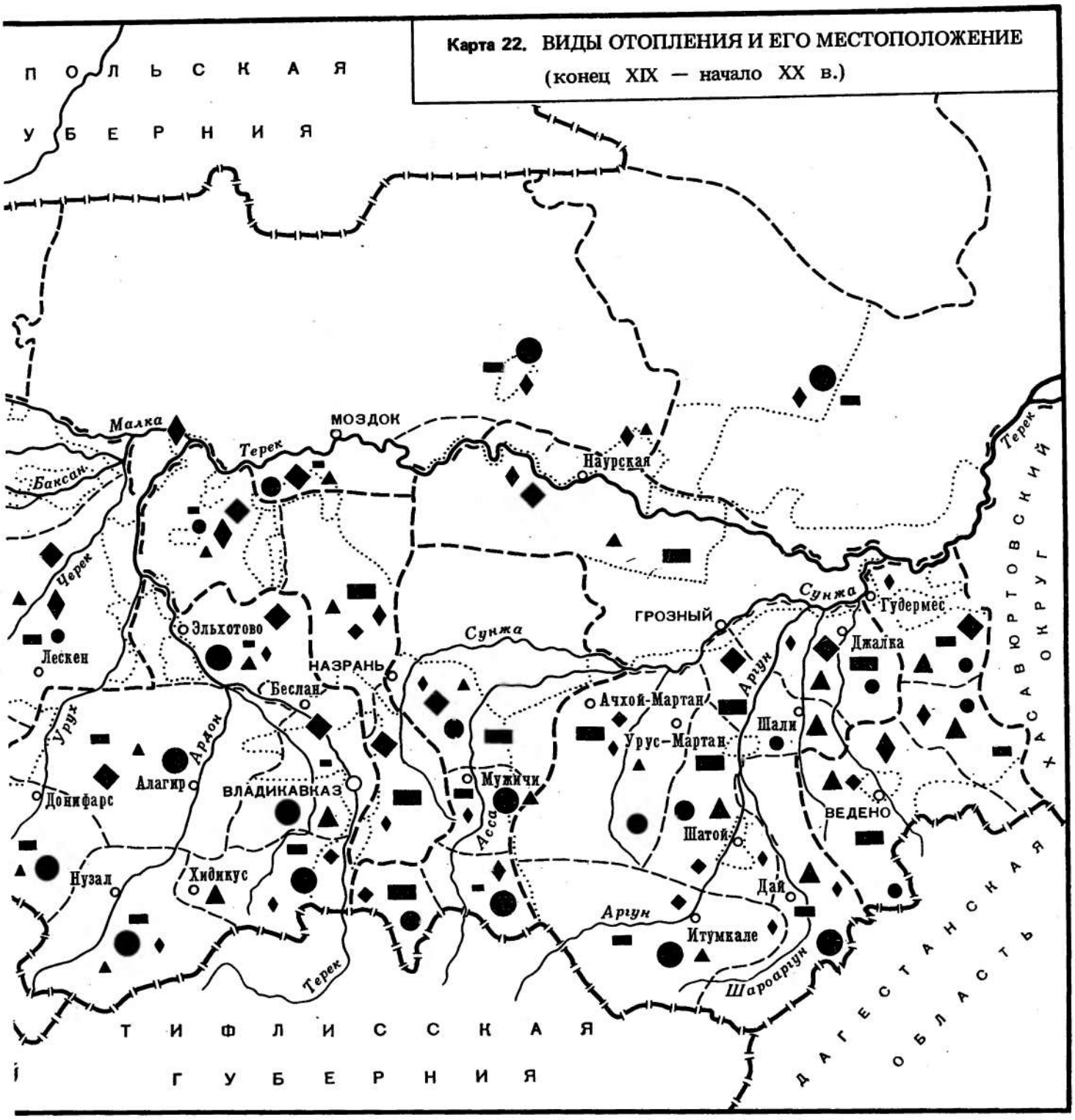

Преобладают ♦ Бытуют ♦ Единичны ♦ Камин у боковой стены

▲ Камин в углу

С Т А В Р
Лаба
Мал. Лаба
Уруп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Уруп
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Кубань
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧ
Баксан
Чегем
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
К У Т А И С С К А Я
Г О Р Н О - К У Б Е Р Н И Я
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Лаба
Хакуринохабль
Чамлык
Шенджий
Кошехабльское
Псекупс
Пшиш
Белая
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Срединный очаг
Камин у продольной стены
Камин у боковой стены

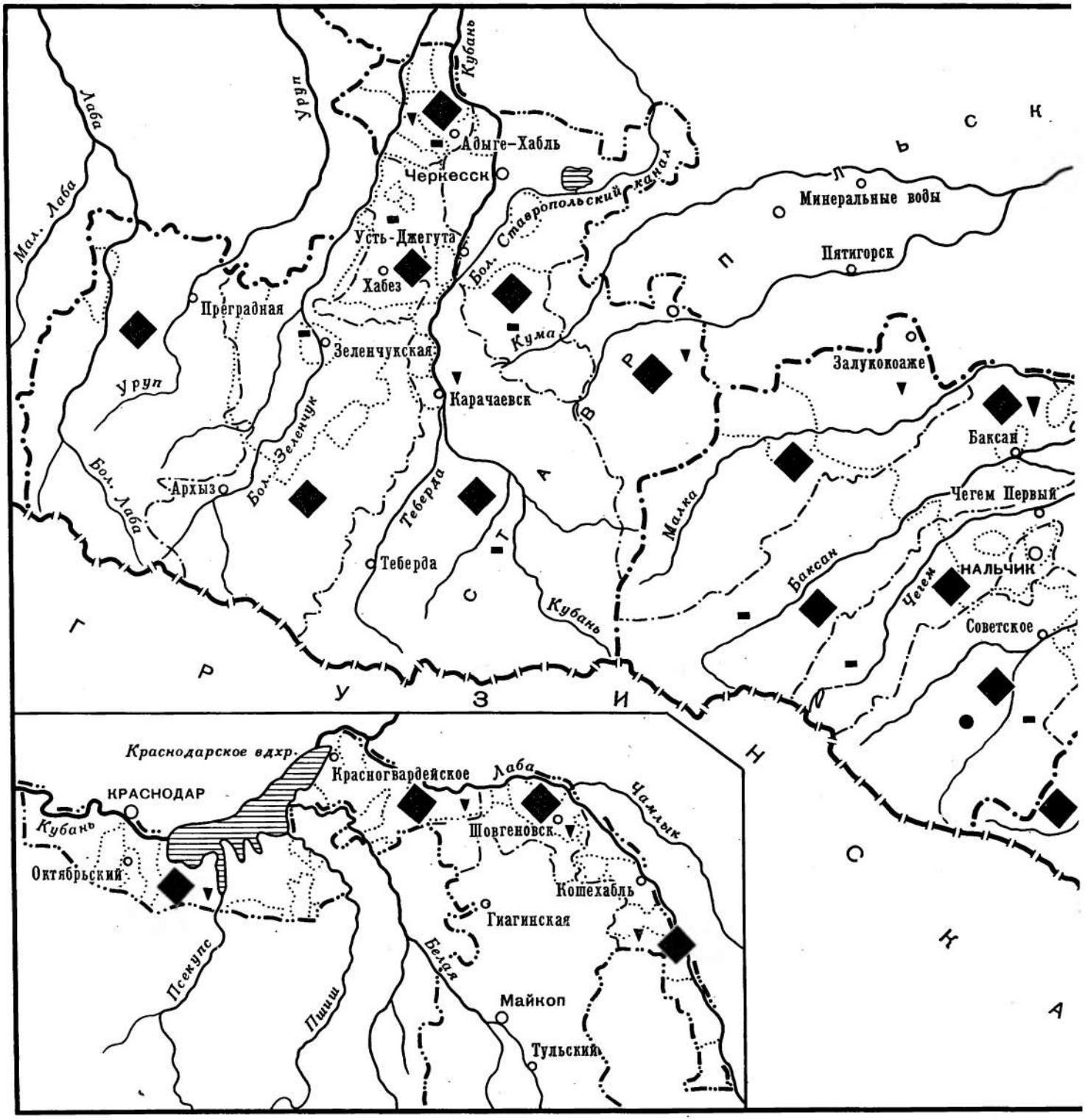
Карта 22. ВИДЫ ОТОПЛЕНИЯ И ЕГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
(конец XIX — начало XX в.)

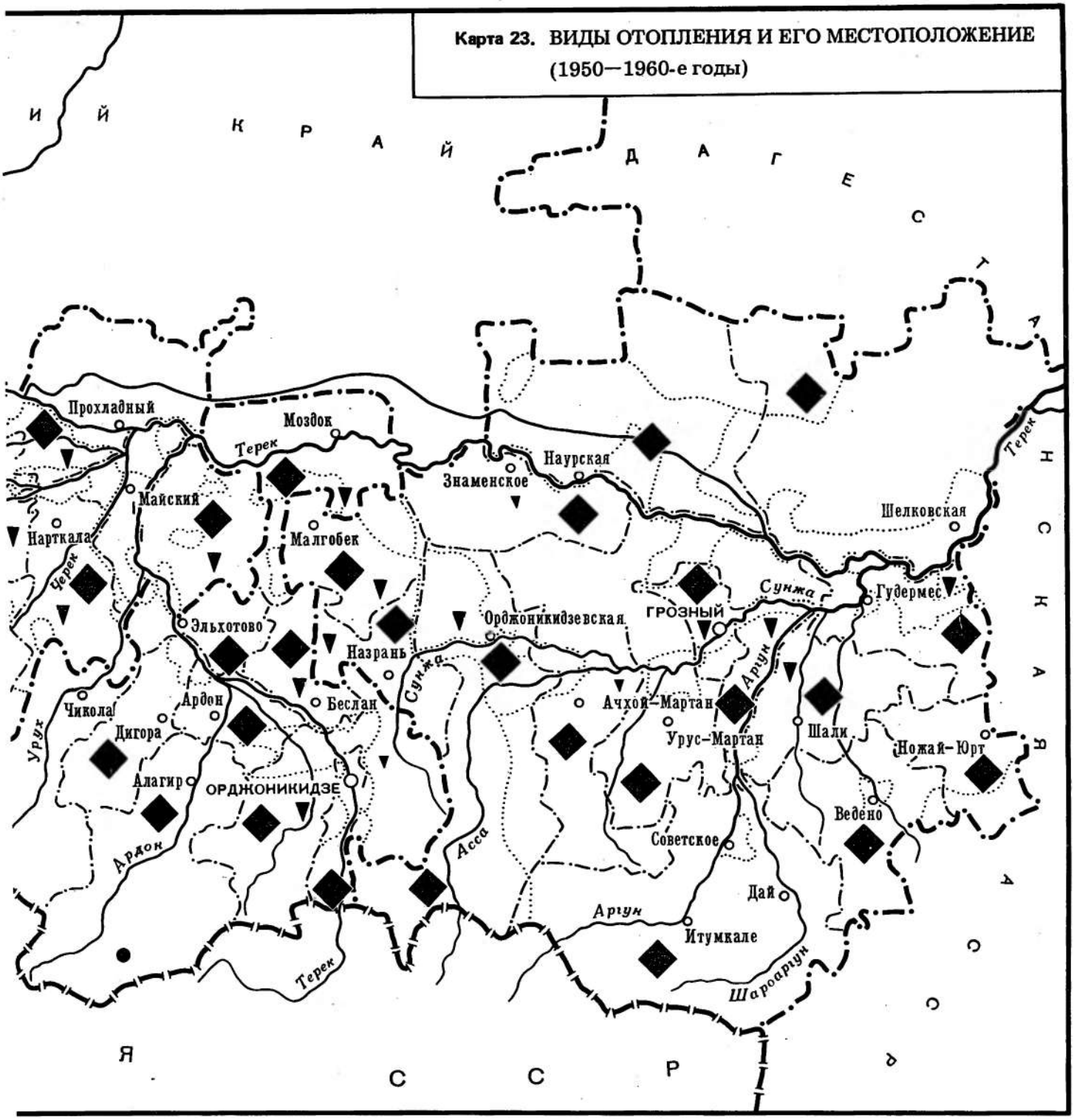
Бытуют
Единичны

▲ Камин в углу

◆ Печь-плита южнорусского типа

Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Прегрaдная
Зеленчукская
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Карачаевск
Теберда
Теберда
Бол. Ставропольский канал
Кума
Минеральные воды
Пятигорск
Залукокоаже
Баксан
Малка
Чегем Первый
Баксан
Чегем
НАЛЬЧИК
Советское
Кубань
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Кубань
Октябрьский
Красногвардейское
Лаба
Шовгеновск
Чамлык
Кошехабль
Гиагинская
Белая
Майкоп
Тульский
Псекупс
Пшиш
Единичны
Срединный очаг, в том числе совмещенный с плитой
Камин

Карта 23. ВИДЫ ОТОПЛЕНИЯ И ЕГО МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
(1950—1960-е годы)

Интерьер, обстановка, утварь

Интерьер традиционного жилища до проникновения в северокавказское село капиталистических отношений был сходным у всех народов региона. Его отличительной чертой было почти полное отсутствие мебели в современном ее понимании. Основными слагаемыми интерьера были пристенные полки, невысокие лежанки или нары, крытые камышовыми циновками, коврами и паласами, да опорные столбы, поддерживавшие крышу, особенно мощные в жилище горцев, где кровля была земляной. "С первого взгляда внутренность сакли кажется совсем пустою: ни столов, ни стульев, ни лавок, грубо сколоченных, ни кроватей, составляющих необходимую принадлежность жилого помещения более или менее цивилизованного человека; весь свой домашний скарб – одежду, кухонную утварь – горцы не держат на виду, как, например, русские, а хоронят ее в сундуках, установленных на широких лавках, устроенных вдоль одной или двух стен сакли; на эти же полки убираются по окончании трапезы и обеденный столик, а также и принадлежности спальни – одеяла, подушки и тюфяки", – писал один автор о жилище балкарцев конца минувшего столетия[1].

Приведенное описание будет справедливым и для жилища всех других народов Северного Кавказа, в том числе и более раннего времени, с некоторыми поправками лишь на зональную и этническую специфику и социальное положение их владельцев. Так, к примеру, у осетин в обиходе широко использовались невысокие треногие скамеечки и табуретки, вырезанные иногда из цельного корневища, а глава семьи восседал на особом жестком диване (или кресле) с прямой спинкой и скошенными подлокотниками. У зажиточных слоев населения можно было видеть висящие на некотором расстоянии от потолка (кровли) или укрепленные между пристенными столбами полки и жерди, на которых выставлялась парадная посуда: медные и серебряные кувшины, тарелки, миски и т.п., а на жердях развешивалась запасная одежда, служившая доказательством материального достатка владельца дома.

Пример подобного интерьера осетинского жилища среднего достатка начала XIX в. дает Ю. Клапрот. "У одной из стен комнаты, где имелся камин, видны деревянные козлы, на которых днем лежат одеяла, подушки и подстилки из войлока, используемые ночью. Кровать, сколоченная из досок, имеет в вышину едва один фут и скошена с обоих боков. Она стоит рядом с камином; днем ее покрывают тонкой циновкой или войлочным ковром, и женщины сидят на ней со скрещенными ногами. Мужчины сидят на низеньких скамеечках или креслах, но почти никогда не сидят на земле, как это наблюдается у большинства других кавказских жителей. Подушки и матрацы набиты шерстью баранов, а у богатых покрыты, кроме того, голубовато-полосатым полотном. Их одеяла покрыты персидским ситцем и сделаны из шерсти или хлопка; они имеют также шелковые и другие одеяла. Посередине комнаты стоит невысокий круглый стол на трех ножках. Они покупают у русских купцов на линии бутылки, большие графины, стеклянные и деревянные чашки, фаянсовые тарелки и проч.; во всех этих вещах они или проделывают отверстие или прикрепляют каким-либо другим способом шнурок, на котором и развешивают их по стенам комнаты. Остальные вещи хранят в русских отделанных листовым железом сундуках. Бедные люди живут очень бедно и нечистоплотно"[2].

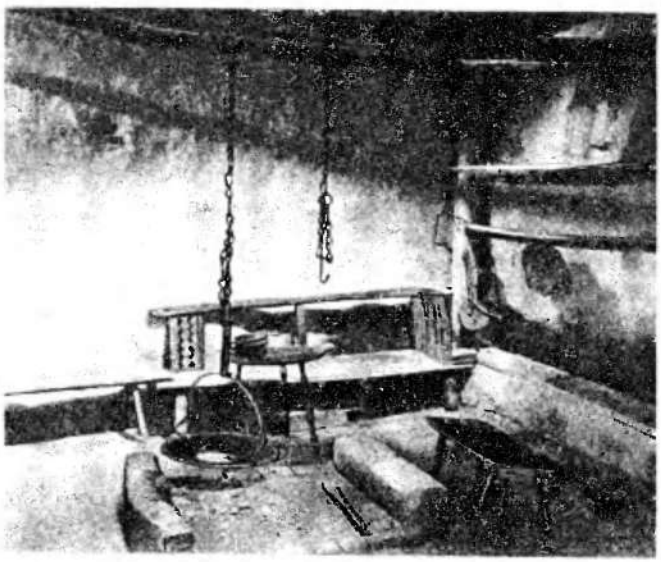
Последнее замечание Ю. Клапрота требует пояснения. Дело в том, что в этнографической литературе прошлого века, а нередко и в наши дни, прошлое описывается в неких усредненных чертах или, что еще хуже, в качестве эталона приводится быт верхушки общества. Между тем материальная культура, в том числе жилище и его интерьер в особенности, у разных слоев населения представляла собой разительный контраст. Так, например, в жилище бедноты не было многого из того, что упоминает Ю. Клапрот; не было зачастую полок (как их именует автор – "козлов") с пышными постелями, не было разнообразной посуды и утвари, в частности, больших медных котлов для варки пива в праздничные дни; не было красивого оружия, развешенного по стенам и вызывавшего неизменный восторг у всех бытописателей и путешественников прошлого столетия. Глиняная лежанка, крытая циновкой, на которой валялась куча трепья, заменявшая постель, плетеная сапетка – закром для зерна и несколько деревянных кадушек и тыквенных сосудов с мукой и другими продуктами, стоявших вдоль стен, – вот и вся обстановка жилища бедняка, о котором так и говорили: "Живущий возле плетня сильных". В этом же помещении вместе с семьей за перегородкой содержался обыкновенно и весь немногочисленный скот, теплом которого зимой грелись и люди.

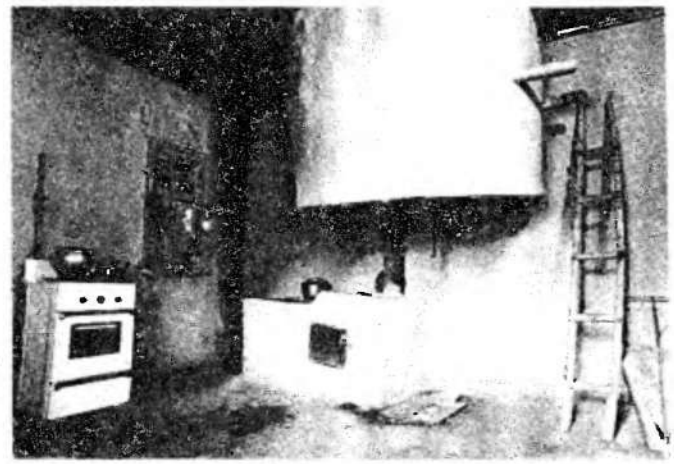
Вместе с тем горское жилище не было лишено известной привлекательности, заключавшейся в монументальности и цельности его обстановки, лишенной излишней дробности и вещизма. В первую очередь это относится к интерьеру жилых башен и древнейших однокамерных домов большесемейных общин. Здесь все соответствовало одно другому: и открытый очаг с постоянным огнем, и необработанная естественная фактура стен, блестевших от вековой копоти, и мощные балки перекрытия, поддерживаемого такими же мощными столбами-опорами, и массивные косяки дверей с порогом полуметровой высоты – все создавало впечатление прочности и незыблемости быта. Под стать этим циклопическим формам интерьера была и вся немногочисленная обстановка и утварь: крупногабаритные закрома-лари у входа, в которых хранились съестные припасы на целый год, полки-стеллажи с кипами постельных принадлежностей и одежды, сундуки, толстостенные долбленые ступы, железные и медные котлы для варки пищи и прочая самодельная, несколько грубоватая посуда, расставленная вдоль стен в строгом и раз навсегда заведенном порядке.

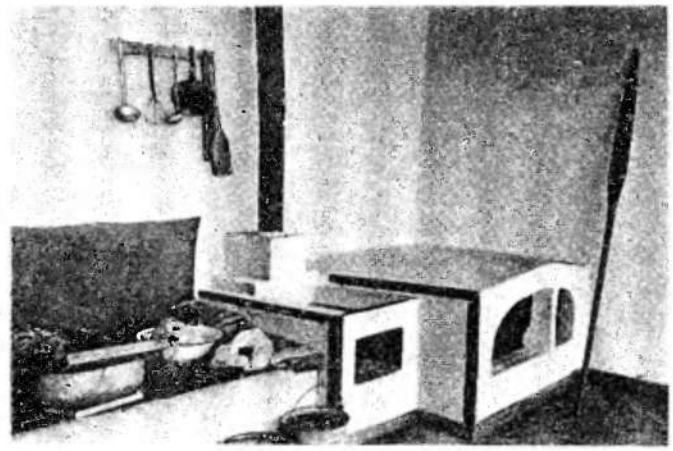
Ведущую роль в организации интерьера играл очаг (позднее камин) и ближайший к нему опорный столб (там, где таковой имелся). Очаг делил жилую площадь на две функционально разные половины: переднюю, или хозяйственную, и заднюю, более теплую и укромную и поэтому считавшуюся почетной. У балкарцев и карачаевцев обе половины так и назывались: "эшик арты" – дословно "дверная сторона" – и "тер" – от древнетюркского "голова", т.е. главная часть. В передней половине полновластной хозяйкой была старшая женщина в доме, которая распоряжалась всеми съестными припасами, хранившимися здесь же в ларях и кадушках или в особой кладовой. В ведении хозяйки находился и сам очаг, что нашло свое выражение в чеченском наименовании ее "цIенана" (цъенана), что

Рис. 39. Интерьер и обстановка

слева – уголок интерьера старого горского жилища с очагом, надочажными цепями, щитом для выпечки хлеба, диваном главы семьи и настенными полками. Сел. Джимара СОАССР. Фотография 1930-х годов. ГМЭ, колл. 5711, № 58; *справа сверху вниз* – часть современной кухни с плитой, устроенной под дымарем старого камина. Сел. Красноалександровское. Краснодарский край. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; уголок современной кухни с плитой и хлебной печью. Сел. Гехи ЧИАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; часть спальни. Сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.

значит "хозяйка огня" (очага)[3]. За очагом, на почетной половине, которую в дореволюционной литературе часто называли "мужской" частью дома, стояло кресло и диван главы дома; здесь при отсутствии отдельной кунацкой принимали гостей, а в стороне, за ближайшим столбом (в однокамерном жилище), пряталась в полумраке от глаз свекра и принимала пищу невестка.

Центральный столб, находившийся вблизи очага, считался столь же священным, как и сам очаг. У осетин он носил, например, выразительное название "ангел головы" и зачастую богато орнаментировался разного рода символами огня и солнца: крестами, кругами, розетками, завитками и т.п. Капители этого столба часто придавали форму пышной кроны, под сенью которой как бы укрывался очаг и вся семья. Когда-то, на заре истории, это, вероятно, так и было, если вспомнить приведенный выше рассказ Геродота о неких "лысых людях, которые жили под деревьями, укутывая их на зиму войлоком"[4].

Говоря о функциональном подразделении интерьера в традиционном жилище, необходимо уточнить, что срединный очаг почти никогда не устраивали строго в центре помещения и напротив входа, но всегда несколько в стороне. Делалось это, с одной стороны, для того чтобы ветер из раскрытой двери не задувал огонь очага, а с другой – чтобы увеличить площадь хозяйственной половины, где производилась большая часть домашних работ. Вследствие этого почетная половина была обычно сдвинута вправо или влево по отношению ко входу. При этом,

как это выяснил недавно Ю.Н. Асанов на примере балкарского жилища, возможны были следующие три варианта: 1) при открытом срединном очаге почетным местом считалось пространство между очагом и задней стеной – классический вариант подразделения интерьера; 2) очаг (точнее камин) находился справа от входной двери; в этом случае почетная часть жилища находилась между очагом и ближайшей боковой стеной, а хозяин располагался справа от очага, место же гостя было еще правее, ближе к задней стене; 3) очаг (камин) находился слева от входа; в таком случае почетной половиной считалась левая (!) часть помещения[5]. Это последнее расположение, как ни странно, встречалось наиболее часто, несмотря на то что находилось в явном противоречии с распространенным обычаем предпочтения правой стороны во всем, это характерно для большинства народов края, в том числе и для карачаевцев и балкарцев.

"У карачаевцев, – пишет К. Текеев, – существовал обычай все ценное держать, класть и носить с правой стороны. Уважаемого человека, особенно пожилого, всегда усаживали с правой стороны. Такое правило соблюдалось и при ходьбе, а также при езде верхом. Этого же придерживались и при строительстве гезен (кладовой. – *В.К.*) в знак большего почитания пищевых продуктов"[6]. Подобный обычай отмечен и у балкарцев при приеме гостей: "Если место около очага позволяло, – пишет Ю.Н. Асанов, – то тут же рядом с хозяином, по правую руку от него сажали более почетного гостя, а по левую – менее почетного. Если же место не позволяло, то гостя сажали на правую сторону от очага ("онг жаны"), считавшуюся почетной"[7]. И далее в другом месте: "Но самой непочетной стороной очага считалась... женская половина, которая была расположена ближе к двери и называлась "сол жаны", т.е. левая сторона очага"[8]. Такое же почитание правой стороны находим и у соседей балкарцев – осетин и кабардинцев. "Существовала своеобразная форма подчеркивания старшинства. Если идущих бывало двое, то младший непременно шел слева", – читаем у А.Х. Магометова в описании горского этикета[9]. У кабардинцев и черкесов аналогичное правило соблюдалось даже при постройке дома: "В жилом комплексе... наибольшим почетом пользовалась "унэшхо" (комната родителей. – *В.К.*). Она в доме всегда занимала правую сторону"[10].

Правая сторона также издавна считалась исконно мужской половиной. Уже на заре железного века в погребениях широко распространенной кобанской культуры покойников хоронили строго в соответствии с полом: либо на правом, либо на левом боку. "Покойники лежали по одному в могиле, скорченно, мужчины на правом, женщины на левом боку", – читаем в отчете о раскопках Березовского могильника под Кисловодском, датируемого VIII–VII вв. до н.э. также точно и о ряде других погребений того же района. Примечательно резюме авторов исследования: "Едва ли не незыблемый принцип: мужчины лежат на правом, женщины – на левом боку"[11].

Таким образом, устройство входа в правой стороне дома, а очага (камина) – слева от входной двери, казалось бы, не должно иметь места, при наличии столь многовековой традиции. И тем не менее факт остается фактом: правую половину жилища отдавали в пользование женщинам, а левую, отдаленную от входа, заочажную, предоставляли мужчине, гостю, домашним пенатам – покровителям семьи, у осетин, по утверждению Л.А. Чибирова, такое расположение возводилось в закон. "По линии очага хадзар (осетинское название общесемейной комнаты и всего жилища. – *В.К.*) незримо делился на левую (мужскую) – лагты хай и правую (женскую) – устыты хай половины[12].

Одно из возможных объяснений указанного феномена, как нам уже приходилось об этом писать[13], – предпочтение левой ориентации перед правой у тюркских народов, длительное и интенсивное влияние которых испытали народы региона. "Левая половина шалаша, считая от дверей, образует мужскую половину, правая – женскую", – пишет Н. Харузин о жилище алтайских тюрок[14]. "Левая от входа стена до очага считается местом священным, на которое никто не может садиться, кроме хозяина, его жены и детей"[15]. Даже во время походов тюркское войско двигалось вперед левым крылом, которое считалось более счастливым.

И тем не менее от высказанного предположения приходится воздержаться, поскольку у тех же тюрских народностей Северного Кавказа – карачаевцев и балкарцев – предпочтение, как мы видели выше, отдавали правой стороне, подобно другим их соседям, в том числе и при функциональном делении жилой площади.

Скорее всего в таком разделении отразил взгляд на жилище как на место приложения преимущественно женского труда и память о некогда высоком социальном положении женщины. "Женщина пользуется большим почетом, чем мужчина; если они вдвоем идут рядом, то женщина идет справа", – писал К. Хетагуров. В героическом нартском эпосе народов Северного Кавказа богатыри-нарты в трудную для них минуту всегда обращались за советом к мудрой женщине Сатане. Так же нередко поступали горцы и в своей повседневной жизни. "Бывали такие почтенные женщины, которые во время общественных пиров (торжеств) и больших семейных праздников приглашались специально для провозглашения первого тоста и пожелания. В знак уважения к ней все мужчины, сидящие за трапезой, вставали, хотя среди них были старики, намного старше ее", – сообщает об осетинах А.Х. Магометов (именно у них левая сторона считалась предпочтительнее правой в интерьере жилища)[16]. И все это тем более знаменательно, что происходило в условиях господства патриархальных отношений, при которых женщина находилась в приниженном и бесправном положении.

Таким образом, жилище в качестве одного из основных мест ведения домашнего хозяйства было отдано почти в безраздельное владение женщине. Мужчина чувствовал себя в нем чуть ли не гостем (исключая кунацкой), несмотря на то что в силу своего господствующего положения в семье и обществе восседал в нем на почетной половине. Находиться днем в общесемейной комнате для мужчины считалось позорным, как писал А.Н. Дьячков-Тарасов, он пробирался туда тайком и лишь с наступлением темноты[17].

Двойственный характер идеологических представлений, связанных с дифференциацией внутреннего пространства жилища, виден также в том, что осетины, например, верили в прошлом в то, что бог – охранитель домашнего очага "быната хицау" – обитал в правом внутреннем, т.е. наиболее удаленном от входа, углу жилища, в то время как самым почитаемым местом считался столб, стоявший у очага на "женской" половине. Более того, если в хадзаре было два внутренних столба, то из них, по материалам Л.А. Чибирова, более священным признавался столб, находящийся на женской, хозяйственной

стороне, т.е. ближайший к двери[18]. За всем этим скрывается несомненно противоборство двух начал: древней традиции, восходящей к далекому материнскому строю, и более поздней новации, сложившейся в условиях уже господства патриархальных отношений.

Порог в жилище всегда устраивали подчеркнуто высоким, иногда аршинной высоты, что также было связано с древними верованиями. На порог нельзя было наступать в связи с древним обычаем захоронения умерших родственников под полом или в непосредственной близости от жилища. У карачаевцев того, кто наступил на порог, резко оговаривали: "Что ты наступаешь, как на покойника". У адыгов не только наступать, но и заглядывать и разговаривать через порог считалось крайней неприличным, особенно женщинам и детям[19]. У балкарцев одним из тяжких оскорблений было пожелание: "Пусть исчезнет твой порог"[20]. У осетин кровник или преступник, переступивший через порог, считался спасенным и приравнивался к гостю[21] и т.п.

Существовали и другие суеверия и предрассудки, которые находили отражение в интерьере жилища (например,

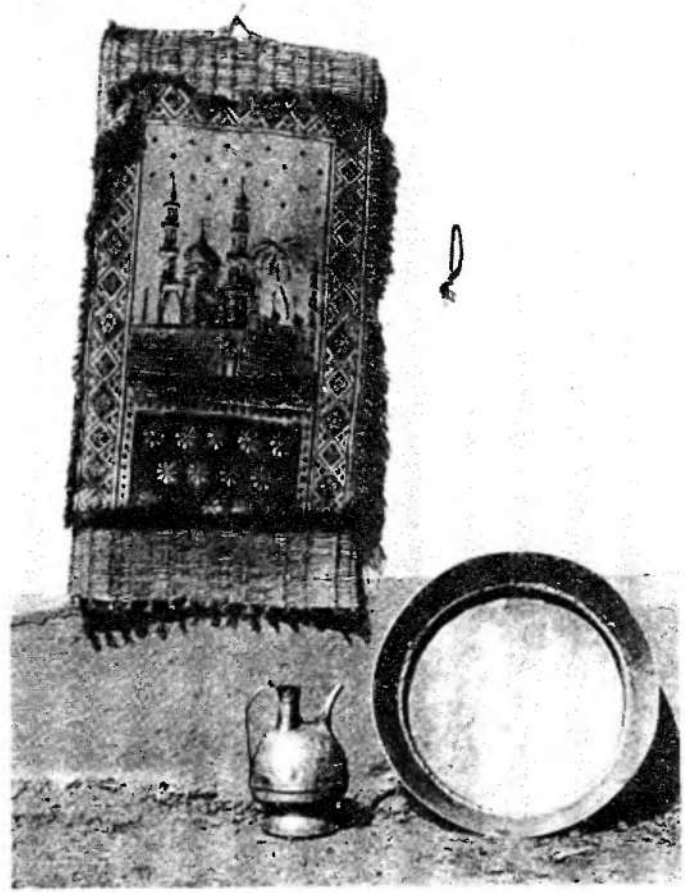

Рис. 40 Старинная утварь и принадлежности мужской половины интерьера

слева – деревянный черпак, ложки и кубки из рогов животных, употреблявшиеся при торжественных трапезах. Сел. Задалеск СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *справа сверху вниз* – деревянные, керамические и медные сосуды и кубки. Сел. Тменикау СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; молитвенный коврик, кумган и таз, применявшиеся при омовениях. Сел. Пчегатлукай. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.

в определенные дни нельзя было подметать пол и выносить мусор из жилища, с тем чтобы не навлечь на него несчастья и оскуднения[22].

Отметим некоторые отличительные черты в обстановке традиционного жилища у народов региона, обусловленные спецификой зональных (хозяйственно-культурных) различий и бытовавшими типами жилища. Так, в турлучном жилище на равнине из-за отсутствия достаточного количества леса вместо деревянных нар для сна обычно сооружали глиняные лежанки и приступки. Поскольку плетеные стены не выдерживали тяжести настенных полок, бóльшую часть утвари и одежды развешивали на колышках, вбитых в стены, или на жердях, протянутых между опорными столбами. Сравнительно мягкий климат позволял большую часть года сидеть прямо на полу на коврах, циновках, обходясь, как писал Ю. Клапрот, без каких-либо специальных сидений.

Различия в конструкции жилища накладывали свой отпечаток на его обстановку. У балкарцев и карачаевцев для хранения съестных припасов у одной из боковых стен вблиз входной двери устраивали особый чулан "гуму", "гёзен", отделявшийся от остального помещения турлучной или жердевой перегородкой. У ее основания возводили полку или завалинку для повседневной посуды – котлов, тазов, кувшинов и других крупных емкостей, а над ней иногда сооружали нечто вроде небольших полатей, использовавшихся также для хранения разного рода снеди – сыров, вяленого мяса и проч. У основания задней стены возвышалась завалинка из камня или досок, положенных на каменные опоры либо земляную засыпку ("тыркык", "тырхык"), на которой расставляли слева конскую сбрую, а справа – принадлежности женского труда и рукоделия. Над этой завалинкой тянулась полка "джыйгыч", на которую складывали постели, прикрываемые сверху особым красиво орнаментированным войлочным ковром "джийгыч кииз". Выше находилась еще одна полка "табга" с запасными подушками, одеялами и просто красивыми вещами. У левой боковой стены (при входе в жилище справа), носившей название "тёр къабырга" и считавшейся самой почетной в жилище, над кроватью (диваном) главы семьи на гладко обструганной перекладине развешивали выходную одежду, в частности наряды взрослых дочерей, находившихся на выданье. Над этой перекладиной почти у самого потолка укрепляли вторую жердь, с которой спускался вниз отрез какой-либо дорогой ткани – парчи, тафты, плюша, шелка, называвшийся "джебу" и украшавшийся иногда нашитым орнаментом в национальном стиле. На фасадской стене за камином у единственного небольшого окна развешивали музыкальные инструменты и молитвенный коврик намазлык или заменявшую его шкуру козла либо оленя[23]. Разумеется, полный набор всего перечисленного имелся лишь в состоятельных семьях, в жилище основной массы населения обстановка была много проще и беднее.

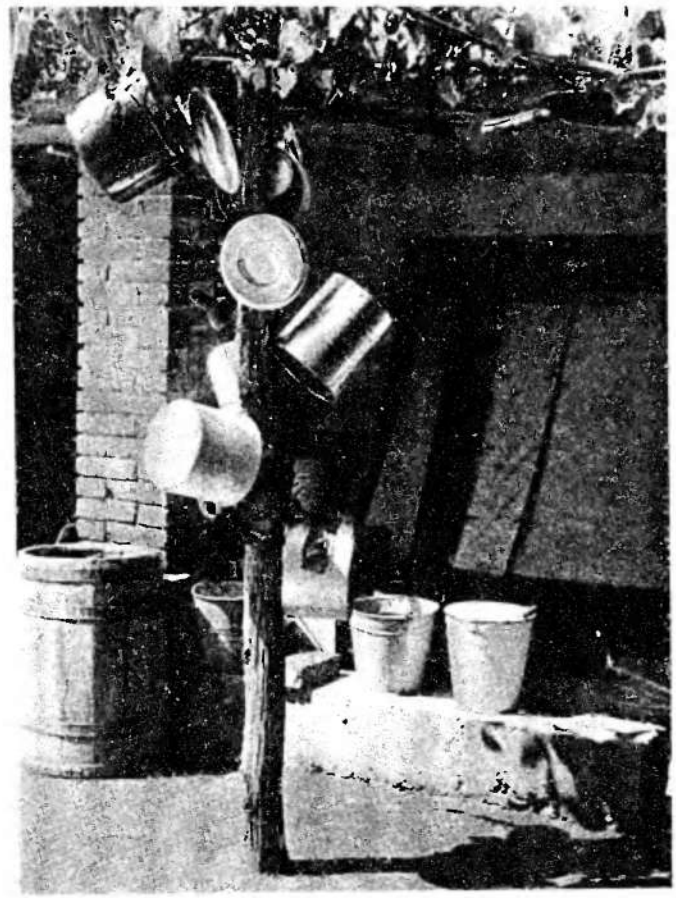
В отличие от жилища карачаевцев и балкарцев в жилых башнях чеченцев и ингушей полок было значительно меньше, их заменяли многочисленные небольшие ниши в стенах, а иногда и встроенные закрома и подвалы.

Особо следует остановиться на обстановке ногайской юрты. Центральное место здесь занимал углубленный в землю простейший очаг-кострище, в котором, как и в горском жилище, целый день тлел кизяк или хворост. Считалось плохим предзнаменованием, если огонь в очаге гас, но и в этом случае мужчина-ногаец не повернется, чтобы подбросить в него топлива[24]. Настолько сильна была традиция считать жилище, очаг и все, с ним связанное, женским делом.

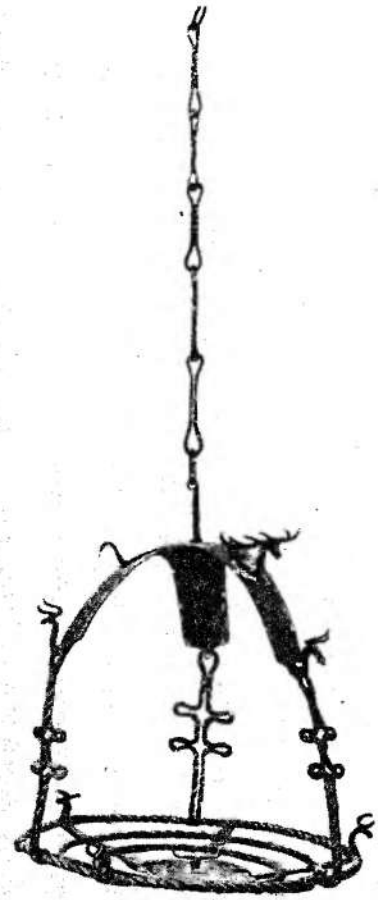
Место за очагом напротив входа в юрту считалось наиболее почетным. Здесь висело зеркало, переметные сумы "ярган-торба" с запасной одеждой, покрытые разноцветной аппликацией или шкурой жеребенка. Несколько правее стояла складная кровать главы семейства и его жены, застеленная шерстяным тюфяком, одеялом, поверх которых горкой возвышались подушки. Над кроватью была протянута веревка, на которой висела выходная одежда. Еще далее между кроватью и входом висела полка с обеденной посудой: деревянными и глиняными чашками, мисками, плошками, пиалами. Под полкой на земле стояла более крупногабаритная кухонная утварь: котлы для варки пищи, кувшины для воды, бурдюки с айраном, сбитым маслом, а также небольшой шкафчик с припасами, необходимыми для приготовления калмыцкого чая: брикеты с зеленым чайным листом, сало, масло, перец, чеснок и камышовая сетка для процеживания напитка.

По левую сторону от входа (который старались обращать в южную сторону) находился большой сундук с уложенными поверх его постелями младших членов семейства. За сундуком на стене развешивали седла, упряжь и другие предметы хозяйственного и домашнего обихода. Пол юрты застилали камышовыми циновками, а в почетной половине "тёр" – также паласами, коврами и особыми подушками для сидения.

Указанная обстановка соответствовала семье среднего и выше среднего достатка и описана по материалам конца XIX в. У зажиточных ногайцев в эту и в более раннюю пору имелись отдельные юрты для женатых сыновей,

для приема гостей и даже для приготовления пищи. Эти юрты в отличие от главной назывались "отов" и были несколько меньшими по размерам, они имели зачастую неразборную конструкцию, полусферическое завершение, либо представляли в плане прямоугольник. Поэтому их обстановка и интерьер были резко отличными от общесемейной юрты. К тому же в отов (кроме гостевой) не было очага и хозяйственной утвари. Часто отовы были настолько малы, что в них невозможно было выпрямиться во весь рост; спальные же чуланы были и того меньше.

В пореформенный период усилилось проникновение в обиход бытовой русской культуры. С появлением отдельных помещений для женатых сыновей (там, где этого не было прежде) общесемейная комната превратилась в основном в спальню престарелых родителей и общую для всей семьи кухню. В комнатах молодых устраивали только камин для отопления (в основном в горах). На равнине, где климат был теплее, в комнатах молодых, например у адыгов, никакого отопления не было[25]; в них никогда не готовили и даже не ели[26]. Зато эти помещения были более нарядно убраны: здесь было больше ковров, циновок, паласов, сундуков с одеж-

Рис. 41. Утварь и принадлежности обстановки

слева – столб для сушки посуды. Сел. Эльховото СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1970 г.; *справа вверху* – кресло главы семьи. С фотографии 1930-х годов. СОАССР. ГМЭ, колл. 5711, № 111; подставка для лучины. Сел. Стур-Дигора СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *справа внизу* – мастер с изготовленной им поминальной чашей в национальном стиле. Сел. Ханаз СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.

дой и приданым невесты. На стенах висели предметы рукоделия молодой – ее подарки супругу. Важной составной частью интерьера комнаты молодых была особая занавеска, которой завешивали ложе, и занавесь, за которой во время свадьбы стояла невеста.

Особую заботу проявляли об украшении интерьера гостевой комнаты (или дома). Стены кунацкой зачастую сплошь увешивали коврами и войлоками, а пол целиком покрывали циновками и паласами. Вдоль стен здесь также стояли сундуки с постельными принадлежностями для гостя, а наиболее нарядные одеяла, кроме того, развешивали на специальных шестах в качестве украшения.

В кунацкой хранили самое красивое оружие, музыкальные инструменты. Кунацкие, как правило, имели свой камин для отопления (в том числе и на равнине). Еду гостю приносили из общесемейной кухни на особых столиках-подносах.

Интерьер кунацкой в течение XIX в. претерпел существенные изменения. В первой половине века кунацкую старались обставлять в восточном стиле. В ней, по словам Ф. Торнау (1830-е годы), "господствовала старинная турецкая роскошь, обнаруживавшаяся во множестве серебряной посуды, золоченых чаш... ковров, парчовых тюфяков, бархатных одеял и тому подобных вещей"[27]. Рядовые горцы по возможности стремились обставить гостиную как можно лучше. "Стены сакли, – вспоминал один автор середины XIX в. о своем посещении кунацкой черкесов, – были увешаны камышовыми коврами, винтовками, шашками, пистолетами и кинжалами. На длинных, прикрепленных к крыше шестах висели различных сортов одеяла; у самых стен на деревянном возвышении стояли различной величины окрашенные красной краской сундуки с медными гвоздями"[28]. После окончания Кавказской войны, когда укрепился мирный быт и окрепли торговые связи, в интерьере кунацкой и комнат молодых появились предметы, заимствованные из русской городской культуры. "Наиболее богатые князья соблазняются, впрочем, прелестями слободской русской обстановки и для шику строят хаты в русском вкусе, имеют самовары и даже занавески на окнах. Светелки эти большей частью необитаемы и предназначаются для приема гостей", – писал в начале 1890-х годов В. Тепцов, побывавший у горцев верховьев Кубани и Терека[29]. Вот описание обновленного на городской манер интерьера гостиной в осетинском селении Даллагкау в Куртатинском ущелье: "Хозяин вводит нас в кунацкую; в углу обширной комнаты стоит диван, вдоль стен – стулья и несколько столов, покрытых вязаными салфетками; на полу постелены хорошие ковры, а на стенах висят портреты друзей и знакомых хозяина, лежит на столе альбом – невиданная вещь в горах"[30].

Наметившийся отход от традиционного убранства интерьера, прежде всего в среде зажиточной части населения, жившего поблизости от городов и слобод – Владикавказа, Грозного, Нальчика, Майкопа, станицы Баталпашинской и др., на рубеже столетий и в предреволюционные годы принял особенно широкий размах. "У богачей... – замечает М.К. Гарданов о сел. Христиановском, – вентиляция по последней моде, окна большие, стекло в них богемское. В комнатах сколько угодно света, постели и белье чистое, как утренний снег, мебель венская. Посуда из фарфора и хрусталя. Буфет полон стаканов и рюмок, ваз, сахарниц... тарелки разных размеров. Чайные и обеденные сервизы из вызолоченного серебра. Самовары тульские. Всего не перечтешь. В доме изящно, красиво и чисто. Все пахнет заграничными духами"[31].

Черты старины сохранились лишь в жилище бедноты, не имевшей возможности приобрести покупную мебель и дорогие городские одежды и утварь и другие предметы обихода. Отапливалось жилище бедняков, как и встарь, открытым очагом, нередко даже без дымаря, отчего едкий дым стлался по помещению, разъедая глаза. "Вместо постели на нарах, вернее на полу, – пишет М.К. Гарданов, – какие-то лохмотья, в которых валяется куча детей... Вся домашняя обстановка деревенской голытьбы – деревянное ведро, чашки, ложки и чугунный котел на цепи над очагом"[32].

Социально-экономические преобразования, подъем материального благосостояния населения в советские годы отразились и на интерьере жилища народов края. Уже в предвоенный период кирпичные печи, мебель городского типа, разнообразная металлическая и фарфоровая посуда заняли прочное место в обстановке местного жилища. Правда, не сразу они стали использоваться по прямому назначению. И сами новые дома, и новая городская обстановка нередко служили лишь своего рода показателем достатка в семье и открывались только при появлении в доме гостя. Сама же семья большую часть времени проводила либо в старом доме, либо в так называемой летней кухне, где зачастую наряду с плитой имелся и старинный камин, и полный комплект привычной обстановки и утвари: низкие треногие столики, такие же треногие, но еще более миниатюрные скамеечки, нары вместо кроватей, деревянная и тыквенная посуда и прочие атрибуты традиционного быта. В других случаях жить переходили в новый дом, но в обиходе продолжали пользоваться старинной мебелью и посудой. Кровати оставались чисто застеленными, в то время как спали на циновках, на полу или на нарах; высокие столы использовались в качестве полок и тумбочек для складывания чемоданов, книг, подставки для швейной машины и т.п.

Окончательное вытеснение традиционной мебели новой обстановкой произошло лишь во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, чему в немалой степени способствовали укрепление материального положения колхозов и совхозов и увеличение товаров широкого потребления по стране в целом.

В настоящее время обстановка и интерьер сельского жилища Северного Кавказа почти ничем не отличаются от обстановки и интерьера городского дома, особенно в среде сельской интеллигенции. В то же время именно у последней чаще всего можно встретить черты быта, заимствованные из прошлого и воспринимаемые ныне как нечто национальное и самобытное. Это прежде всего повышенная любовь к пышному убранству жилища коврами, паласами и ковровыми дорожками, циновками.

Здесь также нередко можно увидеть выставленные в серванте или на особой полочке высокогорлые декоративные кувшины, картины с изображением горного пейзажа и местной фауны: орлов, оленей, горных козлов-туров. Среди рукоделий присутствуют вышивки с национальным орнаментом или жанровыми сценами из старого быта: скачки джигитов, национальные танцы. В серванте за стеклом либо на стене можно увидеть рог, оправленный серебром, или какую-либо иную поделку в национальном стиле. Все это вместе взятое придает интерьеру своеобразный кавказский колорит[33].

[1] *Баранов Е.* Очерк из жизни горских татар Кабарды. – ТВ, 1894, 2 дек.
[2] *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии... – ОГРИП, с. 170–171.
[3] *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973, с. 14.
[4] *Геродот.* История. В 9-и книгах. Л.: Наука, 1972, с. 193.
[5] *Асанов Ю.Н.* Очаг балкарского жилища (XIX – начало XXв.). – Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1972, вып. 6, с. 155, 156.
[6] *Текеев К.М.* Жилища карачаевцев в XIX в. – Там же, вып. 5, с. 86.
[7] *Асанов Ю.Н.* Очаг балкарского жилища, с. 155.
[8] Там же.
[9] *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968, с. 462.
[10] *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974, с. 143.
[11] *Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья. – Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976, с. 37.
[12] *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, с. 143.
[13] *Кобычев В.П.* О традиционном делении жилища народов Северного Кавказа. – ПИИЭ, 1976. М.: Наука, 1978, с. 130–133.
[14] *Харузин Н.* История развития жилища у тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, с. 8.
[15] Там же, с. 90.
[16] *Магометов А.Х.* Культура..., с. 461.
[17] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. – ЗКОРГО, Тифлис, 1902, кн. 22, вып. 4, с. 15.
[18] *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище, с. 177.
[19] АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1961 г., дневник 1, с. 68, 69.
[20] АИЭ. Материалы Кабардино-Балкарского отряда 1962 г., тетр. 1, л. 78.
[21] *Чибиров Л.А.* Осетинское народное жилище, с. 158.
[22] АИЭ. Материалы Адыгейского отряда 1961 г., дневник 1, с. 68.
[23] *Текеев К.* Жилища карачаевцев..., с. 185, 186.
[24] *Малявкин Г.* Караногайцы. – ТС, Владикавказ, 1893, вып. 3, с. 150.
[25] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, с. 135, 190.
[26] *Калмыков И.Х.* Черкесы, с. 145.
[27] *Т. (Торнау Ф.Ф.)* Воспоминания кавказского офицера. – РВ, 1864, № 10, с. 422.
[28] *Кавказский офицер.* Плен у шапсугов. – Военный сборник, 1864, № 11, с. 205.
[29] *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека. – СМОМПК, 1892, вып. 14, с. 164.
[30] *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа. Путевые очерки. У осетин. – ВЕ, 1888, т. IV, с. 170.
[31] *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни. – ИСОНИИК, Владикавказ, 1925, вып. 1, с. 183.
[32] *Гарданов М.К.* Селение Христиановское..., с. 183.
[33] *Кобычев В.П.* Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. – В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1968.

Пристройки (терраса, галерея, веранда, крыльцо)

В древнейших из бытовавших в середине XIX в. типов жилища – жилых башнях – мы не находим никаких дополнительных наружных пристроек. Это противоречило самой их сущности. Нет пристроек и у большинства наиболее старых одноэтажных и двухэтажных домов, если не принимать в расчет кое-как сложенные из каменных плит и валунов приступки и лестницы там, где вход был устроен на некотором возвышении над землей[1]. Немногочисленные отрывочные описания, зарисовки путешественников первой половины XIX в. и более раннего времени, отдельные сохранившиеся экземпляры срубных домов (типа карачаевского "баши джабалгъан арбаз") позволяют распространить сказанное и на деревянное и турлучное жилище. Тем не менее археологические материалы свидетельствуют, что террасы и простейшего вида галереи-навесы были известны на Северном Кавказе уже с эпохи развитой бронзы.

Во второй половине XIX в. галерея перед жилищем получает широкое распространение во всех горных районах. "Дома, – пишет К.Ф. Ган о жилище дигорцев, – прилегают террасами к склонам гор; они большей частью двухэтажные, сложенные из неотделанных камней без цемента, внутри замазанные глиной и выбеленные. Нижний этаж предназначается для скота, верхний служит жилищем для людей. Впереди почти всегда устроено нечто вроде балкона или веранды"[2].

Как полагает Г.Х. Мамбетов, галерея перед жилищем развилась из помещений для скота, которые, по свидетельству очевидцев середины прошлого столетия, иногда устраивали перед жилыми помещениями. "Сакли жителей вырыты в земле, – писал Станкевич в середине XIX в. о жилище балкарцев, – и всякая сакля состоит из двух галерей, разделенных перегородкой. Только передняя галерея с малыми отдушинами вроде окон с дверьми... в передней галерее помещаются рогатый скот, бараны и лошади, а в задней – люди"[3]. Во второй половине XIX в. для скота стали строить специальные скотные дворы и "переднее помещение превратилось в глубокий навес перед жильем", заключает Г.Х. Мамбетов[4]. Такая эволюция галереи вполне возможна, но не исключен и другой вариант, вытекающий из особенностей конструкции самого плоского перекрытия.

Консольные балки (а для них, учитывая тяжесть земляного перекрытия, подбирают обычно мощные стволы деревьев) намного превышали ширину жилых помещений. При отсутствии пилы обрубка их, как о том свидетельствует пример карачаевского срубного жилища, была делом трудоемким. Ввиду этого концы таких бревен, для того чтобы они не продавили стены, которые в каменном жилище выкладывали без связующего раствора, приходилось подпирать специальными столбами, в результате чего и возник своеобразный навес, прообраз позднейшей галереи. В условиях южного климата для жилища, не имевшего иного освещения, кроме открытой двери и отверстия над очагом, это оказалось весьма кстати: можно было производить домашние работы и в зной, и в дождь.

Во второй половине XIX в. галерею начинают пристраивать и к срубным домам, используя для поддержания ее кровли помимо опорных столбов также антовые выступы боковых стен. В турлучном жилище галерею образовывали посредством удлинения свеса (карниза) скатов кровли. Такой круговой навес был особенно характерен для жилища адыгов Северо-Западного Кавказа с его влажным климатом. Впоследствии для этой цели начинают удлинять подстропильные балки, что позволило существенно увеличить ширину галереи. С наружной стороны стен стали устраивать глиняную отмостку, которая после появления фундамента с цоколем превратилась в приподнятую над уровнем почвы террасу. Примерно тогда же появляется и ограждение галереи, получившее наибольшее распространение в горах и в предгорном жилище.

Рис. 42. Виды пристроек

слева – современное двухрядное жилище квадратного плана с закрытой прихожей и крыльцом, вынесенным за линию фасада. Чегем 2-й КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г.; *справа вверху* – крыльцо в виде каменной лестницы, пристроенной к старинному жилищу. Сел. Даргавс СОАССР. Фотография 1930-х годов. ГМЭ, колл. 5711, № 48; *справа внизу* – трехкамерное жилище с остекленной срединной прихожей-верандой. Сел. Урух КБАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.

До начала XX в. круговой навес и галерею можно было встретить только в жилище зажиточных слоев населения ввиду дороговизны дерева и плотничьего труда, но со временем галерея становится неотъемлемой частью жилища почти всех слоев населения. Круговой навес преобладал в западных районах плоскости, а галерея – в центральных и восточных, но и там и тут их строили под одной общей крышей с остальной частью жилища, кроме срубных домов. В западных районах под навесом галереи устанавливали порой сапетки с кукурузой, зернохранилища, складывали дрова, в восточных же районах в одном из углов галереи иногда ставили летние печи.

В предреволюционные годы, когда в селениях края появляется заимствованное от русских жилище трехраздельного плана с сенями-прихожей в средней части, под воздействием местной традиции к нему с фасада начинают пристраивать открытую галерею, а сами сени поперечной стеной разгораживают на две половины: в дальней устраивают кухню, а передняя часть превращается в своего рода открытую веранду. В первые десятилетия Советской власти этот вид жилища приобретает большую популярность и на какое-то время вытесняет все другие формы жилища. В послевоенные годы веранду начинают стеклить, отчего все жилище приобретает уютный и нарядный вид. В таком виде трехраздельное жилище просуществовало до начала 1950-х годов, когда на смену ему пришло жилище квадратного плана с угловой остекленной верандой и с верандой в средней части, выдвинутой за линию фасада. С появлением в современном жилище высокого цоколя возникла необходимость в устройстве особого выносного крыльца с несколькими ступенями, иногда полуциркульного абриса, которое прикрывают обычно отдельной двускатной жестяной крышей-"зонтиком".

[1] Таково, например, жилище Эмазы Бетанова в сел. Лесгор Ирафского района СО АССР. АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1974 г.

[2] *Ган К.Ф.* По долинам Чороха, Уруха и Ардона, с. 29, 30.

[3] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура..., с. 141.

[4] Там же.

Архитектурные украшения

Старое народное жилище на Северном Кавказе не знало специальных архитектурных украшений. Однако в кладке некоторых чеченских и ингушских жилых башен порой можно видеть отдельные камни, отличные по структуре, с нанесенными на них незамысловатыми рисунками. Рисунки выбиты обычно контурной линией или изредка в "пунсонной технике" т.е. по всей площади. Единично встречаются объемные изображения, выложенные в самой кладке, и рельефные фигуры. В отличие от петроглифов, выбитых на скалах, рисунки на жилых постройках можно назвать "бытовыми петроглифами" и в известной мере отнести к своеобразным архитектурным украшениям, несущим определенную семантическую нагрузку.

Число петроглифов заметно увеличивается по направлению с запада на восток, максимум их – в Макажойской котловине (в бывшем Чеберлоевском обществе Чечни), на границе с Дагестаном, где декоративное камнерезное искусство и культура петроглифов представлены еще шире и многообразнее.

Чаще всего петроглифы украшают арочные камни над входами в жилые башни, но иногда их можно встретить и в кладке фасадных и боковых стен, на угловых блоках и под карнизом зданий. При этом животные и люди, изображенные на таких камнях, иногда оказываются в перевернутом виде, т.е. лежащими на боку, вверх ногами, откуда следует, что они вставлены в кладку вторично, в качестве просто "красивых" камней.

По характеру сюжетов петроглифы весьма разнообразны и могут быть подразделены на три группы. К первой относятся разного рода знаки и символы небесной космогонии – круги, косые и равноконечные кресты, в том числе вписанные в круг, звезды, розетки, свастики, волнистые линии и т.п. (рис. 43, *2, 3*). Вторую группу образуют изображения людей, животных в виде отдельных фигур или сложных композиционных соединений. Часто это подлинные художественные панно, изображающие сцены охоты, сражений, хозяйственные занятия и пр. И, наконец, третья группа петроглифов – тамги, т.е. знаки фамильной и личной частной собственности, которые в ряде случаев гости выбивали на стенах и дверях домов принимавших их кунаков. Например, на башне Шаухаловых в ингушском селении Бейни на камнях вокруг входа и арки второго этажа выбито семь таких тамг (рис. 43, *1*)[1]. Л.П. Семенов сообщает о виденной им двери дома в сел. Нижние Ачалуки в плоскостной Ингушетии, на которой было вырезано пять подобных тамг[2]. Такими дверями гордились и сохраняли их из поколения в поколение. При наличии у хозяина отдельной гостиной-кунацкой фамильные памятные тамги вырезали в первую очередь на ее дверях. "Всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своей обязанностью и актом вежливости вырезать на дверях кунацкой на память о себе свое родовое тавро... – писал В.П. Пожидаев, собиравший материал по данному вопросу в первой половине 1920-х годов и успевший застать многое из рудиментов прошлого быта. – Мне лично удалось видеть... около полдюжины таких старых кунацких с дверьми, покрытыми родовыми таврами... Такие двери нередко существуют несколько поколений и навешиваются в новых кунацких в случаях их перестройки"[3]. По-видимому, именно эти тамги-тавро имел в виде Ш.Б. Ногмов, кабардинский историк середины прошлого века, когда писал, что у адыгов в старину было принято записывать на дверях домов деяния своих предков.

Нам уже приходилось писать, что при отсутствии в прошлом письменности многие горские народы использовали тамги, простейшие графические рисунки-петроглифы, а также разного рода предметы, рога и черепа жертвенных животных, амулеты, навешиваемые им на шею, в качестве своего рода "узелков на память". По ним восстанавливали в памяти важнейшие события общественной и семейной жизни, отделенные порой многими десятилетиями и даже сотнями лет[4]. Определенную семантическую нагрузку несли и многие другие виды петроглифов, служившие оберегами и одновременно отражавшие эстетические вкусы и идеологические представления их владельцев. Тамги же, указывая на связь владельца дома с другими фамилиями и родами, повышали его общественное положение[5].

Распространение христианства в горах Северного Кавказа в позднем средневековье привело к появлению иного вида "украшений" – разнообразных крестов, в частности популярных в ту пору так называемых "крестов с Голгофой". Подобные кресты выкладывали чаще всего под кровлей или под машикулями боевых башен в выемочной технике, т.е. посредством образования пустот в кладке за счет утоньшения стены. И хотя такого рода декор в какой-то мере ослаблял крепость постройки, вера в его охранительную силу была, видимо, намного сильнее (рис. 43, *4*).

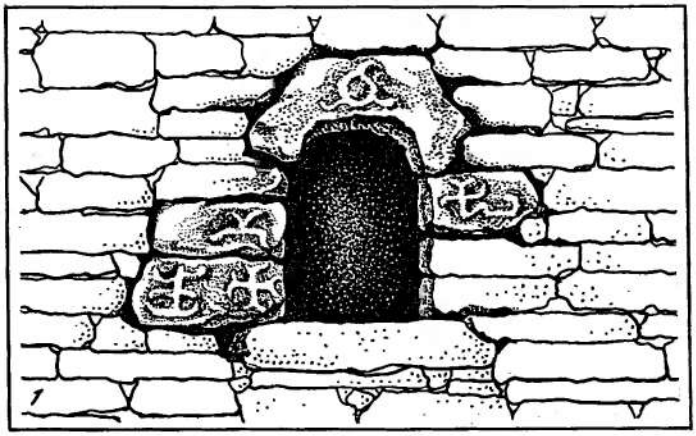
Кресты разного рода покрывают иногда стены башен снизу до верху с двух и даже с трех сторон и смотрятся как цельное и законченное архитектурно-декоративное произведение. В свое время этому способствовали обмазка и побелка стен башен, скрывавшие фактуру кладки. С ослаблением христианства и проникновением ислама крест с голгофой стал восприниматься населением как некий антропоморфный символ и "знак арбалета", как его трактуют некоторые из современных местных исследователей.

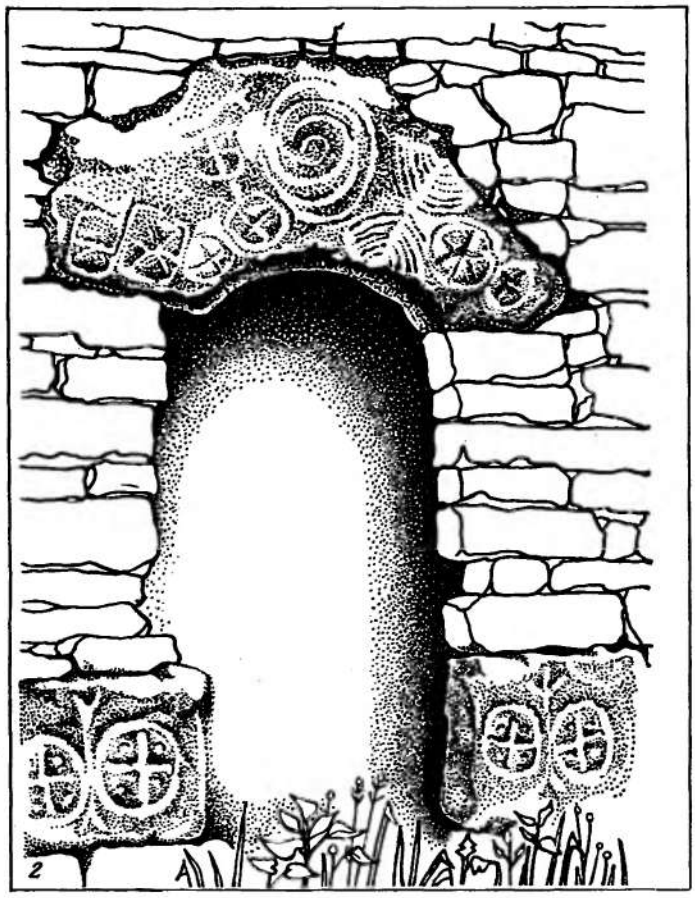
Наряду с указанными украшениями можно отметить также разнообразные приемы кладки жилых башен и расшивки швов, имевшие также декоративное назначение. Среди них и чередование больших и более мелких каменных блоков и квадров, и кладка "в елочку", устраивавшаяся, по общему мнению, в антисейсмических целях, и украшение карнизов особой "мережкой" – чередованием полупустот в виде маленьких квадратиков, и множество других технических приемов, способствовавших украшению внешнего вида жилища.

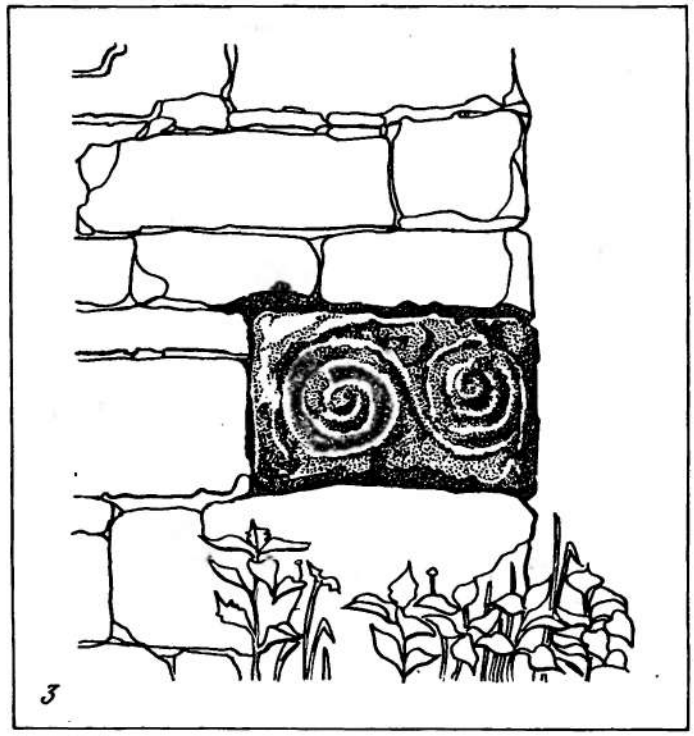
Как всюду на Востоке, на Кавказе придавали большое значение украшению интерьера, в котором главное место занимал в прошлом огромный срединный очаг и находившийся неподалеку от него центральный опорный столб.

В прошлом этот столб сплошь покрывали разного рода оберегами: кругами, розетками, лепестками розеток, равноконечными крестами, изображениями рук и т.п. (рис. 44, *3*). Резьбой покрывали и капитель этого столба (подбалку), концы которой обыкновенно завершали завитками – стилистическим изображением рогов барана, излюбленного жертвенного животного.

С появлением во второй половине прошлого столетия домов русского типа в моду входит резьба по дереву, для выполнения которой первое время приглашали русских плотников. Как и в русских домах, резьбой

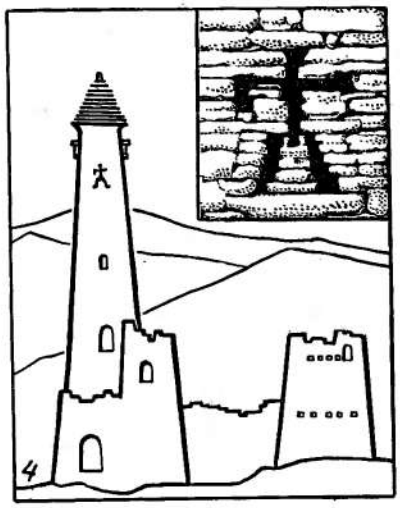

Рис. 43. Архитектурные украшения

1 — гостевые и фамильные тамги, выбитые на фасаде жилой башни. Сел. Бейни ЧИАССР; *2, 3* — петроглифы в кладке жилой башни. Сел. Хой ЧИАССР; *4* — крест-оберег на фасаде боевой башни. Сел. Ный ЧИАССР

покрывали наличники окон, карнизы и кромки кровли, ставни, фронтоны, столбы и ограждения крыльца и прочие деревянные части жилища. Характер резьбы зависел от уменья и вкусов резчиков. С появлением в начале XX в. железной кровли и водостоков приемы прорезной резьбы перенесли также на гребень кровли и навершия печных труб и водостоков. К этому времени плотницким ремеслом и искусством прорезной резьбы по доскам овладели и местные мастера. Это вскоре привело к тому, что в декоре жилища стал ощущаться национальный колорит. Вместо растительного орнамента в декор вводятся зооморфные мотивы: стилизованные изображения рогов быков, баранов, оленей, геометрические фигуры. В районах с мусульманским населением в декор вплетаются изображения полумесяца со звездой, арабские надписи и т.д. Такого рода декор наряду с изредка встречавшейся скромной росписью стен просуществовал до начала коллективизации, когда в связи с сокращением срубного строительства и переходом на строительство домов из саманного кирпича наблюдается некоторый спад в украшательстве жилища.

Интерес к архитектурному украшению жилища вновь возрождается в послевоенные годы. Современный декор в принципе отличается от прежнего, довоенного, дореволюционного как с технической точки зрения, так и с художественно-эмоциональной. В основных своих чертах он сходен с украшением жилища, характерным для всех южных районов Европейской части СССР, и прежде всего для Черноморского побережья Кавказа, Украины и Молдавии, однако в деталях и элементах орнамента декор народов Северного Кавказа представляет нечто глубоко самобытное, присущее исключительно данному региону. Это его своеобразие выражается уже в том, что жилище коренного населения края

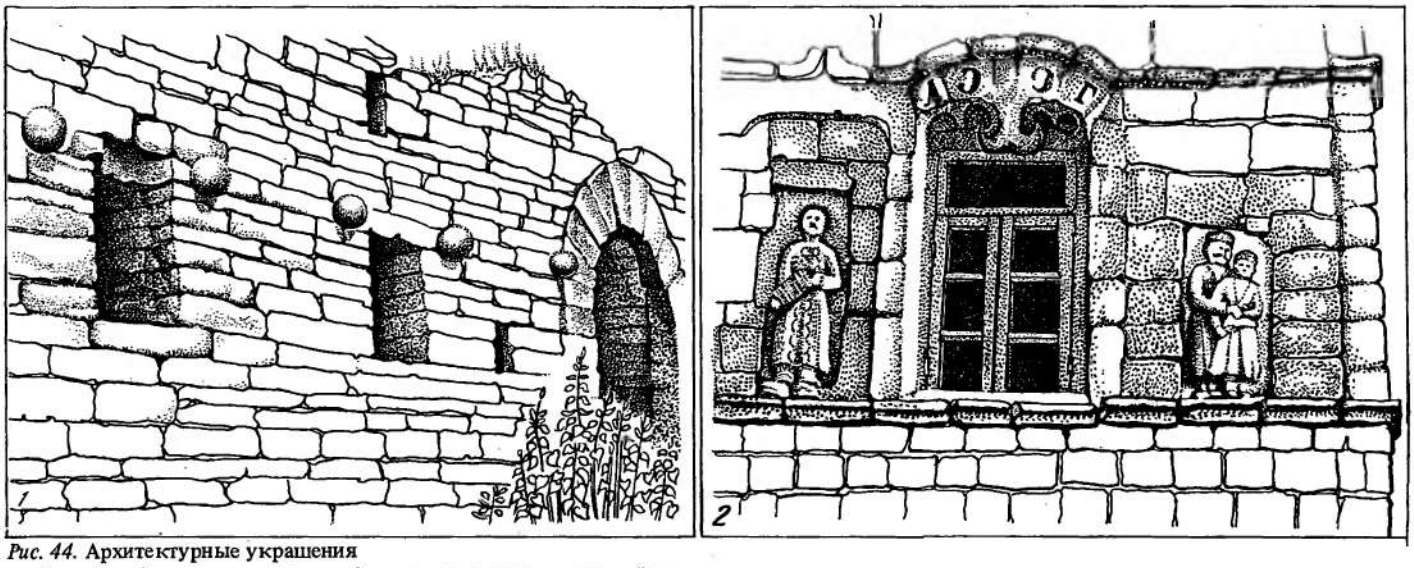

Рис. 44. Архитектурные украшения

1 – рельефные украшения на фасаде жилого дома постройки конца XIX в. Сел. Джангулдой ЧИАССР; *2* – рельефные украшения на стене жилого дома постройки начала XX в. Сел. Караман-Синдзикау СОАССР; *3* – резной опорный столб, украшенный изображением кругов с крестами – символами солнца. Сел. Какадур СОАССР. Фотография из ГМЭ, колл. 6078, № 28

украшается неизмеримо богаче, чем жилище соседнего русского населения.

Большое внимание обращается на украшение стен жилища, уходящее своими корнями, как мы видели выше, в глубь веков. При штукатурке стен, сложенных из саманного кирпича, в цемент добавляют разнообразные красители: цвета спелой вишни, апельсинового, желтоватого, голубоватого оттенков и т.п. Поверхность штукатурки делают неровной, "рытой" или, наоборот, глянцуют и разрисовывают, имитируя каменную и кирпичную кладку. В плоскость стен вставляют медальоны в виде ромбов, кругов, звезд, выпепленные по трафарету из алебастра и цемента иногда с вкраплениями битого стекла, цветных камней и т.п. Особое внимание уделяют отделке углов постройки, которые украшают профилированными пилястрами с фасонными лепными капителями, резным цоколем и такими же вставками посередине. Применяется также украшение с помощью комбинирования разнородных материалов: саманного кирпича – с обожженным кирпичом; из последнего выкладывают часть стены у веранды.

Дома, выстроенные из камня и обожженного кирпича, украшают с помощью расшивки швов, фасонной кладки и резьбы по камню и кирпичу (рис. 45; 46). В чеченских селениях преобладают резные украшения по кирпичу в виде столбиков, лженаличников, фигурно выложенных карнизов и т.п. Широкое распространение получило устройство памятных медальонов с указанием даты возведения жилища и имени и фамилии хозяина дома. Фасонной кладкой порой выкладывают также цоколь, фундамент, карнизы, простенки окон.

В домах, построенных из саманного кирпича, всегда нарочито подчеркивают цоколь фундамента и окрашивают его в более интенсивный цвет, чем стены. В отдельных случаях цоколь декорируют под кирпичную кладку, а в кирпичных и каменных домах цоколь отделяют от стен особым бордюром из кирпичей, вставленных углом, ребром или еще каким-либо отличным способом.

В отличие от жилища дореволюционного времени и

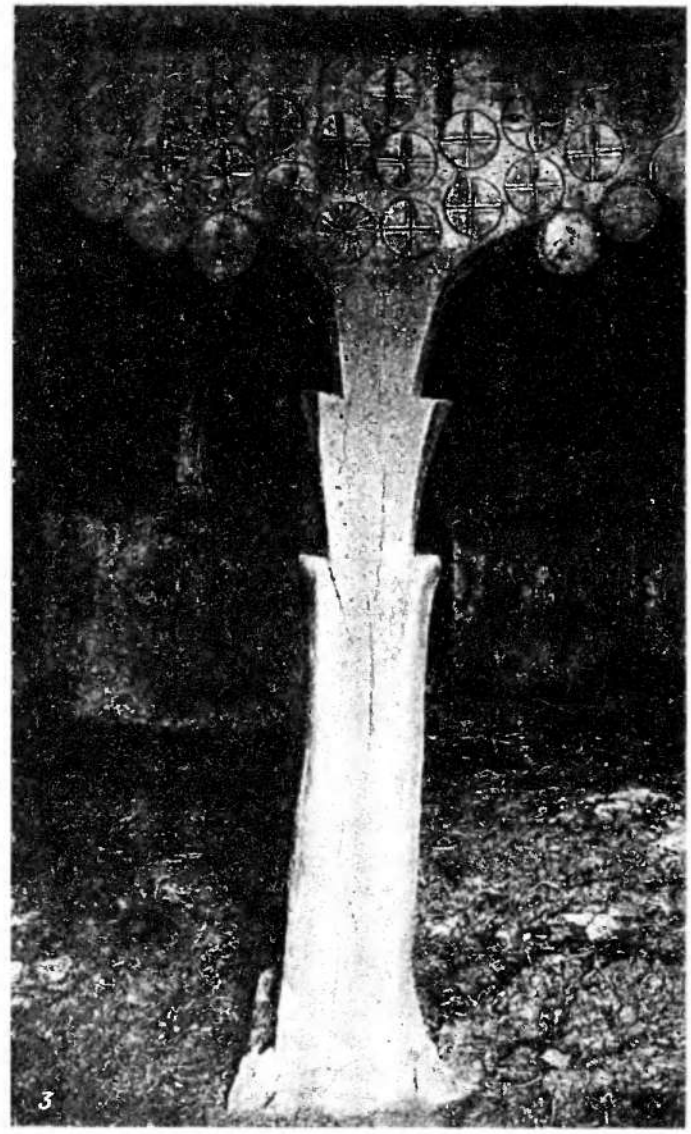
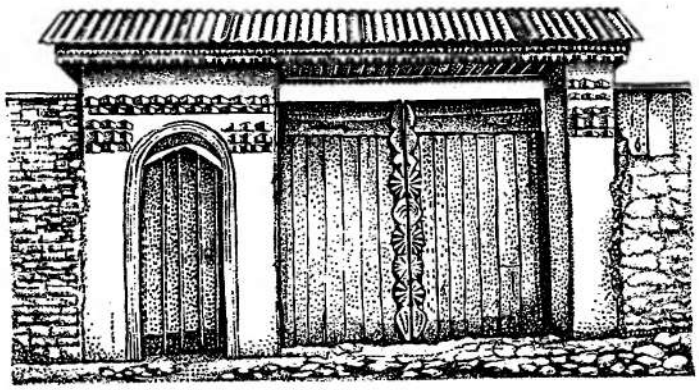
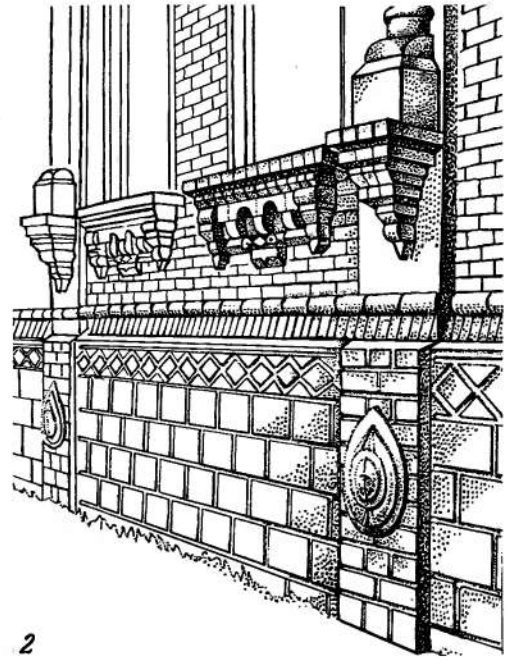

Рис. 45. Архитектурные украшения

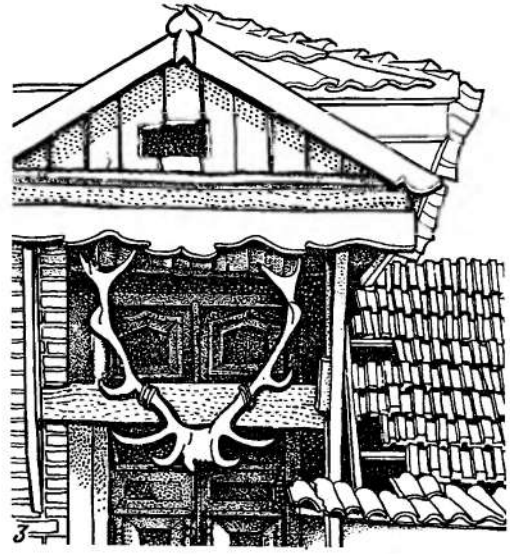
1 – украшение на воротах. Сел. Озрек СОАССР; *2* – украшение стен и цоколя в современном жилище. Сел. Урус-Мартан ЧИАССР; *3* – рога кавказского оленя, прибитые в качестве украшения над входом в жилище. Сел. Лескен СОАССР; *4* – накладные фигурные украшения на фронтоне жилища. Сел. Нижний Чегем КБАССР; *5, 6* – резные накладные украшения на фронтоне и коньке крыши. Сел. Сармаково КБАССР; *7–9* – резные украшения по жести на печной трубе и водостоках. Кабардино-Балкарская АССР

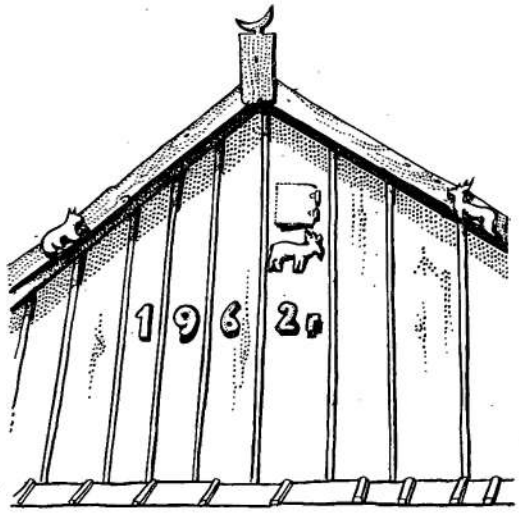
1

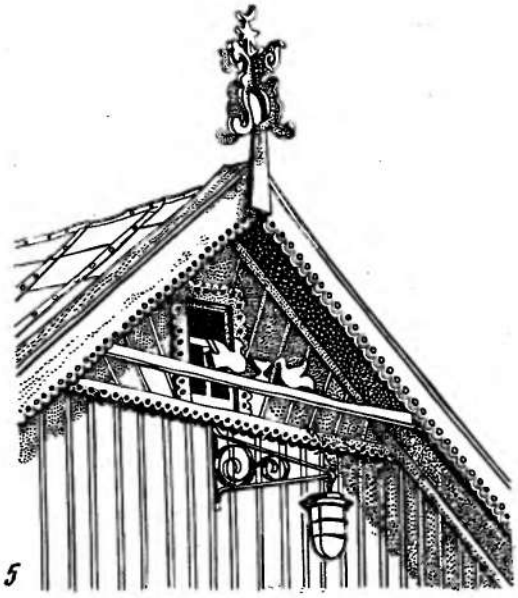
2

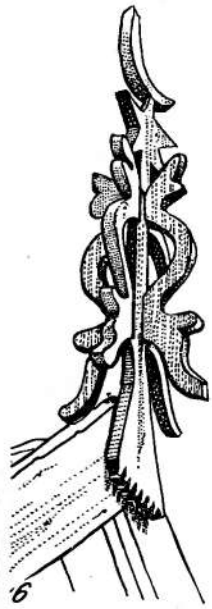
3

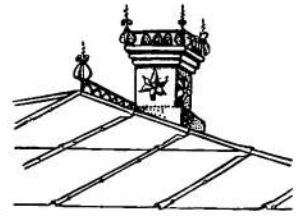
4

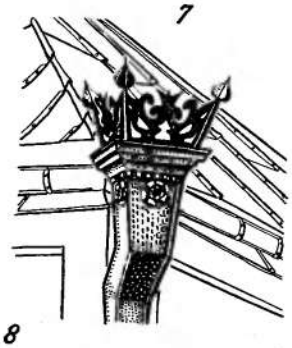
5

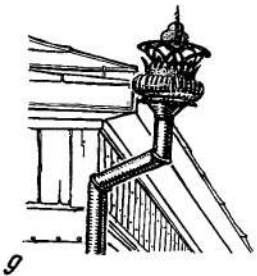
6

7

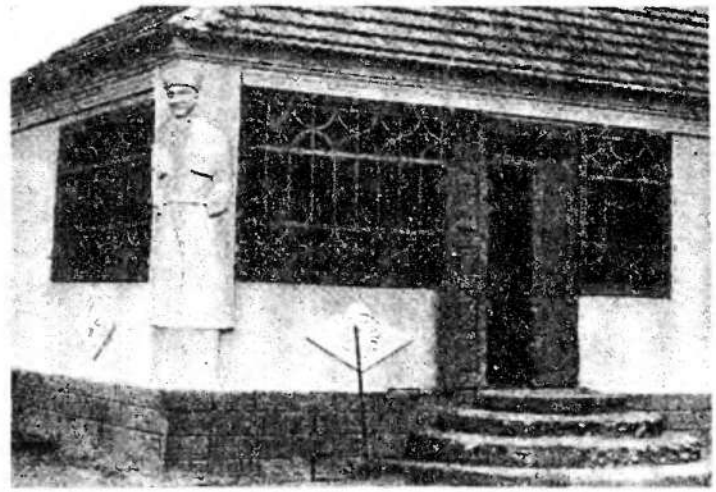
8

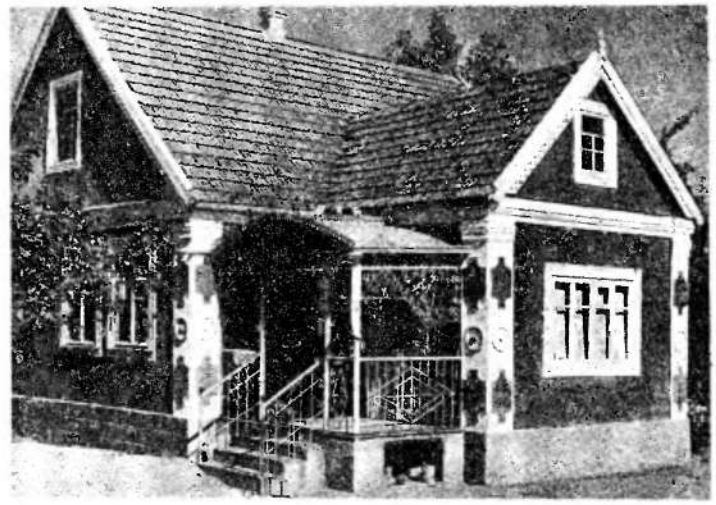

9

Рис. 46. Архитектурные украшения

вверху – рельефное изображение человека в национальной одежде. Сел. Старый Урух КБАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1968 г.; *в центре* – украшение стен жилища с использованием цветной штукатурки и налепных рельефов. Сел. Кызбурун 2-й КБАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *внизу* – художник-любитель на фоне декорированной им стены жилища. Сел. Лескен СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.

первых лет Советской власти в современных домах ставни и наличники устраивают крайне редко, а в тех немногочисленных случаях, где они еще продолжают бытовать, украшение их стало намного скромнее и строже. Пышный прорезной орнамент растительного характера не встречается совершенно, его сменили лаконичные геометрические фигуры и стилизованные изображения животных.

Преобладающие в настоящее время в большинстве местностей четырехскатные черепичные крыши представляют очень мало возможностей использовать этот элемент в декоративных целях. Но в тех селениях, где еще бытует двускатное перекрытие, а также в домах, крытых железом, кровля неизменно богато орнаментируется. Помимо множества разнообразных приемов зашивки фронтона досками орнаментом обычно покрывают карниз и гребень кровли. В верхнем углу фронтона прибивают флагшток, заканчивающийся звездой, полумесяцем, изображением ракеты, рыбы или какой-нибудь иной замысловатой эмблемой с элементами старинных фамильных тамг (рис. 45, *4–6*). Такие же тамгообразные знаки прибивают и на фронтоне (иногда по нескольку изображений сразу) жилища и крыльца. В иных домах фронтон украшают изображениями животных: оленей, лосей, туров, птиц, цифрами с датой постройки дома и пр. Самым излюбленным украшением фронтонов является розетка, символизирующая солнце.

Затейливо орнаментируют железные крыши, печные трубы и водостоки. Гребень железной кровли украшают сложным метрическим узором, разнообразными виньетками, остроконечниками, резными фигурами животных, ракет, звезд и т.п. С большой выдумкой декорируют печные трубы, которые снаружи оббивают листовым железом и украшают накладными цветами, коньками, шпилями, коронами и пр. Над крыльцом дома сооружают специальный "зонтик", который подобно крыше жилища орнаментируют узором из гнутой проволоки и другими способами. Над входом по старой традиции иногда прибивают охотничьи трофеи – рога оленей, косуль, горных козлов и других животных.

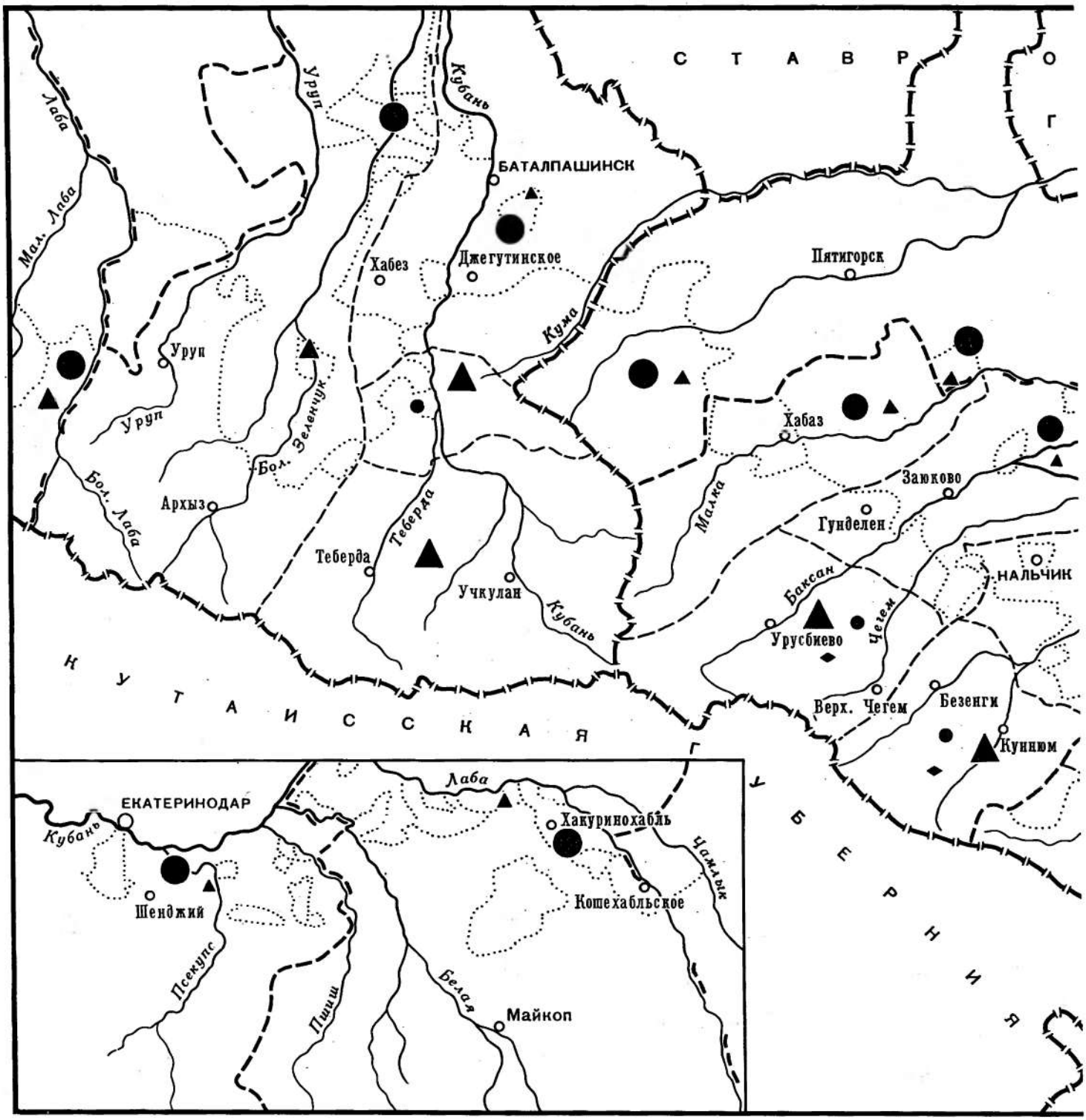
[1] Подробнее см.: *Марковин В.И.* Средневековые чеченские и ингушские петроглифы. – В кн.: Материалы научной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1964, с. 134; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 188–193, рис. 52–56; *Кобычев В.П.* Летопись гор. – В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М.: Наука, 1974, с. 141–148; *Он же.* Язык есть нем. – СЭ, 1973, № 3, с. 149–159.

[2] *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 36.

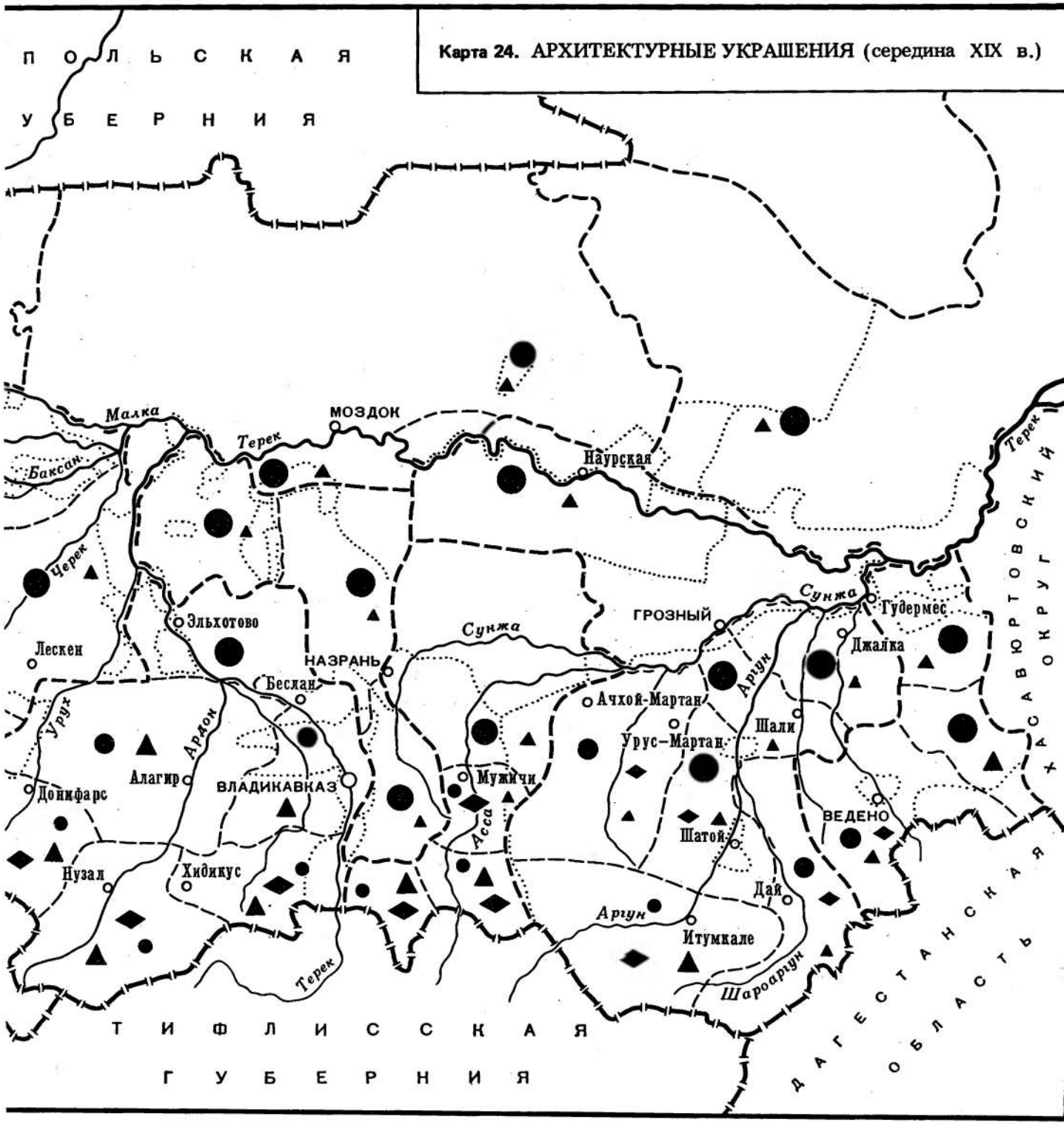
[3] *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925, с. 55.

[4] *Кобычев В.П.* Дигори-зад. – В кн.: Новое в полевых исследованиях Института этнографии в 1974 г. М.: Наука, 1975, с. 132–141.

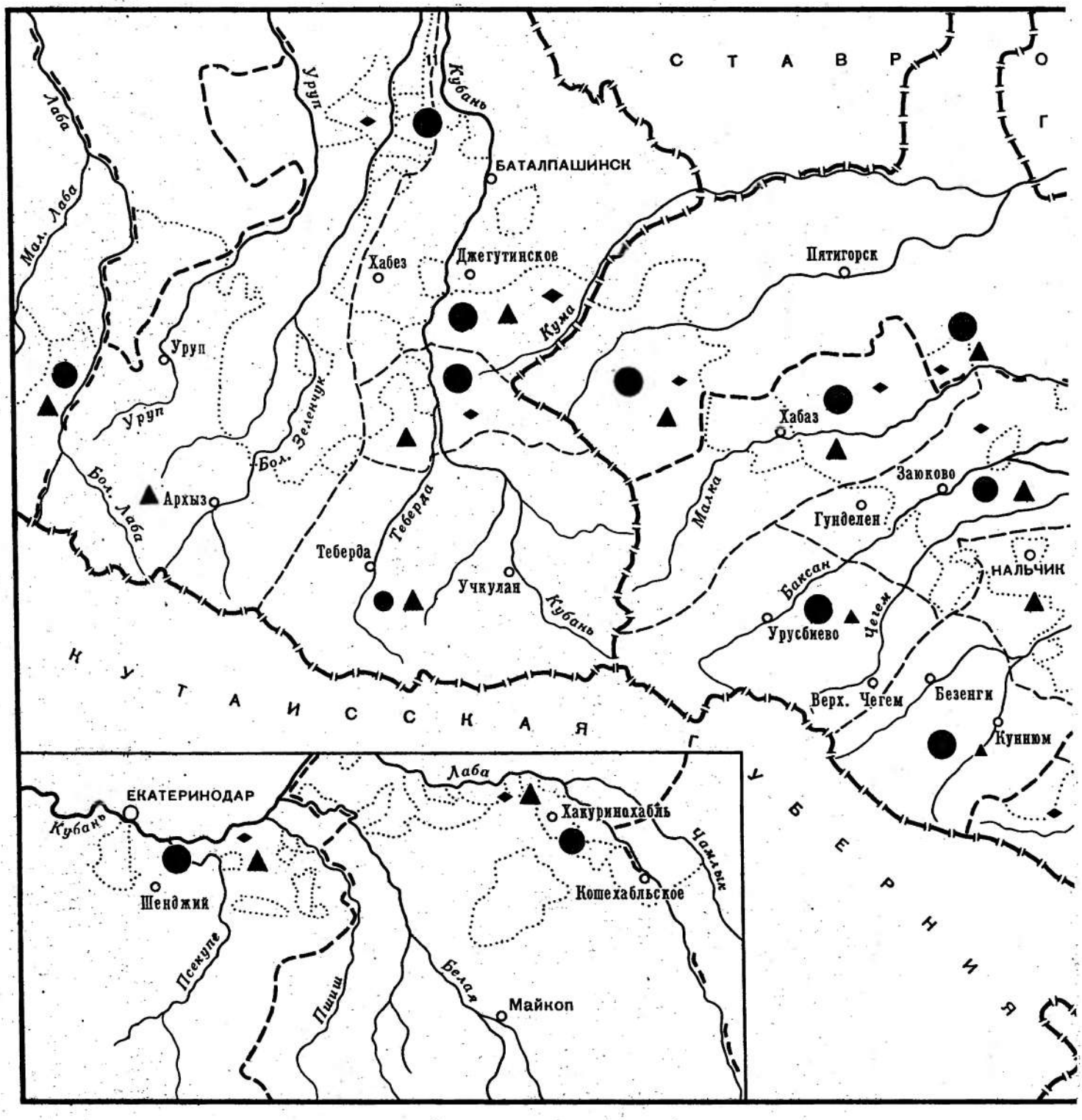
[5] Перечень и семантика известных на сегодня тамг и значение их как исторического источника см.: *Лавров Л.И.* Кавказские тамги. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 91–175.

С Т А В Р О П О Л Ь С К И Й К Р А Й
К А Р А Ч А Е В О - Ч Е Р К Е С С К А Я Р Е С П У Б Л И К А
К А Б А Р Д И Н О - Б А Л К А Р С К А Я Р Е С П У Б Л И К А
Лаба
Мал. Лаба
Бол. Лаба
Урупп
Кубань
Бол. Зеленчук
Теберда
Кума
Малка
Баксан
Чегем
Чамлык
Белая
Пшиш
Псекупс
БАТАЛПАШИНСК
Джегутинское
Хабез
Урупп
Архыз
Теберда
Учкулан
Пятигорск
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Кунюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Шенджий
Хакуринохабль
Кошехабльское
Майкоп
Преобладают
Бытуют
Единичны
Побелка и окраска стен, в том числе цветной глиной
Художественная кладка и резьба по камню

Карта 24. АРХИТЕКТУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ (середина XIX в.)

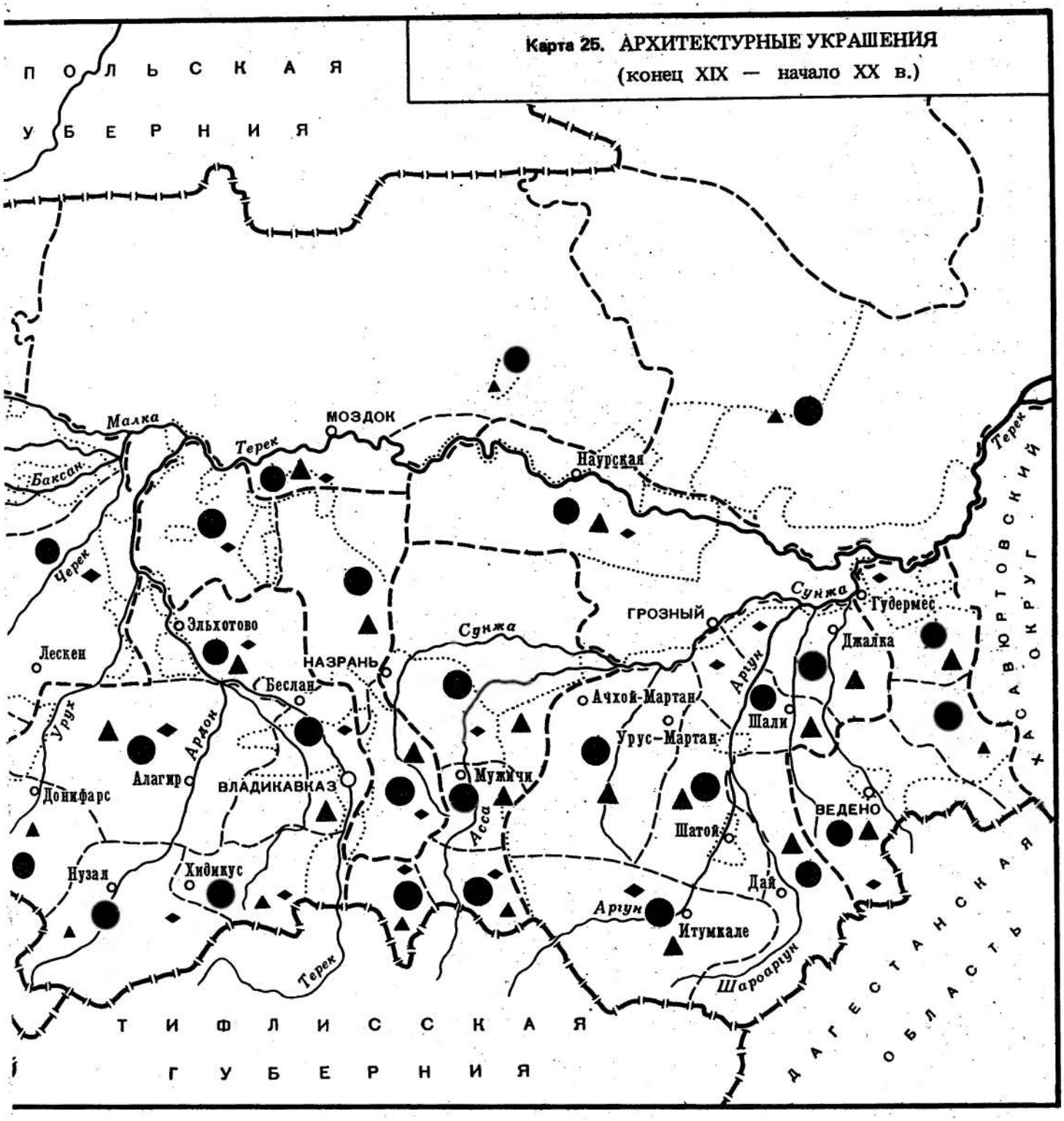
Преобладают ▲ Бытуют ▲ Единичны ▲ Резьба по дереву, в том числе в интерьере жилища

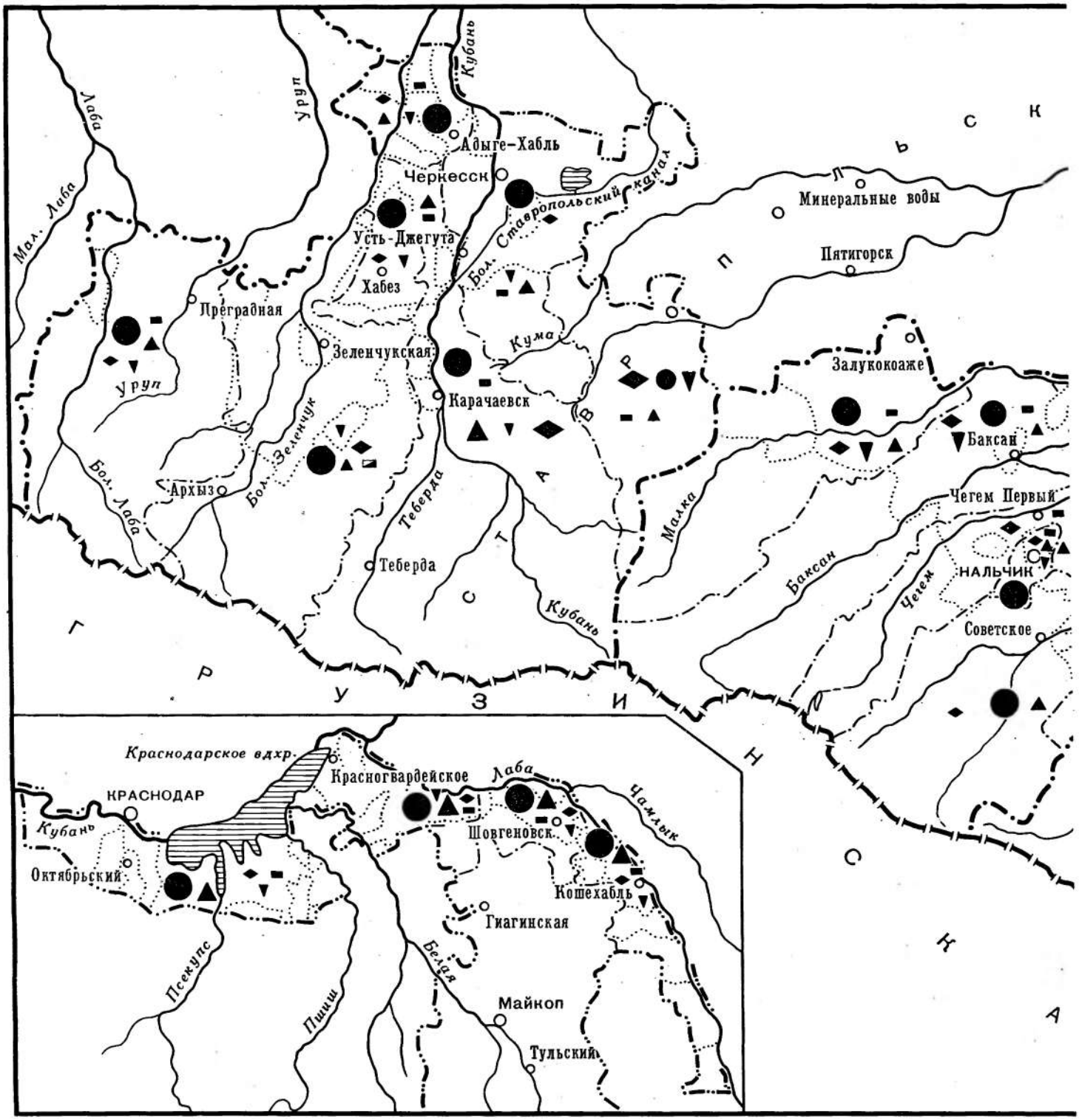
Преобладают — Бытуют — Единичны

Побелка и окраска стен, в том числе цветной глиной

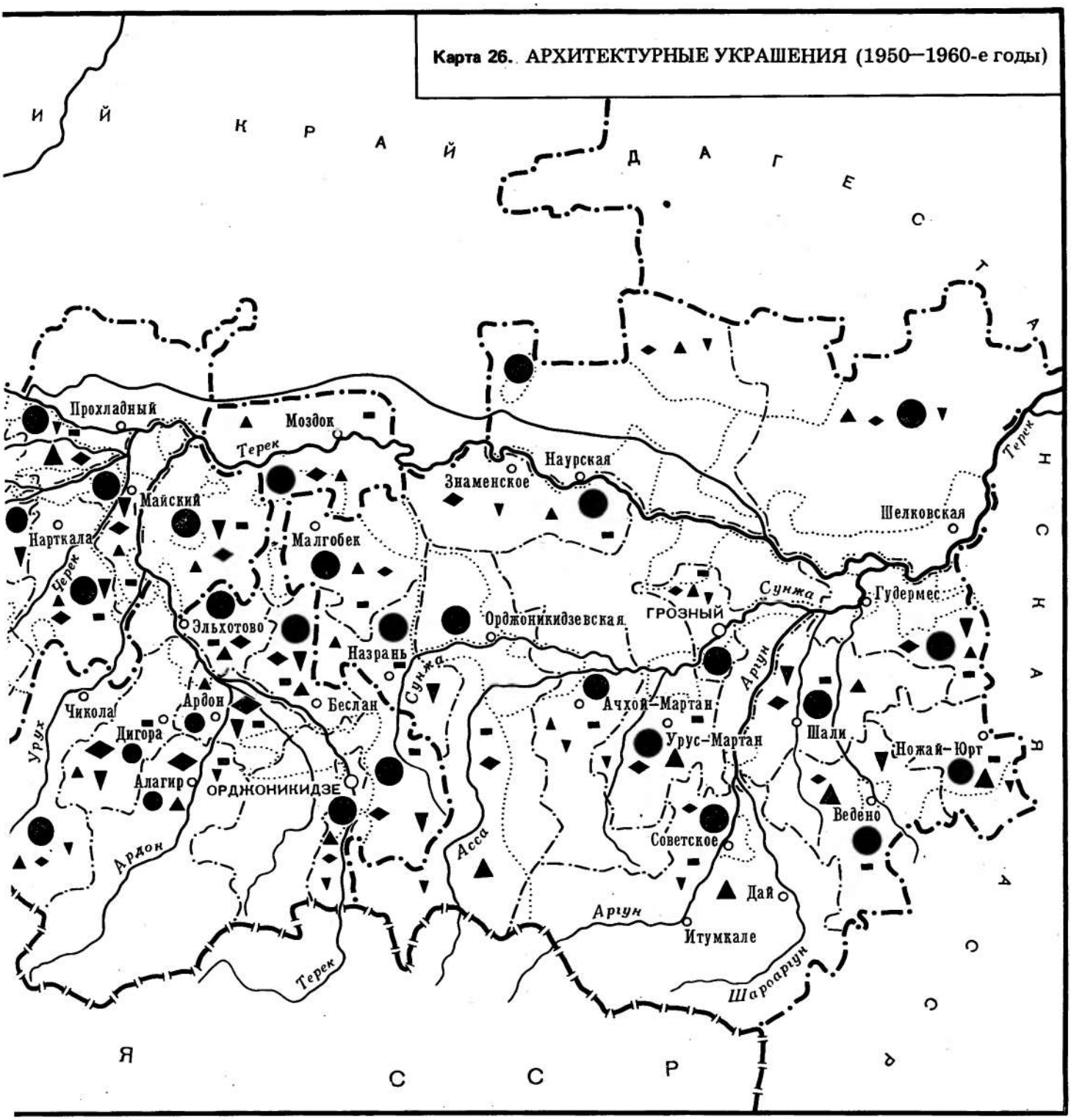
Художественная кладка и резьба по камню и кирпичу

Бытуют ▲ Единичны ▲ Резьба по дереву, в том числе в интерьере жилища

Кубань
Лаба
Урупп
Мал. Лаба
Адыге-Хабль
Черкесск
Усть-Джегута
Хабез
Прегрaдная
Зеленчукская
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Карачаевск
Бол. Ставропольский канал
Кума
Минеральные воды
Пятигорск
Залукокоаже
Баксан
Малка
Чегем Первый
Баксан
Чегем
НАЛЬЧИК
Советское
Кубань
Краснодарское вдхр.
КРАСНОДАР
Кубань
Октябрьский
Красногвардейское
Лаба
Чамлык
Шовгеновск
Кошехабль
Гиагинская
Белая
Майкоп
Тульский
Псекупс
Пшиш
Преобладают
Бытуют
Единичны
Побелка и окраска стен, в том числе цветная штукатурка
Художественная кладка и резьба по камню и кирпичу
Резьба по дереву

Карта 26. АРХИТЕКТУРНЫЕ УКРАШЕНИЯ (1950—1960-е годы)

Резьба по жести

Художественная лепка, украшения из гнутой проволоки, аппликация стеклом и прочее

Бытуют

Единичны

Типы жилища

Рассмотренный в предыдущих разделах материал позволяет выделить несколько основных типов народного жилища, которые бытовали на той или иной территории региона в каждый из принятых хронологических периодов. Для полноты характеристики привлекается целый ряд признаков, как это издавна принято в этнографической литературе[1], в отличие от других смежных дисциплин, где классификация строится преимущественно на одном элементе[2].

Как уже отмечалось выше, в первой половине XIX в. в равнинных районах Северного Кавказа было распространено одно-двухкамерное турлучное жилище с двух- и четырехскатной соломенной или камышовой крышей, с относительно крутыми (около 30°) скатами в северо-западной части края и пологой, иногда обмазанной глиной кровлей на востоке региона. Различали две разновидности этого типа жилища: западную и восточную. На западе края, у адыгских народов, абазин и ногайцев, преобладало однокамерное жилище, в том числе обособленные постройки для взрослых женатых сыновей и для приема гостей. В результате число домов на усадьбе достигало порой десятка и более[3]. Наоборот, на востоке, у чеченцев, ингушей, осетин, гораздо чаще встречалось двухкамерное жилище, в котором под одной крышей объединялись и жилые помещения и гостевая. Сравни у чеченцев: "Дома у них турлучные..."[4] "Каждый дом состоит из двух отделений: в одном живет хозяин и там же принимает гостей, в другом – жена его и дети; эти отделения не имеют между собой сообщения и дверь каждого ведет под общий навес"[5].

У ногайцев, большая часть которых в середине XIX в. продолжала вести еще кочевой образ жизни, бытовало передвижное войлочное жилище в разборном и неразборном вариантах.

Отапливалось турлучное жилище преимущественно камином, местоположение которого было самым различным: у передней стены, посредине торцовой удаленной от входа стены, в переднем удаленном углу и т.д. Юрты отапливались открытым срединным очагом.

В горах Северо-Западного Кавказа, а отчасти также в лесистых предгорьях и на востоке Чечни (в Ичкерии) бытовали срубные жилища разных видов в зависимости от особенностей конструкции (сруб, заклад), планировки и формы крыши.

Основной и более ранней формой было, по-видимому, однокамерное жилище квадратной или прямоугольной формы с плоской земляной крышей и открытым очагом, расположенным посредине помещения. Так выглядел, например, дом, сохранявшийся в сел. Хурзук еще в предвоенные годы, который, по преданию, принадлежал Боташу, одному из легендарных первопоселенцев в Карачае[6]. Таким же оно изображено на старых фотографиях и рисунках конца XIX – начала XX в., в работах Е. Зичи и Г. Мерцбахера[7].

Особый тип многокамерного жилища представлял собой так называемый карачаевский "крытый двор" (баши джабылгъан арбаз), состоявший из нескольких жилых помещений, расположенных по периметру квадрата, в середину которого на ночь загоняли скот. Жилые помещения в "баши джабылгъан арбаз" перекрывались обычно пологой двускатной земляной крышей, а внутренний двор – плоской земляной кровлей, которая в центре поддерживалась деревянной опорой, сложенной в виде клети. На Северном Кавказе подобный строительный прием больше, кажется, нигде не отмечен, но до настоящего времени используется для поддержания матицы двускатной кровли в соседней Сванети, расположенной за Кавказским хребтом[8].

Жилище типа "баши джабылгъан арбаз" сформировалось в условиях господства большой патриархальной семьи и тревожной внешней обстановки. По своей планировочной схеме оно близко напоминает круговые и кареобразные поселения кабардинцев, черкесов и других в прошлом скотоводческих народов Северного Кавказа, встречавшиеся на равнине еще в начале XIX в., с которыми, по-видимому, и было генетически связано.

Срубное жилище бытовало также у адыгских народов, обитавших в первой половине XIX в. в горной полосе по верховьям левых притоков Кубани – Большому и Малому Зеленчукам, Лабе, Белой, Пшехи, Псекупсу, Адагуму. А.П. Берже писал о Черкесии и Имерети (часть западной Грузии, прилегающая к местам расселения адыгских племен), что тамошние "жители спокон века жили в деревянных домах"[9]. Бытописатель середины XIX в. И.Л. Серебряков выражается еще конкретнее: "Дома они (черкесы-адыги. – *В.К.*) устраивают из плетня или простого сруба"[10]. По словам Н.Каменева, жившие в горах абадзехи, "заняв землю, ставили сруб"[11]. Когда в 1860-х годах в станице Ключевой при штаб-квартире Псекупского полка была сделана попытка основать один из первых в нашей стране этнографический музей под открытым небом, для него с гор была привезена рубленая абадзехская изба[12].

Рис. 47. Типы жилища

1 – пещерное жилище. Сел. Хай ЧИАССР; *2* – пещерные укрепленные жилища. Сел. Дзивгис СОАССР

О срубном жилище у горных адыгов упоминают и другие авторы той поры. У абадзехов, пишет А. Махвич-Мацкевич, "все хижины выстроены из дерева или сплетены из ивовых прутьев"[13]. "Дом горца есть сакля, т.е. изба, обыкновенно плетневая, обмазанная внутри и снаружи глиною, но иногда и досчатая"[14], – замечает М.И. Венюков. Под досками здесь следует понимать расколотые надвое бревна-плахи или же слагка подтесанные стволы (пила на Северном Кавказе входит в обиход только во второй половине XIX в.).

К сожалению, источники ничего не говорят о форме и планировке срубных домов у адыгов, и мы можем лишь предполагать, что дом был самой простейшей формы, подобно наиболее ранним срубам карачаевцев, коль скоро авторы, упоминающие об этом жилище, не отличают его от турлучных хижин, а в одном случае сообщают даже о транспортировке его на другое место. Это последнее позволяет также допустить, что срубное жилище адыгов имело, скорее всего, двускатную тесовую кровлю, а не земляную, как у карачаевцев, балкарцев и других горцев Центрального Кавказа.

Крайним восточным пределом распространения срубных форм жилища в крае во второй половине XIX в. было Баксанское ущелье, но в более ранний период нельзя исключить его бытование и в других ущельях Балкарии и даже Северной Осетии. Об этом свидетельствуют отдельные рудименты деревянных домов в указанных местах, предания[15] и некоторые другие косвенные данные, в том числе воспоминания информаторов о наличии в прошлом крупных лесных массивов в ряде ущелий, ныне полностью обезлесенных[16]. В частности, на бытование некогда срубного жилища в Балкарском ущелье указывает название селения "Турахабла" – производное от *тура* – тюрк. (диалект.) "рубленый дом"[17] и *хъеблэ* – кабард. "квартал", в прошлом также "патронимический поселок". Однако в конце XVIII – начале XIX в. в связи с интенсивным заселением последних двух ущелий[18] леса здесь были почти полностью сведены и население вынуждено было перейти к строительству домов исключительно из камня, который до этого использовался в основном лишь для фортификационных целей.

Еще дальше на восток деревянные формы жилища, выстроенного в срубной и каркасно-закладной технике, в том числе в комбинации с камнем и турлуком, фиксируются по линии предгорий, но по своему виду, главным образом по форме крыши и кровельному материалу, они несколько отличались от срубного жилища Карачая и западной Балкарии, представляя собой особый переходный тип между описанными типами и турлучным жилищем равнинных районов. "Дома селений, расположенных в предгорьях, сплошь деревянные, – читаем у Ю. Клапрота об осетинах, – они построены из бревен красного бука и покрыты соломой или липовой корой"[19]. К. Кох также отмечает, что в предгорьях Северной Осетии, там, "где имеется много дерева, наклонные крыши покрыты деревом или камышом"[20].

Район срубных жилищ бытовал также на крайнем востоке Чечни, в Ичкерии, тогда как в других горных районах этой части края дерево использовалось преимущественно в виде добавлений в каменные конструкции.

Каменные формы зодчества охватывали большую часть горной полосы, начиная от средней части Баксанского ущелья на западе и вплоть до границы с Дагестаном на востоке, и были представлены двумя основными типами: жилищем замкнутой формы, развернутом в верти-

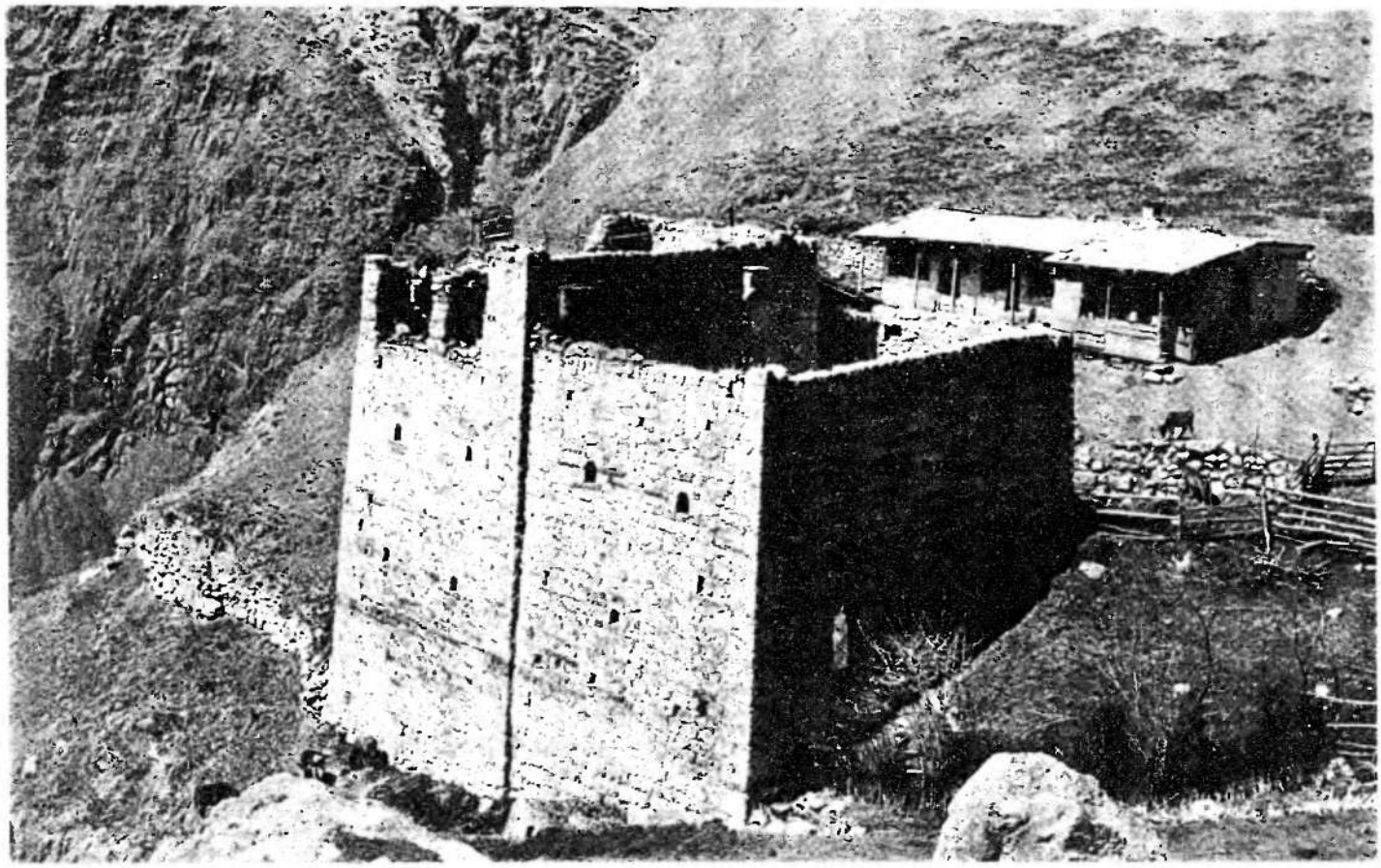

Рис. 48. Жилой башенный комплекс. Сел. Хули ЧИАССР. Фото автора 1971 г.

кальном направлении (жилая башня), и в виде открытой со стороны фасада одно-двухэтажной постройки с плоской земляной крышей, которая в дореволюционной литературе получила наименование "горской сакли" (от груз. *сахли* – "дом").

Жилые башни имели наибольшее распространение в Ингушетии, западной Чечне и Туалетии, высокогорной части Северной Осетии, и в несколько меньшей мере – в других районах очерченного ареала (рис. 48; 49). К середине XIX в. жилые башни, несмотря на сравнительно широкое их бытование, представляли собой уже исторический анахронизм, так же как и встречавшиеся в единичном числе пещерные жилища и укрепления (рис. 47)[21]. После присоединения Северного Кавказа к России население начинает покидать их и переходить к строительству жилища открытого типа. Однако в силу традиции (быть ближе к родным пенатам и могилам предков) и в целях экономии земли и стройматериалов новые дома стремились возводить по возможности поблизости от руин заброшенных башен и даже пристраивали к ним впритык. Бывало и так, что старую башню не бросали, но перестраивали ее в соответствии с новыми потребностями: прорезали в стенах дополнительные окна и входы, возводили снаружи каменную лестницу для более удобного подъема в жилые этажи, а внутренний объем разделяли перегородками на отдельные помещения соответственно числу проживавших в башне брачных пар и семей.

Такое сочетание старых перестроенных башен и новых построек придавало многим горным селениям, в первую очередь Северной Осетии, где этот процесс протекал особенно интенсивно, чрезвычайно хаотичный архаический вид. "Издали каждый осетинский аул, – писал В.Б. Пфаф в начале 1870-х годов, – создает впечатление развалившейся крепости, доказательство глубокой древности этих сооружений. В некоторых аулах на Ардоне и в Дигории я старался снять планы таких построек, чтобы приблизительно рассчитать время их основания. По расчету выходило баснословное число лет"[22].

Среди старых своеобразных типов жилища, выстроенных целиком из камня, следует выделить чеченский домхлев ("желе"), который единично встречался в селениях высокогорного Чеберлоевского общества. Специфической особенностью "желе" было его перекрытие, сложенное из каменных плит в технике ложного свода с последовательным перерезанием углов в каждом ярусе кладки. Подобный строительный прием на Северном Кавказе больше нигде не зафиксирован, но зато широко представлен в древних типах жилища Закавказья, известных у армян под названием "тун", у грузин – "дарбази" и у азербайджанцев – "карадам"[23].

В центральной части горной полосы края, в большинстве горных ущелий Балкарии, во многих селениях Северной Осетии и в несколько меньшей мере в Чечне и Ингушетии издревле бытовало жилище открытого типа горизонтальной планировки, сооружавшееся в комплексе с хозяйственными постройками, которые в зависимости от рельефа и некоторых причин социально-экономического порядка устраивали сбоку от жилища или уступом ниже по склону горы. В последнем случае

жилище приобретало как бы двухэтажный вид (рис. 51). "Для сохранения своих пашен в целости они (горцы. – *В.К.*) строят свои дома в два этажа", – разъясняет дореволюционный экономист М.С. Кипиани[24]. "В аулах, где преобладают постройки в два этажа, нижний служит конюшней, а верхний – жилым помещением, в которое нужно забираться по крутой, плохо устроенной лестнице", – пишет о балкарцах Е. Баранов[25].

Однако если рельеф участка позволял, жилище предпочитали возводить в один этаж, даже если для этого приходилось его несколько углублять в почву. "Сакли жителей врыты в землю", – продолжает далее Е. Баранов, описывая жилище балкарцев других ущелий[26].

Особо следует остановиться на жилище ногайцев, обитавших в степной местности в различного вида передвижных кибитках и юртах, которые выше не были описаны детально.

Самым распространенным типом передвижного жилища, которое у оседлых ногайцев использовалось в качестве летнего местопребывания, была разборная решетчатая юрта с округлым полусферическим верхом, носившая название "терме" ("тэрмэ"). Каркас юрты состоял из нескольких складных решеток, составленных из планок диаметром около 3–4 см и высотой до 2 м. В местах перекрещивания планки связывались ременной петлей, что позволяло при перекочевке складывать решетки в сравнительно компактные вязанки, удобные для транспортировки. При установке юрты решетки раздвигались и составлялись по кругу, образуя стены жилища. Обыкновенно средняя по величине юрта состояла из 6–8 решеток, но были юрты, у которых остов состоял из 10 и более решеток.

Смежные решетки связывались друг с другом шерстяной тесьмой, а крайние привязывались к дверной раме. На решетки опирались планки каркаса кровли, которые верхними своими концами вставлялись в особый обод – "шагъаракъ" ("чьангаракъ"). Планки каркаса кровли и решетки также связывали кожаными ремнями, для чего в местах их соединения прожигались специальные отверстия. Такие же отверстия прожигались и в ободе. Для придания конструкции большей жесткости, необходимой при сильных ветрах, обод привязывали к вбитому в землю посередине юрты колу, а снизу подпирали 3–4 шестами с развилками на верхних концах[27].

Двери юрты делали в виде решетки либо вытесывали из дерева в одну или две створки, которые раскрашивали в различные цвета. Вращались дверные створки на деревянных шипах-пятах. Двери всегда устраивали с южной или подветренной стороны и в зимнюю пору завешивали еще куском прямоугольного войлока, покрытого сложным узором-оберегом. Такой же войлок прямоугольной формы, прикрепленный к шесту, прикрывал вытяжное отверстие в центре купола. По-видимому, именно этот войлок-покрытие имел в виду Клееман, когда писал об обычае вывешивать на шесте над дымовым отверстием "нечто вроде флага" сине-белого цвета[28].

Покрытием юрты служили войлочные кошмы, которые крепились на каркасе шерстяными веревками и тесьмой. Внизу кошмы привязывали к вбитым в землю колышкам и к решеткам таким образом, чтобы в жаркую погоду их можно было откидывать и проветривать юрту. Зимой юрту дополнительно утепляли камышовыми циновками, как это можно видеть на приводимом рисунке А. Олеария (рис. 5).

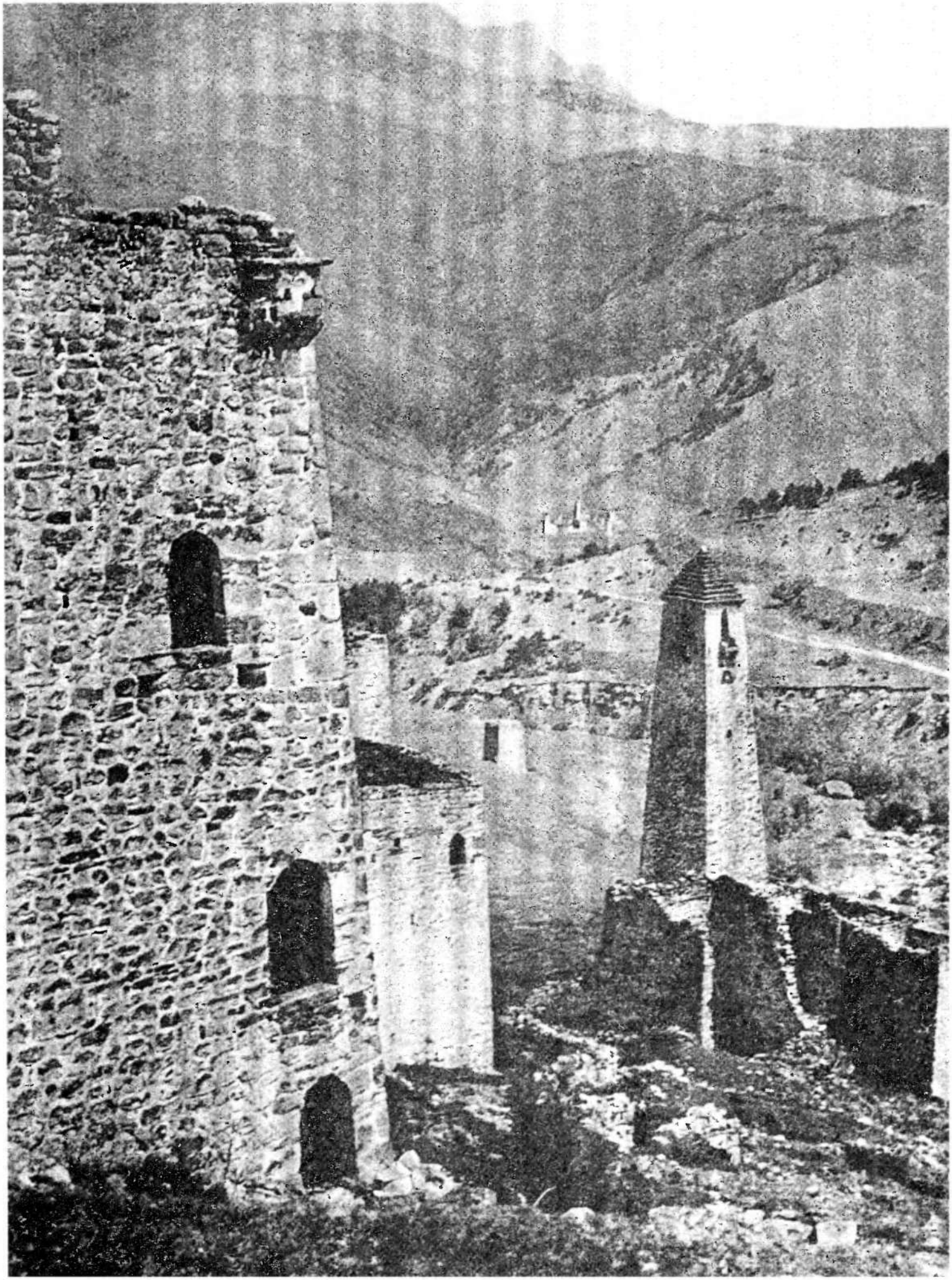
Центральное место в юрте занимал слегка углубленный в землю очаг, в котором целый день горел хворост или тлел кизяк.

Зажиточные ногайцы имели отдельные юрты для женатых сыновей, для приготовления пищи и для приема гостей.

Совершенно иной вид имела свадебная юрта, называвшаяся "куйме". Это передвижное жилище сооружалось прямо на арбе и в более позднее время нередко сколачивалось из досок в форме продолговатого ящика с двускатной или коробовой крышей и двустворчатой дверью в передней торцовой стене и крохотным оконцем в противоположной боковой стене. В такой юрте или, лучше сказать, кибитке перевозили невесту в дом жениха, чтобы по дороге ее никто не мог разглядеть[29]. После свадьбы куйме использовалась в качестве дополнительного спального помещения. По мнению известного венгерского путешественника и исследователя Вамбери, неразборная кибитка на колесах ведет свое происхождение от плетеных корзин-сидений на верблюдах и использовалась первоначально для перевозки при перекочевках детей и больных и немощных стариков и старух. Но с этим утверждением можно поспорить. Кибитки на колесах были издревне известны широкому кругу индоевропейских народов, в частности ираноязычным племенам, скифам и аланам, от которых, вероятно и были заимствованы их тюркоязычными соседями. Сама форма некоторых неразборных кибиток – прямоугольный "ящик" с двускатной крышей – указывает на связь с оседлым шалашом или плетеной турлучной хижиной. Иное дело круглая полусферическая и коническая юрта; ее истоки, как уже отмечалось, следует искать в коническом шалаше древних лесных охотников и скотоводов.

Передвижные формы жилища просуществовали у ногайцев вплоть до пореформенного времени, когда были окончательно вытеснены оседлыми турлучными и саманными домами, аналогичными тем, которые бытовали у их соседей[30].

Во второй половине XIX в. в результате развития капиталистических отношений и втягивания Северного Кавказа во всероссийский рынок в жилище народов края все сильнее стало ощущаться воздействие русской домостроительной культуры. Вначале это нашло свое отражение в таких частных проявлениях, как использование новых строительных материалов – пиленых досок, обожженного кирпича, черепицы, кровельного железа, в улучшении конструкции сруба, в устройстве крыши на стропилах, замене традиционного открытого очага и камина русской печью с плитой и трубой, в увеличении площади окон и остеклении рам, настиле деревянных полов и потолков и т.д. Так, в отчете по Лабинскому округу за 1867 г., в частности, говорилось, что "знакомство с устройством русских хат и выгоды их в гигиеническом и экономическом отношениях вызвали между некоторыми племенами сознание пользы их, а потому некоторые жители уже устроили русские дома, а другие сделали в саклях потолки и устроили русские печи"[31]. И еще: "Сознание пользы русской хаты проникает между туземцами и особенно между темиргоевцами, и до 1 января вызвалось желающих устраивать русские хаты до 200 человек, заготовивших уже лес"[32]. В другом отчете по Кубанской области за 1863–1869 гг. говорится, что "горские армяне и ногайцы почти все, а у шапсуг – весьма многие семейства уже имеют хотя и небольшие домики с печами для зимы. У зеленчугских абазинцев,

у темиргоевцев и урупских бесленеевцев также довольно заметное число домов с печами, но все кабардинцы, зеленчугские бесленеевцы, кумские абазинцы и массы бжедух (имеющие дрова в избытке) весьма мало поддались на это нововведение в домашнем быту"[33].

В том же архивном деле приводятся сведения о числе домов русского типа с печами в аулах Лабинского, Псекупского, Зеленчугского и Эльбрусского округов, из которых следует, что новые веяния в жилищном строительстве охватили довольно значительные слои местного населения, особенно в западных районах края. Так, в Лабинском округе насчитывалось 340 подобных домов, в Псекупском – 232, тогда как в крайнем восточном из названных округов – Эльбрусском всего лишь 30[34].

Подробнее о характере и объеме заимствований можно судить по прилагаемой к документам ведомости построек, возведенных жителями Зеленчугского военного округа в 1868 г.

Название строений	Число
У горцев	
Пристроек к домам рубленых и турлучных (черкесской системы) с голландскими и русскими печами и русскими окнами	1520
Домов рубленых под железною кровлею	11
Домов рубленых под тесом	2
Домов рубленых под камышовою кровлею	46
Мельниц под железными крышами о 3-х поставах	2
Запасных магазинов хлебных рубленых под камышовой крышей	20

"Из этой ведомости, – замечает Е.Н. Студенецкая, у которой мы заимствует приводимые данные, – видна постепенная эволюция жилища от пристройки с печью до домов русского типа, от камышовых до железных крыш. Это позволяет судить о степени влияния русского населения на материальную культуру горцев"[35].

В пореформенные годы в связи с ломкой прежних патриархально-феодальных устоев и ускорившимся распадом больших семей изменения проникли и в планировку местного жилища. Это нашло выражение в пристройке к нему дополнительных жилых помещений для взрослых женатых сыновей. В результате возникает своеобразный так называемый "длинный" дом, состоящий из нескольких жилых комнат, расположенных в один ряд, каждая из которых имела независимый выход на галерею, пристроенную вдоль фасада (рис. 52). "Каждому члену семьи отводится особая комната с сенцем; все такие комнаты располагаются в один ряд и покрываются общей кровлей", – писал в конце XIX в. А.Г. Ардасенов о жилище осетин[36].

В конце XIX – начале XX в. "длинные" дома получают широкое распространение не только на равнине, но и в горных районах. "Дом состоятельного чеченца, – сообщает К.Ф. Ган, – построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этот этаж делится на четыре помещения, их которых первое, у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и 20 в длину. Тут стоит несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диаметром в 2–3 фута, где хранится пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. Налево от этого помещения – гостиная, или кунацкая, с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками на одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и в других комнатах, земляной, но здесь покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение с хозяйственными принадлежностями. За всеми комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как входная комната"[37].

Такие же удлиненные дома строятся в пореформенное время и в Карачае, этой классической области деревянного зодчества, где ввиду отсутствия навыков плотного сочленения срубов они приобретают весьма своеобразные черты. "У зажиточных карачаевцев дома были суставчатые, т.е. состояли из девяти отдельных составленных вместе помещений размером каждое 6 на 9 аршин и кладовой – 6 на 3 арш. В трех из девяти помещений имелись небольшие окна, в остальных – только двери размером 2 аршина на аршин с четвертью"[38].

Под влиянием русского населения срубное жилище в описываемый период получает широкое распространение и на равнине, где строится, однако, не из бревен, а из толстых полувершковых досок. Один такой дом постройки 1904 г. сохранялся еще в конце 1960-х годов в Кабарде в сел. Старый Урух. В доме во время его постройки жили четыре взрослых женатых брата с матерью. Каждый из братьев имел по две комнаты, в одной из которых находился камин, другая комната отопления не имела и использовалась в качестве летней спальни. Наряду с этим в доме имелось помещение с так называемым "большим очагом", где готовилась пища для всей семьи. Всего в доме было десять жилых комнат, расположенных в один ряд, что составляло в длину почти 40 м[39].

Строительство подобного "длинного" дома да еще с применением покупных материалов – досок, черепицы, оконного стекла, скобяных изделий и т.п. – было под силу далеко не каждой горской семье. По сравнению с прежними незамысловатыми турлучными жилищами традиционного одно-двухкамерного плана "длинные" дома оценивались во много крат дороже. В уже приводившихся описях, выявленных Е.Н. Студенецкой, упоминаются на одной усадьбе два таких разнородных дома: один турлучный под камышом, оцененный в 30 руб., и второй тоже турлучный, но покрытый железом, с четырьмя комнатами, со стеклянным коридором и четырьмя выходами, стоимостью 800 руб. "Ясно, – замечает по этому поводу Е.Н. Студенецкая, – что зажиточный хозяин выстроил себе вместо старого дома новый, отвечающий повышенным требованиям. Но при этом он сохранил старую схему постройки – длинный дом из четырех комнат с четырьмя выходами, с изоляцией каждого помещения, что связано с обычаем избегания невесткой старших родственников мужа. Подобные сочетания старого дома с новым встречаются в нескольких описях, относящихся главным образом к 1911–1912 гг., когда наиболее интенсивно шла смена жилища"[40].

Наряду со строительством "длинных" домов на рубеже XIX–XX вв. в строительную практику входят и совершенно новые типы жилища, заимствованные у соседнего русского населения и отражающие становление более прогрессивных семейных отношений. Один из таких новых типов жилища почти в неизменном виде повторяет известный вариант южнорусского трехчастного жилища:

Рис. 49. Четырехэтажная жилая башня. Сел. Эгикал ЧИАССР. Фото автора 1971 г.

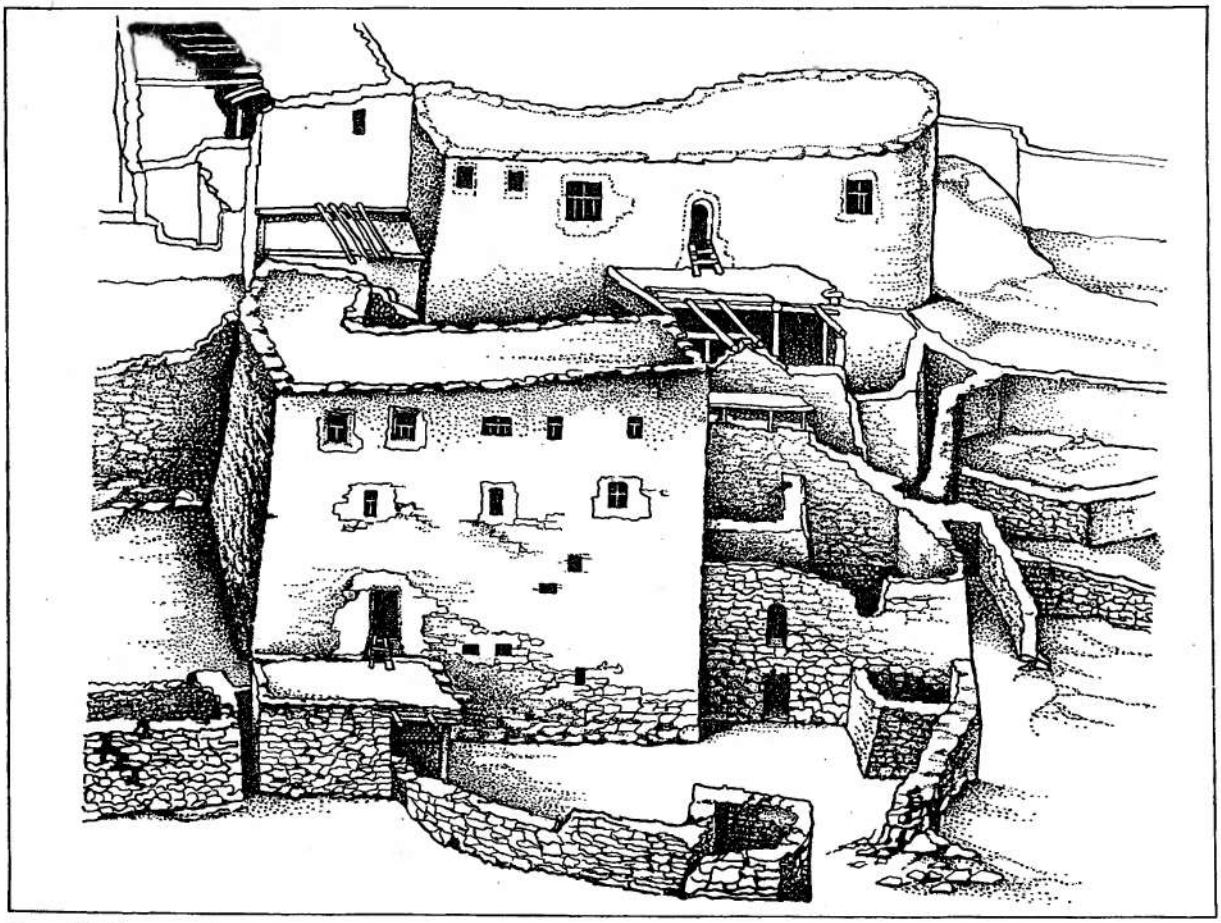

Рис. 50. Старинный осетинский хадзар. Сел. Галиат СОАССР

изба + сени + комора (горница). Разница состояла лишь в несколько ином функциональном распределении жилой площади. А именно, одна из комнат служила спальней родителей и младших детей, другая, соответствующая русским сеням, так и называлась "сена", "сене", "сено" и использовалась в качестве кухни и кладовой, а третья предназначалась для взрослого женатого сына. При отсутствии специальной кунацкой, что в это время становится не редким, эта последняя комната служила одновременно и гостевой. Вход в общесемейную комнату вел через сени (кухню), сюда же выходила дверь и из комнаты молодоженов. Однако если указанная комната использовалась и в качестве гостевой, то в ней прорезали дополнительную дверь наружу и устраивали пристенный камин для обогревания помещения во время пребывания гостя[41]. Забегая несколько вперед отметим, что трехкамерное жилище с одним общим входом получило особенно большое распространение в 1920–1930-е годы в результате коренных изменений в хозяйстве и быту (коллективизация, осуществление культурной революции на селе)[42].

Еще более отличным от традиционной планировочной схемы был так называемый "квадратный" дом (он же "крестовик", "круглый" дом), состоявший из трех–четырех жилых помещений, расположенных в два ряда по отношению к фасаду, со входом через одно из угловых помещений. Строили такой дом на кирпичном или столбовом фундаменте с цоколем из пиленых досок и крыли четырехскатной (реже двускатной) железной или черепичной крышей.

Строительство новых домов квадратного плана приобрело особенно широкий размах в последней четверти XIX – первом десятилетии XX в. в связи с ломкой старых социально-экономических отношений. "Домами горцы просто увлекались, – писал А.Г. Ардасенов в середине 1890-х годов. В былое время встретить сколько-либо порядочный дом в ауле представлялось явлением редким: строился только редкий туземец-чиновник, один на десятки тысяч населения. Все жили в самых простых саклях, построенных кое-как, в лучшем случае из бревен, зачастую же просто из мелких стоячих жердей, обмазанных глиной в смеси с мякиной и свежим навозом. Простое четырехугольное отверстие величиною от 1/2–3/4 кв. аршина составляло окно, днем чаще закрывавшееся тряпками, а ночью ставней. Посередине комнаты располагался очаг, а в потолке, чтобы не задохнуться, устраивали трубу с расширенным основанием... Пол земляной, потолок иногда дощатый или плетневый, только в горницах и кунацких устраивали камины, печей же вовсе не бывало". В другом месте: "Если вы теперь пройдете по аулам плоскостной Осетии... вы найдете много довольно приличных домов, крытых черепицею, имеющих вместо крошечных отверстий большие светлые окна в шесть и восемь стекол, закрывающиеся филенчатыми ставнями. Если вы войдете в один из таких домов, вас введут в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шилевками; вместо камина чаще увидите печку, снабженную всеми принадлежностями, вместо простых мазаных стен зачастую найдете оштукатуренные или обклеенные обоями; двери, створчатые рамы – все снабжены медными ручками, петлями, крючками..."[43].

Почти в те же годы В. Тепцов писал о балкарцах и карачаевцах, что у них "кулаки живут в домах русского стиля с деревянной крышей, окаймленной резьбой, с расписными ставнями, с русской печью и выбеленными стенами"[44]. Накануне первой мировой войны А. Миллер также писал о западных адыгах, что традиционный тип жилища у них можно было сыскать только среди беднейшей части населения[45].

Новые дома резко контрастировали со старыми жилищами, что неоднократно отмечали современники. "По внешности селения черкесов производят довольно смешанное неопределенное впечатление: рядом с домами старой, довольно убогой внешности стоят дома в подражание русским, более прочные, с несколькими окнами, со стеклами в рамах, разделенные на две половины", – читаем у К.И. Подозерского о приморских шапсугах[46]. Еще более резко пишет об этом А.Г. Ардасенов: "Прежде существовала известная гармония между всеми постройками во дворе горца... Новые дома нарушили эту целостность и соответствие в расположении отдельных частей усадьбы: выстроенные на самых видных местах, они как бы выросли из пепла и разрушения"[47].

Причины столь резкой контрастности коренились в резком социальном расслоении горского общества в предреволюционное время. Так, описывая осетинское селение Христиановское (современный город Дигора), местный исследователь М.К. Гарданов, в частности, отмечал: "У богачей дома кирпичные, крытые железом и черепицей, с голландскими печами, кухней с плитой... полы крашеные, потолки и стены оштукатурены..." И далее, касаясь рядовой массы горцев, выразительно добавляет: "Рядом с этим кулаком доживает свой век деревенский бедняк. Живет он в кукольном домике, крытым соломой и черепицей. Пол земляной. Печки в доме нет, огонь разводится среди хаты, и едкий дым невыносимо ест глаза непривычному к нему посетителю. Помещение без потолка, стены продуваются насквозь... В жилище сыро и грязно"[48].

Таким было жилище народов Северного Кавказа в канун Октябрьской революции и в 1920-е годы. Немецкий этнограф Б. Плечке, посетивший в середине 1920-х годов ряд высокогорных районов Чечни, писал о сел. Шарой, что оно состоит наполовину из жилых башен, а наполовину – из плоскокрышных каменных домов однорядного традиционного плана[49]. Однако в селениях, расположенных ближе к равнине и связанных с городскими и административными центрами, уже начали сказываться последствия социальных перемен. "Боевые и жилые башни теперь редко бывают использованы под жилье. Полутемные, тесные сакли постепенно заменяются более просторными и светлыми постройками", – писал в те же годы об ингушах Л.П. Семенов[50].

Коллективизация, рост материального благосостояния и культурного уровня населения края способствовали дальнейшему изменению формы северокавказского жилища. Меры по упорядочению сельского жилищного строительства (разрешение на строительство давалось только при наличии утвержденного сельским Советом плана с указанием местоположения жилища и хозяйственных построек на усадьбе), по возможности типовая застройка усадеб привела к существенному изменению облика колхозных селений Северного Кавказа.

В 1930–1940-х годах, а также в первые послевоенные годы в крае бытовали три уже известных нам основных типа жилища: традиционный вытянутый в длину однорядный дом, описанный выше Л.П. Семеновым, жилище квадратного плана с двурядным расположением помещений и промежуточное между этими полярными формами полуторарядное жилище с сенями-прихожей и находящейся позади сеней кухней.

Жилище квадратного плана преобладало в западных районах края, в Адыгее, Черкесии, несколько меньше – в Кабарде и Северной Осетии. На востоке, в Чечне и Ингушетии, преимущественное распространение имело жилище вытянутой планировки. Полуторядное трехкамерное жилище встречалось чаще всего в Кабарде[51]. В горных районах и в Северной Осетии жилище строилось в комплексе с хозяйственными постройками.

Строили жилище в разных районах Северного Кавказа в предвоенное время из местных материалов: на равнине в западной части края – из турлука на каркасной основе и на фундаменте с цоколем, в Кабарде, Северной Осетии – главным образом из саманного кирпича, в Чечне и Ингушетии в зависимости от наличия – из обоих материалов, в горах – из камня. В Карачае устойчиво удерживалась традиция возведения жилища из дерева (досок, жердей) в срубной и каркасно-закладной технике с последующей обмазкой глиной с обеих сторон.

Начиная примерно с конца 1950-х – начала 1960-х годов в развитии жилища края отмечается важный качественный скачок: в строительную практику широко входит обожженный кирпич, цемент, кровельное железо и другие прогрессивные материалы, а преобладающей планировочной схемой становится подквадратный тип жилища с двурядным расположением помещений. В новом жилище отмечаются существенные конструктивные изменения: увеличивается общая жилая площадь, прежде всего за счет пристройки к дому остекленной веранды и крыльца под отдельной односкатной или двускатной крышей. Там, где в качестве строительного материала используется саманный кирпич или турлук, доски и т.п., стены тщательно штукатурят цементом по металлической сетке или деревянной обрешетке с добавлением в тесто разного рода красителей. Кроют жилище преимущественно четырехскатной черепичной или железной крышей, гребень, карниз и водостоки которой украшают вычурной резьбой.

Современное жилище отличают наличие смежных комнат и устройство общего входа через крыльцо или остекленную галерею. Для жилища последних лет характерно также устройство литого бетонного фундамента с высоким цоколем и высоких потолков (до 2,5 м и выше).

Таким образом, современное жилище у разных народов края и в разных географических зонах по своей сущности является однородным. В пользу этого говорит сходство его внешнего облика и одинаковая двурядная подквадратная планировочная схема. В этом проявляется близость уровня социального, экономического и культурного развития народов Северного Кавказа – одно из важнейших достижений советского социалистического строя.

[1] *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII в. и сравнении оного с нынешним. СПб., 1835, с. 46–47; *Пантюхов И.И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, с. 102; *Buschan G.* Illustrirte Völkerkunde. Stuttgart, 1927, B. 2, S. 320, 321; *Кобычев В.П.* Типология кавказского народного жилища. – VII МКАЭН. Доклады советской делегации. М.: Наука,

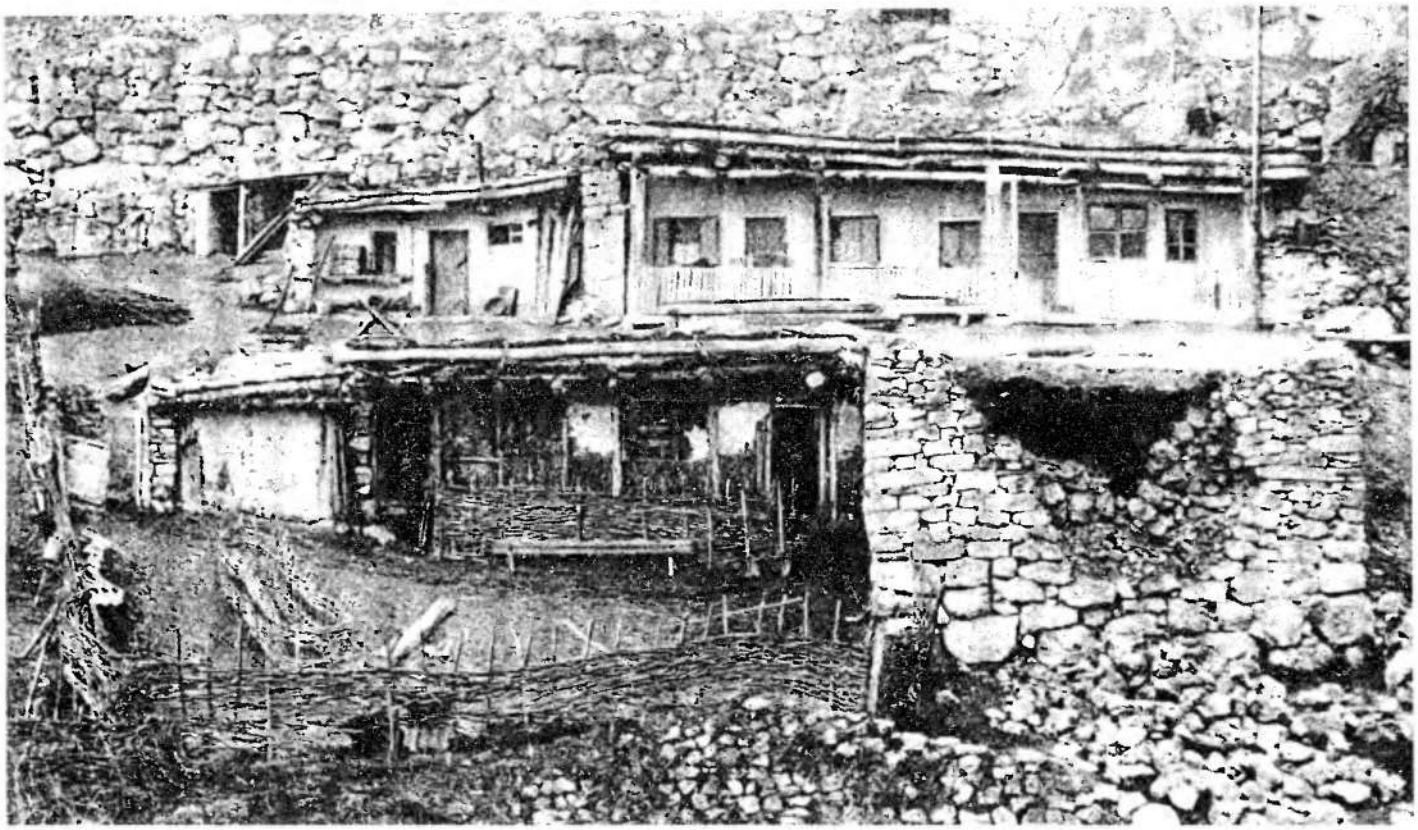
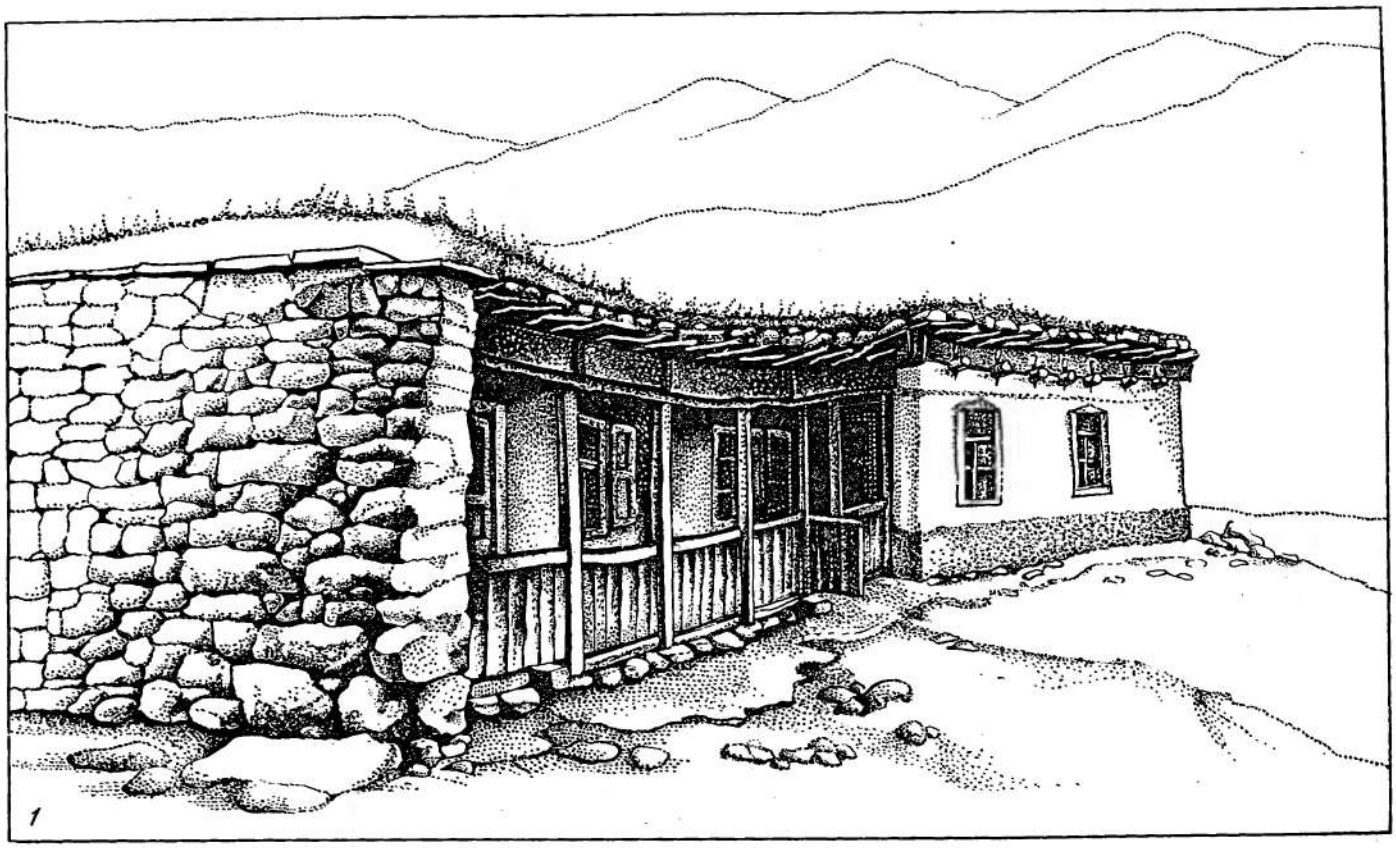

Рис. 51. Типы горского жилища второй половины XIX – начала XX в.

вверху – сел. Ногкау СОАССР. Фото Ю.А. Аргиропуло 1973 г.; *внизу* – сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.

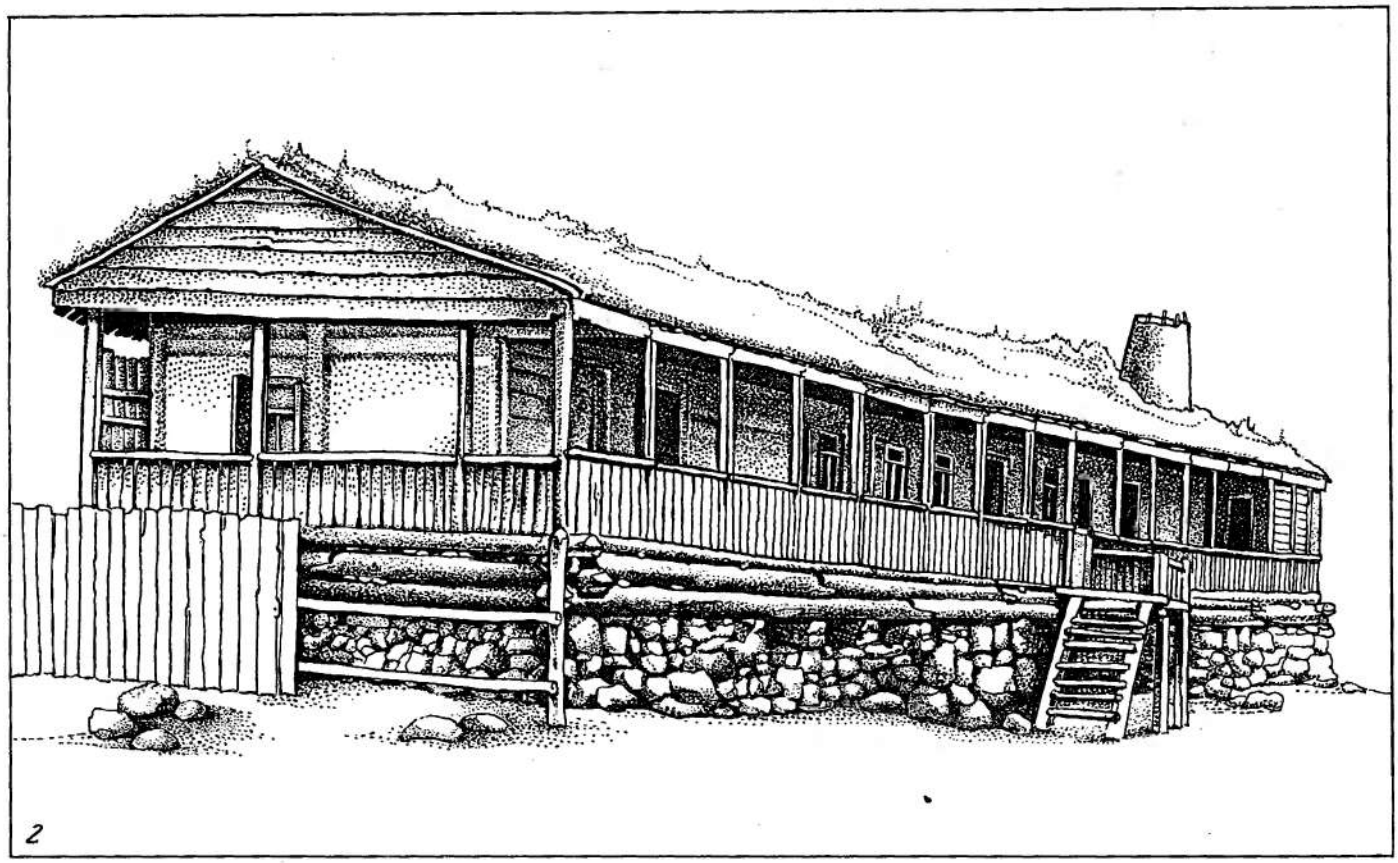
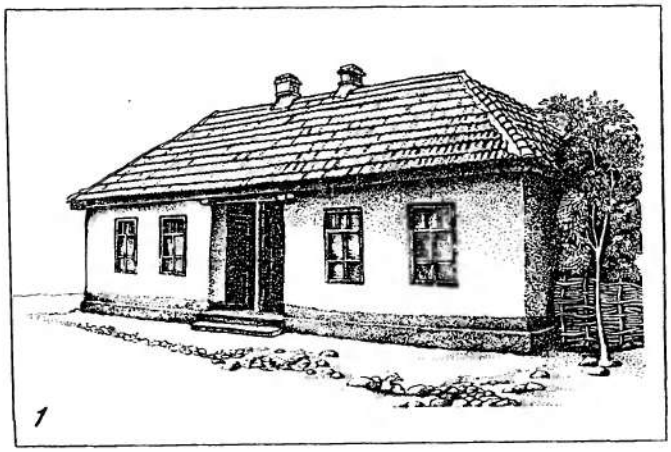

Рис. 52. Типы жилищ второй половины XIX – начала XX в. (продолжение)

1 – "дом поперек". Сел. Белгатой ЧИАССР; *2* – карачаевский "длинный дом". Сел. Хурзук. К.-Ч. АО

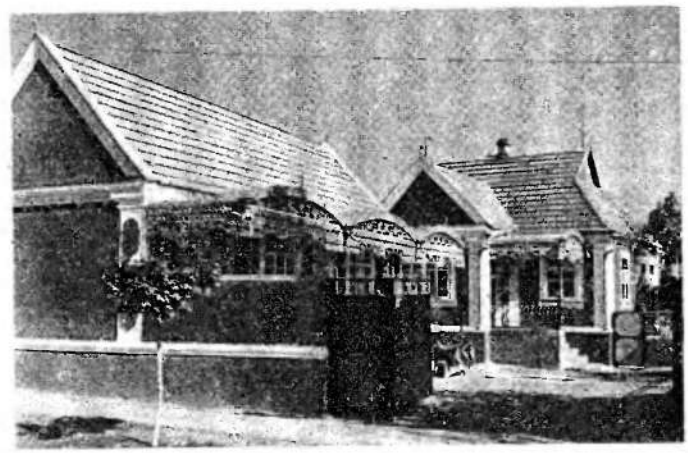

Рис. 53. Типы жилища XX в.

1 – трехраздельное жилище полуторарядного плана. Сел. Чегем 1 КБАССР; *2* – адыгское жилище с круговым навесом-галереей начала XX в. Сел. Осоколай. Адыгейская АО. Фото Ю.А. Аргиропуло 1962 г.; *3* – жилище удлиненного плана в комплексе с хозяйственными постройками. Сел. Карджин СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.; *4* – жилище русского типа начала XX в. Сел. Дарг-кох СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *5* – современное жилище квадратного плана с угловой верандой. Сел. Майртуп ЧИАССР. Фото автора 1973 г.; *6* – современное жилище квадратного плана с примыкающей к нему обособленной кунацкой. Сел. Кызбурун 2-й КБАССР

1964; *Он же.* Крестьянское жилище народов Азербайджана. – КЭС, 1962, т. 3, с. 5; *Кобычев В.П., Робакидзе А.И.* Основы типологии и картографирования жилища Кавказа. – СЭ, 1967, № 2, с. 26–44.

[2] Ср., например: *Саркисов А.В.* Архитектура народного жилища нагорных районов Азербайджана. – В кн.: Архитектура Азербайджана. Баку, 1952, с. 565; *Садых-заде А.А.* Архитектура жилища северо-восточных нагорных районов Азербайджанской ССР. – Канд. дисс. Баку, 1956. Рукопись, ГПБ им. В.И. Ленина, с. 49.

[3] *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974, с. 27.

[4] *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. – КК на 1860 г. Тифлис, 1859, с. 87.

[5] *Иванов И.* Чечня. – Москвитянин; 1851, № 19–20, с. 52, 53.

[6] *Студенецкая Е.Н.* Карачаевцы. – В кн.: Народы Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 1, с. 251.

[7] *Zichy E.* Voyages au Caucase et en Asie Central. Budapest, 1897, p. 206, tab. LIX; p. 210, tab. LIX; *Merzbacher.* Aus den Hochregionen des Kaukasus. Leipzig, 1901, B. 1, S. 542.

[8] АИЭ. Материалы Центральнокавказского отряда 1978 г., тетр. 1, л. 22. Общество Кали.

[9] *Берже А.П.* Записки об археологии Кавказа. – Труды археологического съезда, СПб., 1876, отд. 2, вып. 1, с. 3.

[10] *Серебряков И.Л.* Сельскохозяйственные условия Северо-Западного Кавказа. – Зап. Кавказского об-ва сельского хозяйства, 1861, № 1/2, с. 17.

[11] *Каменев Н.* Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности. – КОВ, 1867, № 20.

[12] *Волкова Н.Г.* Музей Псекупского полка. – УЗАНИИ, Краснодар, 1965, вып. 4, с. 272.

[13] *Махвич-Мацкевич А.* Абадзехи, их быт, нравы и обычаи. – Народная беседа, 1864, кн. 3, с. 2.

[14] *Венюков М.И.* Очерк пространства между Кубанью и рекою Белой. – ЗКОРГО, 1863, кн. 2, с. 57.

[15] *Белоконский И.Н.* На высотах Кавказа. М., 1906, с. 34.

[16] *Максимов П.* Кавказ без романтики. Ростов-на-Дону, 1931, с. 165.

[17] Сохранилось в языке алтайцев (*Шибаев Ю.А.* История хакасского жилища. – КСИЭ, 1964, вып. 10, с. 46).

[18] По свидетельству И.А. Гюльденштедта (1770–1773) и Ю. Клапрота (1807–1808), во время их путешествия по Северному Кавказу значительная часть балкарцев проживала еще на равнине по рекам Псыгансу и Аргудану. На Псыгансу (балкарское наименование Суган) находилось также главное селение балкарских таубиев (князей) Уллу-Малкар, насчитывавшее 180 дворов (*Волкова Н.Г.* Музей..., с. 104). В Безенгийском ущелье, по словам Гюльденштедта, имелось всего два селения: Бизинге, или Бизниге, с населением в 100 семейств (т.е. около 20 дворов) и Холам (Хулам), "столь же малое" (*Лавров Л.И.* Балкария и Карачай до 30-х годов XIX в. – КЭС, 1969, т. 4, с. 82).

[19] *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. – ОГРИП, с. 170.

[20] *Кох К.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837–1838 гг. – ОГРИП, с. 262, 263.

[21] В первой половине XIX в. некоторые из пещер и пещерных укреплений были, по-видимому, еще обитаемы, о чем можно судить по замечанию известного историка Кавказа середины прошлого столетия А.П. Берже, который сообщает про карачаевцев, что многие из них "поселялись в отдаленных пещерах на вершинах речек, вытекающих из подошвы Эльбруса" (*БержеА.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858, с. 25). Жилые пещеры, огороженные каменными стенами, и пещерные укрепления до настоящего времени можно видеть в долине р. Мереджи в Чечне, у сел. Дзивгис в Куртатинском ущелье и в сел. Нузал в Алагирском ущелье Северной Осетии (подробнее см.: *Кобычев В.П.* Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края. – ПИИЭ 1975. М.: Наука, 1977, с. 71–74).

[22] *Пфаф В.Б.* Путешествие по ущельям Северной Осетии. – ССК, 1871, т. 1, с. 139.

[23] *Ильина М.* Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946; *Кобычев В.П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана, с. 24–26, 36–38; *Чиковани Т.А.* Классификация и генезис закавказского жилища со ступенчато-венцеобразным перекрытием. – В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказ в XIX–XX вв. М.: Наука, 1971, с. 33–72; там и соответствующая литература.

[24] *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, с. 21.

[25] *Баранов Е.* Очерк из жизни горских татар. – ТВ, 1894, 2 дек.

[26] Там же.

[27] *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, с. 29.

[28] *Клееман.* Путешествие..., с. 83, 84. Цит. по: *Харузин Н.* История развития..., с. 43.

[29] *Малявкин Г.* Караногайцы. – ТС, Владикавказ, 1893, вып. 3, с. 150.

[30] *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. – ЗКОРГО, Тифлис, 1909, вып. 7, кн. 2, с. 16. *Ананьев Г.* Караногайцы, их быт и образ жизни. – СМОМПК, Тифлис, 1894, вып. XX, с. 41. Подробное описание различных форм передвижного и более позднего оседлого жилища ногайцев см. в новейших работах: *Кужелева Л.Н.* Ногайцы. – В кн.: Народы Кавказа. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 391–403; *Шенников А.А.* Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья. – В кн.: Славянорусская этнография. Л., 1973; *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976.

[31] *Студенецкая Е.Н.* Архивные документы как источник изучения материальной культуры народов Северного Кавказа. – В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1971, с. 85.

[32] Там же.

[33] Там же, с. 83, 84.

[34] Там же, с. 84.

[35] Там же, с. 84, 85.

[36] *В.Н.Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. – Новое обозрение, 1896, № 4146.

[37] *Ган Г.Ф.* Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан. – ИКОРГО, Тифлис, 1902, т. XV, кн. 4, с. 7 (217).

[38] *Алиев У.* Карахалк. Ростов-на-Дону, 1927, с. 105–107.

[39] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 1, л. 37 об.

[40] *Студенецкая Е.Н.* Архивные документы..., с. 77, 78.

[41] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. – ТС, Владикавказ, 1910, вып. 7, с. 147.

[42] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии, с. 134.

[43] *В.Н.Л.* Переходное состояние..., № 4216.

[44] *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека. – СМОМПК, Тифлис, 1892, вып. 14, с. 120.

[45] *Миллер А.* Черкесские постройки, с. 64, 67.

[46] *Подозерский К.И.* В Туапсинском и Сочинском округах. – ИКОРГО, 1907, т. XVII, № 3, с. 191.

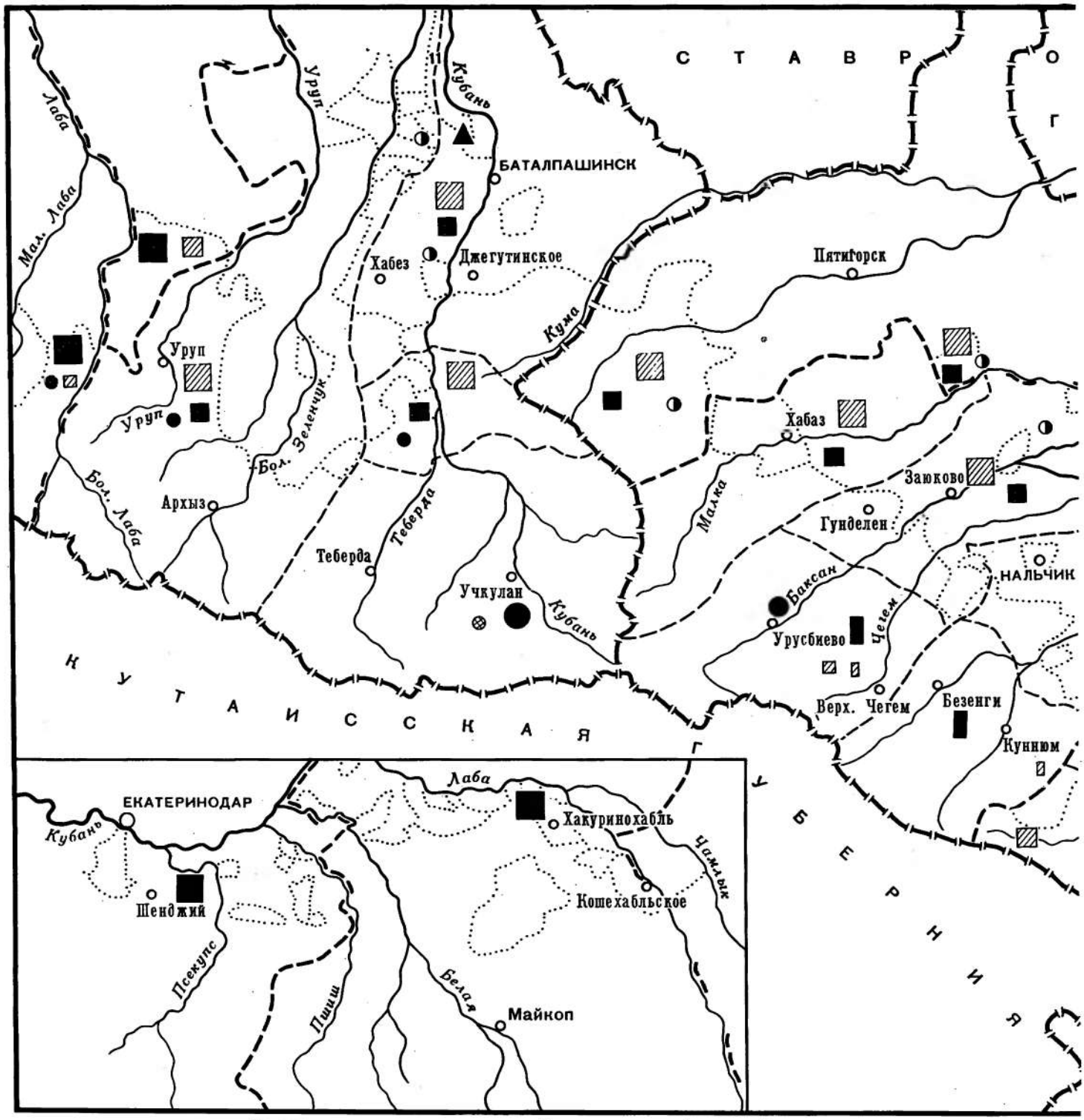
[47] *В.Н.Л.* Переходное состояние..., № 4216.

[48] *Гарданов М.К.* Селение Христиановское в фактах жизни, с. 183–185.

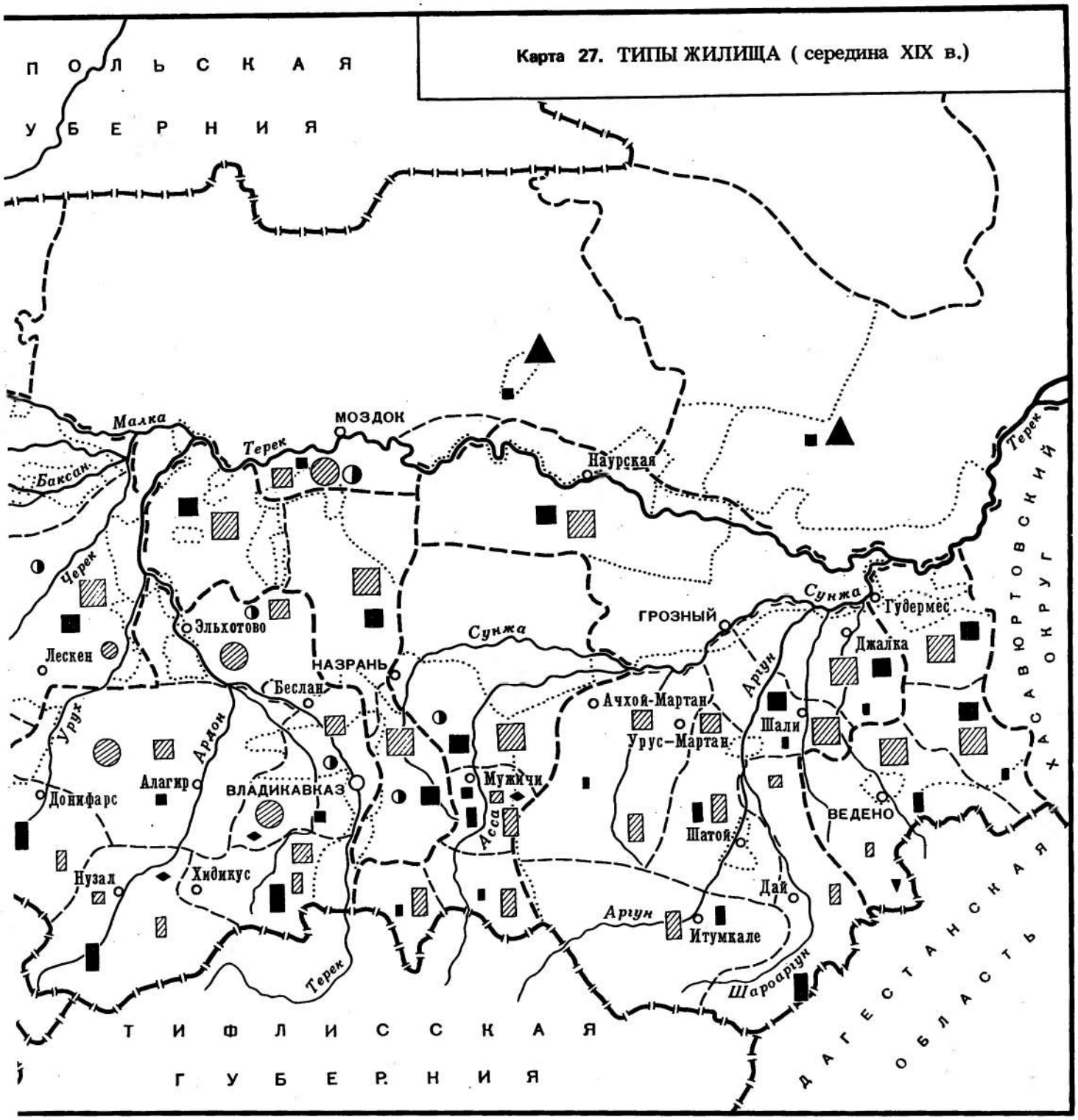
[49] *Plaetschke B.* Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927–1928. Hamburg, 1928, S. 68.

[50] *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963, с. 30.

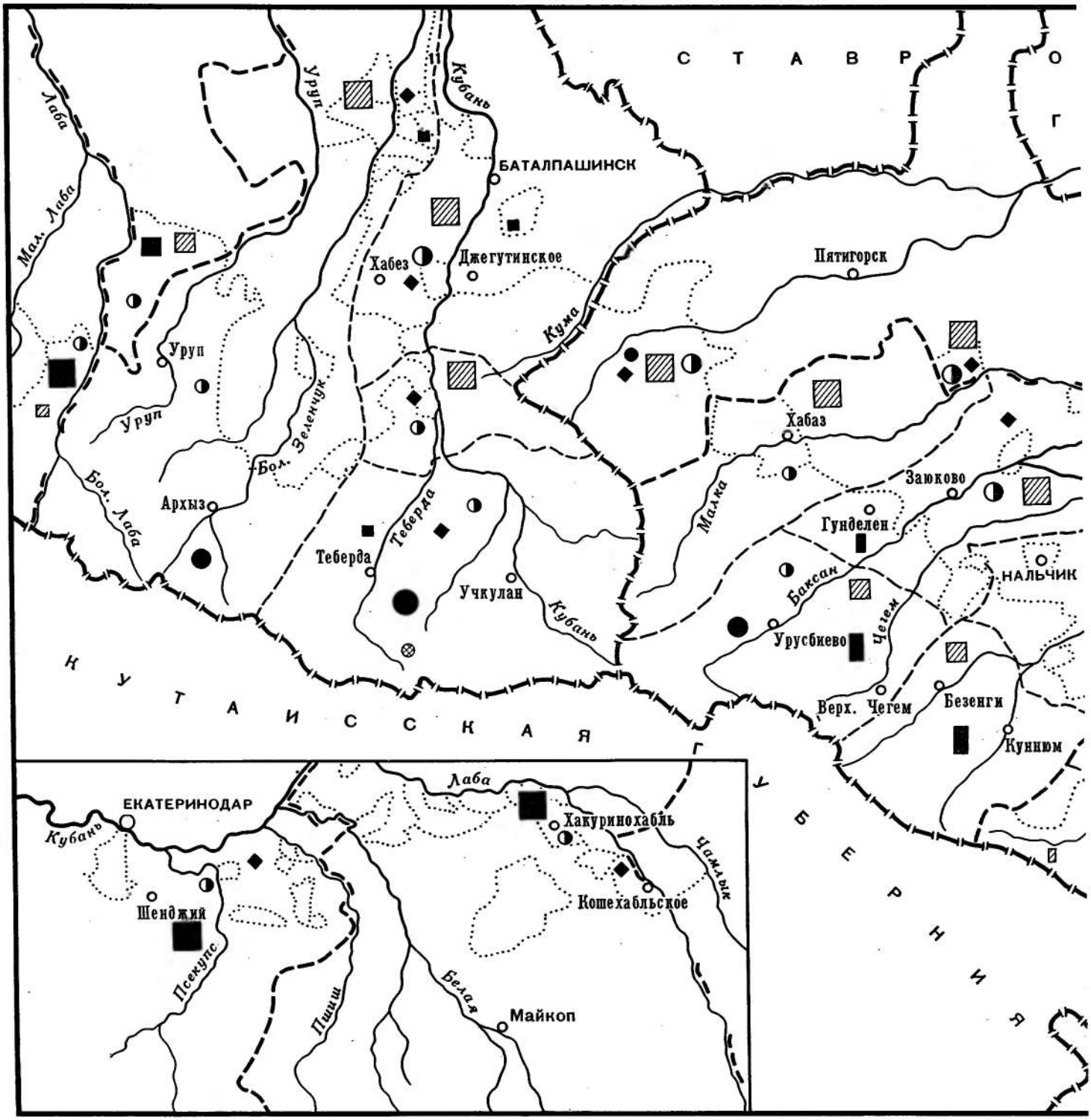
[51] Социалистическая Кабардино-Балкария, 1935, 22 сент.; 1937, 24 фев.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ
КУТАИССКАЯ ГУБЕРНИЯ
Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Хабез
Джегутинское
Пятигорск
Кума
Урупп
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Кубань
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Баксан
Урусбиево
Чегем
Верх. Чегем
Безенги
Куннюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Белая
Майкоп
Лаба
Хакуринохабль
Кошехабльское
Чамлык
Преобладают
Бытуют
Единичны
Турлучное однокамерное с крутой четырехскатной крышей с соломенным или камышовым покрытием — западноадыгский тип равнинного жилища
Турлучное, срубно-каркасное или из сырого кирпича двух—трехкамерное с однорядным расположением помещений и пологой двускатной или плоской земляной крышей — восточный вариант равнинно-предгорного жилища
Срубное или каркасно-турлучное одно—двухкамерное с пологой двускатной земляной крышей в комплексе с хозяйственными постройками — осетинский вариант равнинного жилища
Срубное одно—двухкамерное с плоской или пологой двускатной земляной крышей — "горская изба"
Срубное многокамерное замкнутого кареобразного плана с пологой земляной крышей в комплексе со скотным двором — карачаевский "крытый двор"

Карта 27. ТИПЫ ЖИЛИЩА (середина XIX в.)

	Преобладают	Бытуют	Единичны
Каменное одно–двухкамерное в один и два этажа с плоской земляной крышей в комплексе с хозяйственными постройками – "горская сакля"	■	■	▪
Каменное трех–четырехэтажное с плоской земляной крышей в комплексе с хозяйственными помещениями – жилая башня	▨	▨	▨
Каменное однокамерное с плоско–сводчатым перекрытием в комплексе с хлевом и овчарней – чеберлоевский дом-хлев ("желе")			▼
Жилые пещеры и пещерные укрепления			◆
Передвижное разборное и неразборное (кочевническая кибитка и юрта)	▲	▲	
Срубное двух–трехкамерное с однорядным расположением помещений и двускатной тесовой или драночной кровлей – "русский" дом	◑	◑	◑

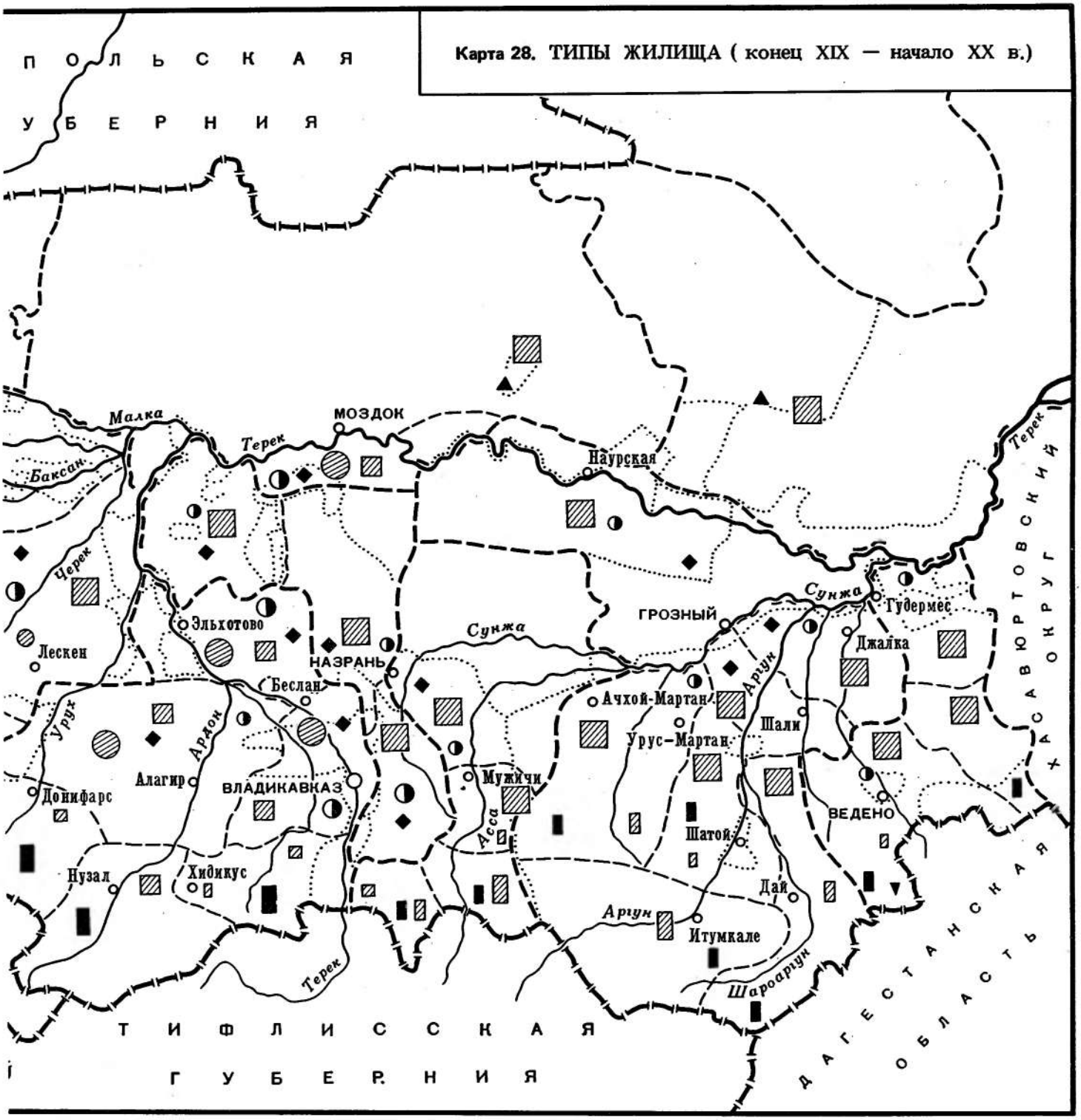
Турлучное одно–двухкамерное с крутой четырехскатной соломенно-камышовой или черепичной крышей – западноадыгский тип равнинного жилища

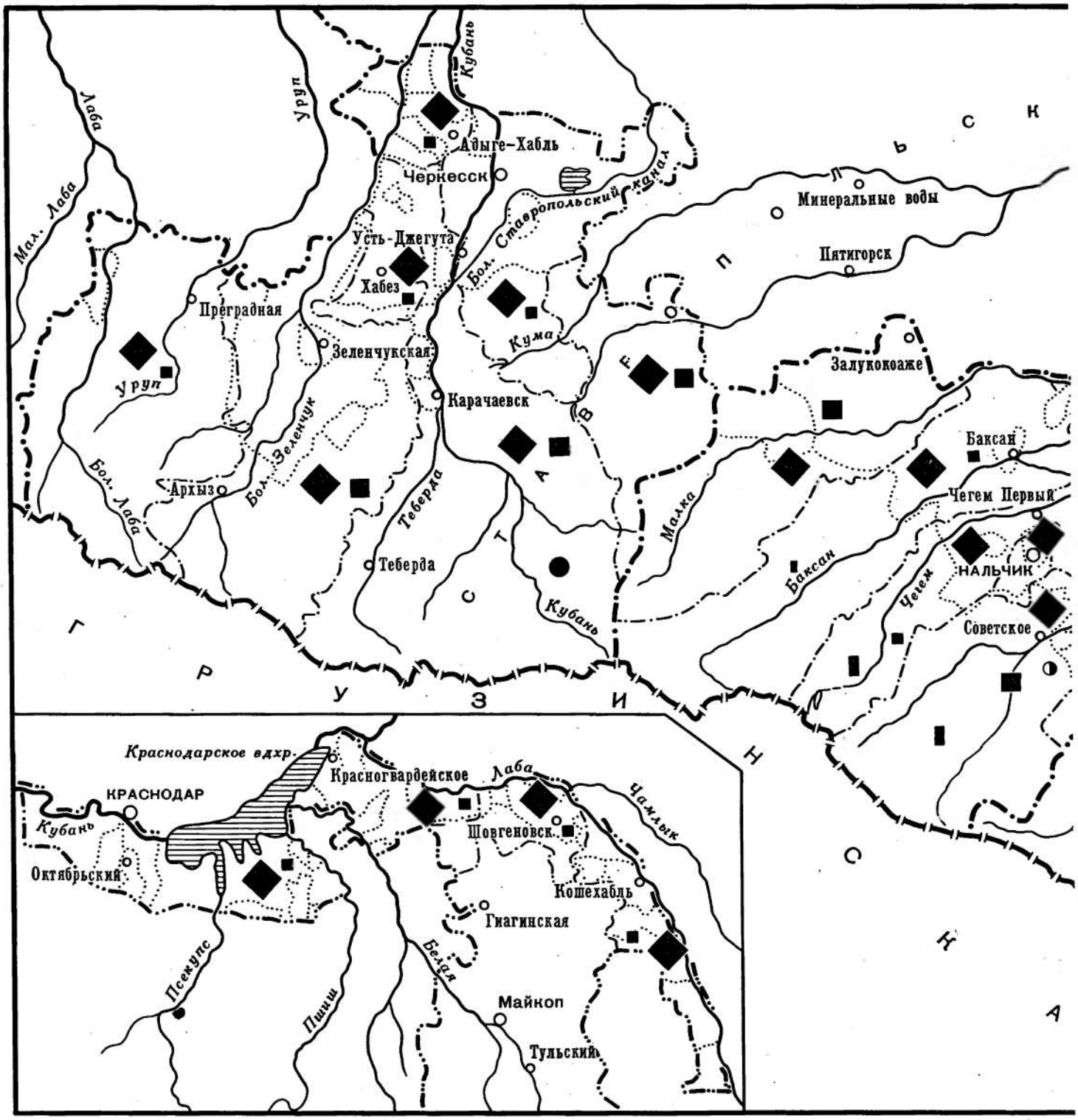
Турлучное, срубно–каркасное или из сырого кирпича многокамерное с однорядным и продольно–поперечным расположением помещений и пологой двускатной земляной или крутой четырехскатной соломенно-камышовой и черепичной крышей – восточный вариант равнинного жилища ("длинный" дом)

Срубное или каркасно-турлучное многокамерное с пологой двускатной земляной или крутой соломенно–камышовой и черепичной крышей в комплексе с хозяйственными постройками – осетинский вариант "длинного" дома

Срубное одно–двухкамерное с плоской или пологой двускатной земляной крышей – "горская изба"

Срубное многокамерное замкнутого кареобразного плана с пологой двускатной земляной крышей в комплексе со скотным двором – карачаевский "крытый двор"

Карта 28. ТИПЫ ЖИЛИЩА (конец XIX — начало XX в.)
ПОЛЬСКАЯ
УБЕРНИЯ
Малка
Терек
МОЗДОК
Баксан
Наурская
Черек
Эльхотово
Лескен
НАЗРАНЬ
Сунжа
ГРОЗНЫЙ
Гудермес
Джалка
Беслан
Урух
Ардон
Ачхой-Мартан
Аргун
Шали
Урус-Мартан
Алагир
ВЛАДИКАВКАЗ
Мужичи
Донифарс
Асса
ВЕДЕНО
Шатой
Нузал
Хидикус
Дай
Итумкале
Шароаргун
ТИФЛИССКАЯ
ГУБЕРНИЯ
ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОКРУГ
Преобладают
Бытуют
Единичны
Каменное двух–трехкамерное в один и два этажа с плоской земляной крышей в комплексе с хозяйственными постройками – "горская сакля"
Каменное трех–четырехэтажное с плоской земляной крышей в комплексе с хозяйственными помещениями – жилая башня
Каменное однокамерное с плоско–сводчатым перекрытием в комплексе с хлевом и овчарней – чеберлоевский дом–хлев ("желе")
Передвижное разборное (кочевническая юрта)
Срубное двух–трехкамерное с однорядным расположением помещений и двускатной тесовой, драночной или железной крышей – "русский" дом
Срубное трех–четырехкамерное с двурядным расположением помещений, четырехскатной или двускатной тесовой или железной крышей – "квадратный" дом

Преобладают ■ Бытуют ■ Единичны ■

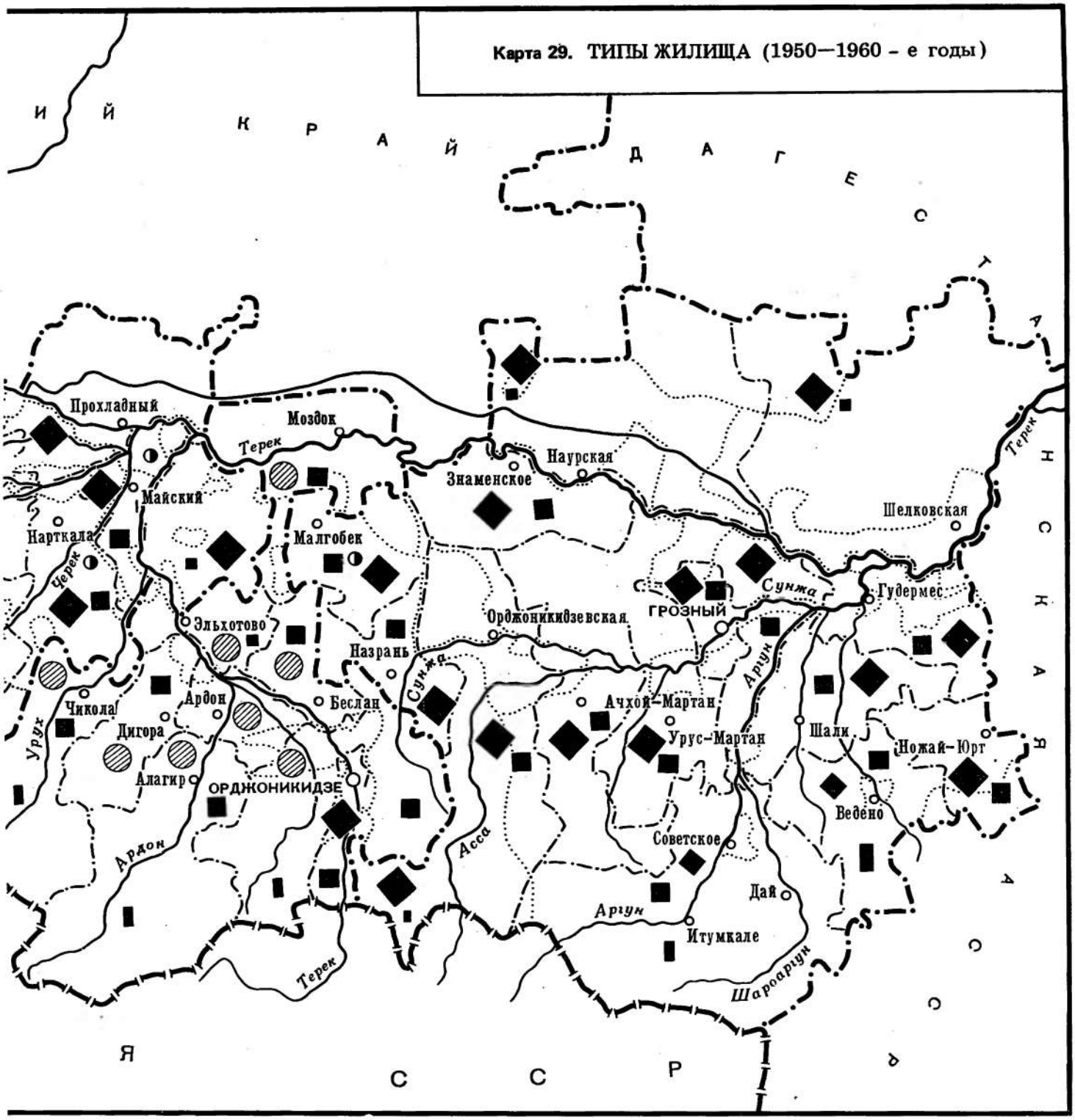
Турлучное, срубно–каркасное или из сырого кирпича двух–трехкамерное жилище с однорядным расположением помещений и с крутой преимущественно черепичной крышей

Кирпичное, срубно–каркасное или из сырого кирпича двух–трехраздельное жилище с однорядным расположением помещений, четырехскатной крутой преимущественно черепичной крышей, в комплексе с хозяйственными постройками — осетинский вариант равнинного жилища

Турлучное или из сырого кирпича трех–четырехкамерное жилище с лоджией-кухней в средней части и крутой преимущественно двускатной черепичной крышей

◑ — местный вариант старого русского трехкамерного жилища

Карта 29. ТИПЫ ЖИЛИЩА (1950—1960 - е годы)

Преобладают

Бытуют

Единичны

Кирпичное, каменное, каркасно—турлучное или из сырого кирпича трех—четырех— и более камерное жилище с двурядным расположением помещений и крутой, преимущественно четырехскатной черепичной крышей и остекленной верандой — — "квадратный" дом

Каменное, в том числе с добавлением деревянных конструкций, двух—трехкамерное одно—двухэтажное жилище с плоской земляной крышей в комплексе с хозяйственными постройками — "горская сакля"

Срубное одно—двухкамерное с пологой двускатной земляной крышей — "горская изба"

Хозяйственные постройки

Кроме жилища, на усадьбе возводили различного рода подсобные сооружения. Часть их была связана с хозяйственной деятельностью обитателей, другие отражали особенности быта и идеологических представлений населения. Различным было и местонахождение этих построек.

В жилых башнях все (насколько мы можем об этом судить) хозяйственные и подсобные помещения включались в объем самого жилища. Скот содержали на первом этаже, зернохранилища и другие емкости с продуктами питания находились на втором этаже, где обитали люди, а проветривание зерна, сушку и некоторые другие виды домашних работ производили на плоской крыше или на верхнем этаже, который в этом случае с южной стороны оставляли открытым наподобие лоджии. Во дворе, а в некоторых башнях прямо под основанием устраивали зерновые ямы и погреба. В сел. Фастагкау в Дигорском ущелье Северной Осетии в одном башенном комплексе зернохранилище устроено в расщелине ближайшей скалы, наподобие ласточкиного гнезда. Имелись жилые башни, с которых такие каменные закрома были устроены непосредственно в жилом этаже (например, в сел. Меллер в Ингушетии).

В жилище открытого типа, пришедшем на смену древним жилым башням, хозяйственные постройки устраивали сбоку или уступом ниже от жилых комнат. В наиболее бедных и старых домах помещения для скота порой не отделялись от жилья людей или находились за легкой плетеной перегородкой. "Зайдите в первую попавшуюся дверь в фæрсаг-ауле, – писал Коста Хетагуров, – Нагнитесь больше, чтобы не удариться о притолоку. Сенцы перегорожены жердями или плетнем. В первом отделении вас удивленно встречает корова, из второго на вас сквозь перегородку смотрит несколько пар добродушных глаз овец и коз. Здесь же в углу валяются плиты кизяка и хворост для топлива. Нагнитесь опять, чтобы войти в следующие двери. Вначале до того темно, что вы ничего не можете разглядеть... Единственное отверстие в южной стене по случаю дурной погоды заставлено не то камнем, не то доской... Кизячный дым ест глаза, раздражает слизистую оболочку носа, стесняет дыхание. Направляйтесь прямо к тлеющему огоньку, иначе вы можете набрести на теленка в правом углу или на постельные принадлежности в левом"[1].

У более зажиточных для скота имелись отдельные помещения, в том числе конюшни, хлев, овчарня и т.п.[2] В горах их строили в общем комплексе с жилищем, а на равнине – отдельно от него, исключая усадьбы с кольцевой и кареобразной застройкой, бытовавшие в первой половине XIX в., в которых жилые и хозяйственные помещения возводили впритык одна к другой. Рудименты такой связи сохранились до настоящего времени в равнинных селениях Северной Осетии и некоторых смежных с ней районах Кабарды и Ингушетии.

Хозяйственные постройки на равнине были многочисленнее, чем в горах, и возводились в старину, особенно у адыгов, на специальном хозяйственном дворе. У осетин хозяйственные постройки чаще располагали по периметру двора. Но и там и тут их устраивали так, чтобы за ними удобно было присматривать прямо из жилища. В число хозяйственных построек входили хлев, конюшня, овчарня, различные навесы для сельскохозяйственных орудий, арб, дров, хвороста или кизяка, курятник, а также летняя кухня. Все эти постройки в середине XIX в. сооружали из хвороста и крыли соломой или камышом. "Обыкновенно подле самого дома стоит птичник и хлев для овец; в ограде из хвороста помещается рогатый скот" – писал Н.Ф. Дубровин об осетинах[3].

Наиболее интересными в конструктивном отношении были летние кухни и курятники. Летние кухни раньше всего в источниках упоминаются у ногайцев и кабардинцев. "У многих находятся для спанья, варения пищи... особливые юрты", – писал в конце XVIII в. о западных ногайцах И.Г. Георги[4]. Сравнительно давно, по мнению Е.Н. Студенецкой, появились обособленные кухни также у кабардинских князей[5]. Об этом можно заключить по наиболее ранним их образцам, зафиксированным в этнографических материалах, в которых пережиточно отразились старинные типы жилища. Сооружали их следующим образом. Посредине круглой в плане постройки устанавливали столб с колесом от арбы на верхнем конце. На ободе укрепляли жерди перекрытия, нижние концы которых упирались в стены. Поверх жердей настилали камыш или сено. Так получалась грибообразная крыша[6]. Сходным образом устраивали и курятник, с тем лишь отличием, что был он неизмеримо меньше и колья стен у него прикрепляли непосредственно к центральному столбу без всякого колеса. В конце XIX – начале XX в. под кухню нередко отводили старые однокомнатные дома, которые уже не соответствовали новым семейным и бытовым отношениям.

Летнюю кухню обмазывали только с наружной стороны, а курятник иногда и вовсе оставляли необмазанным. В летней кухне помимо очага для приготовления пищи устанавливали колоколообразную печь для выпечки хлеба. В литературе середины XIX в. можно найти сведения о бытовании в ту пору земляных печей типа известного тондыра (тендыра, тоню), который до недавнего времени был широко распространен в Закавказье и Средней Азии. Хлеб пекут "в вырытых на два фута глубины и на полтора фута в диаметре ямах, – сообщает один современник, – эти ямы кверху уже, их

Рис. 54. Хозяйственные постройки

слева вверху – пасека на усадьбе с ульями, имитирующими форму старинного круглопланового жилища (с фотографии 1920 г.); *слева в центре* – кукурузник. Сел. Алкун ЧИАССР. Фото автора 1970 г.; *слева внизу* – хлев. Сел. Учкулан. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *справа вверху* – амбар для хранения сельхозпродуктов. Сел. Красноалександровское. Краснодарский край. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *справа внизу* – водяные мельницы. Сел. Стур-Дигора СОАССР. Фото С.Н. Иванова 1973 г.

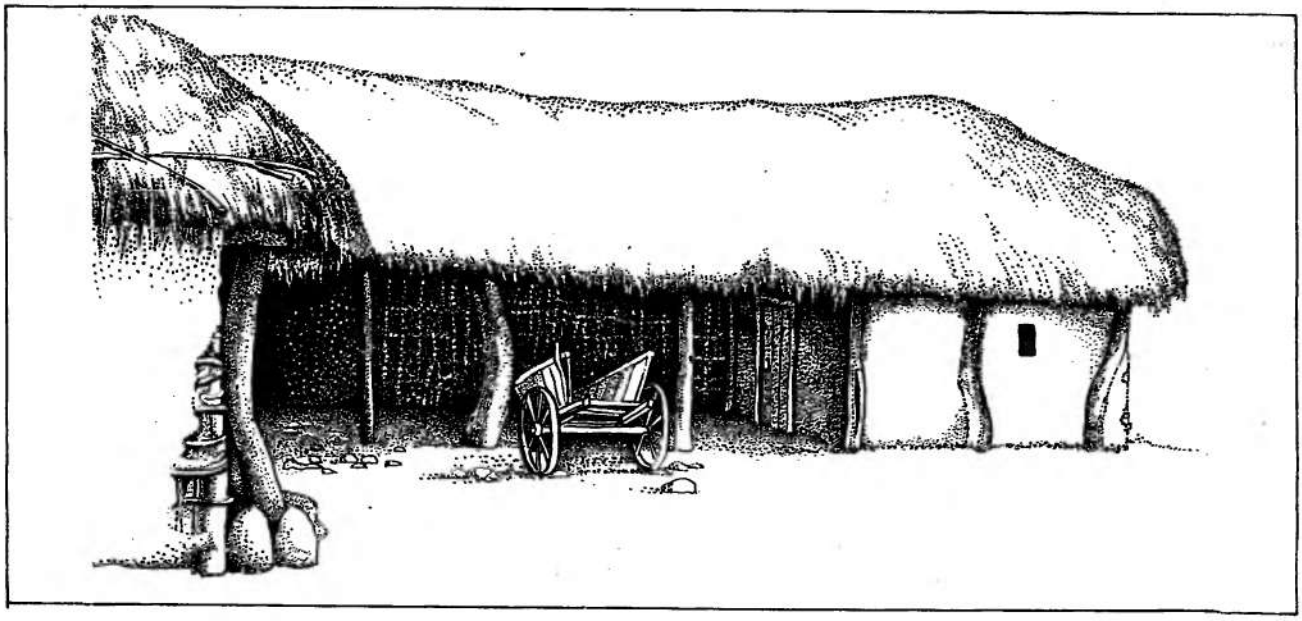

Рис. 55. Навес для хранения арбы в соединении с хлевом и амбаром. Кабардино-Балкарская АССР

обмазывают тщательно глиною, в яму кладут дрова и зажигают; когда стены придут от жару в известную температуру, тогда из приготовленного теста разделывают в полвершка или тоньше лепешки и женщины с закрытым лицом, кроме глаз, прилепляют одну пышку подле другой к боковым краям ямы и по мере времени снимают каждую из них железным крючком"[7]. Приведенное описание относится, кажется, к горным районам, но археологические материалы свидетельствуют, что указанный вид печей имел в средневековье распространение и на равнине[8]. Сооружение печей на Северном Кавказе считалось по традиции женским делом, поэтому когда в конце XIX – начале XX в. в обиход вошли кирпичные печи русского типа, печниками первоначально были также женщины[9].

Хлев, конюшня и овчарня представляли собой вытянутые прямоугольные постройки с плавно закругленными углами (пережиток древней формы турлучного жилища). Хлев состоял обыкновенно из двух помещений, соединенных между собой просторным навесом. В одном из отделений помещались овцы, в другом – телята; коровы и волы содержались под открытым навесом, отгороженным от двора жердями. В каждом отделении хлева устраивали круглые плетеные кормушки с высоко выступающими кверху кольями, расставленными таким образом, чтобы между ними свободно могла пройти голова животного. В конюшне сооружали пристенные ясли, а сами помещения наглухо обмазывали снаружи глиной, чтобы глаза лошадей привыкали к темноте и чтобы им не досаждали мухи[10]. Неподалеку от конюшни во дворе сооружали коновязь, имевшую вид дерева с коротко обрубленными ветками (в горах для этой цели в стены вставляли каменный крюк, а в карачаевском селении Учкулан сохранилась коновязь в виде каменного столба, покрытого со всех сторон резьбой и памятными надписями на русском и арабском языках).

Неподалеку от помещений для скота сооружали длинный навес для арбы и разного рода сельскохозяйственных орудий (рис. 55). Ближе к жилищу и летней кухне ставили сапетки – своеобразные зернохранилища, имевшие форму огромных корзин с расширяющимся верхом. Сапетки сплетали весьма тщательно и внутри укрепляли поперечными палками. В нижней части сапетки устраивали оконце, закрывавшееся поднимаемой кверху дощечкой. Для предохранения от грызунов сапетки поднимали на камни или деревянные колоды.

В конце XIX – начале XX в. вместо сапеток в зажиточных хозяйствах стали сооружать дощатые амбары на столбовом фундаменте с навесом спереди.

В советские годы после проведения коллективизации число хозяйственных построек во дворах колхозников сократилось. Исчезли за ненадобностью конюшни, большие скотные дворы, многочисленные сапетки и амбары. Вместо этого повсеместное распространение получили капитальные летние кухни и специальные навесы для устройства торжественных пиршеств. Все эти постройки сооружаются в настоящее время из обожженного или саманного кирпича и кроются капитальной черепичной крышей.

Вне усадьбы возводили летние коши, мельницы и пасеки.

Коши были характерны преимущественно для карачаевцев, у которых в хозяйстве в прошлом основную роль играло скотоводство. В летнюю пору карачаевцы переселялись на коши целыми семьями и оставались там до наступления осенних холодов. "С половины мая, – писал в 90-х годах прошлого столетия А.Н. Дьячков-Тарасов, – население Карачая переселяется на альпийские высоты, на коши – летние стоянки"[11]. Здесь для скота сооружали временные загоны из бревен или камней, а для пастухов – времянки упрощенной конструкции. Со временем некоторые из таких кошей обрастали постройками и нередко давали начало новым постоянным поселениям. Так возникли селения Дарго в Чечне, Актопрак в Балкарии, Джазлык в Карачае и ряд других.

За околицей селений на быстрых горных ручьях можно было видеть цепочки водяных мельниц, представлявших собой маленькие домики самой разнообразной формы (рис. 54). Там, где было много леса, их рубили в виде сруба или возводили в закладной технике; в обезлесен-

ных местах складывали из камня и сплетали из хвороста, кое-как обмазанного глиной. Покрытие мельниц также повторяло крышу жилища, распространенного в данной местности. К мельницам по особым каналам подводили воду, иногда за многие сотни метров. Канал заканчивался круто падающим желобом, выдолбленным из расколотого вдоль ствола дерева. Горизонтально расположенное колесо вращало в верхней части своей оси каменный жернов. Помол производили исключительно женщины, мужчина не имел права даже входить в мельницу: его участие ограничивалось строительством и ремонтом мельницы. Лишь в самом конце XIX в., когда появились покупные мельницы-вальцовки, помол постепенно перешел в ведение мужчин[12]. Первоначально мельницы принадлежали отдельным фамилиям и патронимическим объединениям, позднее, с разрушением патриархального уклада, возникли частновладельческие, семейные мельницы. Иногда отдельный собственник добивался монопольного права на владение мельницей, на которой обязаны были молоть зерно все жители селения и даже целой округи.

Вдали от селений, на лесных опушках, пойменных лугах и горных пастбищах в летнюю пору устраивали также пчелиные пасеки. Ульи выдалбливали в колодах или сплетали из прутьев наподобие конусообразной корзины, поставленной кверху дном и обмазанной снаружи коровьим навозом. Устанавливали их на плетеных кружках, досках, под которые подкладывали камни или деревянные обрубки. Сверху ульи накрывали кусками коры или снопиками из травы и соломы. Внизу ульев оставляли небольшую летку.

Собираясь по весне на пасеку, пчеловоды обычно объединялись в артели, в которых насчитывалось по нескольку сот ульев, и сообща нанимали пасечника. Выезд на пасеку и возвращение с нее отмечали как большое торжество. В середине XIX в. пчеловодство было довольно широко распространено на равнине, в частности среди кабардинцев, чеченцев и осетин. В документах упоминаются отдельные лица, державшие по нескольку сот ульев и торговавшие медом в городах края вплоть до Моздока. Позднее, в связи с появлением в продаже сахара и вследствие вырубки лесов и распашки лугов, пчеловодство пошло на убыль и к началу XX в. как отрасль хозяйства совершенно исчезло[13].

[1] *Хетагуров К.* Собр. соч. в 5-и томах. М.: Изд-во АН СССР, т. 4, с. 323, 324.
[2] Там же, с. 325.
[3] *Дубровин Н.Ф.* Осетины. – В кн.: *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. 1, с. 189.
[4] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ. СПб., 1799, ч. 2, с. 41.
[5] *Студенецкая Е.Н.* Кабардинцы и черкесы. – В кн.: Народы Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 1, с. 162.
[6] *Студенецкая Е.Н.* Современное кабардинское жилище. – СЭ, 1948, № 4, с. 107.
[7] *Швецов В.* Очерк о кавказских горских племенах. – Москвитянин, 1855, № 23–24, кн. 1–2.
[8] *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. – Труды XIV Археологического съезда, 1911, т. 3, с. 94, 108, 181.
[9] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1974 г.
[10] *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971, с. 173.
[11] *Дьячков-Тарасов А.Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах. – СМОМПК, Тифлис, 1898, вып. XXV, с. 57.
[12] *Калоев Б.А.* Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973, с. 18.
[13] *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965, с. 73; *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 106.

Башни, склепы, святилища

Во многих горных селениях Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и в несколько меньшей мере – Балкарии среди полуразвалившихся древних домов возвышаются стройные боевые башни, придающие этим селениям неповторимый архитектурный облик и аромат седой старины (рис. 56, *1*). Сохранившиеся боевые башни восходят преимущественно к XVI–XVIII вв., хотя истоки башенной культуры на Кавказе прослеживаются неизмеримо раньше[1]. Строительство башен в позднем средневековье было связано с усилением классовой борьбы в среде горского общества и развитием института кровной мести.

В башнях отсиживались во время междуусобных столкновений и внешних нашествий целые фамилии. Со временем, однако, строительство боевых башен приобрело сугубо престижный характер, что нашло свое выражение в серии запретов, имевших целью ограничить возможность их постройки "худородными" фамилиями. Так, например, по обычному праву строительство боевой башни должно быть завершено в течение одного года, в противном случае башня так и оставалась недостроенной[2] (ряд таких незавершенных башен можно и сегодня видеть в ингушских селениях Морч, Терши, Лейлаг). При сватовстве принято было справляться о наличии у невесты боевой башни и родового (фамильного) склепа[3].

Для строительства башни требовалось огромное количество камня. Существовала даже поговорка, что из одной башни можно построить целый аул, но из аула нельзя выстроить и одной башни.

Большой хорошо обработанный камень, пригодный для укладки в основание башни, считался одним из лучших подарков в составе приданого невесты.

Складывали башни из слегка подтесанных камней на прочном известковом растворе. Самые большие и тщательно обработанные камни укладывали в основание и в углы башни. Кладку вели в два ряда таким образом, что стены кверху постепенно сужались, в результате чего постройка приобретала большую прочность.

Форма и конструкции боевых башен в разных частях региона существенно различались. В Чечне и Ингушетии башни были более высокими и стройными, чем в других местах, и завершались обыкновенно четырехскатной ступенчатой крышей, каждый уступ которой был покрыт шиферной плиткой. Крыша венчалась высоким конусообразным белым камнем, что вместе с черным цветом плитки красиво контрастировало с желтоватой облицовкой стен. Наряду с этим здесь же встречались изредка башни с плоским земляным перекрытием и с так называемыми "гуртами" – остроконечными вертикальными выступами на углах кровли. Кроме того, чеченские и ингушские башни имели в верхней части с каждой стороны особые балкончики без дна – машикули, позволявшие защищавшимся с безопасностью для себя оборонять ближайшие подступы к башне.

Вход в боевую башню обычно устраивали с южной или восточной стороны на уровне второго этажа, оформляя его в виде невысокой арки с полуциркульным верхом. Для ингушских боевых башен характерно также устройство между вторым и третьим этажами четырехскатного свода с выступающими наружу вертикальными карнизами – гуртами (ингушское "моартол"). Свод сооружали посредством последовательного напуска камней до тех пор, пока камни не смыкались в вершине перекрытия (так называемое "ложносводчатое перекрытие"). Также сооружали и крышу, в то время как межэтажные перекрытия были плоскими и настилались по балкам, упиравшимся в специально оставляемые в кладке стен гнезда. В углах башен с внутренней стороны примерно через полуметровые промежутки устраивали каменные перемычки, служившие для укрепления стен и установки строительных лесов.

При основании в среднем 5 × 5 м башни насчитывали до 5–6 этажей и достигали в высоту нередко 20–25 см. Нижний этаж боевой башни предназначался для хранения запасов воды и пищи и содержания пленников (с этой целью в толще цоколя устраивали в каждом углу по яме), второй – для членов семьи, третий и четвертый – для защитников и пятый – для наблюдателей и защитников[4]. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи бревна с зарубками через лаз, который устраивали в углу. Свет в помещения проникал через небольшие отверстия-бойницы. Судя по их величине, бойницы предназначались преимущественно для ружейного боя[5], что до некоторой степени может служить отправной точкой для установления начальной даты строительства существующих боевых башен.

Осетинские боевые башни отличаются от чеченских и ингушских более массивными формами. Основание их составляет квадрат со сторонами 7 × 7 м, а высота редко превышает четыре этажа. Кладка осетинских башен выполнена менее тщательно и порой даже без связующего раствора (как, например, в башне сел. Куссу в Дигорском ущелье) и без угловых перемычек. Среди осетинских башен совершенно отсутствуют башни со ступенчато-пирамидальным перекрытием и внутренним сводом на уровне второго этажа[6]. Единственное исключение представляет башня в сел. Даргавс, которая, по свидетельству местных жителей, была выстроена ингушскими мастерами[7]. Машикули, арочные завершения входных и оконных проемов в осетинских башнях выполнены также более примитивно, что в целом придает им древний, архаический вид. Однако это не всегда соответствует действительности. Так, в дигорском селении Ахсау имеется боевая башня, которую, по словам местного

жителя, 97-летнего Хаджи-Муссы Бузоева, выстроил старший брат его отца, живший во время правления Николая I. Башня, по мнению информатора, не имела практической надобности и строилась его родичем исключительно с целью самоутверждения и вскоре после постройки, где-то в конце 30-х годов прошлого столетия была им покинута[8]. (Ср. приведенное выше замечание Вахушти об осетинах: "Если овс разбогатеет, то он или берет вторую жену, или строит себе башню"). Но в более раннее время, по утверждению Х.М. Бузоева, боевые башни дигорцы строили для защиты от бадилят (феодальное сословие в Дигории) и от нападений кабардинцев из фамилии Озданте, которые жили в Кабарде в местности, где сегодня находится осетинское селение Озрек[9].

В Балкарии боевые башни встречаются в основном в Черекском ущелье, далее на запад они исчисляются единицами, причем некоторые несут откровенный отпечаток влияния сванского фортификационного зодчества[10]. В Карачае сохранилась всего одна боевая башня, известная под названием Маммия-кала. Башня находится на вершине горы Кала-Баши вблизи сел. Хурзук[11]. Балкарские и карачаевская башни по ряду признаков сближаются с осетинскими, но имеют и свои отличительные черты.

Боевые башни в прошлом различались по своему назначению. Одни из них были расположены непосредственно в селениях, поблизости от жилища, другие сооружались на стратегических высотах и предназначались для наблюдения за проезжими путями, для подачи сигналов и охраны горных проходов. Башни, находившиеся в селениях, нередко соединялись с жилищем переходными мостками или обносились дополнительно высокими стенами, в результате чего усадьба приобретала черты крепостного укрепления-замка.

В первой половине XIX в. в ходе Кавказской войны многие боевые башни были разрушены, а те из них, которые уцелели, по окончании военных действий были покинуты владельцами ввиду полной их бесполезности.

Минули годы. Искусство строительства боевых башен было основательно позабыто горцами, но сами башни, добротно сработанные их далекими предками, продолжают и сегодня поражать взор своей величавой и мрачной красотой. О многих башнях, особенно расположенных в отдаленных и недоступных местах, окружающее население сложило красочные легенды, будучи не в состоянии понять, каким образом и для чего люди поселялись на этих отвесных скалах. Так родилась поэтическая сказка о мифических "летающих людях", которые строили свои жилища в заоблачной выси, куда обычно люди без специального снаряжения не могут даже взобраться[12].

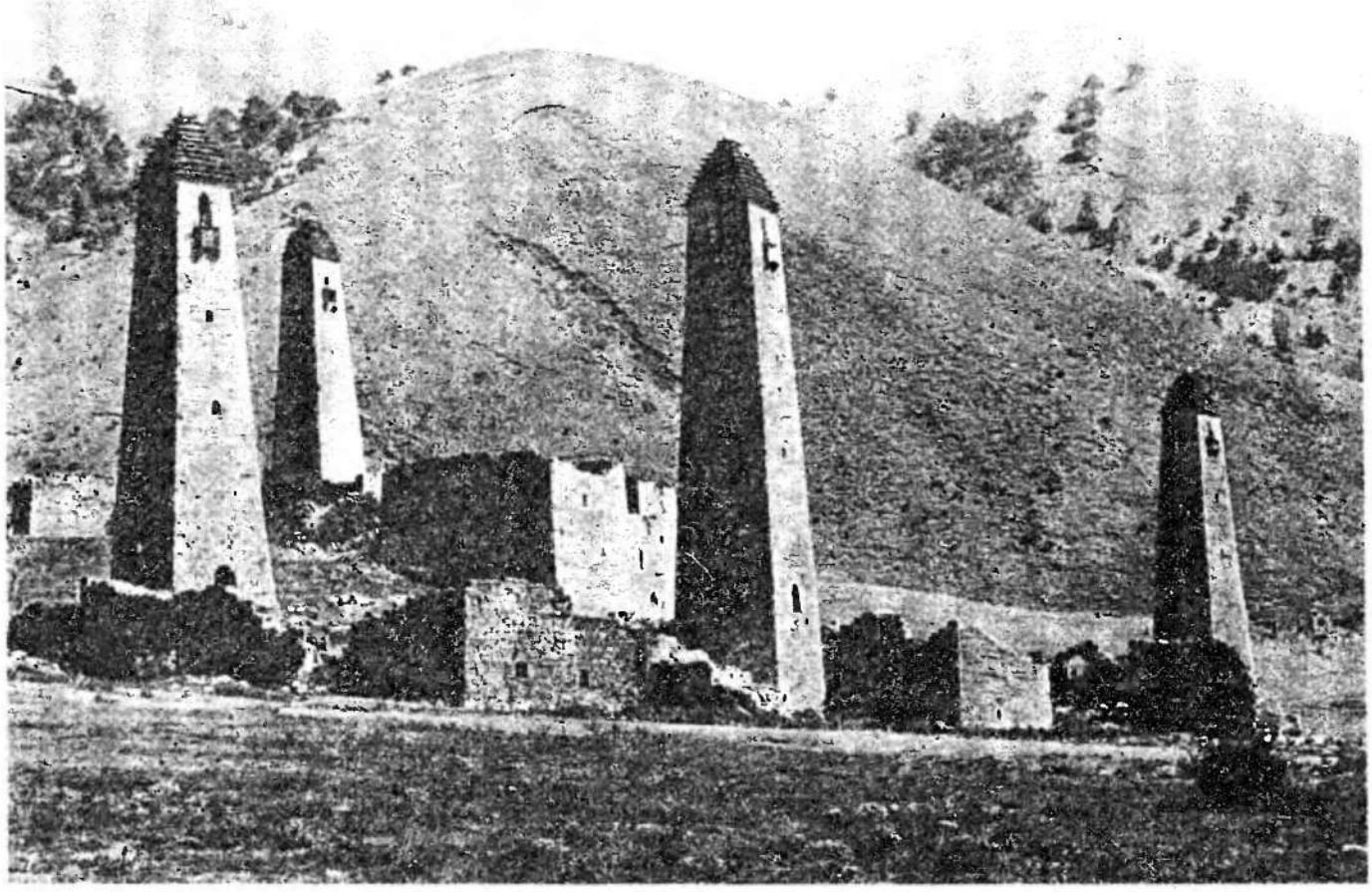
В пределах почти того же ареала, где встречаются боевые башни, на окраинах многих селений, а иногда и прямо между жилыми домами и башнями можно видеть как бы другие маленькие поселения, состоящие из небольших каменных домиков-склепов. Иногда склепы разбросаны по окрестным полям и горам поодиночке, но иногда составляют большие некрополи, настоящие "города мертвых". Наиболее известные из таких крупных некрополей находятся у селений Даргавс, Денифарс и Фаснал в Северной Осетии, на горе Мохде неподалеку от сел. Терши в Ингушетии, на горе Цой-педе и в Майстинском обществе Чечни. На западе края, в Балкарии, склепы столь же немногочисленны, как и боевые башни. Самый крупный склеповый могильник здесь находится возле сел. Верхний Чегем. В Карачае известно всего три склепа у сел. Карт-Джурт.

Склепы служили фамильными усыпальницами, в которых горцы хоронили своих умерших кое-где вплоть до начала XX в. Накануне присоединения к России захоронения в склепах были массовым явлением[13]. Склеповые захоронения окружены множеством фантастических легенд. Одна из таких легенд объясняет строительство склепов эпидемией чумы, которая в прошлом не раз производила страшные опустошения на Северном Кавказе (последний раз в начале XIX в.). В склепах мертвых хоронили прямо в одежде, без гробов. Трупы укладывали на продольные полки, устроенные в два и более ряда, с которых старые костяки по мере накопления просто сбрасывали на пол. С умершими рядом ставили миски с поминальной пищей. Находясь в сухом достаточно вентилируемом помещении, трупы высыхали и долго сохраняли человеческое подобие. Все это и породило легенды о том, что во время чумы люди строили себе эти небольшие домики, куда удалялись от остальных здоровых жителей и пребывали там в ожидании неминуемой смерти.

Полуподземные и подземные склепы сравнительно однородны по форме. Они представляют собой прямоугольную в плане камеру, сложенную из камня в грунте и перекрытую двускатным ложным сводом. У подземных склепов наружу выходит один только лаз, ведущий в небольшой коридор-дромос, откуда через другой лаз попадали в погребальный отсек. Таковы, например, подземные склепы на горе Мохде в Ингушетии, в долине р. Армхи. У полуподземных склепов, устраиваемых всегда в склоне горы, наружу выступают лишь одна торцовая (она же фасадная) и часть прилегающих к ней продольных стен. Посредине торцовой стены, несколько ближе к подножью, находится квадратной формы лаз, закрывающийся деревянной заслонкой с засовом, спрятанным в толще кладки. Сбоку от лаза в некоторых склепах имеются небольшие ниши, в которые ставили миски с заупокойной пищей. В других склепах в фасадную стену встроен выступающий камень со сквозным отверстием. В это отверстие, по рассказам старожилов, вставляли ритуальные флаги, ветки хвойных деревьев, привязывали коня, посвященного покойному[14]. В Дигорском ущелье Северной Осетии к некоторым склепам у сел. Махческ пристроены каменные стелы, а в сел. Ахсау с боков фасада выступают некие подобия каменных "рогов".

Намного разнообразнее по форме наземные склепы. Среди них выделяются склепы с прямоугольным основанием и двускатной ступенчатой крышей, склепы с особым преддверием на фасаде в виде лоджии, служившей поминальной камерой; прямоугольные склепы с гладкой двускатной слегка выпуклой кровлей; многоярусные "башенные" склепы со ступенчато-пирамидальным шиферным покрытием или с выступающими гуртами-шпилями на углах плоской кровли; склепы, имитирующие разные виды шатрового жилища, характерного для кочевых народов, в том числе многогранные с пирамидальным коническим верхом, круглые с полусферическим перекрытием, и множество других разновидностей.

Большинство наземных и полуподземных склепов имеют одну погребальную камеру, но изредка встречаются двухкамерные склепы с одним или двумя лазами. В башенных склепах в каждый ярус ведет свой лаз. Все склепы выстроены на прочном известковом растворе и снаружи и внутри покрыты штукатуркой желтоватого

цвета. Перекрытие всегда выполнено в технике ложного свода.

В количественном отношении преобладают прямоугольные склепы с двускатным ступенчатым перекрытием. Ареал их охватывает фактически всю горную полосу от р. Чанты-Аргуна на востоке (чеченские общества Майсты, Малхиста) до верховьев Кубани на западе (склепы у сел. Карт-Джурт в Карачае). Но более всего наземные склепы со ступенчато-пирамидальным перекрытием (в том числе и башенного типа) характерны для горной Ингушетии и восточной части Северной Осетии. Все другие виды склепов встречаются значительно реже и имеют преимущественно узколокальное распространение. Так, например, шатровые виды склепов бытуют главным образом в Дигории и Чегемском ущелье Балкарии, круглые склепы с полусферическим верхом встречаются в ряде селений Ингушетии, Северной Осетии (у селений Кобан и Кани) и Балкарии (у селений Ташлы-Тала и Мухол)[15].

О происхождении традиции склеповых захоронений имеется много предположений. Неясно время возникновения склепов разных форм, причины, вызвавшие их появление, и даже то, какие из погребений следует считать склеповыми, а какие отнести к другим видам погребальных сооружений[16]. Безусловно лишь одно – тесная связь захоронений в склепах с культом мертвых, который в прошлом имел широкое распространение у народов Северного Кавказа. Считалось, что умершие и в загробной "жизни" не порывают связи с оставшимися на земле родичами и нуждаются в поминках и прочих знаках внимания с их стороны. Оскорбление памяти умерших расценивалось как одно из самых тяжких преступлений. Поэтому склепы нередко устраивали в непосредственной близости от жилища и даже на участке усадьбы[17]. Известны случаи похищения покойников с целью получения выкупа. С другой стороны, поражает полное равнодушие горцев к "чужим" склеповым погребениям.

По материалам, собранным Г. Кокиевым, полуподземные склепы у сел. Дзивгис осетины приписывали легендарным богатырям-нартам и мифическому народу царцатов[18]; другие склепы, повторявшие в своей форме передвижные кочевнические шатры и юрты, местная традиция считает "ногайскими могилами". Изучение склеповой и других видов культовой архитектуры, отличающейся большим консерватизмом форм, может помочь восстановить утраченные этапы развития местного жилища, на что нам уже приходилось указывать[19] и что с успехом продемонстрировал архитектор А.Ф. Гольдштейн[20].

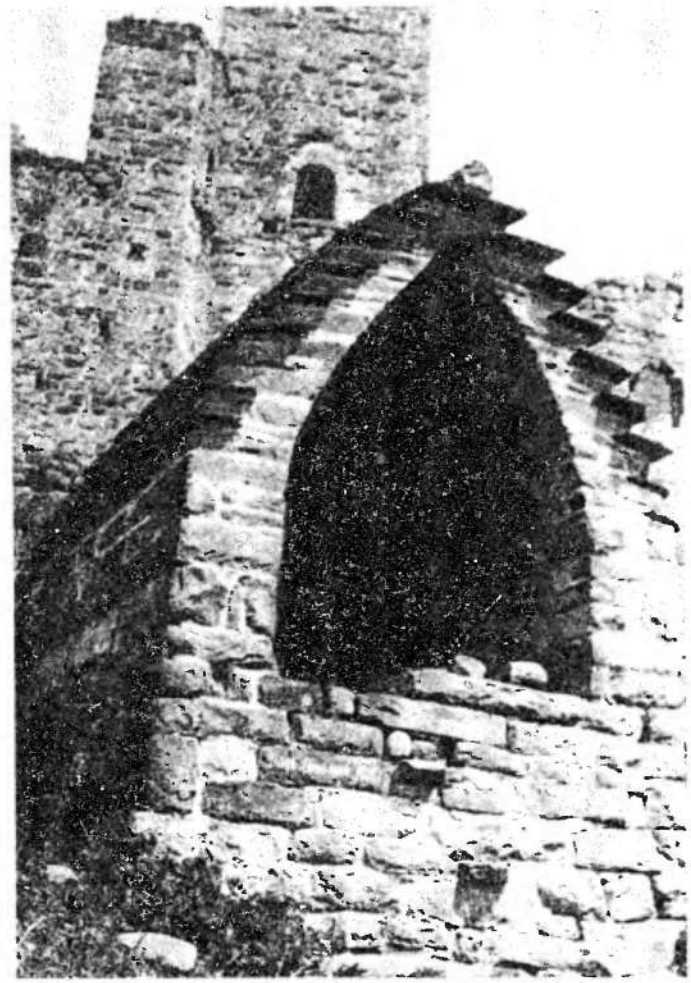
От прошлых времен на территории края сохранились языческие святилища и христианские храмы. По-внеш-

Рис. 56. Башни, склепы, святилища

1 – заброшенное башенное селение Таргим. ЧИАССР. Фото автора 1970 г.; *2–5* – типы склепов: *2* – склепы башенной формы у сел. Даллакау СОАССР. Фотография из ГМЭ, колл. 6262, № 53, 54; *3* – склеп с двускатной кровлей у сел. Карт-Джурт. Карачаево-Черкесская АО. Фото С.Н. Иванова 1977 г.; *4* – склеп, имитирующий форму передвижного жилища кочевников. Сел. Фаснал СОАССР. Фотография из ГМЭ, колл. 5711, № 177; *5* – склеп с поминальной камерой. Сел. Бирк ЧИАССР. Фото автора 1970

нему облику святилища и храмы, за небольшим исключением, почти тождественны прямоугольным наземным склепам с двускатной ступенчатой крышей. Различие состоит лишь в величине: святилища и храмы обычно, хотя далеко не всегда, несколько больше по размерам. Вход у них оформлен входной аркой. Более существенны отличия во внутренней планировке и устройстве. Преобладающая часть святилищ и храмов разделена внутри стрельчатыми арками на две или три части, в чем многие исследователи справедливо усматривают влияние христианского церковного зодчества[21]. Воздействие христианства проявилось в канонической ориентации многих храмов по линии восток–запад, в устройстве алтаря (храм Маги-ерда в Ингушетии) или подобия каменного иконостаса (святилище Итаз-ерда у сел. Эрзи, святилища у селений Морч, Карт, Бархин в Ингушетии), в выкладке крестов и т.д.

Рис. 57. "Городок мертвых" у сел. Махческ СОАССР. Фотография 1930-х годов. ГМЭ, колл. 5711 (*вверху*); древнее заброшенное святилище у сел. Долте ЧИАССР (*внизу*)

Однако христианизация горцев носила весьма поверхностный характер, что нашло отражение в многочисленных отступлениях в архитектуре указанных памятников от требований христианской религии, в частности в южной ориентации ряда из них. Все это дало повод ингушскому археологу М.Б. Бужухоеву выдвинуть предположение о сугубо местном происхождении этих культовых памятников, за исключением трех известных христианских храмов на территории Ингушетии: Тхаба-ерды, Галь-ерды и Таргимского[22]. Но подобные нестандартные формы церковной архитектуры были характерны и для других районов Кавказа, на что обратил внимание В.Б. Виноградов в одной из своих последних работ, приведя описание церкви в Тушети, сделанное русскими послами в середине XVII в. "Да палата же, а называется церковью, а креста на ней нет. А зделана на четыре угла и покрыта палаткою (т.е. имеет прямоугольный базиличный план и перекрыта на два ската. – *В.К.*). А вход у нее с полуден... А жертвенника и северских дверей нет, а где северские двери – живут, и тут окно большое... Да перед царскими дверьми зделан столб, вышиною в сажен, да на столбе, что болван, да кругом столба перед тем болваном ставят свечи"[23]. Приведенное описание ценно тем, что снимает вопросы и недоумения, вызываемые как неустойчивой ориентацией многих горских храмов, так и отсутствием требуемого членения внутреннего пространства их на канонические притвор, храм и алтарную часть. Влияние местных языческих верований сказалось и в том, что большинство горских культовых памятников имеет крайне незначительные размеры, исключающие пребывание в них верующих. Известно, пишет в связи с этим В.А. Кузнецов, что, согласно местной традиции, характерной для всего горного Кавказа, правом входа внутрь святилища облада-

ет исключительно жрец или священник[24]. Возможно, что возникновению подобной традиции во многом способствовало извечное горское малоземелье и известное равнодушие к новой для них религии. Все это привело автора к заключению о христианской принадлежности преобладающей части горских (в частности, осетинских) святилищ. В одной из своих работ мы попытались также показать, что этот вывод справедлив и в отношении святилищ Ингушетии и некоторых других районов края[25]. Это, однако, не снимает вопроса о причинах сходства местной храмовой и склеповой архитектуры. Здесь нам кажется близкой к истине мысль, высказанная А.Ф. Гольдштейном, о том, что в основе местного культового зодчества лежат какие-то "не дошедшие до нас формы горского жилища", продолговатого в плане, с крутой двускатной крышей, разделенного на два помещения поперечной стеной с проемом[26].

Боевые башни, склепы и святилища составляют неотъемлемую часть "пейзажа" горных селений. Особенно многочисленны и выразительны эти памятники в горах Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. Подобно церквам в русских деревнях, боевые башни доминируют над селениями горцев и организуют их архитектурный облик, придавая им цельность и завершенность. И хотя большинство этих сооружений находятся в настоящее время в полуразрушенном состоянии, как и сами горные селения, покинутые в основном их обитателями, выселившимися на равнину и ближе к городам и промышленным центрам, башни, склепы и святилища составляют культурное наследие народов края и заслуживают всяческой заботы и охраны.

[1] Первые сведения о жилых и боевых башнях на Кавказе содержатся у Ксенофонта (V в. до н.э.), который упоминает племя "месиников" ("мосиноиков"), живших в горах на излучине Понта, имя которых дословно означает "башенники" (ср. осетинское *масыг* – "боевая башня"). В I в. н.э. римский архитектор Витрувий описал своеобразный тип жилища, распространенный в Колхиде, который представлял собой высокую башню, сложенную наподобие клети и перекрытую ступенчато-пирамидальной срубной крышей (*Витрувий.* Десять книг об архитектуре. Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936, кн. II, гл. 9, § 15, 16, с. 59). Реконструкцию дома, описанного Витрувием, см.: *Джанджиери М.И., Лежава Г.И.* Народная башенная архитектура. М., 1970, с. 52, 53. Подробнее о боевых башнях на Северном Кавказе см.: *Кокиев Г.* Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. – ИСОНИИК, Сталинири, 1935, вып. 2, с. 217–235; *Он же.* Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928; *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. Грозный, 1963, с. 8, 9, 22, 39, 70–72, 92 и сл.; *Щеблыкин И.П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. – ИИНИИК, Владикавказ, 1928, вып. 1; *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей. – Кавказский этногр. сб., Тбилиси, 1968, т. 2, с. 60–85; *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 70–81; *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975; *Он же.* Башни в горах. М., 1977; *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.

[2] *Семенов Л.П.* Археологические..., с. 71.

[3] *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М., 1925, с. 90.

[4] *Щеблыкин И.П.* Искусство ингушей..., с. 277.

[5] *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия, с. 75.

[6] *Марковин В.И.* Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры. – КЭС, 1976, т. 6, с. 222–236.

[7] *Щеблыкин И.П.* Отчет об экспедиции Северо-Кавказского института краеведения за 1924–1925 гг. – АЛОИА, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 35; *Марковин В.И.* Некоторые особенности..., с. 228.

[8] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1973 г., л. 37.

[9] Там же, л. 35.

[10] Башня сванского типа, построенная, по преданию, приглашенными из Сванети мастерами, находится у сел. Верхний Чегем. Подробнее см.: *Лавров Л.И.* Балкария и Карачай до 30-х годов XIX в. – КЭС, 1969, т. 4, с. 101; там же помещено изображение этой башни и соответствующая литература; другая башня, в постройке которой принимали участие сванские мастера, находится в Баксанском ущелье в сел. Эльджурту; принадлежала она, по преданию, легендарному родоначальнику карачаевцев – Карче (*Лавров Л.И.* Поездка в Балкарию. – СЭ, 1939, № 2, с. 175, 176).

[11] Изображение этой и ряда других балкарских башен см.: *Кобычев В.П.* Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа. – КЭС, 1974, т. 5, с. 164, рис. 7; в литературе имеются известия о наличии на территории Карачая еще нескольких укрепленных сооружений, но были ли это башни или иного рода постройки крепостного типа, из приводимых описаний недостаточно ясно (ср.: *Мизиев И.М.* Средневековые башни..., с. 24).

[12] АИЭ. Материалы Северокавказского отряда 1969 г., тетр. 1; *Z*. Башня Тамары. – Газ. "Казбек", № 724.

[13] *Кокиев Г.* Склеповые сооружения горной Осетии, с. 40. Раскопки, произведенные В.Х. Тменовым в "городе мертвых" у сел. Даргавс в Северной Осетии, показали, что этот могильник функционировал вплоть до "конца XIX в." (см.: *Тменов В.Х.* "Город мертвых". – В кн.: На древней земле Осетии. Орджоникидзе, 1973, вып. 6, с. 57).

[14] *Семенов Л.П.* Археологические..., с. 20, 75, 77.

[15] О типологии и периодизации склепов см.: *Семенов Л.П.* Археологические..., с. 136, 137; *Мизиев И.М.* Средневековые башни..., с. 72–81, табл. 6; *Тменов В.Х.* Позднесредневековые склеповые сооружения Северной Осетии как исторический источник. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1973, с. 60, а также таблица: Типология склеповых сооружений Тагаурии.

[16] *Нечаева Л.Г.* Предварительные итоги изучения склеповых сооружений. – Тезисы докладов годичной научной сессии ЛОИЭ. Л.: Наука, 1967, с. 39–41; *Она же.* Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин. – Там же, 1968; *Она же.* Некоторые вопросы этногенеза в эпоху средневековья на территории Карачая. – Там же, 1969, с. 67–71; *Кокиев Г.* Склеповые сооружения..., с. 57; *Яковлев Н.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927, с. 23.

[17] *Кокиев Г.* Склеповые сооружения..., с. 37, 64, 66.

[18] Там же, с. 41–43.

[19] *Кобычев В.П.* Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края, с. 71–82.

[20] *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, с. 82–84.

[21] *Семенов Л.П.* Эволюция ингушских святилищ. – Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН, 1928, т. 4, с. 134; *Щеблыкин И.П.* Архитектура древних ингушских святилищ. – ИИНИИК, Владикавказ, 1930, вып. 2–3, с. 412; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия, с. 107; *Марковин В.И.* К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа. – Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1972, вып. 6, с. 226–267; *Виноградов В.Б.* Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. – В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 61–63.

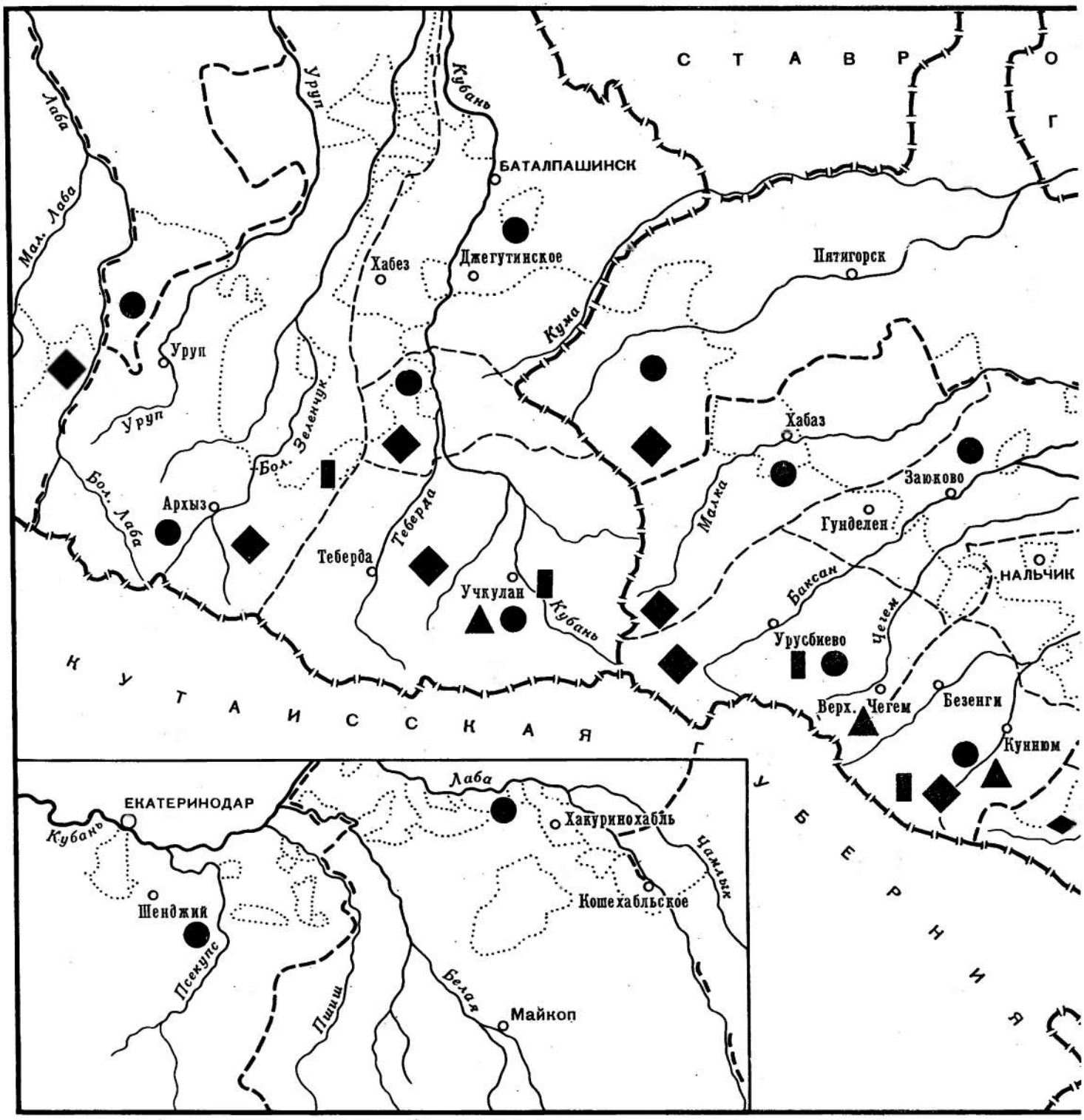
[22] *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII вв.). Грозный, 1977, с. 122, 123.

[23] *Виноградов В.Б.* Некоторые аспекты..., с. 64.

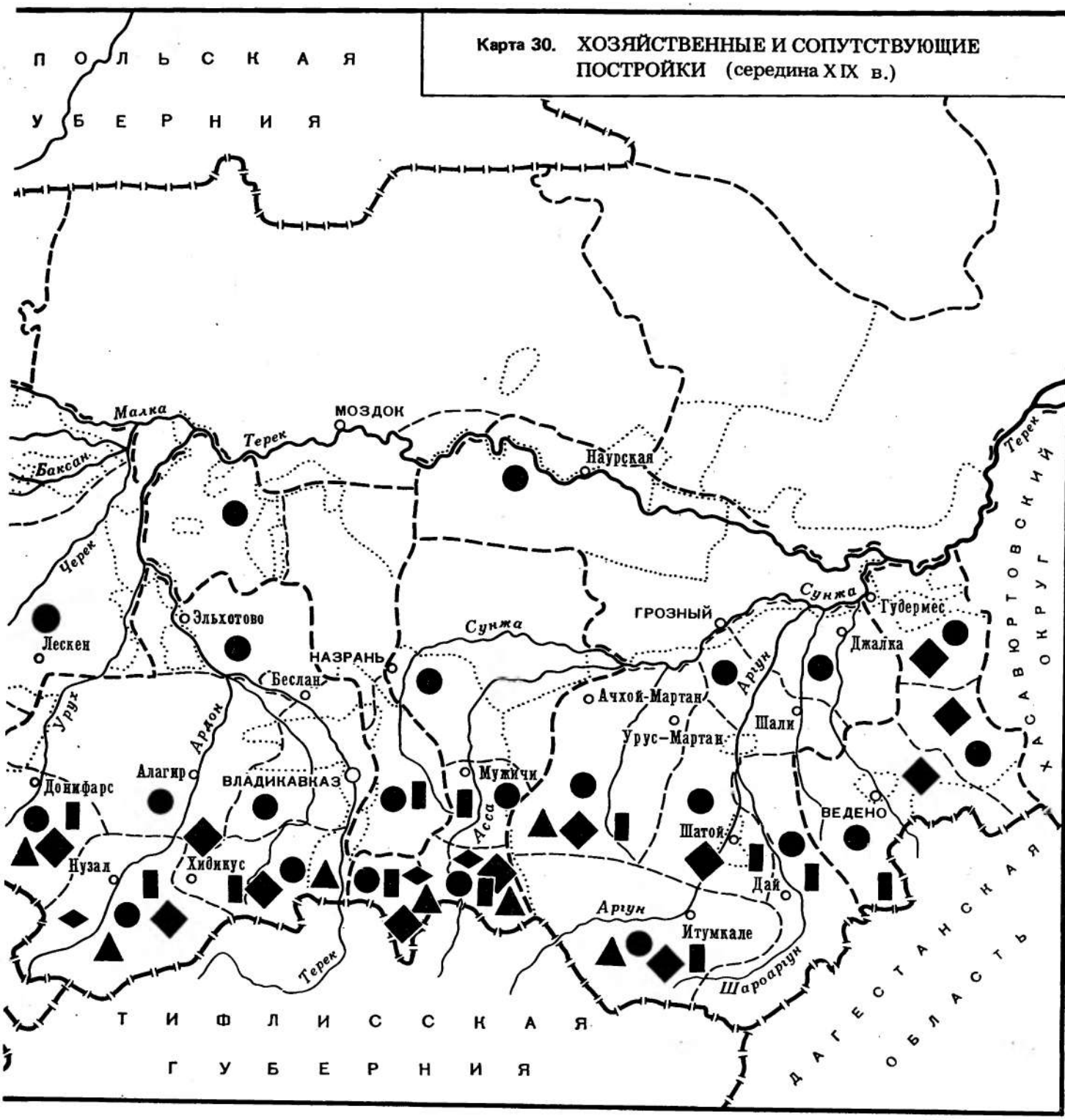
[24] *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 157.

[25] *Кобычев В.П.* Храмов древние стены... – СЭ, 1979, № 4, с. 137–150.

[26] *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество..., с. 80, 84.

С Т А В Р О П О Л Ь С К И Й К Р А Й
К У Т А И С С К А Я Г У Б Е Р Н И Я
Лаба
Мал. Лаба
Урупп
Кубань
БАТАЛПАШИНСК
Джегутинское
Хабез
Пятигорск
Кума
Урупп
Урупп
Бол. Зеленчук
Бол. Лаба
Архыз
Теберда
Теберда
Учкулан
Малка
Хабаз
Заюково
Гунделен
НАЛЬЧИК
Баксан
Чегем
Урусбиево
Верх. Чегем
Безенги
Кунюм
ЕКАТЕРИНОДАР
Кубань
Шенджий
Псекупс
Пшиш
Лаба
Белая
Майкоп
Хакуринохабль
Кошехабльское
Чамлык
Преобладают
Водяные мельницы
Коши
Святилища и храмы

Карта 30. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ПОСТРОЙКИ (середина XIX в.)

Преобладают

▲ Склепы и склеповые некрополи

▮ Боевые и сторожевые башни

Заключение

Подведем итог изложенному.

1. Изучение поселений народов Северного Кавказа по двум основным показателям, принятым в этнографической науке (типу и форме планировки), выявило непосредственную зависимость этого важнейшего компонента материальной культуры от уровня социального и экономического развития населения. В первой половине XIX в. у всех народов края господствовал феодальный способ производства, для которого было характерно частновладельческое поселение полигенного (многофамильного) типа. Наряду с этим в быту некоторых территориально-племенных групп и этнических подразделений феодальные отношения тесно переплетались с архаическими пережитками более ранних ступеней общественного развития, что способствовало сохранению в ряде районов, преимущественно в отдаленных труднодоступных ущельях, значительного числа небольших поселений моногенного патронимического типа, населенных ближайшими кровными родственниками. Однако во второй половине XIX в. втягивание Северного Кавказа в русло капиталистического развития подорвало экономическую основу существования подобных однофамильных поселений, что и привело со временем к полному их исчезновению.

2. На характер расположения поселений на местности (тип расселения) и форму планировки большое влияние оказывала внешнеполитическая ситуация и острое малоземелье в горных районах края. В результате этого селения на равнине в первой половине XIX в. жались к густым лесам, а в безлесной местности возводились в виде круга или квадрата. В горах селения карабкались на крутые склоны, вершины хребтов и холмов-останцев, непригодных для хозяйственного использования. Можно сказать, что чем древнее было поселение, тем выше и неудобнее оно было расположено, тем плотнее была его застройка. Только после окончания Кавказской войны и последовавшего затем массового переселения горцев на равнину селения стали постепенно приобретать более свободный и упорядоченный вид. В советские годы процесс перепланировки и благоустройства селений принял всеобщий характер в соответствии с выдвинутой Коммунистической партией программой мероприятий по стиранию бытовых различий между городом и селом.

3. Указанные выше факторы во многом определяли также тип застройки усадьбы коренного населения, которая на равнине отличалась сравнительно большой величиной и многодворностью, а в горах имела минимальные размеры. Встречались и вовсе бездворные усадьбы, а также замкнутые укрепленные комплексы замкового типа, принадлежавшие местным феодалам и феодализирующейся знати горского общества.

4. С неспокойной обстановкой феодального быта были связаны определенные типы традиционного жилища, и среди них в первую очередь специфические для многих горных районов так называемые жилые башни, представлявшие собой многоэтажные каменные сооружения, развернутые по вертикали. К жилым башням в некоторых случаях примыкали еще более высокие боевые (оборонительные) башни, составлявшие вкупе с первыми мощные укрепленные комплексы. К этому же типу укрепленных усадебных комплексов следует отнести и своеобразный карачаевский "крытый двор" – глухую срубную многосекционную постройку подквадратной формы, в середине которой в окружении жилых помещений находился скотный двор.

К более позднему времени относится сложение однодвухкамерного жилища открытого типа, возводившегося в комплексе с хозяйственными постройками, которое на востоке и в центральной части горной полосы сооружалось из камня и крылось плоской земляной крышей, а в Карачае и горах Северо-Западного Кавказа рубилось из дерева и покрывалось пологой двускатной земляной крышей. Деревянные формы жилища бытовали также издревле в лесистых предгорьях, где соседствовали с плетеным турлучным жилищем, преобладающим в равнинной местности.

Изменения в семейном быту горцев, происшедшие в пореформенные годы, вызвали появление новых типов жилища. Это так называемый "длинный" дом, представлявший собой механическое (неорганичное) соединение нескольких однокамерных жилищ традиционного типа, составленных в один ряд и покрытых одной общей крышей.

В те же годы в строительную практику входит трехраздельное (трехкамерное) жилище южнорусского типа со входом через сени, расположенные между двумя жилыми помещениями. В местных условиях это жилище подверглось существенной перестройке: сени были приспособлены под кухню, а одно из жилых помещений, предназначенное в качестве гостиной, получило дополнительный выход.

Одновременно зажиточные слои населения переходят к сооружению четырехраздельных домов квадратного плана, в которых жилые помещения были расположены в два ряда по отношению к главному фасаду (тип жилища, заимствованный также у соседнего русского и казачьего населения). Этот последний тип жилища в советские годы получил преобладающее распространение, отличаясь в разных районах лишь строительным материалом и формой крыши (преимущественно четырехскатной, реже двускатной).

В советские годы в строительную практику широко внедряются саманный и обожженный кирпич, черепица,

кровельное железо, листовой шифер, оконное стекло, цемент в качестве связующего материала, разного рода скобяные изделия и т.п. ранее либо совершенно неизвестные традиционному жилищу, или применявшиеся в крайне ограниченном количестве.

С осуществлением коллективизации большие изменения претерпевает усадьба колхозников, в которой за ненадобностью исчезает целый ряд хозяйственных построек – обширные помещения для скота, перешедшего большей частью в коллективное владение сельхозартелей, помещения для хранения зерна, сельскохозяйственных орудий, арбы и др. Все это позволило уменьшить размеры усадеб и значительно уплотнить застройку селений. В то же время возросшие культурно-эстетические запросы колхозного крестьянства вызвали к жизни появление таких новых видов хозяйственных сооружений, как летняя кухня и трапезный навес, ранее встречавшиеся в единичном числе лишь в усадьбах верхушки местного населения. В целом современное жилище колхозного крестьянства Северного Кавказа по своему внешнему облику и бытовым удобствам почти ничем не отличается от индивидуального жилища городского населения, а в некоторых отношениях (величиной жилой и полезной площади) нередко даже превосходит его.

Радикальные изменения претерпели за рассматриваемый период интерьер и внутреннее убранство северокавказского жилища. Окончательно исчезли из строительной практики открытый срединный очаг с плетеным дымарем и столь же малоэффективный пристенный камин с прямоточным дымоходом; их место заняла неизмеримо более экономичная печь-плита, которая в новых домах квадратного плана сооружается обычно в центре жилища, обогревая одновременно все жилые комнаты. В отдельных домах можно встретить и паровое отопление и ванные комнаты. Повсеместно в жилище стали устраивать деревянные полы, потолки, большие остекленные окна.

В обстановке жилища прочное место заняла современная удобная мебель: столы, стулья, шкафы и даже целые гарнитуры. Рудименты старой национальной обстановки, главным образом низенькие круглые треногие столики и такие же низенькие скамеечки, там, где они еще сохранились, используются обычно в кухне и для придания жилищу национального колорита, ценимого особенно сельской интеллигенцией. По-прежнему с большой тщательностью убирается гостиная, под которую отводится одна из самых больших комнат жилища, а иногда возводится и особая постройка на участке усадьбы. В гостиной стоит самая лучшая мебель, содержится на случай приезда гостя чисто застеленная кровать. Пол и стены гостиной застелены самыми дорогими коврами. На стенах развешены музыкальные инструменты, рога, оправленные металлом, картины с видами гор, рукоделия, выполненные в национальном стиле.

В обстановке и убранстве других комнат в качестве положительных новшеств следует отметить ранее неизвестные в сельском жилище книжные шкафы и полки, а также радиоприемники, телевизоры и магнитофоны, что вкупе свидетельствует о неизмеримо возросших духовных и культурных запросах современного национального колхозного крестьянства края, проделавшего за короткий исторический отрезок путь от феодализма до развитого социалистического общества.

Список сокращений

АОА	– Адыгейский областной архив
АИЭ	– Архив Института этнографии АН СССР
АКАК	– Акты Кавказской археографической комиссии
АЛОИА	– Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР
Архив СОНИИ	– Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института
АЭС	– Археолого-этнографический сборник
ВЕ	– Вестник Европы
ВИ	– Вопросы истории
ЗКОРГО	– Записки Кавказского отделения Русского Географического общества
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИНИИК	– Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ
ИКОРГО	– Известия Кавказского отделения Русского географического общества
ИРГО	– Известия Русского географического общества
ИСОНИИК	– Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения
ИЧИНИИК	– Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института краеведения
ИЮОНИИ	– Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
КВВ	– Кубанские войсковые ведомости
КК	– Кавказский календарь
КОВ	– Кубанские областные ведомости
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КЭС	– Кавказский этнографический сборник. М.: Наука
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИЧИД	– Материалы по истории Чечни и Дагестана
МЭГ	– Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси: Мецниереба
МЭР	– Материалы по этнографии России
НЭАИИЭ	– Новое в этнографических и антропологических исследованиях Института этнографии АН СССР. М.: Наука
ОГРИП	– Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XVIII вв.). Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, Сев.-Осет. книжн. изд-во, 1967.
ПИИЭ	– Полевые исследования Института этнографии АН СССР
РВ	– Русский вестник
РГ	– Революция и горец
РС	– Русская старина
СА	– Советская археология
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССК	– Сборник сведений о Кавказе
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	– Советская этнография
ТВ	– Терские ведомости
Труды КЧНИИ	– Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Черкесск
ТС	– Терский сборник
УЗАНИИ	– Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
УЗКБНИИ	– Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
УЗНИИИЯЛДФ	– Ученые записки научно-исследовательского института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГА КБАССР	– Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР
ЦГА СОАССР	– Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
ЦГА ЧИАССР	– Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР
ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив
ЧОИДР	– Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Таблица основных терминов

Основные термины по поселению и жилищу народов Северного Кавказа

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, Черкесы	Чеченцы	Ингуши	Осетины	Балкарцы, Карачаевцы	Ногайцы
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Селение (полигенное)	къуадж, чылэ	къуажэ, жылэ	пхьа (уст), беҳаметтиг, юрт	пхьа, юрт	хьӕу	эл, журт	аул
2. Квартал (моногенное поселение	хьэбл, (хьабл)	хьэблэ, жэмыхьэт	куп	ваьр, куп	сых	тийре, журт	боьлик, тухум, йурт
3. Место собраний	хьэс	хэсэ, (нIэхэс)	пхьоьха	пхьегIа	ныҳас	ныгъыш	майдан, ныгъыс
4. Усадьба	хапIэ	щIапIэжь	ков-керт	ков-карт	цӕхӕра-дон	юй жер, журт	уьй, каралды
5. Двор	Iэгу, щагу	пщIантIэ	ков-керт	ков, ков-карт	кӕрт	арбаз	азбар
6. Ограда, изгородь	шIыхьагъэ, къещIэкIыгъ	бжыхь	керт	карт	бру	буруу, чалы чалман, хуна	беркипте, кора
7. Ворота	къэлапчъ	куэбжэ	ков	коанiI	карты дуар, кул дуар	къабакъ эшик	авыз, капы
8. Хлев	былымэщ, Iэщ	бэкхъ	божал	кхIий	скъӕт, хъомдон	халжар	аран
9. Конюшня	шэщ	шэщ, бо	божал	говраш чуйоахкаю кхий	бӕхдон	от орун	ат азбары
10. Овчарня	мэлэщ, чэт	чэт	гIота, жовла	жел	фысдон	бау	кой аран
11. Птичник	щагу бзыощ	джэдэщ	бун	бун	каркдон	тауукъ орун	кус азбары, тавык кедеш
12. Зернохранилище	лэжъыгъэ IыгъыпI, лэжьыгъэ гъэтIылъыпI	гуэн, ду	дуо, чIоь	ялат чулоаттаду гIишло, доа, ларма, кирк	хордон	дуу, кюф, нартюх четен	куьр, ор
13. Мельница	шъхьалы	щхьал	хьер (а)	хьайра	куырой	тирмен	термен
14. Помощь при строительстве	зэдеIэжьыныгъ	щIыхьэху	белхи	белхи	зиу	изеу, маммат	ярдам этисуьв
15. Дом, жилище, комната	унэ	унэ	цIа, цIеношI	цIа, цIеношI, фусам	хӕдзар	юй	уьй, терме, там
16. Комната для супруж. пары или взрослый детей	лэгъунэ	лэгъунэ	ото (оти)	отув	уат	отоу	отоу, уьй-сене
17. Кунацкая, гостиная	хьакIэщ	хьэщIэщ	совцIа, хьеша цIа	хьаьша-цIа	уажӕгдон	къонакъ юй	къонакъ уьй
18. Кладовая	гъэтIылъыпIэ	–	чIоьн-цIа	кIе	къӕбиц	гуму	къулакъ-уьй
19. Крыша	шъхьэ, унашъхьэ	унащхьэ	тхов, чIерх	тхов, чIерх	хӕдзары сӕр	джарма, шорбатла	уьй тёьбе, увукъ
20. Галерея, навес	бгъагъэ	хьэщпакъ	кхало, уьйче, ргIу	уйче, кхоалле	дӕлбазыр	жапма, джатма (жатма)	–
21. Стена	унэ дэпкъ	блын (блынджабэ)	пен	пен	къул	къабыргъа	къабыргъа, этеклер
22. Дверь	пчъэ	бжэ	ниI (неI)	неI	дуар	ешик (эшик)	эсик
23. Порог	пчъэшъхьаIу, пчъэIушъхь	бжэщхьэIу	неIсагIа	наIара санагIа	къӕсӕр	босагъа	босагъа
24. Окно	шъхьангъупчъ	щхьэгъубжэ	кор	кор	рудзынг, фӕрсаг	терезе	терезе
25. Фундамент	лъачIэ	унэлъабжъэ	лард, бух	лард	бындур	тамал таш, мурдор	тамал тас

1	2	3	4	5	6	7	8
26. Центральный столб в жилище			эрда бIогам, ког	эрда бIогIам	сӕр зӕды, астауыччаг сӕджынз	багъана	
27. Матица (потол. балка)	бгыкъу	бкыкъу	чIерг, дукъу	гIишлой гIай-ба, арц	аххӕрӕг	агъырыкъ	
28. Очаг, камин	джэныкъу	жьэгу	кхерч	кхуврч (кхурч)	къона	отжакъ (отджакъ)	ожакъ
29. Дымарь	IугъоикIыпI, хьакушъхьэищ	уонджакъ	туьнкалг	тунгилг	ердо	уэнжакъ, ожакъ	туьтуьнлик, серпик
30. Надочажная цепь		лъахъш	дзIе	зIы	къонайы, рӕхыс	от шынджыр	от сынжыр
31. Хлебная печь	хьаку	хьэку	товха, пеш	товгIа, пешк	сӕрдыгон, пес	печка	пеш
32. Лежанка	пIэкIор	гъуэлъыпIэ	паднар	падлараш	сынтӕг	орундукъ	орындыкъ, шымылдыкъ
33. Скамья	пхъэнтIэкIу кIыхь	шэнт кIыхь, шэнтжьей	гIант	дIаьха гIанд	бандон	кетюртме шинтик, тырхык	олтыргыс
34. Низенькая скамья		шэт, шэнт	гIант	гIанд	бандон	алаша шинтик	гитче олтыргъыс
35. Трехногий столик	Iанэ	Iэнэ	очакх	кхоког	фынг	тепсе	
36. Сундук	пхъуант	пхъуантэ	тIорказ	тIоаргац	чырын	кюбюр	сандык
37. Люлька	кушъэ	гущэ	ага	ага	авдӕн	бешик	бесик
38. Светильник	остыгъэ	уэздыгъэ	чиркх	кIерам	цырагъдарӕн	чыракъ, нарат чырак, чыракъ тюб	ширакъ, картоп шырак салгыш
39. Циновка	пIуабл	арджэн	черт	аьрча		чий	оьере
40. Войлочный ковер	упкIэ алырэгъу	упщIэ	истанг	истинг	нымӕт	кийиз	туурлукъ кийиз

Оглавление

От автора 5
Введение 7
История развития поселения и жилища до начала XIX в. 13
Поселения 23
Типы, размер и форма 23
Усадьба и двор 56
Ограда и ворота 68
Жилище 80
Фундамент 80
Материал стен и строительная техника 83
Планировка 102
Форма крыши и материал покрытия 112
Пол, потолок, межэтажные перекрытия 118
Виды отопления и его местоположение 128
Интерьер, обстановка, утварь 140
Пристройки (терраса, галерея, веранда, крыльцо) 147
Архитектурные украшения 149
Типы жилища 160
Хозяйственные постройки 178
Бацни, склепы, святилища 182
Заключение 190
Список сокращений 192
Таблица основных терминов 193

Вениамин Павлович
Кобычев

Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX – XX вв.

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства
С.Н. Васильченко

Художественный редактор
Н.А. Фильчагина

Технические редакторы
Н.А. Посканная, Г.П. Каренина

Корректор
О.А. Пахомова

Оригинал-макет подготовлен
с использованием
наборно-печатающей техники
и фотонаборных установок
В.В. Несновой, О.П. Тереховой

под руководством
В.И. Васильева

при участии
В.В. Тарасовой

ИБ № 18 247

Подписано к печати 17.06.82. Т–09864
Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 24,5 + 0,3
Усл. кр.-отт.26,3 Уч.-изд.л. 29,6
Тираж 4400 экз. Тип. зак. 1470
Цена 3р. 50к.

Издательство "Наука",
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

3 р. 50 к.

Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв.

Предлагаемое исследование было осуществлено в плане подготовки регионального Кавказского историко-этнографического атласа. В монографии впервые даются сводное описание и анализ развития поселений и жилищ коренных народов Северного Кавказа в XIX – первой половине XX в.

В монографии широко используется метод картографирования исследуемых объектов по трем основным периодам: первая половина XIX в., рубеж XIX–XX вв., середина XX в. В первый период материальная культура горцев еще сохраняла свою самобытность в том виде, как она сложилась на протяжении предшествующих веков. Во второй, пореформенный период, под влиянием развития капиталистических отношений и втягивания края в общероссийский рынок, происходит коренная ломка традиционных устоявшихся представлений и быта. Эти перемены отражены в серии карт, охватывающих конец XIX – начало XX в., вплоть до Великой Октябрьской революции. Третья серия карт посвящена социалистическим преобразованиям северокавказской деревни и фиксирует состояние на конец 50-х — 60-е годы текущего столетия.

Помимо карт указанные изменения в материальной культуре наглядно иллюстрируются многочисленными фотографиями и рисунками, выполненными с натуры в различных районах края.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

